

Н. НЕКРАСОВ

А. Н. Некрасов

1

Н.А. НЕКРАСОВ

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

1

НЕКРАСОВ

*Печатается по постановлению
Совета Министров Союза ССР
от 28 ноября 1946 г.*

Н. А. НЕКРАСОВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

Под общей редакцией

В. Е. ЕВГЕНЬЕВА-МАКСИМОВА, А. М. ЕГОЛИНА и К. И. ЧУКОВСКОГО

О Г И З

*Государственное издательство
художественной литературы*

Москва 1948

Н. А. НЕКРАСОВ

ТОМ I

СТИХОТВОРЕНИЯ

1838—1856

О Г И З

*Государственное издательство
художественной литературы*

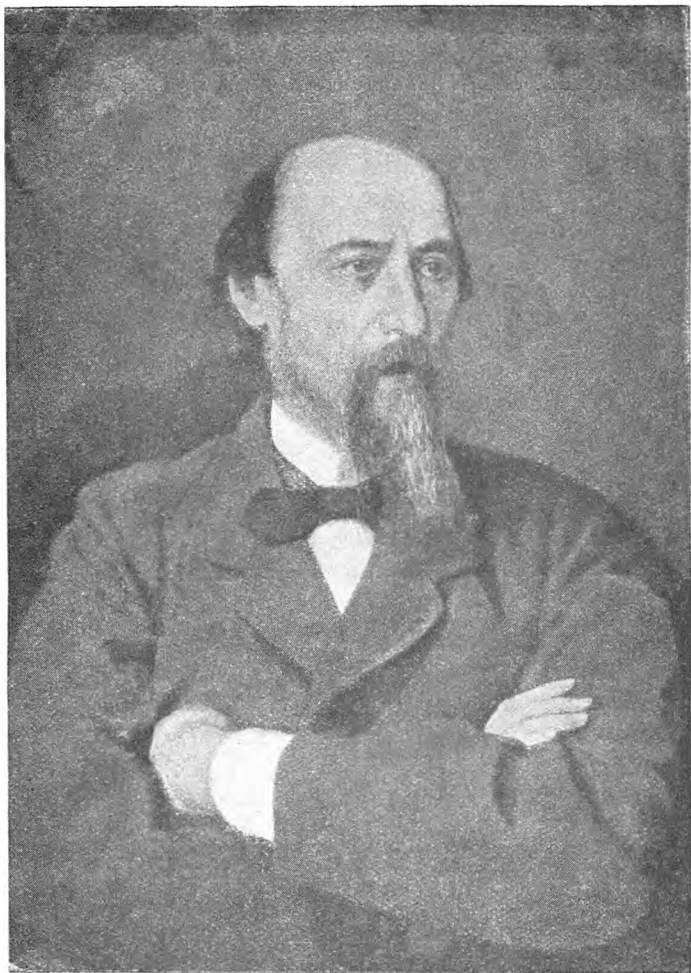
Москва 1948

*Редакция тома и историко-литературные
комментарии*

КОРНЕЯ ЧУКОВСКОГО

Подготовка вариантов и текстологические примечания

А. Максимовича

Н. А. НЕКРАСОВ
Портрет маслом И. Н. Крамского
1877 г.

О Т Р Е Д А К Ц И И

Полное собрание сочинений и писем Некрасова издается впервые.

В шесть прижизненных изданий его стихотворных сборников¹ входили далеко не все его стихи: иные не были включены по цензурным условиям, иные — потому, что не удовлетворяли поэта. Все посмертные дореволюционные издания Некрасова ограничивались почти исключительно перепечаткой прижизненных изданий.

Некрасов, относившийся к своему творчеству с большой требовательностью, никогда не перепечатывал своих юношеских стихотворений, а также водевилей, фельетонов, повестей, рассказов, рецензий и критических очерков. Более двух третей творческого наследия Некрасова оставалось при его жизни несобранным.

В 1920 году появился в печати первый опыт советского издания Некрасова, по словам Горького, положительно оцененный В. И. Лениным². В 1927 году редактор этого первого издания (К. И. Чуковский) опубликовал почти исчерпывающе-полный свод стихотворного наследия Некрасова, впоследствии неоднократно переиздававшийся. Оно подводило итог многолетнему собиранию неизвестных некрасовских текстов, которое началось лет через тридцать после смерти поэта и достигло в советскую эпоху наибольших успехов. Новое издание содержало в себе на 15 тысяч стихов больше, чем последнее дореволюционное издание стихо-

¹ 1856 г. — в одной части, 1861 и 1863 — в двух, 1864 — в трех, 1869 — 1873 — в пяти и 1874 — в шести частях.

² «Правда», 1928, 14 марта (№ 62).

творений Некрасова. Такое богатство новых материалов дало редактору возможность заполнить почти все цензурные бреши, которые искажали лучшие произведения Некрасова, постоянно подвергавшиеся запрещениям царской цензуры. Свернув печатные тексты с автографами, редактор сделал попытку установить канонические тексты Некрасова.

В эти издания входили только стихотворения. Единственной попыткой представить Некрасова во всем разнообразии его писательских жанров, показать его не только как поэта, но и как беллетриста, драматурга и критика было пятитомное собрание его сочинений, выпущенное в 1930 году Государственным издательством под редакцией В. Е. Евгеньева-Максимова и К. И. Чуковского¹. Это собрание не претендовало на полноту. Оно включало не более половины всего написанного Некрасовым и, таким образом, не могло снять с порядка дня вопрос о полном собрании сочинений и писем великого русского писателя.

Настоящее Полное собрание сочинений и писем Некрасова задумано как издание, включающее все выявленные тексты Некрасова (стихотворные, беллетристические, критико-публицистические, эпистолярные и др.) и снабженное существенными вариантами, текстолого-библиографической документацией, реальным и историко-литературным комментарием.

Издание осуществляется коллективом исследователей-некрасоведов на основе изучения печатных и рукописных источников некрасовских текстов, на основе обследования государственных и частных собраний, хранящих рукописи поэта.

В издании использованы материалы Института Маркса — Энгельса — Ленина, Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина, Центрального государственного литературного архива, Института мировой литературы им. Горького, государственного литературного музея, Пушкинского дома Академии наук СССР, Государственного исторического музея, Ленинградского отделения Центрального исторического архива, Государственного Толстовского музея, Театрального музея имени А. А. Бахрушина, Централархива, Ярославского областного архивного управления, Ярославского краеведческого музея, Горьковского краевого архива, дома-музея Н. Г. Чернышевского в Саратове, Хранилища древних актов в Киеве, Библиотеки Академии наук УССР, Полтавского городского музея и нескольких частных собраний.

¹ В 1931 г. вышел шестой, дополнительный том.

Полное собрание критических статей и рецензий Некрасова издается впервые, причем установлена принадлежность Некрасову ряда анонимных критических статей.

В томе драматических произведений впервые публикуются по рукописям три неизданных водевиля Некрасова.

Много нового содержат томы писем. В издании 1930 года было включено 696 писем. В настоящее издание войдет около 1200 писем.

Произведения Некрасова распределяются по томам следующим образом:

I. }
II. } Стихотворения.
III. }

IV. Драматические произведения.

V. Повести, рассказы и фельетоны.

VI. Повести (Жизнь и похождения Тихона Тростникова. Каменное сердце. Тонкий человек. Сургучев).

VII. Три страны света.

VIII. Мертвое озеро.

IX. Критика и публицистика.

X—XI. Письма.

XII. Материалы для биографии Некрасова.

СТИХОТВОРЕНИЯ

1845—1856

1845

СОВРЕМЕННАЯ ОДА

Украшают тебя добродетели,
До которых другим далеко,
И — беру небеса во свидетели —
Уважаю тебя глубоко...

Не обидишь ты даром и гадины,
Ты помочь и злодею готов,
И червонцы твои не украдены
У сирот беззащитных и вдов.

10 В дружбу к сильному влезть не желаешь ты,
Чтоб успеху делишек помочь,
И без умыслу с ним оставляешь ты
С глазу на глаз красавицу дочь.

Не гнушаешься темной породой:
«Братья нам по Христу мужички!»
И родню свою длиннобородую
Не гоняешь с порога в толчки.

20 Не спрошу я, откуда явилось,
Что теперь в сундуках твоих есть;
Знаю: с неба к тебе всё свалилось
За твою добродетель и честь!..

Украшают тебя добродетели,
До которых другим далеко,
И — беру небеса во свидетели —
Уважаю тебя глубоко...

В ДОРОГЕ

— Скучно! скучно!.. Ямщик удалой,
Разгони чем-нибудь мою скуку!
Песню, что ли, приятель, запой
Про рекрутский набор и разлуку;
Небылицей какой посмеши,
Или что ты видал, Расскажи —
Буду, братец, за всё благодарен. —

«Самому мне невесело, барин:
Сокрушила злодейка-жена!..
10 Слышь ты, смолоду, сударь, она
В барском доме была учена
Вместе с барышней разным наукам,
Понимаешь-ста, шить и вязать,
На варгане играть и читать —
Всем дворянским манерам и штукам.
Одевалась не то, что у нас
На селе сарафаницы наши,
А примерно представить, в атлас;
Ела вдоволь и меду, и каши.
20 Вид вальсяжный имела такой,
Хоть бы барыне, слышь ты, природной,
И не то что наш брат крепостной,
Тоись, сватался к ней благородный
(Слышь, учитель-ста врезамшись был,
Баит кучер, Иваныч Торопка),
Да, знать, счастья ей бог не судил:
Не нужна-ста в дворянство холопка!

Вышла замуж господская дочь,
Да и в Питер... А справивши свадьбу,
30 Сам-ат, слышь ты, вернулся в усадьбу,
Захворал и на Троицу в ночь
Отдал богу господскую душу,
Сиротинкой оставивши Грушу...
Через месяц приехал зятек —
Перебрал по ревизии души
И с запашки ссадил на оброк,
А потом добрался и до Груши.
Знать, она согрubiла ему
40 В чем-нибудь, али на-просто тесно
Вместе жить показалось в дому,
Понимаешь-ста, нам неизвестно, —
Воротил он ее на село —
Знай-де место свое ты, мужичка!
Взвыла девка — крутенько пришло:
Белоручка, вишь ты, белоличка!

Как на грех, девятнадцатый год
Мне в ту пору случись... посадили
На тягло — да на ней и женили...
Тоись, сколько я нажил хлопот!
50 Вид такой, понимаешь, суровый...
Ни косить, ни ходить за коровой!..
Грех сказать, чтоб ленива была,
Да вишь дело в руках не спорилось!
Как дрова или воду несла,
Как на барщину шла — становилось
Инда жалко подчас... да куды! —
Не утетишь ее и обновкой:
То натерли ей ногу коты,
То, слышь, ей в сарафане неловко.
60 При чужих и туда, и сюда,
А украдкой ревет, как шальная...
Погубили ее господа,
А была бы бабенка лихая!

На какой-то патрет всё глядит,
Да читает какую-то книжку...
Инда сграх меня, слышь ты, щемит,
Что погубит она и сынишку:

Учит грамоте, моет, стрижет,
Словно барчонка, каждый день чешет,
70 Бить не бьет — бить и мне не дает...
Да недолго пострела потешит!
Слышь, как щепка худа и бледна,
Ходит, тоись, совсем через силу,
В день двух ложек не съест толокна —
Чай, свалим через месяц в могилу...
А с чего?.. Видит бог, не томил
Я ее безустанной работой...
Одевал и кормил, без пути не бранил,
Уважал, тоись, вот как, с охотой...
80 А, слышь, бить — так почти не бивал,
Разве только под пьяную руку...» —

— Ну, довольно, ямщик! Разогнал
Ты мою неотвязную скуку!..

ПЬЯНИЦА

Жизнь в трезвом положении
Куда нехороша!
В томительном борении
Сама с собой душа,
А ум в тоске мучительной...
И хочется тогда
То славы соблазнительной,
То страсти, то труда.
Всё та же хата бедная —
10 Становится бедней,
И мать — старуха бледная —
Еще бледней, бледней.
Запуганный, задавленный,
С поникшей головой,
Идешь как обесславленный,
Гнушаясь сам собой;
Сгораешь злобой тайною...
На скудный твой паряд
С насмешкой неслучайною
20 Все, кажется, глядят.
Всё, что во сне мерещится,
Как будто бы на зло,
В глаза вот так и мечется
Роскошно и светло!
Всё — повод к искушению,
Всё дразнит и язвит
И руку к преступлению
Нетвердую манит...
Ах! если б часть ничтожную!
30 Старушку полечить,

Сестрам бы не роскошную
Обновку подарить!
Стряхнуть ярмо тяжелого,
Гнетущего труда, —
Быть может, буйну голову
Сносил бы я тогда!
Покинув путь губительный,
Нашел бы путь иной
И в труд иной — свежительный —
40 Поник бы всей душой.
Но мгла отсюда черная
Навстречу бедняку...
Одна открыта торная
Дорога к кабаку.

*
* * *

Отраднo видеть, что находит
Порой хандра и на глупца,
Что иногда в морщины сводит
Черты и пошлого лица
Бес благородный скуки тайной,
И на искривленных губах
Какой-то думы чрезвычайной
Печать ложится; что в сердцах
И тех, чьих дел позорных повесть
10 Пройдет лишь в поздних племенах,
Не всё же спит мертвецки совесть,
И, чуждый нас, не дремлет страх.
Что всем одно в дали грядущей —
Идем к безвестному концу,
Что ты, подлец, меня гнетущий,
Сам лижешь руки подлецу.
Что лопнуть можешь ты, обжора!
Что ты, великий человек,
Чьего презрительного взора
20 Не выносил никто вовек,
Ты — лоб, как говорится, медный,
К кому все завистью полны —
Дрожишь, как лист на ветке бедной,
Под башмаком своей жены.

* * *

Когда из мрака заблужденья
Горячим словом убежденья
Я душу падшую извлек,
И, вся полна глубокой муки,
Ты прокляла, ломая руки,
Тебя опутавший порок;

Когда забывчивую совесть
Воспоминанием казня,
Ты мне передавала повесть
10 Всего, что было до меня;

И вдруг, закрыв лицо руками,
Стыдом и ужасом полна,
Ты разрешилася слезами,
Возмущена, потрясена, —

Верь: я внимал не без участия,
Я жадно каждый звук ловил...
Я понял всё, дитя несчастья!
Я всё простил и всё забыл.

Зачем же тайному сомненью
20 Ты ежечасно предана?
Толпы бессмысленному мненью
Ужель и ты покорена?

Не верь толпе — пустой и лживой,
Забудь сомнения свои,
В душе болезненно-пугливой
Гнетущей мысли не таи!

Грустя напрасно и бесплодно,
Не пригревай змеи в груди
И в дом мой смело и свободно
30 Хозяйкой полною войди!

* * *

Пуускай мечтатели осмеяны давно,
Пуускай в них многое действительно смешно,
Но всё же я скажу, что мне в часы разлуки
Отраднее всего, среди душевной муки,
Воспоминать о ней: усилием мечты
Из мрака вызывать знакомые черты,
В минуты горького раздумья и печали
Бродить по тем местам, где вместе мы гуляли, —
10 И даже иногда вечернею порой,
Любуясь бледною и грустною луной,
Припоминать тот сад, ту темную аллею,
Откуда мы луной пленялись вместе с нею,
Но, больше нашу любовь полны,
Чем тихим вечером и прелестью луны,
Влюбленные глаза друг к другу обращали
И в долгий поцелуй уста свои сливали...

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

(Подражание Лермонтову)

Спи, пострел, пока безвредный!
Баюшки-баю.
Тускло смотрит месяц медный
В колыбель твою.
Стану сказывать не сказки —
Правду пропою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

10 По губернии раздался
 Всем отрадный клик:
Твой отец под суд попался —
 Явных тьма улик.
Но отец твой — плут известный —
 Знает роль свою.
Спи, пострел, покуда честный!
 Баюшки-баю.

20 Подрастешь — и мир крещеный
 Скоро сам поймешь,
Купишь фрак темнозеленый
 И перо возьмешь.
Скажешь: «я благонамерен,
 За добро стою!»
Спи — твой путь грядущий верен!
 Баюшки-баю.

Будешь ты чиновник с виду
 И подлец душой,
Провожать тебя я выду —
 И махну рукой!

30 В день привыкнешь ты картинно
Спину гнуть свою...
Спи, пострел, пока невинный!
Баюшки-баю.

Тих и кроток как овечка
И крепонек лбом,
До хорошего местечка
Доползешь ужом —
И охулки не положишь
На руку свою.
40 Спи, покуда красть не можешь!
Баюшки-баю.

Купишь дом многоэтажный,
Схватишь крупный чин
И вдруг станешь барин важный,
Русский дворянин.
Заживешь — и мирно, ясно
Кончишь жизнь свою...
Спи, чиновник мой прекрасный!
Баюшки-баю.

* * *

Я за то глубоко презираю себя,
Что живу — день за днем бесполезно губя;

Что я, силы своей не пытал ни на чем,
Осудил сам себя беспощадным судом

И, лениво твердя: я ничтожен, я слаб! —
Добровольно всю жизнь пресмыкался как раб;

Что, доживши кой-как до тридцатой весны,
Не скопил я себе хоть богатой казны,

10 Чтоб глупцы у моих пресмыкались ног,
Да и умник подчас позавидовать мог!

Я за то глубоко презираю себя,
Что потратил свой век, никого не любя,

Что любить я хочу... что люблю я весь мир,
А брожу дикарем — бесприютен и сир,

И что злоба во мне и сильна, и дика,
А хватаюсь за нож — замирает рука!

1 8 4 6

ОГОРОДНИК

Не гулял с кистенем я в дремучем лесу,
Не лежал я во рву в непроглядную ночь, —
Я свой век загубил за девицу-красу,
За девицу-красу, за дворянскую дочь.

Я в немецком саду работал по весне,
Вот однажды сгребая сучки да пою,
Глядь, хозяйская дочка стоит в стороне,
Смотрит в оба да слушает песню мою.

10 По торговым селам, по большим городам
Я не даром живал, огородник лихой,
Раскрасавиц девиц насмотрелся я там,
А такой не видал, да и нету другой.

Черноброва, статна, словно сахар бела!..
Стало жутко, я песни своей не допел.
А она — ничего, постояла, прошла,
Оглянулась: за ней как шальной я глядел.

20 Я слышал на селе от своих молодиц,
Что и сам я пригож, не уродом рожден, —
Словно сокол гляжу, круглолиц, белолиц,
У меня ль, молодца, кудри — чесанный лен...

Разыгралась душа на часок, на другой...
Да как глянул я вдруг на хоромы ее —
Посвистал и махнул молодецкой рукой,
Да скорей за мужицкое дело свое!

А частенько она приходила с тех пор
Погулять, посмотреть на работу мою
И смеялась со мной и вела разговор:
Отчего приуныл? что давно не пою?

30 Я кудрями тряхну, ничего не скажу,
Только буйную голову свешу на грудь...
«Дай-ка яблоньку я за тебя посажу,
Ты устал, — чай, пора уж тебе отдохнуть».

— Ну, пожалуй, изволь, госпожа, поучись,
Пособи мужику, поработай часок. —
Да как заступ брала у меня, смеючись,
Увидала на правой руке перстенок:

Очи стали темней непогодного дня,
На губах, на щеках разыгралась кровь.
— Что с тобой, госпожа? Отчего на меня
40 Неприветно глядишь, хмуришь черную бровь? —

«От кого у тебя перстенок золотой?»
— Скоро старость придет, коли будешь всё знать. —
«Дай-ка я погляжу, несговорный какой!» —
И за палец меня белой рученькой хватя!

Потемнело в глазах, душу кинуло в дрожь,
Я давал — не давал золотой перстенок...
Я вдруг вспомнил опять, что и сам я пригож,
Да не знаю уж как — в щеку девицу чмок!..

50 Много с ней скоротал невозвратных ночей
Огородник лихой... В ясны очи глядел,
Расплетал, заплетал русу косыньку ей,
Целовал-миловал, песни волжские пел.

Мигом лето прошло, ночи стали свежей,
А под утро мороз под ногами хрустит.
Вот однажды, как я крался в горенку к ней,
Кто-то цап за плечо: «держи вора!» — кричит.

Со стыдом молодца на допрос привели,
Я стоял да молчал, говорить не хотел...

И красу с головы острой бритвой снесли,
60 И железный убор на ногах зазвенел.

Постегали плетьюми, и уводят дружка
От родной стороны и от лапушки прочь
На печаль и страду!.. Знать, любить не рука
Мужику-вахлаку да дворянскую дочь!

ТРОЙКА

Что ты жадно глядишь на дорогу
В стороне от веселых подруг?
Знать, забило сердечко тревогу —
Всё лицо твое вспыхнуло вдруг.

И зачем ты бежишь торопливо
За промчавшейся тройкой вослед?..
На тебя, подбоченясь красиво,
Загляделся проезжий корнет.

10 На тебя заглядеться не диво,
Полюбить тебя всякий непрочь:
Вьется алая лента игриво
В волосах твоих, черных как ночь;

Сквозь румянец щеки твоей смуглой
Пробивается легкий пушок,
Из-под брови твоей полукруглой
Смотрит бойко лукавый глазок.

20 Взгляд один чернобровой дикарки,
Полный чар, зажигающих кровь,
Старика разорит на подарки,
В сердце юноши кинет любовь.

Поживешь и попразднуешь вволю,
Будет жизнь и полна, и легка...
Да не то тебе пало на долю:
За неряху пойдешь мужика.

Завязавши под мышки передник,
Перетянешь уродливо грудь,
Будет бить тебя муж-привередник,
И свекровь в три погибели гнуть.

30 От работы и черной и трудной
Отцветешь, не успевши расцвести,
Погрузишься ты в сон непробудный,
Будешь нянчить, работать и есть.

И в лице твоём, полном движенья,
Полном жизни — появится вдруг
Выраженье тупого терпенья
И бессмысленный, вечный испуг.

И схоронят в сырую могилу,
Как пройдешь ты тяжелый свой путь,
Бесполезно угасшую силу
40 И ничем не согретую грудь.

Не гляди же с тоской на дорогу
И за тройкой вослед не спеши,
И тоскливую в сердце тревогу
Поскорей навсегда заглуши!

Не нагнать тебе бешеной тройки:
Кони крепки и сыты и бойки, —
И ямщик под хмельком, и к другой
Мчится вихрем корнет молодой...

РОДИНА

И вот они опять, знакомые места,
Где жизнь отцов моих, бесплодна и пуста,
Текла среди пиров, бессмысленного чванства,
Разврата грязного и мелкого тиранства;
Где рой подавленных и трепетных рабов
Завидовал житю последних барских псов,
Где было суждено мне божий свет увидеть,
Где научился я терпеть и ненавидеть,
10 Но, ненависть в душе постыдно притая,
Где иногда бывал помещиком и я;
Где от души моей, до времени растленной,
Так рано отлетел покой благословенный,
И неребьяческих желаний и тревог
Огонь томительный до срока сердце жег...
Воспоминания дней юности — известных
Под громким именем роскошных и чудесных, —
Наполнив грудь мою и злобой и хандрой,
Во всей своей красе проходят предо мной...

Вот темный, темный сад... Чей лик в аллее дальней
20 Мелькает меж ветвей, болезненно-печальный?
Я знаю, отчего ты плачешь, мать моя!
Кто жизнь твою сгубил... о! знаю, знаю я!..
Навеки отдана угрюмому невежде,
Не предавалась ты несбыточной надежде —
Тебя пугала мысль восстать против судьбы,
Ты жребий свой несла в молчании рабы...
Но знаю: не была душа твоя бесстрашна;
Она была горда, упорна и прекрасна,
И всё, что вынести в тебе достало сил,
30 Предсмертный шопот твой губителю простил?..

И ты, делившая с страдальницей безгласной
И горе и позор судьбы ее ужасной,
Тебя уж также нет, сестра души моей!
Из дома крепостных любовниц и псарей
Гонимая стыдом, ты жребий свой вручила
Тому, которого не знала, не любила...
Но, матери своей печальную судьбу
На свете повторив, лежала ты в гробу
С такой холодной и строгою улыбкой,
40 Что дрогнул сам палач, заплакавший ошибкой.

Вот серый, старый дом... Теперь он пуст и глух:
Ни женщин, ни собак, ни гаеров, ни слуг, —
А встарь?.. Но помню я: здесь что-то всех давило,
Здесь в малом и в большом тоскливо сердце ныло.
Я к няне убежал... Ах, няня! сколько раз
Я слезы лил о ней в тяжелый сердцу час;
При имени ее впадая в умиление,
Давно ли чувствовал я к ней благоговенье?..

Ее бессмысленной и вредной доброты
50 На память мне пришли немногие черты,
И грудь моя полна враждой и злостью новой...
Нет! в юности моей, мятежной и суровой,
Отрадного душе воспоминанья нет;
Но всё, что, жизнь мою опутав с первых лет,
Проклятьем на меня легло неотразимым —
Всему начало здесь, в краю моем родимом!..

И с отвращением кругом кидая взор,
С отрадой вижу я, что срублен темный бор —
В томящий летний зной защита и прохлада, —
60 И нива выжжена, и праздно дремлет стадо,
Понутив голову над высохшим ручьем,
И на бок валится пустой и мрачный дом,
Где вторил звону чаш и гласу ликований
Глухой и вечный гул подавленных страданий,
И только тот один, кто всех собой давил,
Свободно и дышал, и действовал, и жил...

ПЕРЕД ДОЖДЕМ

Заунывный ветер гонит
Стаю туч на край небес.
Ель надломленная стонет,
Глухо шепчет темный лес.

На ручей, рябой и пестрый,
За листком летит листок,
И струей сухой и острой
Набегает холодок.

10 Полумрак на всё ложится;
Налетев со всех сторон,
С криком в воздухе кружится
Стая галок и ворон.

Над проезжей таратайкой
Спущен верх, перед закрыт;
И «пошел!» — привстав с нагайкой,
Ямщику жандарм кричит...

* * *

(Подражание Лермонтову)

В неведомой глуши, в деревне полудикой
Я рос средь буйных дикарей,
И мне дала судьба, по милости великой,
В руководители — псарей.
Вокруг меня кипел разврат волною грязной,
Боролись страсти нищеты,
И на душу мою той жизни безобразной
Ложкились грубые черты.
И прежде, чем понять рассудком неразвитым,
10 Ребенок, мог я что-нибудь,
Проник уже порок дыханьем ядовитым
В мою младенческую грудь.
Застигнутый врасплох, стремительно и шумно
Я в мутный ринулся поток
И молодость мою постыдно и безумно
В разврате безобразном сжег...
Шли годы. Оторвав привычные объятья
От негодующих друзей,
Напрасно посылал я поздние проклятья
20 Безумству юности моей.
Не вспыхнули в груди растраченные силы —
Мой ропот их не пробудил;
Пустынной тишиной и холодом могилы
Сменился юношеский пыл,
И в новый путь, с хандрой, болезненно развитой,
Пошел без цели я тогда
И думал, что душе, довременно убитой,
Уж не воскреснуть никогда.
Но я тебя узнал... Для жизни и волнений
30 В груди проснулось сердце вновь:

Влиянье ранних бурь и мрачных впечатлений
С души изгладила любовь...
Во мне опять мечты, надежды и желанья...
И пусть меня не любишь ты,
Но мне избыток слез и жгучего страданья
Отрадней мертвой пустоты...

ПСОВАЯ ОХОТА

Провидению угодно было создать человека так, что ему нужны внезапные потрясения, восторг, порыв и хотя мгновенное забвение от житейских забот; иначе, в уединении, грубеет нрав, и вселяются разные пороки.

(Р е у т. *Псовая охота*)

1

Сторож вокруг дома господского ходит,
Злобно зевает и в доску колотит.

Мраком задернуты небо и даль,
Ветер осенний наводит печаль;

По небу тучи угрюмые гонит,
По полю листья — и жалобно стонет...

Барин проснулся, с постели вскочил,
В туфли обулся и в рог затрубил.

Вздогнули сонные Ваньки и Гришки,
10 Вздогнули все — до грудного мальчишки.

Вст, при дрожащем огне фонарей,
Двигутся длинные тени псарей.

Крик, суматоха!.. ключи зазвенели,
Ржавые петли ушло запели;

С громом выводят, поят лошадей,
Время не терпит — седлай поскорей!

В сипих венгерках на заячьих лапках,
В острокопечных, неслыханных шапках

Слуги толпой подъезжают к крыльцу.
20 Любо глядеть — молодец к молодцу!

Хоть и худеньки у многих подошвы —
Да в сюртуках зато желтые прошвы,

Хоть с толокна животы подвело —
Да в позументах под каждым седло,

Конь — загляденье, собачек две своры,
Пояс черкесский, арапник и шпоры.

Вот и помещик. Долой картузы!
Молча он крутит седые усы,

Грозен осанкой и пышен нарядом,
30 Молча поводит властительным взглядом.

Слушает важно обычный доклад:
«Змейка ¹ издохла, в забойке Набат,

Сокол сбесился, Хандра захромала».
Гладит, нагнувшись, любимца-Нахала,

И, сладострастно волнуясь, Нахал
На спину лег и хвостом завиллял.

2

В строгом порядке, ускоренным шагом
Едут псари по холмам и оврагам.

Стало светать; проезжают селом —
40 Дым поднимается к небу столбом,

Гонится стадо, с мучительным стоном
Очеп ² скрипит (запрещенный законом);

Бабы из окон пугливо глядят,
«Глянь-ко, собаки!» — ребята кричат...

Вот поднимаются медленно в гору.
Чудная даль открывается взору:

Речка внизу, под горою, бежит,
Инеем зелень долины блестит,

А за долиной, слегка беловатой,
50 Лес, освещенный зарей полосатой.

Но равнодушно встречают псаря
Яркую ленту огнистой зари,

И пробужденной природы картиной
Не насладился из них ни единый.

«В Банники ³, — крикнул помещик: — набрось!⁴»
Борзовщики ⁵ разъезжаются врозь,

А предводитель команды собачьей,
В острове скрылся крикун-доезжачий ⁶.

60 Горло завидное дал ему бог:
То затрубит оглушительно в рог,

То закричит: «добирайся, собачки!
Да не давай ему, вору, потачки!»

То заорет: «го-го-го! — ту!-ту!!-ту!!!»
Вот и нашли — залились на следу.

Варом-варит ⁷ закипевшая стая,
Внемлет помещик, восторженно тая,

В мощной груди занимается дух,
Дивной гармонией нежится слух!

70 Однопомётников лай музыкальный
Душу уносит в тот мир идеальный,

Где ни уплат в Опекунский Совет,
Ни беспокойных исправников нет!

Хор так певуч, мелодичен и ровен,
Что твой Россини! что твой Бетховен!

3

Ближе и лай, и порсканье, и крик —
Вылетел бойкий русак-материк!

Гикнул помещик и ринулся в поле...
То-то раздолье помещичьей воле!

Через ручьи, буераки и рвы
80 Бешено мчится: не жаль головы!

В бурных движениях — величие власти,
Голос проникнут могуществом страсти,

Очи горят благородным огнем —
Чудное что-то свершилось в нем!

Здесь он не струсит, здесь не уступит,
Здесь его Крез за миллионы не купит!

Буйная удаля не знает преград,
Смерть иль победа — ни шагу назад!

Смерть иль победа! (Но где ж, как не в буре,
90 И развернуться славянской натуре?)

Зверь отседает ⁸ — и в смертной тоске
Плачет помещик, припавши к луке.

Зверя поймали — он дико кричит,
Мигом отпазончил ⁹, сам торочит ¹⁰,

Гордый удачей любимой потехи,
В заячий хвост отирает доспехи

И замирает, главу преклоня
К шее покрытого пеной коня.

4

Много травили, много скакали,
100 Гончих из острова в остров бросали,

Вдруг неудача: Свиреп и Терзай
Кинулись в стадо, за ними Ругай,

Следом за ними Угар и Замашка —
И растерзали в минуту барашка!

Барин велел возмутителей сесть,
Сам же держал к ним суровую речь.

Прыгали псы, отгрызались и выли
И разбежались, когда их пустили.

110 Рёвма-ревет злополучный пастух,
За лесом кто-то ругается вслух.

Барин кричит: «замолчи, животина!»
Не понимает бойкий детина.

Барин озлился и скачет на крик,
Струсил — и валится в ноги мужик.

Барин отъехал — мужик встрепенулся,
Снова ругается; барин вернулся,

Барин арапником злобно махнул —
Гаркнул буян: „караул, караул!“

120 Долго преследовал парень побитый
Барина бранью своей ядовитой:

— Мы-ста тебя взбутетеним дубьём,
Вместе с горластым твоим халуём! —

Но уже барин сердитый не слушал,
К стогу подсевши, он рябчика кушал.

Кости Нахалу кидал, а псарям
Передал фляжку, отведавши сам.

Пили псари — и угрюмо молчали,
Лошади сено из стога жевали,

130 И в обагрённые кровью усы
Зайцев лизали голодные псы.

5

Так отдохнув, продолжают охоту,
Скачут, порскают ¹¹ и травят без счету.

Время меж тем незаметно идет,
Пес изменяет и конь устает.

Падает сизый туман на долину,
Красное солнце зашло вполонину,

И показался с другой стороны
Очерк безжизненно-белой луны.

140 Слезли с коней; поджидают у стога,
Гончих сбивают, сзывают в три рога,

И повторяются эхом лесов
Дикие звуки нестройных рогов.

Скоро стемнеет. Ускоренным шагом
Едут домой по холмам и оврагам.

При переправе чрез мутный ручей,
Кинув поводья, поят лошадей —

Рады борзые, довольны тявкуши:
В воду залезли по самые уши!

150 В поле завидев табун лошадей,
Ржет жеребец под одним из псарей...

Вот, наконец, добрались до ночлега.
В сердце помещика радость и нега —

Много загублено заячьих душ.
Слава усердному гону тявкуш! ¹²

Из лесу робких зверей выбивая,
Честно служила ты, верная стая!

Слава тебе, неизменный Нахал, —
Ты словно ветер пустынный летал!

160 Слава тебе, резвоножка-Победка!
Бойко скакала, ловила ты метко!

Слава усердным и бурным коням!
Слава выжлятнику, слава псарям!

Выпив изрядно, поужинав плотно,
Барин отходит ко сну беззаботно,

Завтра велит себя раньше будить.
Чудное дело — скакать и травить!

Чуть не полмира в себе совмещая,
Русь широко протянулась, родная!

Много у нас и лесов и полей,
170 Много в отечестве нашем зверей!

Нет нам запрета по чистому полю
Тешить степную и буйную волю.

Благо тому, кто предастся во власть
Ратной забаве: он ведает страсть,

И до седин молодые порывы
В нем сохранятся, прекрасны и живы,

Черная дума к нему не зайдет,
В праздном покое душа не заснет.

Кто же охоты собачьей не любит,
180 Тот в себе душу заспит и погубит.

ПРИМЕЧАНИЯ К «ПССОВОЙ ОХОТЕ»

¹ *Змейка, Набат, Сокол, Ханэра, Нахал* и далее употребляющиеся в этой пьесе названия — *Свиреп, Терзай, Ругай, Угар, Замашка, Победка* — собачьи клички.

² Так называется снаряд особого устройства, имеющий в спокойном положении форму неправильного треугольника. С помощью этого снаряда в некоторых наших деревнях достают воду из колодцев, что производится с раздирающим душу скрипом.

³ *Банники* — название леска.

⁴ *Набрасывать* — техническое выражение: спускать гончих в остров для отыскания зверя (остров — отъемный лес, удобный, по положению своему, для охотников). Набрасывает гончих обыкновенно так называемый доезжачий; бросив в остров, он поощряет

их порскашем (порскасть — значит у охотников криками понуждать гончих к отысканию зверя и подбивать всю стаю на след, отысканный одною) и вообще содержит в неослабном повиновении своему рогу и арапнику. Помощник его называется подъезжим. При выезде из дому или переходе от одного острова к другому соблюдается обыкновенно такой порядок: впереди доезжачий, за ним стая гончих, а за нею подъезжий, всегда готовый с криком: «в кучу!» хлестнуть арапником собаку, отбившуюся от стаи, — а за ним уже барин и остальные борзовщики. Обязанность борзовщика — стеречь зверя с борзыми, близ острова, перемещая место по направлению движения стаи. В умении выбрать хорошую позицию, выждать зверя, выгнанного, наконец, гончими из острова, хорошо принять его (т. е. во-время показать собакам) и хорошо потравить — заключается главная задача охотника и великий источник его наслаждения.

⁵ См. примеч. 4.

⁶ См. примеч. 4.

⁷ *Варом-варит* — техническое выражение — употребляется, когда гонит вся стая дружно, с неумолкающим лаем и заливаньем, что бывает, когда собаки попадут на след только что вскочившего зайца (называемый горячим следом) или когда зверь просто у них в виду. В последнем случае говорится: гонят по врячому, и гон бывает в полном смысле неистовый. При жарком и дружном гоне хорошо подобранной стаи голоса гончих сливаются в довольно стройную и не чуждую дикой приятности гармонию, для охотников ни с чем не сравнимую.

⁸ *Зверь отседает* — говорят, когда заяц, уже нагнанный борзыми, вдруг оставляет их далеко за собою, обманув неожиданным уклонением в сторону, прыжком вверх или другим каким-нибудь хитрым и часто разительным движением. Иногда, например, он бросается просто к собакам; собаки с разбега пронесутся вперед и когда попадут на новое направление зайца, он уже далеко.

⁹ *Отпозончить* — отрезать задние лапы в среднем суставе.

¹⁰ *Торочить, приторачивать* — привязывать зайца к седлу, для чего при охотничьих седлах находятся особенные ремешки, называемые тороками.

¹¹ См. примеч. 4.

¹² *Тявкуша* — то же, что гончая, иногда также называются выклевцами (в женск. — выкловка); от этого слова доезжачий, заправляющий ими, называется еще выжлятишком.

* * *

Еду ли ночью по улице темной,
 Бури заслушаюсь в пасмурный день, —
 Друг беззащитный, больной и бездомный,
 Вдруг предо мной промелькнет твоя тень!
 Сердце сожмется мучительной думой.
 С детства судьба невзлюбила тебя:
 Беден и вол был отец твой угрюмый,
 Замуж пошла ты — другого любя.
 Муж тебе выпал недобрый на долю:
 10 С бешеным нравом, с тяжелой рукой;
 Не покорилась — ушла ты на волю,
 Да не на радость сошлась и со мной...

Помнишь ли день, как больной и голодный
 Я унывал, выбивался из сил?
 В комнате нашей, пустой и холодной,
 Пар от дыханья волнами ходил.
 Помнишь ли труб заунывные звуки,
 Брызги дождя, полусвет, полутьму?
 Плакал твой сын, и холодные руки
 20 Ты согревала дыханьем ему.
 Он не смолкал — и пронзительно звонок
 Был его крик... Становилось темней;
 Вдоволь поплакал и умер ребенок...
 Бедная! слез безрассудных не лей!
 С горя да с голоду завтра мы оба
 Так же глубоко и сладко заснем;
 Купит хозяин, с проклятьем, три гроба —
 Вместе свезут и положат рядком...

В разных углах мы сидели угрюмо.
30 Помню, была ты бледна и слаба,
Зрела в тебе сокровенная дума,
В сердце твоём совершалась борьба.
Я задремал. Ты ушла молчаливо,
Принарядившись, как будто к венцу,
И через час принесла торопливо
Гробик ребенку и ужин отцу.
Голод мучительный мы утолили,
В комнате темной зажгли огонек,
40 Сына одели и в гроб положили...
Случай нас выручил? Бог ли помог?
Ты не спешила печальным признаньем,
Я ничего не спросил,
Только мы оба глядели с рыданьем,
Только угрюм и озлоблен я был...

Где ты теперь? С нищетой горемычной
Злая тебя сокрушила борьба?
Или пошла ты дорогой обычной,
И роковая свершится судьба?
Кто ж защитит тебя? Все без изъятья
50 Именем страшным тебя назовут,
Только во мне шевельнутся проклятья —
И бесполезно замрут!..

* * *

Если, мучимый страстью мятежной,
Позабылся ревнивый твой друг,
И в душе твоей, кроткой и нежной,
Злое чувство проснулося вдруг —

Всё, что вызвано словом ревнивым,
Всё, что подняло бурю в груди,
Переполнена гневом правдивым,
Беспощадно ему возврати.

10 Отвечай негодующим взором,
Оправданья и слезы осмей,
Порази его жгучим укором —
Всю до капли досаду излей!

Но когда, отдохнув от волненья,
Ты поймешь его грустный недуг,
И дождетя минуты прощенья
Твой безумный, но любящий друг —

20 Позабудь ненавистное слово
И упреком своим не буди
Угрызений мучительных снова
У воскресшего друга в груди!

Верь: постыдный порыв подозренья
Без того ему много принес,
Полных муки, тревог сожаленья
И раскаянья позднего слез...

* * *

Ты всегда хороша несравненно,
Но когда я уныл и угрюм,
Оживляется так вдохновенно
Твой веселый, насмешливый ум;

Ты хохочешь так бойко и мило,
Так врагов моих глупых бранишь,
То, понурив головку уныло,
Так лукаво меня ты смешишь;

10 Так добра ты, скупая на ласки,
Поцелуй твой так полон огня,
И твои ненаглядные глазки
Так голубят и гладят меня, —

Что с тобой настоящее горе
Я разумно и кротко сношу,
И вперед — в это темное море —
Без обычного страха гляжу...

ПРАВСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

1

Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.
Жена моя, закрыв лицо вуалью,
Под вечерок к любовнику пошла:
Я в дом к нему с полицией прокрался
И уличил... Он вызвал: я не дрался!
Она слегла в постель и умерла,
Истерзана позором и печалью...
10 Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.

2

Приятель в срок мне долга не представил.
Я, намекнув по-дружески ему,
Закопу рассудить нас предоставил:
Закон приговорил его в тюрьму.
В ней умер он, не заплатив алтына,
Но я не злюсь, хоть злиться есть причина!
Я долг ему простил того ж числа,
Почтив его слезами и печалью...
20 Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.

3

Крестьянина я отдал в повара:
Он удался; хороший повар — счастье!
Но часто отлучался со двора
И званью неприличное пристрастье

Имел: любил читать и рассуждать.
Я, утомясь грозить и распекать,
Отечески посек его, каналью,
Он взял да утопился: дурь нашла!
Живя согласно с строгою моралью,
30 Я никому не сделал в жизни зла.

4

Имел я дочь; в учителя влюбилась
И с ним бежать хотела сгоряча.
Я погрозил проклятьем ей: смирилась
И вышла за седого богача.
Их дом блестящ и полон был как чаша;
Но стала вдруг бледнеть и гаснуть Маша
И через год в чахотке умерла,
Сразив весь дом глубокою печалью...
Живя согласно с строгою моралью,
40 Я никому не сделал в жизни зла...

ВИНО

1

Не водись-ка на свете вина,
 Тошен был бы мне свет.
 И пожалуй — силен сатана! —
 Натворил бы я бед.

Без вины меня барин посек,
 Сам не знаю, что случилось со мной?
 Я не то, чтоб большой человек,
 Да вишь дело-то было впервой.
 Как подумаю, весь задрожу,
 10 На душе всё черней да черней.
 Как теперь на людей погляжу?
 Как приду к ненаглядной моей?
 И я долго лежал на печи,
 Всё молчал, не отведывал щей;
 Нашептал мне нечистый в ночи
 Неразумных и буйных речей,
 И на утро я сумрачен встал;
 Помолиться хотел, да не мог,
 Ни словечка ни с кем не сказал
 20 И пошел, не крестясь, за порог.
 Вдруг: «не хочешь ли, братик, вина?» —
 Мне вослед закричала сестра.
 Целый штоф осушил я до дна
 И в тот день не ходил со двора.

Не водись-ка на свете вина,
 Тошен был бы мне свет.
 И пожалуй — силен сатана! —
 Натворил бы я бед.

Зазнобила меня, молодца,
 30 Степанида, соседская дочь,
 Я посватал ее у отца —
 И старик, да и девка непрочь.
 Да, знать, старосте вплоть до земли
 Поклонился другой молодец,
 И с немилым ее повели
 Мимо окон моих под венец.
 Не из камня душа! Невтерпёж!
 Расходилась, что буря, она,
 40 Наточил я на старосту нож
 И для смелости выпил вина.
 Да попался Петруха, свой брат,
 В кабаке: назвался угостить;
 Даровому ленивый не рад —
 Я остался полштофа распить.
 А за первым — другой; в кураже
 От души невзначай отлегло.
 Позабыл я в тот день об ноже,
 А на утро раздумье пришло...

Не водись-ка на свете вина,
 50 Тошен был бы мне свет.
 И пожалуй — силен сатана! —
 Натворил бы я бед.

Я с артелью взялся у купца
 Переделать все печи в дому,
 В месяц дело довел до конца
 И пришел за расчетом к нему.
 Обсчитал, воровская душа!
 Я корить, я судом угрожать;
 «Так не будет тебе ни гроша!» —
 60 И велел меня в шею прогнать.
 Я ходил к нему восемь недель,

Да застать его дома не мог;
Рассчитать было нечем артель,
И меня, слышь, потянут в острог...
Наточивши широкий топор,
«Пропадай!» — сам себе я сказал;
Побежал, притаился как вор
У знакомого дома — и ждал.
Да прозяб, а напротив кабак,
70 Рассудил: отчего не зайти?
На последний хватил четвертак,
Подрался — и проснулся в части...

* * *

Вчерашний день, часу в шестом,
Зашел я на Сенную;
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую.

Ни звука из ее груди,
Лишь бич свистал, играя...
И Музе я сказал: «Гляди!
Сестра твоя родная!»

1 8 4 9

* * *

Я посетил твоё кладбище,
Подруга трудных, трудных дней!
И образ твой светлей и чище
Рисуется душе моей.
Бывало, натерпевшись муки,
Устав и телом и душой,
Под игом молчаливой скуки
Встречался грустно я с тобой.
Ни смех, ни говор твой веселый
10 Не прогоняли темных дум:
Они бесили мой тяжелый,
Больной и раздраженный ум.
Я думал: нет в душе беспечной
Сочувствия душе моей,
И горе в глубине сердечной
Держалось дольше и сильнее...
Увы, то время неозвратно!
В ошибках юность не вольна:
Без слез ей горе не понятно,
20 Без смеху радость не видна...
Ты умерла... Смирились грозы.
Другую женщину я знал,
Я поминутно видел слезы
И часто смех твой вспоминал.
Теперь мне дороги и милы
Те грустно прожитые дни, —
Как много нежности и силы
Душевной вызвали они!

Твержу с упреком и тоскою:
80 «Зачем я не ценил тогда?»
Забудусь, ты передо мною
Стоишь — жива и молода:
Глаза блистают, локон вьется,
Ты говоришь: «будь веселей!»
И звонкий смех твой отдается
Больнее слез в душе моей...

* * *

Я не люблю иронии твоей.
Оставь ее отжившим и не жившим,
А нам с тобой, так горячо любившим,
Еще остаток чувства сохранившим —
Нам рано предаваться ей!

Пока еще застенчиво и нежно
Свидание продлить желаешь ты,
Пока еще кипят во мне мятежно
Ревнивые тревоги и мечты —
¹⁰ Не торопи развязки неизбежной!

И без того она не далека:
Кипим сильней, последней жаждой полны,
Но в сердце тайный холод и тоска...
Так осенью бурливее река,
Но холодней бушующие волны...

* * *

Да, наша жизнь текла мятежно,
Полна тревог, полна утрат,
Расстаться было неизбежно —
И за тебя теперь я рад!
Но с той поры как всё кругом меня пустынно!
Отдаться не могу с любовью ничему,
И жизнь скучна, и время длинно,
И холоден я к делу своему.
10 Не знал бы я, зачем встаю с постели,
Когда б не мысль: авось и прилетели
Сегодня, наконец, заветные листы,
В которых мне расскажешь ты:
Здорова ли? что думаешь? легко ли
Под дальним небом дышится тебе?
Грустишь ли ты, жалея прежней доли,
Охотно ль повинешься судьбе?
Желал бы я, чтоб сонное забвенье
На долгий срок мне на душу сошло,
20 Когда б мое воображенье
Блуждать в прошедшем не могло...
Прошедшее! его волшебной власти
Покорствуя, переживаю вновь
И первое движенье страсти,
Так бурно взволновавшей кровь,
И долгую борьбу с самим собою,
И не убитую борьбою,
Но с каждым днем сильней кипевшую любовь.
Как долго ты была сурова,
Как ты хотела верить мне,

30 И как и верила, и колебалась снова,
И как поверила вполне!
(Счастливый день! Его я отличаю
В семье обыкновенных дней;
С него я жизнь мою считаю,
Я праздную его в душе моей!)
Я вспомнил всё... одним воспоминаньем,
Одним прошедшим я живу —
И то, что в нем казалось нам страданьем, —
И то теперь я счастьем зову...

40 А ты?.. ты так же ли печали предана?..
И так же ли в одни воспоминанья
Средь добровольного изгнанья
Твоя душа погружена?
Иль новая роскошная природа
И жизнь кипящая, и полная свобода
Тебя навеки увлекли,
И разлюбила ты вдали
Всё, чем мучительно и сладко так порою
Мы были счастливы с тобою?
50 Скажи! я должен знать... Как странно я люблю!
Я счастья тебе желаю и молю,
Но мысль, что и тебя гнетет тоска разлуки,
Души моей смягчает муки...

* * *

Так это шутка? Милая моя,
Как боязлив, как недогадлив я!
Я плакал над твоим рассчитанно-суровым,
Коротким и сухим письмом;
Ни лаской дружеской, ни откровенным словом
Ты сердца не порадовала в нем.
Я спрашивал: не демон ли раздора
Твоей рукой насмешливо водил?
Я говорил: «когда б нас разлучила ссора —
10 Но так тяжел, так горек, так уныл,
Так нежен был последний час разлуки...
Еще твой друг забыть его не мог,
И вновь ему ты посылаешь муки
Сомнения, догадок и тревог —
Скажи, зачем?.. Не ложью ли пустою,
Рассеянной досужей клеветою,
Возмущена душа твоя была?
И, мучима томительным недугом,
Ты над своим отсутствующим другом
20 Без оправданья суд произнесла?
Или то был один каприз случайный,
Иль давний гнев?..» Неразрешимой тайной
Я мучился: я плакал и страдал,
В догадках ум испуганный блуждал,
Я жалок был в отчаяньи суровом...
Всему конец! Своим единым словом
Душе моей ты возвратила вновь
И прежний мир, и прежнюю любовь;
И сердце шлет тебе благословенья,
30 Как вестнице нежданного спасенья...

Так няня в лес ребенка заведет
И спрячется сама за куст высокий;
Встревоженный, он ищет и зовет,
И мечется в тоске жестокой,
И падает, бессильный, на траву...
А няня вдруг: ау! ау!
В нем радостью внезапной сердце бьется,
Он всё забыл: он плачет и смеется,
И прыгает, и весело бежит,
⁴⁰ И падает — и няню не бранит,
Но к сердцу жмет виновницу испуга,
Как от беды избавившего друга...

НА УЛИЦЕ

1

ВОР

Спеша на званый пир по улице прегрязной,
Вчера был поражен я сценой безобразной:
Торгаш, у коего украден был калач,
Вздвогнув и побледнев, вдруг поднял вой и плач
И, бросаьсь от лотка, кричал: держите вора!
И вор был окружен и остановлен скоро.
Закушенный калач дрожал в его руке;
Он был без сапогов, в дырявом сюртуке;
Лицо являло след недавнего недуга,
10 Стыда, отчаянья, моленья и испуга...
Пришел городской, подчаска подозвал,
По пунктам отобрал допрос отменно строгий,
И вора повели торжественно в квартал.
Я крикнул кучеру: «пошел своей дорогой!» —
И богу поспешил молебствие принести
За то, что у меня наследственное есть...

2

ПРОВОДЫ

Мать касатиком сына зовет,
Сын любовно глядит на старуху,
Молодая бабенка ревет
И всё просит остаться Ванюху,
А старик непреклонно молчит:
Напряженная строгость во взоре,
Словно сам на себя он сердит
За свое бесполезное горе.

Сивка дернул дровнишки слегка —
10 Чуть с дровней не свалилась старуха.
Ну! нагрел же он сивке бока,
Да помог старику и Ванюха...

3

ГРОБОК

Вот идет солдат. Под мышкою
Детский гроб несет, детинушка.
На глаза его суровые
Слезы выжала кручинушка.

А как было живо дитяtko,
То и дело говорилось:
«Чтоб ты лопнуло, проклятое!
Да зачем ты и родился?»

4.

ВАНЬКА

Смешная сцена! Ванька дуралей,
Чтоб седока промыслить побогаче,
Украдкой чистит бляхи на своей
Ободранной и заморенной кляче.
Не так ли ты, продажная краса,
Себе придать желая блеск фальшивый,
Старательно взбиваешь волоса
На голове, давно полуплешивой?
Но оба вы — извозчик дуралей
10 И ты, смешно причесанная дама, —
Вы пробуждаете не смех в душе моей —
Мерещится мне всюду драма.

* * *

Мы с тобой бестолковые люди:
Что минута, то вспышка готова!
Облегченье взволнованной груди,
Неразумное, резкое слово.

Говори же, когда ты сердита,
Всё, что душу волнует и мучит!
Будем, друг мой, сердиться открыто:
Легче мир, и скорее наскучит.

10 Если проза в любви неизбежна,
Так возьмем и с нее долю счастья:
После ссоры так полно, так нежно
Возвращенье любви и участия...

МУЗА

Нет, Музы ласково поющей и прекрасной
Не помню над собой я песни сладкогласной!
В небесной красоте, неслышимо, как дух,
Слетая с высоты, младенческий мой слух
Она гармонии волшебной не учила,
В пеленках у меня свирели не забыла,
Среди забав моих и отроческих дум
Мечтой неясною не волновала ум
И не явилась вдруг восторженному взору
10 Подругой любящей в блаженную ту пору,
Когда томительно волнуют нашу кровь
Неразделимые и Муза и Любовь...

Но рано надо мной отяготели узы
Другой, неласковой и нелюбимой Музы,
Печальной спутницы печальных бедняков,
Рожденных для труда, страданья и оков, —
Той Музы плачущей, скорбящей и болящей,
Всечасно жаждущей, униженно просящей,
Которой золото — единственный кумир...
20 В усладу нового пришельца в божий мир,
В убогой хижине, пред дымною лучиной,
Согбенная трудом, убитая кручиной,
Она певала мне — и полон был тоской
И вечной жалобой напев ее простой.
Случалось, не стерпев томительного горя,
Вдруг плакала она, моим рыданьям вторя,
Или тревожила младенческий мой сон
Разгульной песнею... Но тот же скорбный стон

Еще пронзительней звучал в разгуле шумном.
30 Всё слышалось в нем в смешении безумном:
Расчеты мелочной и грязной суеты,
И юношеских лет прекрасные мечты,
Погибшая любовь, подавленные слезы,
Проклятья, жалобы, бессильные угрозы.
В порыве ярости, с неправдою людской
Безумная клялась начать упорный бой.
Предавшись дикому и мрачному веселью,
Играла бешено моею колыбелью,
40 Кричала: «мщение!» — и буйным языком
На головы врагов звала господень гром!

В душе озлобленной, но любящей и нежной
Непрочен был порыв жестокости мятежной.
Слабея медленно, томительный недуг
Смирялся, утихал... и выкупалось вдруг
Всё буйство дикое страстей и скорби лютой
Одной божественно-прекрасною минутой,
Когда страдалица, поникнув головой,
«Прощай врагам своим!» шептала надо мной...

Так вечно плачущей и непонятой девы
50 Лелеяли мой слух суровые напевы,
Покуда, наконец, обычной чередой
Я с нею не вступил в ожесточенный бой.
Но с детства прочного и кровного союза
Со мною разорвать не торопилась Муза:
Через бездны темные Насилия и Зла,
Труда и Голода она меня вела —
Почувствовать свои страданья научила
И свету возвестить о них благословила...

НОВЫЙ ГОД

Что новый год, то новых дум,
Желаний и надежд
Исполнен легковерный ум
И мудрых и невежд.
Лишь тот, кто под землей сокрыт,
Надежды в сердце не таит!..

10 Давно ли ликовал народ
И радовался мир,
Когда рождался прошлый год
При звуках чаш и лир?
И чье суровое чело
Лучем надежды не цвело?

Но меньше ль видел он могил,
Вражды и нищеты?
В нем каждый день убийцей был
Какой-нибудь мечты;
Не пощадил он никого
И не дал людям ничего!

20 При звуках тех же чаш и лир,
Обычной чередой
Бесстрастный гость вступает в мир
Бесстрастною стопой —
И в тех лишь нет надежды вновь,
В ком навсегда застыла кровь!

И благо!.. С чашами в руках
Да будет встречен гость,

Да разлетится горе в прах,
Да умирится злость —
И в обновленные сердца
Да снидет радость без конца!

Нас давит времени рука,
Нас изнуряет труд,
Всесилен случай, жизнь хрупка,
Живем мы для минут,
И то, что с жизни взято раз,
Не в силах рок отнять у нас!

Пускай кипит веселый рой
Мечтаний молодых —
Им предадимся всей душой...
А время скосит их? —
Что нужды! Снова в свой черед
В нас воскресит их новый год...

xx
x

Великая земля, широкая земля
 Показывая нам зрелища и быт
 Угрюмые, кровавые брань,
 Созвучие, идуя пробит Воем,
 Грозная война, ильмира обхождя
 И захваченные восточные обрывают
 Далекие деревни ильмира...
 Обращение к возмущенной земле
 Слова "судно, бедствие и муча
 К нам в долину пробивая корабли,
 Властию предвещая нам ильмир,

Автограф стихотворения

14 июня 1854 г.

* * *

Блажен незлобивый поэт,
 В ком мало желчи, много чувства:
 Ему так искренен привет
 Друзей спокойного искусства;

Ему сочувствие в толпе,
 Как ропот волн, ласкает ухо;
 Он чужд сомнения в себе —
 Сей пытки творческого духа;

10 Любя беспечность и покой,
 Гнушаясь дерзкою сатирой,
 Он прочно властвует толпой
 С своей миролюбивой лирой.

Дивясь великому уму,
 Его не гонят, не злословят,
 И современники ему
 При жизни памятник готовят...

Но нет пощады у судьбы
 Тому, чей благородный гений
 Стал обличителем толпы,
 20 Ее страстей и заблуждений.

Питая ненавистью грудь,
 Уста вооружив сатирой,
 Проходит он тернистый путь
 С своей карающей лирой.

Его преследуют хулы:
Он ловит звуки одобренья
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья.

30 И веря и не веря вновь
Мечте высокого призванья,
Он проповедует любовь
Враждебным словом отрицанья, —

И каждый звук его речей
Плодит ему врагов суровых,
И умных и пустых людей,
Равно клеймить его готовых.

Со всех сторон его клянут
И, только труп его увидя,
Как много сделал он, поймут,
40 И как любил он — ненавидя!

ЗАСТЕНЧИВОСТЬ

Ах ты, страсть роковая, бесплодная,
Отвяжись, не тумань головы!
Осмеет нас красавица модная,
Вкруг нее увиваются львы:

Поступь гордая, голос уверенный,
Что ни скажут — их речь хороша,
А вот я-то войду как потерянный —
И ударится в пятки душа!

10 На ногах словно гири железные,
Как свинцом налита голова,
Странно руки торчат бесполезные,
На губах замирают слова.

Улыбнусь — непроторная, жесткая,
Не в улыбку улыбка моя,
Пошутить захочу — шутка плоская:
Покраснею мучительно я!

20 Помещусь, молчаливо досадуя,
В дальний угол... уныло смотрю
И сижу, неподвижен как статуя,
И судьбу потихоньку корю:

«Для чего-де меня, горемычного,
Дураком ты на свет создала?
Ни умишка, ни виду приличного,
Ни довольства собой не дала?..»

Ах! судьба ль меня, полно, обидела?
Отчего ж, как домой ворочусь
(Удивилась бы, если б увидела),
И умен и пригож становлюсь?

30 Всё припомню, что было ей сказано,
Вижу: сам бы сказал не глупей...
Нет! мне в божьих дарах не отказано,
И лицом я не хуже людей!

Малодушье пустое и детское,
Не хочу тебя знать с этих пор!
Я пойду в ее общество светское,
Я там буду умен и остер!

Пусть поймет, что свободно и молодо
В этом сердце волнуется кровь,
40 Что под маской наружного холода
Бесконечная скрыта любовь...

Полно роль-то играть сумасшедшего,
В сердце искру надежды беречь!
Не стряхнуть рокового прошедшего
Мне с моих невыносливых плеч!

Придавила меня бедность грозная,
Запугал меня с детства отец,
Бесталанная долюшка слезная
Извела, доконала в конец!

50 Знаю я: сожаленье постыдное,
Что как червь копошится в груди,
Да сознание бессилья обидное
Мне осталось одно впереди...

* * *

О письма женщины, нам милой!
От вас восторгам нет числа,
Но в будущем душе унылой
Готовите вы больше зла.

Когда погаснет пламя страсти,
Или послушаетесь вы
Благоразумья строгой власти
И чувству скажете: увы! —

Отдайте ей ее посланья
10 Иль не читайте их потом,
А то нет хуже наказания,
Как задним горевать числом.
Начнешь с усмешкою ленивой,
Как бред невинный и пустой,
А кончишь злобою ревнивой
Или мучительной тоской...

О ты, чьих писем много, много
В моем портфеле берегу!

20 Подчас на них гляжу я строго,
Но бросить в печку не могу.
Пускай мне время доказало,
Что правды в них и проку мало,
Как в праздном лепете детей,
Но и теперь они мне милы —
Поблекшие цветы с могилы
Погибшей юности моей!

* * *

(Из Гейне)

Ах, были счастливые годы!
Жил шумно и весело я,
Имел я большие доходы,
Со мной пировали друзья;

Я с ними последним делился,
И не было дружбы нежней,
Но мой кошелек истощился —
И нет моих милых друзей!

10 Теперь у постели больного —
Как зимняя вьюга шумит —
В ночной своей кофте, сурово
Старуха-Забота сидит.

Скрипя, раздирает мне ухо
Ее табакерка порой.
Как страшно кивает старуха
Седою своей головой!

20 Случается, снова мне снится
То полное счастья житье,
И станет отраднее биться
Изнывшее сердце мое...

Вдруг скрип, раздирающий ухо, —
И мигом исчезла мечта!
Сморкается громко старуха,
Зевает и крестит уста.

ПРЕКРАСНАЯ ПАРТИЯ

1

У хладных невских берегов,
В туманном Петрограде,
Жил некто господин Долгов
С женой и дочкой Надей.

Простой и добрый семьянин,
Чиновник непродажный,
Он нажил только дом один —
Но дом пятиэтажный.

Учась на медные гроши,
10 Не ведал по-французски,
Был добр по слабости души,
Но как-то не по-русски:

Есть русских множество семей,
Они как будто добры,
Но им у крепостных людей
Считать не стыдно ребры.

Не отличался наш Долгов
Такой рукою бойкой
И только колотить тузов
20 Любил козырной двойкой.

Зато господь его взыскал
Своею благодатью:
Он город за женою взял
И породнился с знатью.

Итак, жена его была
Наклонна к этикету
И дом, как следует, вела
Подстать большому свету:

Сама не ходит на базар
30 И в кухню ни ногою;
У дома их стоял швейцар
С огромной булавою;

Лакеи чинною толпой
Теснились в прихожей,
И между ними ни одной
Кривой и пьяной рожки.

Всегда сервирован обед
И чай весьма прилично,
В парадных комнатах паркет
40 Так вылощен отлично.

Они давали вечера
И даже в год два бала:
Играли старцы до утра,
А молодежь плясала;

Гремела музыка всю ночь,
По требованью глядя.
Царицей тут была их дочь —
Красивенькая Надя.

2

Ни преждевременным умом,
50 Ни красотой нимало
В невинном возрасте своем
Она не поражала.

Была ленивой в десять лет
И милою резвущкой;
Цветущ и ясен, божий свет
Казался ей игрушкой.

В семнадцать — сверстниц и сестриц
Всех красотой затмила,

Но наших чопорных девиц
60 С собой не повторила:

В глазах природный ум играл,
Румянец в коже смуглой,
Она любила шумный бал
И не была там куклой.

В веселом обществе гостей
Жеманно не молчала
И строгой маменьки своей
Глазами не искала.

Любила музыку она
70 Не потому, что в моде;
Не исключительно луна
Ей правилась в природе.

Читать любила иногда,
И с книгой не скучала,
Напротив, и гостей тогда
И танцы забывала;

Но также *синего чулка*
В ней не было приметы:
Не трактовала свысока
80 Ученые предметы,

Разбору строгому еще
Не предавала чувства
И не трещала горячо
О святости искусства.

Ну, словом: глядя на нее,
Поэт сказал бы с жаром:
«Цвети, цвети, дитя мое!
Ты создана не даром!..»

Уж ей врала про женихов
90 Услужливая няня.
Немало ей писал стихов
Кузен какой-то Ваня.

Мамаша повторяла ей:
«Уж ты давно невеста».
Но в сердце береглось у ней
Незанятое место.

Девичий сон еще был тих
И крепок благотворно.
А между тем давно жених
100 К ней сватался упорно...

3

То был гвардейский офицер,
Воитель черноокий.
Блистал он светскостью манер
И лоб имел высокий;

Был очень тонкого ума,
Воспитан превосходно,
Читал Фудраса и Дюма
И мыслил благородно;

Хоть книги редко покупал,
110 Но чтит литературу
И даже анекдоты знал
Про русскую цензуру.

В Шекспире признавал талант
За личность Дездемоны
И строго осуждал Жорж Санд,
Что носит панталоны;

Был от Рубини без ума,
Пел басом «саго mio»
И к другу при конце письма
120 Приписывал: «addio».

Его любимый идеал
Был Александр Марлинский,
Но он всему предпочитал
Театр Александринский.

Здесь пищи он искал уму,
Отхлопывал ладони,
И были по-сердцу ему
И Кукольник и Кони.

130 Когда главою помавал,
Как некий древний магик,
И диким зверем завывал
Широкоплечий трагик,

И вдруг влетала, как зефир,
Воздушная Сюзета —
Тогда он забывал весь мир,
Вникая в смысл куплета,

Следил за нею чуть дыша,
Не отрывая взора,
Казалось, вылетит душа
140 С его возгласом: фора!

В нем бурно поднимала кровь
Все силы молодые.
Счастливый юноша! любовь
Он познавал впервые!

Отрада юношеских лет,
Подруга идеалам,
О сцена, сцена! не поэт,
Кто не был театралом,

150 Кто не сдавался в милый плен,
Не рвался за кулисы
И не платил громадных цен
За кресла в бенефисы,

Кто по часам не поджидал
Зеленую карету
И водевилей не писал
На бенефис «предмету»!

Блажен, кто успокоил кровь
Обычной чередою:

Успехом увенчал любовь
160 И завелся семьею;

Но тот, кому не удалось
Исканья — не в накладе:
Прелестны грации кулис —
Покуда на эстраде,

Там вся поэзия души,
Там места нет для прозы.
А дома сплетни, барыши,
Упреки, зависть, слезы.

Так отдает внаймы другим
170 Свой дом владелец жадный,
А сам, нечист и нелюдим,
Живет в конуре смрадной.

Но ты, к кому души моей
Летят воспоминанья, —
Я бескорыстней и светлей
Не видывал созданья!

Блестящ и краток был твой путь...
Но я на эту тему
Вам напишу когда-нибудь
180 Особую поэму...

В молодые годы наш герой
К театру был прикован,
Но ныне он отцвел душой —
Устал, разочарован!

Когда при тысяче огней
В великолепной зале,
Кумир девиц, гроза мужей,
Он танцевал на бале, —

Когда являлся в маскарад
190 Во всей парадной форме,
Когда садился в первый ряд
И дико хлопал «Норме», —

Когда по Невскому скакал
С усмешкой губ румяных,
И кучер бешено кричал
На пару шведок рьяных —

Никто б, конечно, не узнал
В нем нового Манфреда...
Но, ах! он жизнью скучал —
200 Пока лишь до обеда.

Являл он Байрона черты
В характере усталом:
Не верил в книги и мечты,
Не увлекался балом.

Он знал: фортуны колесо
Пленяет только младость;
Он в ресторации Дюсо
Давно утратил радости!

Не верил истине в друзьях,
210 Им верят лишь невежды, —
С кием и картами в руках
Познал тщету надежды!

Он буйно молодость убил,
Взяв образец в Ловласе,
И рано сердце остудил
У Кессених в танцклассе!

Расстроил тысячу крестьян,
Чтоб как-нибудь забыться...
Пуста душа и пуст карман —
220 Пора, пора жениться!

4

Недолго в деве молодой
Таилось раздумье...
«Прекрасной партией такой
Пренебрегать — безумье» —

Сказала плачущая мать,
Дочь по головке гладя,
И не могла ей отказать
Растроганная Надя.

230 Их стоворили чередой
И обвенчали вскоре.
Как думаешь, читатель мой,
На радость или горе?..

ЗА ГОРОДОМ

«Смешно! нас веселит ручей, вдали журчащий,
И этот темный дуб, таинственно шумящий;
Нас тешит песнею задумчивой своей,
Как праздных юншей, вечерний соловей;
Далекий свод небес, усеянный звездами,
Нам кажется, простерт с любовью над нами;
Любуясь месяцем, оглядывая даль,
Мы чувствуем в душе ту тихую печаль,
Что слаще радости... Откуда чувства эти?
¹⁰ Чем так довольны мы?.. Ведь мы уже не дети!
Ужель поденный труд наклонности к мечтам
Еще в нас не убил?.. И нам ли, беднякам,
На отвлеченные природой наслажденья
Свободы краткие истрачивать мгновенья?»

— Э! полно рассуждать! искать всему причин!
Деревня согнала с души давнишний сплин.
Забыта тяжкая, гнетущая работа,
Докучной бедности бессменная забота —
И сердцу весело... И лучше поскорей
²⁰ Судьбе воздать хвалу, что в нищете своей,
Лишенные даров довольства и свободы,
Мы живо чувствуем сокровища природы,
Которых сильные и сытые земли
Отнять у бедняков голодных не могли...

ПАМЯТИ <АСЕНКОВ>ОЙ

В тоске по юности моей
И в муках разрушенья
Прошедших невозвратных дней
Припомнив впечатленья,

Одно из них я полюбил
Будить в душе суровой,
Одну из множества могил
Оплакал скорбью новой...

Я помню: занавесь взвилась,
10 Толпа угомонилась —
И ты на сцену в первый раз,
Как светлый день, явилась.

Театр гремел: и дилетант
И скептик хладнокровный
Твое искусство, твой талант
Почтили данью ровной.

И точно, мало я видал
Красивее головок;
20 Твой голос ласково звучал,
Твой каждый шаг был ловок;

Дышали милые черты
Счастливым детским смехом...
Но лучше б воротилась ты
Со сцены с неуспехом!

Своемъ своемъ дѣлѣ
 Божьему служилъ

Кедромъ, гдѣ морица
 Сталины родится;
 „Общественный порядокъ
 Преподобный дѣлаетъ“ —

~~Морозомъ, гдѣ морица~~
 „Будетъ въ родинахъ —
 „Ониже бѣжитъ въ родѣхъ каждаго!“
 И надъ возмущеніемъ...
 Мы милое сердце —

Автографъ последней части стихотворения
 «Прекрасная партия»

195
246.

Может ли разрываться ртуть...
Сквозь свои
Искры в свет...
Как думает, пугает нас,
Все открыли горе?... ..

Автограф заключительных строк стихотворения
«Прекрасная партия»

Увы, наивна ты была,
Вступая за кулисы —
Ты благородно поняла
Призвание актрисы:

Исканья старых богачей
30 И молодых нахалов,
Куплеты бледных рифмачей
И вздохи театралов —

Ты всё отвергла... Заперлась
Ты феей недоступной —
И вся искусству предалась
Душою неподкупной.

И что ж? обижены тобой.
Лишенные надежды,
Отмстить решились клеветой
40 Бездушные невежды!

Переходя из уст в уста,
Коварна и бесчестна,
Крылатым змеем клевета
Носилась повсеместно —

И всё заговорило вдруг...
Посыпались упреки,
Стихи и письма, и подруг
Нетонкие намеки...

Душа твоя была нежна,
50 Прекрасна, как и тело,
Клевет не вынесла она,
Врагов не одолела!

Их говор лишь тогда затих,
Как смерть тебя сразила...
Ты до последних дней своих
Со сцены не сходила.

В сознании светлой красоты
И творческого чувства.

Восторг толпы любила ты,
60 Любила ты искусство,

Любила славу... Твой закат
Был странен и прекрасен:
Горел огнем глубокий взгляд,
Пронзителен и ясен;

Пылали щеки; голос стал
Богаче страстью нежной...
Увы! театр рукоплескал
С тоскою безнадежной!

Сама ты знала свой удел,
70 Но до конца, как прежде,
Твой голос, погасая, пел
О счастье и надежде.

Не так ли звездочка в ночи,
Срываясь, упадает
И на лету свои лучи
Последние роняет?..

ПОСЛЕДНИЕ ЭЛЕГИИ

1

Душа мрачна, мечты мои унылы,
Грядущее рисуется темно,
Привычки, прежде милые, постылы,
И горек дым сигары. Решено!
Не ты горька, любимая подруга
Ночных трудов и одиноких дум —
Мой жребий горек. Жадного недуга
Я не избег. Еще мой светел ум,
Еще в надежде глупой и послушной
10 Не ищет он отрады малодушной,
Я вижу всё... А рано смерть идет,
И жизни жаль мучительно. Я молод,
Теперь поменьше мелочных забот,
И реже в дверь мою стучится голод:
Теперь бы мог я сделать что-нибудь.
Но поздно!.. Я, как путник безрассудный,
Пустившийся в далекий, долгий путь,
Не соразмерив сил с дорогой трудной:
Кругом всё чуждо, нигде отдохнуть,
20 Стоит он, бледный, средь большой дороги.
Никто его не призрел, не подвез:
Промчалась тройка, проскрипел обоз —
Всё мимо, мимо!.. Подкосились ноги,
И он упал... Тогда к нему толпой
Сойдутся люди — смущены, унылы,
Почтят его ненужною слезой
И подвезут охотно — до могилы...

Я рано всгал, недолги были сборы,
 Я вышел в путь, чуть занялась заря;
 30 Переходил я пропасти и горы,
 Переплывал я реки и моря;
 Боролся я, один и безоружен,
 С толпой врагов; не унывал в беде
 И не роптал. Но стал мне отдых нужен —
 И не нашел приюта я нигде!
 Не раз, упав лицом в сырую землю,
 С отчаяньем, голодный, я твердил:
 «По силам ли, о боже! труд подыемлю?» —
 И снова шел, собрав остаток сил.
 40 Всё ближе и знакомее дорога,
 И пройдено всё трудное в пути!
 Главы церквей сияют впереди —
 Недалеко до отчего порога!
 Насмешливо сгибаясь и кряхтя
 Под тяжестью сумы своей дырявой,
 Алчбы и жажды бледное дитя,
 Голодный труд, попутчик мой лукавый,
 Уж прочь идет: теперь нам розный путь.
 Вперед, вперед! Но изменили силы —
 50 Очнулся я на рубеже могилы...

И некому и нечем помянуть!
 Настанет утро — солнышко осветит
 Бездушный труп; всё будет решено!
 И в целом мире сердце лишь одно —
 И то едва ли — смерть мою заметит...

Пышна в разливе гордая река,
 Плывут суда, колеблясь величаво,
 Просмолены их черные бока,
 Над ними флаг, на флаге надпись: слава!
 60 Толпы народа берегом бегут,
 К ним приковав досужее вниманье,
 И, шляпами размахивая, шлют
 Пловцы родному берегу прощанье —

И вмиг оно подхвачено толпой,
И дружно берег весь ему ответит.
Но тут же, опрокинутый волной,
Погибни челн — и кто его заметит?
А если и раздастся дикий стон
На берегу — внезапный, одинокий,
70 За криками не будет слышен он
И не дойдет на дно реки глубокой...
Подруга темной участи моей!
Оставь скорее берег, озаренный
Горячим блеском солнечных лучей
И пестрою толпою оживленный —
Чем солнце ярче, люди веселей,
Тем сердцу сокрушенному больней!

В ДЕРЕВНЕ

1

Право, не клуб ли вороньего рода
Около нашего нынче прихода?
Вот и сегодня... ну, просто беда!
Глупое карканье, дикие стоны...
Кажется, с целого света вороны
По вечерам прилетают сюда.
Вот и еще и еще эскадроны...
Рядышком сели на купол, на крест,
На колокольне, на ближней избушке, —
10 Вон у плетня покачнувшийся шест:
Две уместились на самой верхушке,
Крыльями машут... Всё то же опять,
Что и вчера... посидят, и в дорогу!
Полно лениться! ворон наблюдать!
Черные тучи ушли, слава богу,
Ветер смирился: пройдуся до полей.
С самого утра унылый, дождливый,
Выдался нынче денек несчастливый:
20 Даром в болоте промок до костей,
Вздумал работать, да труд не дается,
Глядь, уж и вечер — вороны летят...
Две старушонки сошлись у колодца,
Дай-ка послушаю, что говорят...

2

— Здравствуй, родная. — «Как можется, кумушка?
Всё еще плачешь никак?
Ходит, зная, по сердцу горькая думушка,
Словно хозяин-большак?»

— Как же не плакать? Пропала я, грешная!
Душенька ноет, болит...

30 Умер, Касьяновна, умер, сердешная,
Умер, и в землю зарыл!

Ведь наскочил же на экую гадину!
Сын ли мой не был удал?
Сорок медведей поддел на рогатину —
На сорок первом сплосал!
Росту большого, рука что железная,
Плечи — косая сажень;
Умер, Касьяновна, умер, болезная —
Вот уж тринадцатый день!

40 Шкуру с медведя-то содрали, продали;
Деньги — семнадцать рублей —
За душу бедного Савушки подали,
Царство небесное ей!
Добрая барыня Марья Романовна
На панихиду дала...
Умер, голубушка, умер, Касьяновна --
Чуть я домой добрела.

Ветер шатает избенку убогую,
Весь развалился овин...

60 Словно шальная пошла я дорогою:
Не попадется ли сын?
Взял бы топорик — беда поправимая, —
Мать бы утешил свою...
Умер, Касьяновна, умер, родимая —
Надо ль? топор продаю.

Кто приголубит старуху безродную?
Вся обнищала вконец!
В осень ненастную, в зиму холодную
Кто запасет мне дровец?

60 Кто, как доносится теплая шубушка,
Зайчиков новых набьет?
Умер, Касьяновна, умер, голубушка —
Даром ружье пропадет!

Веришь, родная: с тоской да с заботами
Так опостылел мне свет!

Лягу в коморку, покроюсь тенетами,
Словно как саваном... Нет!
Смерть не приходит... Брожу нелюдимая,
Попусту жалоблю всех...
70 Умер, Касьяновна, умер, родимая —
Эх! кабы только не грех...

Ну, да и так... дай бог зиму промаяться, —
Свежей травы мне не мять!
Скоро избенка совсем расшатается,
Некому поле вспахать.
В город собирается Марья Романовна,
По миру сил нет ходить...
Умер, голубушка, умер, Касьяновна,
И не велел долго жить! —

3

80 Плачет старуха. А мне что за дело?
Что и жалеть, коли нечем помочь?..
Слабо мое изнуренное тело,
Время ко сну. Недолга моя ночь:
Завтра раненько пойду на охоту,
До свету надо покрепче уснуть...
Вот и вороны готовы к отлету,
Кончился раут... Ну, трогайся в путь!
Вот поднялись и закаркали разом.
— Слушай, равняйся! — Вся стая летит:
90 Кажется, будто меж небом и глазом
Черная сетка висит.

ПАМЯТИ ПРИЯТЕЛЯ

Наивная и страстная душа,
В ком помыслы прекрасные кипели,
Упорствуя, волнуясь и спеша,
Ты честно шел к одной высокой цели:
Кипел, горел — и быстро ты угас!
Ты нас любил, ты дружеству был верен —
И мы тебя почтили в добрый час!
Ты по судьбе печальной беспримерен:
Твой труд живет и долго не умрет,
10 А ты погиб, несчастлив и незнаем!
И с дерева неведомого плод,
Беспечные, беспечно мы вкушаем.
Нам дела нет, кто возрастил его,
Кто посвящал ему и труд и время,
И о тебе не скажет ничего
Своим потомкам сдержанное племя...
И, с каждым днем окружена тесней,
Затеряна давно твоя могила,
И память благодарная друзей
20 Дороги к ней не проторила...

ФИЛАНТРОП

Частью по глупой честности,
Частью по простоте,
Пропадаю в неизвестности,
Пресмыкаюсь в нищете.
Место я имел доходное,
А доходу не имел:
Бескорыстье благородное!
Да и брать-то не умел.
В Провиантскую Комиссию
10 Поступивши, например,
Покупал свою провизию —
Вот какой миллионер!
Не взъщитесь! честность ярая
Одолела до ногтей;
Даже стыдно вспомнить старое —
Ведь имел уж и детей!
Сожалели по Житомиру:
«Ты-де нищим кончишь век
И семейство пустишь по миру,
20 Беспокойный человек!»
Я не слушал. Сожаления
В недовольство перешли,
Оказались упущения,
Подвели и упекли!
Совершилось пророчество
Благомыслящих людей:
Холод, голод, одиночество,
Переменчивость друзей —
Всё мы, бедные, извели,
30 Чашу выпили до дна:

Плачут дети — не обедали, —
Убивается жена,
Проклинает поведение,
Гордость глупую мою;
Я брожу, как привидение,
Но — свидетель бог — не пью!
Каждый день встаю ранехонько,
Достаю насущный хлеб...
Так мы десять лет ровнехонько
40 Бились, волею судеб.
Вдруг — известье незабвенное! —
Получаю письмецо,
Что в столице есть отменное
Благородное лицо;
Муж, которому подобного,
Может быть, не знали вы,
Сердца ангельски-незлобного
И умнейшей головы.
Славен не короной графскою,
50 Не приездом ко Двору,
Не звездю Станиславскою,
А любовью к добру.
О народном просвещении
Соревнуя, генерал
В популярном изложении
Восемь томов написал.
Продавал в большом количестве
Их дешевле пятака,
Вразумить об электричестве
60 В них стараясь мужика.
Словно с равными беседуя,
Он и с нищими учтив,
Нам терпенье проповедуя,
Как Сократ красноречив.

Он мое же поведение
Мне как будто объяснил,
И ко взяткам отвращение
Я тогда благословил;
Перестал стыдиться бедности:
70 Да! лохмотья нищеты
Не свидетельство зловредности,

А скорее правоты!
Снова благородной гордости
(Человек самолюбив),
Упования и твердости
Я почувствовал прилив.
«Нам господь послал спасителя, —
Говорю тогда жене, —
Нашим крошкам покровителя!»
80 И бедняжка верит мне.
Горе мы забвенью предали,
Сколотили сто рублей,
Всё, как следует, разведали
И в столицу поскорей.
Прикатали прямо к сроднику,
Не пустил — я в нумера...
Вся семья моя угоднику
В ночь молилась. Со двора
Вышел я чем свет. Дорогою,
90 Чтоб участие привлечь,
Я всю жизнь мою убогую
Совместил в такую речь:
«Оттого-де ныне с голоду
Умираю, словно тварь,
Что был глуп и честен смолоду,
Знал, что значит бог и царь.
Не скажу: по справедливости
(Не велик я генерал),
По ребяческой стыдливости
100 Даже с правого не брал —
И погиб... Я горе мыкаю,
Я работаю за двух,
Но не чаркой — вашей книгою
Подкрепляю слабый дух,
Защитите!..»

Не заставили
Ждать минуты ни одной.
Вот в приемную поставили,
Доложили чередой.
Вот идут — остановились,
110 Я сробел, чуть жив стою;
Замер дух, виски забились,
И забыл я речь свою!

Тёр и лоб и переносицу,
В потолок косил глаза,
Бормотал лишь окоlesiцу,
А о деле — ни аза!
Изумились, брови сдвинули:
«Что вам нужно?» — говорят.
— Нужно мне... — Тут слезы хлынули
120 Совершенно невпопад.
Просто вещь непостижимая
Приключилась со мной:
Грусть, печаль неудержимая
Овладела всей душой.
Всё, чем жизнь богата с младости
Даже в нищенском быту —
Той поры счастливой радости,
Попросту сказать: мечту —
130 Всё, что кануло и сгнуло
В треволненьях жизни сей,
Всё я вспомнил, всё прихлынуло
К сердцу... Жалкий дуралей!
Под влиянием прошедшего,
В грудь ударив кулаком,
Взвыл я вроде сумасшедшего
Пред сиятельным лицом!..

Все такие обстоятельства
И в мундиришке изъян
Привели его сиятельство
140 К заключенью, что я пьян.
Экзекутора, холопа ли
Попрекнули, что пустил,
И ногами так затопали...
Я лишился чувств и сил!
Жаль, одним не осчастливили —
Сами не дали пинка...
Пьяницу с почетом вывели
Два огромных гайдука.
Словно кипятком ошпаренный,
150 Я бежал, не слыша ног,
Мимо лавки пивоваренной,
Мимо погребальных дроз,

Мимо магазина швейного,
Мимо бань, церквей и школ,
Вплоть до здания питейного —
И уж дальше не пошел!

Дальше нечего рассказывать!
Минет сорок лет зимой,
160 Как я щеку стал подвязывать,
Отморозивши хмельной.
Чувства словно как заржавели,
Одолела страсть к вину;
Дети пьяницу оставили,
Схоронил давно жену.
При отшествии к родителям,
Хоть кротка была весь век,
Попрекнула покровителем.
Точно: странный человек!
170 Верст на тысячу в окружности
Повестят свой добрый нрав,
А осудят по наружности:
Неказист — так и неправ!
Пишут, как бы свет весь заново
К общей пользе изменить,
А голодного от пьяного
Не умеют отличить...

ОТРЫВКИ ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК ГРАФА ГАРАНСКОГО

(Перевод с французского: *Trois mois dans la Patrie. Essais de Poésie et de Prose, suivis d'un Discours sur les moyens de parvenir au développement des forces morales de la Nation Russe et des richesses naturelles de cet État. Par un Russe, comte de Garansky. 8 vol. in-4°. Paris. 1836*)

Я путешествовал недурно: русский край
Оригинальности имеет отпечаток;
Не то, чтоб в деревнях трактиры были — рай,
Не то, чтоб в городах писцы не брали взятку —
Природа нравится громадностью своей.
Такой громадности не встретите нигде вы:
Пространства широко раскинутых степей
Лугами здесь зовут; начнутся ли посевы —
Не ждите им конца! подобно островам,
10 Зеленые леса и серые селенья
Пестрят равнину их, и любо видеть вам
Картину сельского обычного движенья...
Подобно муравью, трудолюбив мужик:
Ни грубости их рук, ни лицам загорелым
Я больше не дивлюсь: я видеть их привык
В работах полевых чуть не по суткам целым.
Не только мужики здесь преданы труду,
Но даже дети их, беременные бабы —
Все терпят общую, по их словам, «страду»,
20 И грустно видеть, как иные бледны, слабы!
Я думаю, земель избыток и лесов
Способствует к труду всегдашней их охоте,
Но должно б вразумлять корыстных мужиков,
Что изнурительно излишество в работе.
Не такова ли цель — в немецких сюртуках

Особенных фигур, бродящих между ними?
Нагайки у иных заметил я в руках...
Как быть! не вразумишь их средствами другими:
Натуры грубые!..

Какие реки здесь!

- 30 Какие здесь леса! Пейзаж природы русской
Со временем собьет, я вам ручаюсь, спесь
С природы реинской, но только не с французской!
Во Франции провел я молодость свою;
Пред ней, как говорят в стихах, всё клонит выю,
Но все ж, по совести и громко признаю,
Что я не ожидал найти такой Россию!
Природа недурна: в том отдаю ей честь, —
Я славно ел и спал, подъячим не дал штрафа...
Да, средство странствовать и по России есть —
40 С французской кухнею и с русским титулом графа!..

Но только худо то, что каждый здесь мужик
Дворянский гонор мой, сиятельную совесть
Безбожно возмущал; одну и ту же повесть
Бормочет каждому негодный их язык:
Помещик — лиходей! а если управитель,
То верно — живодер, отъявленный грабитель!
Спрошу ли ямщика: «чей, братец, виден дом?»
— Помещика... — «Что, добр?» — Нешто, хороший
барин,

- 50 Да только... — «Что, мой друг?» — С тяжелым кулаком,
Как хватит — год хворай. — «Неужто? вот татарин».
— Э, нету, ничего! маненичко ретив,
А добрая душа, не тяготит оброком,
Почасту с мужиком и ласков и правдив,
А то скулу свернет, вестимо, ненароком!
Куда б еще ни шло за бариним таким,
А то и хуже есть. Вот памятное место:
Тут славно мужички расправились с одним... —
«А что?» — Да сделали из барина-то тесто. —
«Как тесто?» — Да в куски живого изрубил.
60 Один мужик... попал такому в лапы... —
«За что же?» — Да за то, что барин лаком был
На свой, примерно, гвоздь чужие вешать шляпы. —
«Как так?» — Да так, сударь, чуть женится мужик,

Веди к нему жену; проспит с ней первую ночь,
А там и к мужу в дом... да наш народец дик,
Сначала потерпел — не всяко лыко в строчку, —
А после и того... А вот, примерно, тут,
Извольте посмотреть — домик на косогоре,
Четыре барышни-сестрицы в нем живут,
70 Так мужикам от них уж просто смех и горе:
Именья — семь дворов; так бедно, что с трудом
Дай бог своих детей прохарчить мужичонку,
А тут еще беда: что год, то в каждый дом
Сестрицы-барышни подкинут по ребенку. —
«Как, что ты говоришь?» — А то, что в восемь лет,
Так тридцать три души прибавилось в именье.
Убытку барышням, известно дело, нет,
Да, судырь, мужичкам какое разоренье!

Ну, словом, всё одно: тот с дворней выезжал
80 Разбойничать, тот затравил мальчишку,
Таких рассказов здесь так много я слышал,
Что скучно, наконец, записывать их в книжку.
Ужель помещики в России таковы?
Я к многим заезжал; иные, точно, грубы —
Муж ты своей жене, жена супругу вы,
Сивуха, грязь и вонь, овчинные тулупы.
Но есть премилые: прилично убран дом,
У дочерей рояль, а чаще фортепьяно,
Хозяин с Францией и с Англией знаком,
90 Хозяйка не заснет без модного романа;
Ну, всё, как водится у развитых людей,
Которые глядят прилично на предметы
И вряд ли мужиков трактуют, как свиней...

Я также наблюдал — в окно моей кареты —
И быт крестьянина: он нищеты далек!
По собственным моим владеньям проезжая,
Созвал я мужиков: составили кружок
И гаркнули: «ура!..» С балкона наблюдая,
Спросил: довольны ли?.. Кричат: «довольны всем!»
100 — И управляющим? — «Довольны»... О работах
Я с ними говорил, поил их — и затем,
Бекаса подстрелив в наследственных болотах,
Поехал далее... Я мало с ними был,

Но видел, что мужик свободно ел и пил,
Плясал и песни пел; а немец-управитель
Казался между них отец и покровитель...

110 Чего же им еще?.. А если точно есть
Любители кнута, поборники тиранства,
Которые, забыв гуманность, долг и честь,
Пятнают родину и русское дворянство —
Чего же медлишь ты, сатиры грозной бич?..
Я книги русские перебирал всё лето:
Пустейшая мораль, напыщенная дичь —
И лучшие темны, как стертая монета!
Жаль, дремлет русский ум. А то, чего б верней?
Правительство казнит открытого злодея,
Сатира действует и шире, и смелей,
Как пуля находить виновного умея.
120 Сатире уж не раз обязана была
Европа (кажется, отчасти и Россия)
Услугой важною.

БУРЯ

Долго не сдавалась Любушка-соседка,
Наконец шепнула: «есть в саду беседка,

Как темнее станет — понимаешь ты?..»
Ждал я, истрадался, ночки-темноты!

Кровь-то молодая: закипит — не шутка!
Да взглянул на небо — и поверить жутко!

Небо обложилось тучами кругом...
Полил дождь ручьями — прокатился гром!

10 Брови я нахмурил и пошел угрюмый —
«Свидеться сегодня лучше и не думай!

Люба белоручка, Любушка пуглива,
В бурю за ворота выбежать ей в-диво;

Правда, не была бы буря ей страшна,
Если б... да настолько любит ли она?..»

Без надежды, скучен прихожу в беседку,
Прихожу и вижу — Любушку-соседку!

Промочила ножки и хоть выжми шубку...
Было мне заботы обсушить голубку!

20 Да зато с той ночи я бровей не хмурю.
Только усмехаюсь, как заслышу бурю...

НЕСЖАТАЯ ПОЛОСА

Поздняя осень. Грачи улетели,
Лес обнажился, поля опустели,

Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводит она.

Кажется, шепчут колосья друг другу:
«Скучно нам слушать осеннюю вьюгу,

Скучно склоняться до самой земли,
Тучные зерна купая в пыли!

Нас, что ни ночь, разоряют станицы
10 Всякой пролетной прожорливой птицы,

Заяц нас топчет, и буря нас бьет...
Где же наш пахарь? чего еще ждет?

Или мы хуже других уродились?
Или не дружно цвели-колосились?

Нет! мы не хуже других — и давно
В нас налилось и созрело зерно.

Не для того же пахал он и сеял,
Чтобы нас ветер осенний развеял?..»

Ветер несет им печальный ответ:
20 — Вашему пахарю моченьки нет.

Знал, для чего и пахал он и сеял,
Да не по силам работу затеял.

Плохо бедняге — не ест и не пьет,
Червь ему сердце больное сосет,

Руки, что вывели борозды эти,
Высохли в щепку, повисли как плети,

Очи потускли и голос пропал,
Что заунывную песню певал,

30 Как, на соху налегая рукою,
Пахарь задумчиво шел полосою.

* * *

Я сегодня так грустно настроен,
Так устал от мучительных дум,
Так глубоко, глубоко спокоен
Мой истерзанный пыткой ум, —

Что недуг, мое сердце гнетущий,
Как-то горько меня веселит —
Встречу смерти, грозящей, идущей,
Сам пошел бы... Но сон освежит —

10 Завтра встану и выбегу жадно
Встречу первому солнца лучу:
Вся душа вострепнется отрадно,
И мучительно жить захочу!

А недуг, сокрушающий силы,
Будет так же и завтра томить,
И о близости темной могилы
Так же внятно душе говорить...

ВЛАС

В армяке с открытым воротом,
С обнаженной головой,
Медленно проходит городом
Дядя Влас — старик седой.

На груди икона медная:
Просит он на божий храм,
Весь в веригах, обувь бедная,
На щеке глубокий шрам;

Да с железным наконешником
10 Палка длинная в руке...
Говорят, великим грешником
Был он прежде. В мужике

Бога не было; побоями
В гроб жену свою вогнал;
Промышляющих разбоями,
Конокрадов укрывал;

У всего соседства бедного
Скупит хлеб, а в черный год
20 Не поверит гроша медного,
Втрое с нищего сдерет!

Брал с родного, брал с убогого,
Слыл кашеem-мужиком;
Нрава был крутого, строгого...
Наконец, и грянул гром!

Власу худо; кличет знахаря —
Да поможешь ли тому,
Кто снимал рубашку с пахаря,
Крал у нищего суму?

30 Только пуще всё неможется.
Год прошел — а Влас лежит,
И построить церковь божится,
Если смерти избежит.

Говорят, ему видение
Всё мерещилось в бреду:
Видел света преставление,
Видел грешников в аду:

Мучат бесы их проворные.
Жалит ведьма-егоза.
Ефиопы — видом черные
40 И как углие глаза,

Крокодилы, змии, скорпии
Припекают, режут, жгут...
Воют грешники в прискорбии,
Цепи ржавые грызут.

Гром глушит их вечным грохотом,
Удушает лютый смрад,
И кружит над ними с хохотом
Черный тигр-шестокрылат.

50 Те на длинный шест нанизаны,
Те горячий лижут пол...
Там, на хартиях написаны,
Влас грехи свои прочел...

Влас увидел тьму кромешную
И последний дал обет...
Внял господь — и душу грешную
Воротил на вольный свет.

Роздал Влас свое именование,
Сам остался бос и гол

И собирать на построение
60 Храма божьего пошел.

С той поры мужик скитается
Вот уж скоро тридцать лет,
Подаянием питается —
Строго держит свой обет.

Сила вся души великая
В дело божие ушла:
Словно сроду жадность дикая
Непричастна ей была...

Полон скорбью неутешною,
70 Смуглолиц, высок и прям,
Ходит он стопой неспешною
По селеньям, городам.

Нет ему пути далекого:
Был у матушки-Москвы,
И у Каспия широкого,
И у царственной Невы.

Ходит с образом и с книгою,
Сам с собой всё говорит
И железною веригою
80 Тихо на ходу звенит.

Ходит в зимушку студеную,
Ходит в летние жары,
Вызывая Русь крещеную
На посильные дары —

И дают, дают прохожие...
Так из лепты трудовой
Вырастают храмы божии
По лицу земли родной...

14 ИЮНЯ 1854 ГОДА

Великих зрелищ, мировых судеб
Поставлены мы зрителями ныне:
Исконные, кровавые враги,
Соединясь, идут против России;
Пожар войны полмира обхватил,
И заревом зловещим осветились
Деяния держав миролюбивых...
Обращены в позорище вражды
Моря и суша... Медленно и глухо
10 К нам двинулись громады кораблей,
Хвастливо предрекая нашу гибель,
И наконец приблизились — стоят
Пред укрепленной русскою твердыней...
И ныне в урне роковой лежат
Два жребия... и наступает время,
Когда решитель мира и войны
Исторгнет их всеильною рукой
И свету потрясенному покажет.

1 8 5 5

* * *

Праздник жизни — молодости годы —
Я убил под тяжестью труда
И поэтом, баловнем свободы,
Другом лени — не был никогда.

Если долго сдержанные муки,
Накипев, под сердце подойдут,
Я пишу: рифмованные звуки
Нарушают мой обычный труд.

10 Всё ж они не хуже плоской прозы
И волнуют мягкие сердца,
Как внезапно хлынувшие слезы
С огорченного лица.

Но не льшусь, чтоб в памяти народной
Уцелело что-нибудь из них....
Нет в тебе поэзии свободной,
Мой суровый, неуклюжий стих!

20 Нет в тебе творящего искусства...
Но кипит в тебе живая кровь,
Торжествует мстительное чувство,
Догорая, теплится любовь, —

Та любовь, что добрых прославляет,
Что клеймит злодея и глупца
И венком терновым наделяет
Беззащитного певца...

ИЗВОЗЧИК

1

Парень был Ванюха ражий,
Рослый человек, —
Не поддайся силе вражей,
Жил бы долгий век.
Полусонный по природе,
Знай зевал в кулак
И прозвание в народе
Получил: вахлак!
10 Правда, с ним случилось диво,
Как в Грязной стоял:
Ел он мало и лениво,
По ночам не спал...
Всё глядит, бывало, в оба
В супротивный дом:
Там жила его зазноба —
Кралечка лицом!
Под ворота словно птичка
Вылетит с гнезда,
20 Белоручка, белоличка...
Жаль одно: горда!
Прокатив ее, учтиво
Он ей раз сказал:
«Вишь ты больно тороплива» —
И за ручку взял...
Рассердилась: «Не позволю!
Полно — не замай!
Прежде выкупись на волю,
Да потом хватай!»
30 Поглядел за нею Ваня,
Головой тряхнул:

«Не про нас ты, — молвил, — Таня», —
И рукой махнул...
Скоро лето наступило,
С барыней своей
Таня в Тулу укатила.
Ванька стал умней:
Он по прежнему порядку
Полюбил чаек,
Наблюдал свою лошадку,
40 Добывал оброк,
Пил умеренно горелку,
Знал копейки вес,
Да какую же проделку
Сочинил с ним бес!..

2

Раз купец ему попался
Из родимых мест;
Ванька с ним с утра катался
До вечерних звезд.
А потом наелся плотно,
50 Обрядил коня
И улегся беззаботно
До другого дня...
Спит и слышит стук в ворота.
Чул шумят, встают...
Не пожар ли? вот забота!
Чул к нему идут.
Он вскочил, как заяц сгонный,
Видит: с фонарем
Перед ним хозяин сонный
60 С седоком-купцом.
«Санки где твои, детина?
Покажи ступай!» —
Говорит ему купчина —
И ведет в сарай...
Помутился ум у Вани,
Он как лист дрожал...
Поглядел купчина в сани
И, крестясь, сказал:
70 «Славу богу! слава богу!
Цел мешок-то мой!

Не взыщите за тревогу —
Капитал большой.
Понимаете, с походом
Будет тысяч пять...»
И купец перед народом
Деньги стал считать...
И пока рубли звенели,
Поднялся весь дом —
80 Ваньки сонные глядели,
Оступя кругом.
«Цело всё!» сказал купчина.
Парня подозвал:
«Вот на чай тебе полтина!
Благо ты не знал:
Серебро-то не бумажки,
Нет приметы, брат;
Мне ходить бы без рубашки,
Ты бы стал богат —
90 Да господь-то справедливый
Попугал шутя...»
И ушел купец счастливый,
Под мешком кряхтя...
Над розиней поглумились
И опять легли,
А как утром пробудились
И в сарай пришли,
Глядь — и обмерли с испугу...
Ни гу-гу — молчат;
100 Показали вверх друг другу
И пошли назад...
Прибежал хозяин бледный,
Вся сошлась семья:
«Что такое?..» Ванька бедный —
Бог ему судья! —
Совладать с лукавым бесом,
Видно, не сумел:
Над санями под навесом
На вожжах висел!
110 А ведь был детина ражий,
Рослый человек, —
Не поддайся силе вражей,
Жил бы долгий век...

САША

1

Словно как мать над сыновней могилой,
Стонет кулик над равниной унылой,

Пахарь ли песню вдали запоем —
Долгая песня за сердце берет;

Лес ли начнется — сосна да осина...
Не весела ты, родная картина!

Что же молчит мой озлобленный ум?..
Сладок мне леса знакомого шум,

Любо мне видеть знакомую ниву —
10 Дам же я волю благому порыву

И на родимую землю мою
Все накипевшие слезы пролью!

Злобою сердце питаться устало —
Много в ней правды, да радости мало;

Спящих в могилах виновных теней
Не разбужу я враждою моей.

Родина-мать! я душою смирился,
Любящим сыном к тебе воротился.

Сколько б на нивах бесплодных твоих
20 Даром ни сгинуло сил молодых,

Сколько бы ранней тоски и печали
Вечные бури твои ни нагнали

На боязливую душу мою —
Я побежден пред тобою стою!

Силу сломили могучие страсти,
Гордую волю погнули напасти,

И про убитую музу мою
Я похоронные песни пою.

30 Перед тобою мне плакать не стыдно,
Ласку твою мне принять не обидно —

Дай мне отраду объятий родных,
Дай мне забвенья страданий моих!

Жизнью измят я... и скоро я сгину...
Мать не враждебна и к блудному сыну:

Только-что ей я объятья раскрыл —
Хлынули слезы, прибавилось сил,

Чудо свершилось: убогая нива
Вдруг просветлела, пышна и красива,

40 Ласковой машет вершинами лес,
Солнце приветливей смотрит с небес.

Весело въехал я в дом тот угрюмый,
Что, осенив сокрушительной думой,

Некогда стих мне суровый внушил...
Как он печален, запущен и хил!

Скучно в нем будет. Нет, лучше поеду,
Благо не поздно, теперь же к соседу

И поселюсь среди мирной семьи.
Славные люди — соседи мои,

Славные люди! Радушье их честно,
50 Лесть им противна, а спесь неизвестна.

Как-то они доживают свой век?
Он уже дряхлый, седой человек,

Да и старушка немногим моложе.
Весело будет увидеть мне тоже

Сашу, их дочь... Недалеко их дом.
Всё ли застану по прежнему в нем?

2

Добрые люди, спокойно вы жили,
Милую дочь свою нежно любили.

60 Дико росла, как цветок полевой,
Смуглая Саша в деревне степной.

Всем окружив ее тихое детство,
Что позволяли убогие средства,

Только развить воспитаньем, увы!
Эту головку не думали вы.

Книги ребенку — напрасная мука,
Ум деревенский пугает наука;

Но сохраняется дольше в глуши
Первоначальная ясность души,

70 Рдеет румянец и ярче и краше...
Мило и молодо дитяtko ваше, —

Бегает живо, горит, как алмаз,
Черный и влажный смеющийся глаз,

Щеки румяны, и полны, и смуглы,
Брови так тонки, а плечи так круглы!

Саша не знает забот и страстей,
А уж шестнадцать исполнилось ей...

Выспится Саша, поднимется рано,
Черные косы завяжет у стана

И убежит, и в просторе полей
80 Сладко и вольно так дышится ей.

Та ли, другая пред нею дорожка —
Смело ей вверится бойкая ножка;

Да и чего побоится она?..
Всё так спокойно; кругом тишина,

Сосны вершинами машут приветно,
Кажется, шепчут, струясь незаметно,

Волны, под сводом зеленых ветвей:
«Путник усталый! бросайся скорей

В наши объятья: мы добры, и рады
90 Дать тебе, сколько ты хочешь, прохлады».

Полею идешь — всё цветы да цветы,
В небо глядишь — с голубой высоты

Солнце смеется... Ликует природа!
Всюду приволье, покой и свобода;

Только у мельницы злится река:
Нет ей простора... неволя горька!

Бедная! как она вырваться хочет!
Брызжется пеной, бурлит и клокочет,

Но не прорвать ей плотины своей.
100 «Не суждена, видно, волюшка ей, —

Думает Саша: — безумно роптанье...»
Жизни кругом разлитой ликование

Саше порукой, что милостив бог...
Саша не знает сомненья тревог.

Вот по распаханной, черной поляне,
Землю взрывая, бредут поселяне —

Саша в них видит довольных судьбой
Мирных хранителей жизни простой;

110 Знает она, что недаром с любовью
Землю польют они потом и кровью...

Весело видеть семью поселян,
В землю бросающих горсти семян;

Дорого-любо, кормилица нива,
Видеть, как ты колосишься красиво,

Как ты, янтарным зерном налита,
Гордо стоишь, высока и густа!

Но веселей нет поры обмолота:
Легкая дружно спорится работа,

120 Вторит ей эхо лесов и полей,
Словно кричит: «поскорей! поскорей!»

Звук благодатный! Кого он разбудит,
Верно весь день тому весело будет!

Саша проснется — бежит на гумно.
Солнышка нет — ни светло, ни темно,

Только-что шумное стадо прогнали.
Как на подмерзлой грязи натоптали

Лошади, овцы!.. Парным молоком
В воздухе пахнет. Мотая хвостом,

130 За нагруженной снопами телегой
Чинно идет жеребеночек пегий,

Пар из отворенной риги валит,
Кто-то в огне там у печки сидит.

А на гумне только руки мелькают
Да высоко молотила взлетают,

Не успевает улечься их тень.
Солнце взошло — начинается день...

Саша собирала цветы полевые,
С детства любимые, сердцу родные,

140 Каждую травку соседних полей
Знала по имени. Правилось ей

В пестром смешении звуков знакомых
Птиц различать, узнавать насекомых.

Время к полудню, а Саши всё нет.
«Где же ты, Саша? простынет обед,

Сашенька! Саша!..» С желтеющей нивы
Слышатся песни простой переливы;

Вот раздалось «ау!» вдалеке;
Вот над колосьями в синем венке

150 Черная быстро мелькнула головка...
«Вишь ты куда забежала, плутовка!

Э!.. да никак колосистую рожь
Переросла наша дочка!» — Так что ж? —

«Что? ничего! понимай, как умеешь!
Что теперь надо, сама разумеешь:

Спелому колосу — серп удалой,
Девиче взрослой — жених молодой!»

— Вот еще выдумал, старый проказник! —
«Думай не думай, а будет нам праздник!»

160 Так рассуждая, идут старики
Саше навстречу; в кустах у реки

Смирно присядут, подкрадутся ловко,
С криком внезапным: «попалась, плутовка!» —

Сашу поймают, и весело им
Свидеться с дитятком бойким своим...

В зимние сумерки нянины сказки
Саша любила. По утру в салазки

Саша садилась, летела стрелой,
Полная счастья, с горы ледяной.

170 Няня кричит: «не убейся, родная!»
Саша, салазки свои погоняя,

Весело мчится. На полном бегу
На бок салазки — и Саша в снегу!

Выбьются косы, растреплется шубка —
Снег отряхает, смеется, голубка!

Не до ворчанья и няне седой:
Любит она ее смех молодой...

Саше случалось знаять и печали:
Плакала Саша, как лес вырубали,

180 Ей и теперь его жалко до слез.
Сколько тут было кудрявых берез!

Там из-за старой, нахмуренной ели
Красные грозды калины глядели,

Там поднимался дубок молодой.
Птицы царили в вершине лесной,

По-низу всякие звери таились.
Вдруг мужики с топорами явились —

Лес зазвенел, застонал, затрещал.
Заяц послушал — и вон побежал,

190 В темную пору забилась лисица,
Машет крылом осторожнее птица,

В недоуменьи тащат муравьи,
Что ни попало, в жилища свои.

С песнями труд человека спорился:
Словно подкошен, осипник валился,

С треском ломали сухой березняк,
Корчили с корнем упорный дубняк,

Старую сосну сперва подрубали,
После арканом ее нагибали

200 И, поваливши, плясали на ней,
Чтобы к земле прилегла поплотней.

Так, победив после долгого боя,
Враг уже мертвого топчет героя.

Много тут было печальных картин:
Стоном стонали верхушки осин,

Из перерубленной старой березы
Градом лилися прощальные слезы

И пропадали одна за другой
Данью последней на почве родной.

210 Кончились поздно труды роковые.
Вышли на небо светила ночные,

И над поверженным лесом луна
Остановилась, кругла и ясна —

Трупы деревьев недвижно лежали;
Сучья ломались, скрипели, трещали,

Жалобно листья шумели кругом.
Так, после битвы, во мраке ночном

Раненый стонет, зовет, проклинает.
Ветер над полем кровавым летает —

220 Праздно лежащим оружием звенит,
Волосы мертвых бойцов шевелит!

Тени ходили по пням беловатым,
Жидким осинам, березам косматым;

Низко летали, вились колесом
Совы, шарахаясь о землю крылом;

Звонко кукушка вдали куковала,
Да, как безумная, галка кричала,

Шумно летая над лесом... но ей
Не отыскать неразумных детей!

230 С дерева комом галчата упали,
Желтые рты широко разевали,

Прыгали, злились. Наскучил их крик —
И придавил их ногою мужик.

Утром работа опять закипела.
Саша туда и ходить не хотела,

Да через месяц — пришла. Перед ней
Взрытые глыбы и тысячи пней;

Только, уныло повиснув ветвями,
Старые сосны стояли местами,

240 Так на селе остаются одни
Старые люди в рабочие дни.

Верхние ветви так плотно сплелись,
Словно там гнезда жар-птиц завелись,

Что, по словам долговечных людей,
Дважды в полвека выводят детей.

Саше казалось, пришло уже время:
Вылетит скоро волшебное племя,

Чудные птицы посядут на пни,
Чудные песни споют ей они!

250 Саша стояла и чутко внимала.
В красках вечерних заря догорала —

Через соседний несрубленный лес,
С пышно-румяного края небес

Солнце пронзалось стрелой лучезарной,
Шло через пни полосою янтарной

И наводило на дальний бугор
Света и теней недвижный узор.

Долго в ту ночь, не смыкая ресницы,
Думает Саша: что петь будут птицы?

260 В комнате словно тесней и душней.
Саше не спится, — но весело ей.

Пестрые грезы сменяются живо,
Щеки румянцем горят не стыдливо,

Утренний сон ее крепок и тих...
Первые зорьки страстей молодых,

Полны вы чары и неги беспечной!
Нет еще муки в тревоге сердечной;

Туча близка, но угрюмая тень
Медлит испортить смеющийся день,

270 Будто жалея... И день еще ясен...
Он и в грозе будет чудно прекрасен,

Но безотчетно пугает гроза...
Эти ли детски живые глаза,

Эти ли полные жизни ланиты
Грустно поблекнут, слезами покрыты?

Эту ли резвую волю во власть
Гордо возьмет всегубящая страсть?..

Мимо идите, угрюмые тучи!
Горды вы силой, свободой могучи:

280 С вами ли, грозные, вынести бой
Слабой и робкой былинке степной?..

3

Третьего года, наш край покидая,
Старых соседей моих обнимая,

Помню, пророчил я Саше моей
Доброго мужа, румяных детей,

Долгую жизнь без тоски и страданья...
Да не сбылися мои предсказанья!

В страшной беде стариков я застал.
Вот что про Сашу отец рассказал:

290 «В нашем соседстве усадьба большая
Лет уже сорок стояла пустая;

В третьем году наконец прикатил
Барин в усадьбу и нас посетил,

Именем: Лев Алексеич Агарин,
Ласков с прислугой, как будто не барин,

Тонок и бледен. В лорнетку глядел,
Мало волос на макушке имел.

Звал он себя перелетною птицей:
Был, — говорит, — я теперь за границей,

300 Много видал я больших городов,
Синих морей и подводных мостов —

Всё там приволье, и роскошь, и чудо,
Да высылали доходы мне худо.

На пароходе в Кронштадт я пришел,
И надо мной всё кружился орел,

Словно пророчил великую долю. —
Мы со старухой дивилися вволю,

Саша смеялась, смеялся он сам...
Начал он часто похаживать к нам,

310 Начал гулять, разговаривать с Сашей
Да над природой подтрунивать нашей —

Есть-де на свете такая страна,
Где никогда не проходит весна,

Там и зимою открыты балконы,
Там поспевают на солнце лимоны,

И начинал, в потолок посмотрев,
Грустное что-то читать нараспев.

Право, как песня слова выходили.
Господи! сколько они говорили!

320 Мало того: он ей книжки читал
И по-французски ее обучал.

Словно брала их чужая кручина,
Всё рассуждали: какая причина,

Вот уж который теперича век
Беден, несчастлив и зол человек?

Но, — говорит, — не слабеите душою:
Солнышко правды взойдет над землею!

И в подтвержденье надежды своей
Старой рябиновкой чокался с ней.

830 Саша туда же — отстать-то не хочет —
Выпить не выпьет, а губы обмочит;

Грешные люди — пивали и мы.
Стал он прощаться в начале зимы:

Бил, — говорит, — я довольно баклуши,
Будьте вы счастливы, добрые души,

Благословите на дело... пора! —
Перекрестился — и съехал с двора...

В первое время печалилась Саша,
Видим: скучна ей компания наша.

340 Годы ей, что ли, такие пришли?
Только узнать мы ее не могли,

Скучны ей песни, гаданья и сказки.
Вот и зима! — да не тешат салазки.

Думает думу, как будто у ней
Больше забот, чем у старых людей.

Книжки читает, украдкой плачет.
Видели: письма всё пишет и прячет.

Книжки выписывать стала сама —
И наконец набралась же ума!

350 Что ни спроси, растолкует, научит,
С ней говорить никогда не наскучит;

А доброта... Я такой доброты
Век не видал, не увидишь и ты!

Бедные все ей приятели-друзи:
Кормит, ласкает, и лечит недуги.

Так девятнадцать ей минуло лет.
Мы поживаем — и горюшка нет.

Надо же было вернуться соседу!
Слышим: приехал и будет к обеду.

360 Как его весело Саша ждала!
В комнату свежих цветов принесла,

Книги свои уложила исправно,
Просто оделась, да так-то ли славно;

Вышла навстречу — и ахнул сосед!
Словно орбел. Мудреного нет:

В два-то последние года на-диво
Сашенька стала пышна и красива,

Прежний румянец в лице заиграл.
Он же бледней и плешивее стал...

370 Всё, что ни делала, что ни читала,
Саша тотчас же ему рассказала;

Только не впрок угожденье пошло!
Он ей перечил, как будто на-зло:

— Оба тогда мы болтали пустое!
Умные люди решили другое,

Род человеческий низок и зол. —
Да и пошел! и пошел! и пошел!..

Что говорил — мы понять не умеем,
Только покоя с тех пор не имеем:

380 Вот уж сегодня семнадцатый день
Саша тоскует и бродит, как тень!

Книжки свои то читает, то бросит,
Гость навестит, так молчать его просит.

Был он три раза; однажды застал
Сашу за делом: мужик диктовал

Ей письмецо, да какая-то баба
Травки просила — была у ней жаба.

Он поглядел и сказал нам, шутя:
— Тешится новой игрушкой дитя! —

390 Саша ушла — не ответила слова...
Он было к ней; говорит: «нездорова».

Книжечек прислал — не хотела читать
И приказала назад отослать.

Плачет, печалится, молится богу...
Он говорит: «я собрался в дорогу».

Сашенька вышла, простилась при нас,
Да и опять наверху заперлась.

Что ж?.. он письмо ей прислал. Между нами:
Грешные люди, с испугу, мы сами

400 Прежде его прочитали тайком:
Руку свою предлагает ей в нем.

Саша сначала отказ отослала,
Да уж потом нам письмо показала.

Мы уговаривать: чем не жених?
Молод, богат, да и нравом-то тих.

«Нет, не пойду». А сама не спокойна;
То говорит: «я его недостойна» —

То: «он меня недостойн: он стал
Зол и печален, и духом упал!»

410 А как уехал, так пуще тоскует,
Письма его потихоньку целует!..

Что тут такое? родной, объясни!
Хочешь, на бедную Сашу взгляни.

Долго ли будет она убиваться?
Или уж ей не певать, не смеяться,

И погубил он бедняжку навек?
Ты нам скажи: он простой человек

Или какой чернокнижник-губитель?
Или не сам ли он бес-искуситель?..»

4

420 Полноте, добрые люди, тужить!
Будете скоро по прежнему жить:

Саша поправится — бог ей поможет.
Околдовать никого он не может:

Он... не могу приложить головы,
Как объяснить, чтобы поняли вы...

Странное племя, мудреное племя
В нашем отечестве создало время!

Это не бес, искуситель людской,
Это, увы! — современный герой!

430 Книги читает да по свету рыщет —
Дела себе исполинского ищет,

Благо, наследье богатых отцов
Освободило от малых трудов,

Благо, итти по дороге избитой
Лень помешала да разум развитый.

— Нет, я души не растрочу моей
На муравьиной работе людей:

Или под бременем собственной силы
Сделаюсь жертвою ранней могилы

440 Или по свету звездой пролечу!
Мир, — говорит, — осчастливить хочу! —

Что ж под руками, того он не любит,
То мимоходом без умыслу губит.

В наши великие, трудные дни
Книги не шутка: укажут они

Всё недостойное, дикое, злое,
Но не дадут они сил на благое,

Но не научат любить глубоко...
Дело веков поправлять не легко!

450 В ком не воспитано чувство свободы,
Тот не займет его; нужны не годы —

Нужны столетья, и кровь, и борьба,
Чтоб человека создать из раба.

Всё, что высоко, разумно, свободно,
Сердцу его и доступно и сродно,

Только дающая силу и власть
В слове и деле чужда ему страсть!

Любит он сильно, сильнее ненавидит,
А доведись — комара не обидит!

460 Да говорят, что ему и любовь
Голову больше волнует — не кровь!

Что ему книга последняя скажет,
То на душе его сверху и ляжет:

Верить, не верить — ему всё равно,
Лишь бы доказано было умно!

Сам на душе ничего не имеет,
Что вчера сжал, то сегодня и сеет;

Нынче не знает, что завтра сожнет,
Только наверное сеять пойдет.

470 Это в простом переводе выходит,
Что в разговорах он время проводит;

Если ж за дело возьмется — беда!
Мир виноват в неудаче тогда;

Чуть поослабнут нетвердые крылья,
Бедный кричит: «бесполезны усилья!»

И уж куда как становится зол
Крылья свои опаливший орел...

Поняли?.. нет!.. Ну, беда небольшая!
Лишь поняла бы бедняжка больная.

480 Благо, теперь догадалась она,
Что отдаваться ему не должна!

А остальное всё сделает время.
Сеет он, всё-таки, доброе семя!

В нашей степной полосе, что ни шаг,
Знаете вы, — то бугор, то овраг:

В летнюю пору безводны овраги,
Выжжены солнцем, песчаны и наги,

Осенью грязны, не видны зимой,
Но погодите: повеет весной

490 С теплого края, оттуда, где люди
Дышат вольнее — в три четверти груди, —

Красное солнце растопит снега,
Реки покинут свои берега, —

Чуждые волны кругом разливая,
Будет и дерзок и полон до края

Жалкий овраг... Пролетела весна —
Выжжет опять его солнце до дна,

А. Я ПАПЛЕВА

Акварель неизвестного художника, 50-е гг.

Но уже зреет на ниве поемной,
Что оросил он волною заемной,

Пышная жатва. Нетронутых сил
500 В Саше так много сосед пробудил...

Эх! говорю я хитро, непонятно!
Знайте и верьте, друзья: благодатна

Всякая буря душе молодой —
Зреет и крепнет душа под грозой.

Чем неутешнее дитячко ваше,
Тем встрепенется светлее и краше:

В добрую почву упало зерно —
Пышным плодом отродится оно!

* * *

Давно — отвергнутый тобою,
Я шел по этим берегам
И, полон думой роковою,
Мгновенно кинулся к волнам.
Они приветливо яснили.
На край обрыва я ступил —
Вдруг волны грозно потемнели,
И страх меня остановил!
Поздней — любви и счастья полны,
10 Ходили часто мы сюда,
И ты благословляла волны,
Меня отвергшие тогда.
Теперь — один, забыт тобою,
Чрез много роковых годов,
Брожу с убитою душою
Опять у этих берегов.
И та же мысль приходит снова —
И на обрыве я стою,
Но волны не грозят сурово,
20 А манят в глубину свою...

ПИСЬМА

Плачь, горько плачь! Их не напишешь вновь,
Хоть написать, смеясь, ты обещала...

Они навек погибли, как любовь,
Которая их сердцу диктовала.

Хранились в них души твоей черты,
Корыстному волнению непричастной,
Поэзии роскошные цветы —

Благоуханье молодости ясной!

И пусть бы жизнь их ложью назвала —

10 Она давно в них веру колебала, —

Нет! та рука со злобой их сожгла,

Которая с любовью их писала!

Грядущее опоры лишено,

Прошедшее поругано жестоко,

.....

.....

* * *

Тяжелый год — сломил меня педуг,
Беда застигла, — счастье изменило, —
И не щадит меня ни враг, ни друг,
 И даже ты не пощадила!
 Истерзана, озлоблена борьбой
 С своими кровными врагами,
 Страдалица! стоишь ты предо мной
Прекрасным призраком с безумными глазами!
 Упали волосы до плеч,
30 Уста горят, румянцем рдеют щеки,
 И необузданная речь
 Сливается в ужасные упреки,
Жестокие, неправые... Постой!
Не я обрек твои молодые годы
На жизнь без счастья и свободы,
Я друг, я не губитель твой!
Но ты не слушаешь...
-

* * *

Безвестен я. Я вами не стяжал
Ни почестей, ни денег, ни похвал,
Стихи мои, — плод жизни несчастливой,
У отдыха похищенных часов,
Скрытых слез и думы боязливой;
Но вами я не восхвалял глупцов,
Но с подлостью не заключал союза,
Нет! свой венец терновый приняла,
Не дрогнув, обеславленная Муза
10 И под кнутом без звука умерла.

МАША

Белый день занялся над столицей,
Сладко спит молодая жена,
Только труженик-муж бледнолицый
Не ложится — ему не до сна!

Завтра Маше подруга покажет
Дорогой и красивый наряд...
Ничего ему Маша не скажет,
Только взглянет... убийственный взгляд!

10 В ней одной его жизни отрада,
Так пускай в нем не видит врага:
Два таких он ей купит наряда.
А столичная жизнь дорога!

Есть, конечно, прекрасное средство:
Под рукою казенный сундук;
Но испорчен он был с малолетства
Изученьем опасных наук.

20 Человек он был новой породы:
Исключительно честь понимал,
И безгрешные даже доходы
Называл воровством, либерал!

Лучше жить бы хотел он попроще,
Не франтить, не тянуться бы в свет, —

Да обидно покажется теще,
Да осудит богатый сосед!

Всё бы вздор... только с Машей не сладишь.
Не втолкуешь — глупа, молода!
Скажет: «так за любовь мою платишь!»
Нет! упреки тошнее труда!

30 И кипит-поспевает работа,
И болит-надрывается грудь...
Наконец, наступила суббота:
Вот и праздник — пора отдохнуть!

Он лелеет красавицу-Машу,
Выпив полную чашу труда,
Наслаждения полную чашу
Жадно пьет... и он счастлив тогда!

40 Если дни его полны печали,
То минуты порой хороши,
Но и самая радость едва ли
Не вредна для усталой души.

Скоро в гроб его Маша уложит,
Проклянет свой сиротский удел
И, бедняжка! ума не приложит:
Отчего он так скоро сгорел?

В БОЛЬНИЦЕ

Вот и больница. Светя, показал
В угол нам сонный смотритель.
Трудно и медленно там угасал
Честный бедняк сочинитель.
Мы попрекнули невольню его,
Что, зануждавшись в столице,
Не известил он друзей никого,
А приютился в больнице...

10 «Что за беда, — он шутя отвечал: —
Мне и в больнице покойно.
Я всё соседей моих наблюдал:
Многое, право, достойно
Гоголя кисти. Вот этот субъект,
Что меж кроватями бродит —
Есть у него превосходный проект,
Только — беда! не находит
Денег... а то бы давно превращал
Он в бриллианты крапиву.
20 Он покровительство мне обещал
И миллион на разживу!

Вот старикашка-актер: на людей
И на судьбу негодует;
Перевирая, из старых ролей
Всюду двустипшия сует;
Он добродушен, задорен и мил,
Жалко — уснул (или умер?) —
А то бы верно он вас посмешил...
Смолк и семнадцатый номер!

30 А как он бредил деревней своей,
Как, о семействе тоскуя,
Ласки последней просил у детей,
А у жены поцелуя!

Не просыпайся же, бедный больной!
Так в забытьи и умри ты...
Очи твои не любимой рукой —
Сторожем будут закрыты!
Завтра дежурные нас обойдут,
Саваном мертвых накроют,
Счетом в мертвецкий покой отнесут,
40 Счетом в могилу зароят.
И уж тогда не являйся жена,
Чуткая сердцем, в больницу —
Бедного мужа не сыщет она,
Хоть раскопай всю столицу!

Случай недавно ужасный тут был:
Пастор какой-то немецкий
К сыну приехал — и долго ходил...
«Вы поищите в мертвецкой» —
50 Сторож ему равнодушно сказал;
Бедный старик пошатнулся,
В страшном испуге туда побежал,
Да, говорят, и рехнулся!
Слезы ручьями текут по лицу,
Он между трупами бродит:
Молча заглянет в лицо мертвецу,
Молча к другому подходит...

Впрочем, не вечно чужою рукой
Здесь закрываются очи.
60 Помню: с прошибленной в кровь головой
К нам привели среди ночи
Старого вора: в остроге его
Буйный товарищ изранил.
Он не хотел исполнять ничего,
Только грозил и буянил.
Наша сиделка к нему подошла,
Вздрыгнула вдруг — и ни слова...
В странном молчаньи минута прошла:
Смотрят один на другого!

Кончилось тем, что угрюмый злодей,
70 Пьяный, обрызганный кровью,
Вдруг зарыдал — перед первой своей,
Светлой и честной любовью.
(Смолоду знали друг друга они...)
Круто старик изменился:
Плачет да молится целые дни,
Перед врачами смирился.
Не было средства, однако, помочь...
Час его смерти был страшен
80 (Помню я эту печальную ночь):
Он уже был бездыханен,
А всепрощающий голос любви,
Полный мольбы бесконечной,
Тихо над ним раздавался: «живи,
Милый, желанный, сердечный!»
Всё, что имела она, продала —
С честью его схоронила.
Бедная! как она мало жила!
Как она много любила!
90 А что любовь ей дала, кроме бед,
Кроме печали и муки?
Смолоду — стыд, а на старости лет —
Ужас последней разлуки!..

Есть и писатели здесь, господа.
Вот, посмотрите: украдкой,
Бледен и робок, подходит сюда
Юноша с толстой тетрадкой.
С юга пешком привела его страсть
В дальнюю нашу столицу —
100 Думал бедняга в храм славы попасть —
Рад, что попал и в больницу!
Всем он читал свой ребяческий бред —
Было тут смеху и шуму!
Я лишь один не смеялся... о, нет!
Думал я горькую думу.
Братья-писатели! в нашей судьбе
Что-то лежит роковое:
Если бы все мы, не веря себе,
Выбрали дело другое —

110 Не было б, точно, согласен и я,
Жалких писак и педантов —
Только бы не было также, друзья,
Скоттов, Шекспиров и Дантов!
Чтоб одного возвеличить, борьба
Тысячи слабых уносит —
Даром ничто не дается: судьба
Жертв искупительных просит».

Тут наш приятель глубоко вздохнул,
Начал метаться тревожно;
Мы посидели, пока он уснул —
120 И разошлись осторожно...

* * *

Поражена потерей невозвратной,
Душа моя уныла и слаба:
Ни гордости, ни веры благодатной —
Постыдное бессилие раба!

Ей всё равно — холодный сумрак гроба,
Позор ли, слава, ненависть, любовь, —
Погасла и спасительная злоба,
Что долго так разогревала кровь.

10 Я жду... но ночь не близится к рассвету,
И мертвый мрак кругом... и та,
Которая воззвать могла бы к свету —
Как будто смерть сковала ей уста!

Лицо без мысли, полное смятенья,
Сухие, напряженные глаза —
И, кажется, зарею обновленья
В них никогда не заблестит слеза.

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

В одном из переулков дальних
Среди друзей своих печальных
Поэт в подвале умирал
И перед смертью им сказал:

«Как я, назад тому семь лет
Другой бедняк покинул свет,
Таким же сокрушен недугом.
Я был его ближайшим другом
И братом по судьбе. Мы шли
20 Одной тернистою дорогой
И пересилить не могли
Судьбы, — равно к обоим строгой.
Он честно истине служил,
Он духом был смелей и чище.
Зато и раньше проложил
Себе дорогу на кладбище...
А ныне очередь моя...
Его я пережил не много;
Я сделал мало, волей бога
2) Погибла даром жизнь моя.
Мои страданья были люты,
Но многих был я сам виной;
Теперь, в последние минуты,
Хочу я долг исполнить мой,
Хочу сказать о бедном друге
Всё, что я видел, что я знал,
И что в мучительном недуге
Он честным людям завещал...
30 Родился он почти плебеем
(Что мы бесслаьем разумеем

Что он иначе понимал).
Его отец был лекарь жалкий,
Он только пить любил, да палкой
К ученью сына поощрял.
Процесс развития — в России
Не чуждый многим — проходя,
Книжонки дельные, пустые
Читало с жадностью дитя,
Притом, как водится, украдкой...
40 Тоска мечтательности сладкой
Им овладела с малых лет...
Какой прозаик иль поэт
Помог душе его развиться,
К добру и славе прилепиться —
Не знаю я. Но в нем кипел
Родник богатых сил природных —
Источник мыслей благородных
И честных, бескорыстных дел!..

С кончиной лекаря, на свете
50 Остался он убог и мал;
Попал в Москву, учиться стал
В московском университете;
Но выгнан был, не доказав
Каких-то о рождении прав,
Не удостоенный патентом, —
И оставался целый век
Недоучившимся студентом.
(Один ученый человек
Колот его неоднократно
60 Таким прозванием печатно,
Но, впрочем, бог ему судья!..)
Бедняк, терпя нужду и горе,
В подвале жил — и начал вскоре
Писать в журналах. Помню я:
Писал он много... Мыслью новой,
Стремленьем к истине суровой
Горячий труд его дышал, —
Его заметили... В ту пору
70 Пришла охота прожектору,
Который барышей желал,
Обширный основать журнал...

Вникая в дело неглубоко,
Искал он одного, чтоб тот,
Кто место главное займет,
Писал разборчиво — и срока
В доставке своего труда
Не нарушал бы никогда.
Белинский как-то с ним списался
И жить на север перебрался...

89) Тогда всё глухо и мертво
В литературе нашей было:
Скончался Пушкин; без него
Любовь к ней в публике остыла...
В бореньи пошлых мелочей
Она погрязнув поглупела...
До общества, до жизни ей
Как будто не было и дела.
В то время, как в родном краю
Открыто зло торжествовало;

90) Ему лишь «баюшки-баю»
Литература распевала.
Ничья могучая рука
Ее не направляла к цели;
Лишь два задорных поляка
На первом плане в ней шумели.
Уж новый гений подымал
Тогда главу свою меж нами,
Но он один изнемогал,
Тесним бесстыдными врагами;
100) К нему под знамя приносил
Запас идей, надежд и сил
Кружок еще несмелый, тесный...
Потребность сильная была
В могучем слове правды честной,
В открытом обличеньи зла...

И он пришел, плебей безвестный!..
Не пощадил он ни льстецов,
Ни подлецов, ни идиотов,
Ни в маске жарких патриотов
110) Благонамеренных воров!
Он все предания проверил,
Без ложного стыда измерил

Всю бездну дикости и зла,
 Куда, васнув под говор лести,
 В забвеньи истины и чести,
 Отчизна бедная зашла!
 Он расточал ей укоризны
 За рабство — вековой недуг, —
 И прокричал врагом отчизны
 120 Его — отчизны ложный друг.
 Над ним уж тучи собирались,
 Враги шумели, ополчались.
 Но дикий вопль клеветника
 Не помешал ему пока...
 В нем силы душе разгорались,
 И между тем, как перед ним
 Его соратники редели,
 Смирялись, пятились, немели,
 Он шел один неколебим!..

130 О! сколько есть душой свободных
 Сынов у родины моей,
 Великодушных, благородных
 И неподкупно верных ей,
 Кто в человеке брата видит,
 Кто зло клеймит и ненавидит,
 Чей светел ум и ясен взгляд,
 Кому рассудок не теснят
 Преданья ржавые оковы, —
 Не все ль они признать готовы
 140 Его учителем своим?..

Судьбой и случаем храним,
 Трудился долго он — и много
 (Конечно, не без воли бога)
 Сказать полезного успел
 И может быть бы уцелел...
 Но поднялась тогда тревога
 В Париже буйном — и у нас
 По своему отозвалась...
 Скрутили бедную цензуру —
 150 Послушав наконец клевет,
 И разбирать литературу
 Созвали целый комитет.
 По счастью, в нем сидели люди

НЕКРАСОВ И ПАНАЕВ У БОЛЬШОГО БЕЛИНСКОГО

Картина А. А. Назимова

Честней, чем был из них один,
Палач науки Бутурлин,
Который, не жалея груди,
Беснуясь, повторял одно:
«Закройте университеты,
И будет зло пресечено!..»
160 (О муж бессмертный! не воспеты
Еще никем твои слова,
Но твердо помнит их молва!
Пусть червь тебя могильный гложет,
Но сей совет тебе поможет
В потомство перейти верней,
Чем том истории твоей...)

Почти полгода нас судили,
Читали, справки наводили —
И не остался прав никто...
170 Как быть! спасибо и за то,
Что не был суд бесчеловечен...
Настала грустная пора,
И честный сеятель добра
Как враг отчизны был отмечен;
За ним следили, и тюрьму
Враги пророчили ему...
Но тут услужливо могила
Ему объятья растворила:
180 Замучен жизнью трудовой
И постоянной нищетой,
Он умер... Помянуть печатно
Его не смели... Так о нем
Слабеет память с каждым днем
И скоро сгибнет невозвратно!..»

Поэт умолк. А через день
Скончался он. Друзья сложились
И над усопшим согласились
Поставить памятник, но лень
Исполнить помешала вскоре
190 Благое дело, а потом
Могила заросла кругом:
Не сыщешь... Не велико горе!
Живой печется о живом,
А мертвый спи глубоким сном...

СВАДЬБА

В сумерки в церковь вхожу. Малолюдно,
Святят лампы печально и скудно,
Темны просторного храма углы;
Длинные окна, то полные мглы,
То озаренные беглым мерцаньем,
Тихо колеблются с робким бряцаньем.
В куполе темень такая висит,
Что поглядеть туда — дрожь пробежит!
10 С каменных плит и со стен полутемных
Сыростью веет: на петлях огромных
Словно заплакана тяжкая дверь...

Нет богомольцев, не служба теперь —
Свадьба. Венчаются люди простые.
Вот у наоя стоят молодые:
Парень-ремесленник фертот глядит,
Красен с лица и с затылка подбрит —
Видно: разгульного сорта детина!
Рядом невеста: такая кручина
В бледном лице, что глядеть тяжело...
20 Бедная женщина! Что вас свело?

Вижу я, стан твой немного полнее,
Чем бы... Я понял! Стыдливо краснея
И нагибаясь, свой длинный платок
Ты на него потянула... Увлек,
Видно, гуляка подарком да лаской,
Песней, гитарой да честною маской?
Ты ему сердце свое отдала...
Сколько ночей ты потом не спала!

Сколько ты плакала!.. Он не оставил,
30 Волей ли, нет ли, он дело поправил —
Бог не без милости — ты спасена...
Что же ты так безнадежно грустна?

Ждет тебя много попреков жестоких,
Дней трудовых, вечеров одиноких:
Будешь ребенка больного качать,
Буйного мужа домой поджидать,
Плакать, работать -- да думать уныло,
Что тебе жизнь молодая сулила,
Чем подарила, что даст впереди...
40 Бедная! лучше вперед не гляди!

* * *

Внимая ужасам войны,
При каждой новой жертве боя
Мне жаль не друга, не жены,
Мне жаль не самого героя...
Увы! утешится жена,
И друга лучший друг забудет;
Но где-то есть душа одна —
Она до гроба помнить будет!
Средь лицемерных наших дел
10 И всякой пошлости и прозы
Одни я в мире подсмотрел
Святые, искренние слезы —
То слезы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей...

НА РОДИНЕ

Роскошны вы, хлеба заповедные
Родимых пив —
Цветут, растут колосья наливные,
А я чуть жив!
Ах, страшно так я создан небесами,
Таков мой рок,
Что хлеб полей, возделанных рабами,
Нейдет мне впрок!

ГАДАЮЩЕЙ НЕВЕСТЕ

У него прекрасные манеры,
Он не глуп, не беден и хорош,
Что гадать? ты влюблена без меры
И судьбы своей ты не уйдешь.

Я могу сказать и без гаданья:
Если сердце есть в его груди —
Ждут тебя, быть может, испытанья,
Но и счастье будет впереди...

10 Не из тех ли только он бездушных,
Что в столице много встретишь ты,
Одному лишь голосу послушных —
Голосу тщеславной суеты?

Что гордятся ровностью пробора,
Щегольски обутою ногой,
Потеряв сознание позора
Жизни дикой, праздной и пустой?

Если так — плоха порука счастьем!
Как бы чудно ты ни расцвела,
Ни умом, ни красотой, ни страстью
20 Не поправишь рокового зла.

Он твои пленительные взоры,
Нежность сердца, музыку речей —
Всё отдаст за плоские рессоры
И за пару кровных лошадей!

ДЕМОНУ

Где ты, мой старый мучитель,
Демон бессонных ночей?
Сбился я с толку, учитель,
С братьей болтливой моей.

Дуешь, бывало, на пламя —
Пламя пылает сильней,
Краше волнуется знамя
Юности гордой моей.

Прямо ли, криво ли вижу,
10 Только душою киплю:
Так глубоко ненавижу,
Так бескорыстно люблю!

Нынче я всё понимаю,
Всё объяснить я хочу,
Всё так охотно прощаю,
Лишь неохотно молчу.

Что же со мною случилось?
Как разгадаю себя?
Всё бы тотчас объяснилось,
20 Да не докликнуть тебя!

Способу ты не находишь
Сладить с упрямой душой?
Иль потому не приходишь,
Что уж доволен ты мной?

СЕКРЕТ

(Опыт современной баллады)

1

В счастливой Москве, на Неглинной,
Со львами, с решеткой кругом,
Стоит одиноко старинный,
Гербами украшенный дом.

Он с роскошью барской построен,
Как будто векам на показ;
А ныне в нем несколько боен
И с юфтью просторный лабаз.

10 Картофель да кочки капусты
Растут перед ним на грядках;
В нем лучшие комнаты пусты,
И мебель и бронза — в чехлах.

Не ведает мудрый владелец
Тщеславья и роскоши нег;
Он в собственном доме пришелец,
Занявший в конуре ночлег.

В его деревянной пристройке
Свеча одиноко горит;
Скупец умирает на койке
20 И детям своим говорит:

2

«Огни зажигались вечерние,
Выл ветер и дождик мочил,
Когда из Полтавской губернии
Я в город столичный входил.

В руках была палка предлинная,
Котомка пустая на ней,
На плечах шубенка овчинная,
В кармане пятнадцать грошей.

30 Ни денег, ни званья, ни племени,
Мал ростом и с виду смешен
Да сорок лет минуло времени —
В кармане моем миллион!

И сам я теперь благоденствую,
И счастье вокруг себя лью:
Я нравы людей совершенствую,
Полезный пример подаю.

Я сделался важной персоною,
Пожертвовав тысячу в год:
40 Имею и Анну с короною,
И звание «друга сирот».

Но дни наступили унылые,
Смерть близко — спасения нет!
И время вам, детушки милые,
Узнать мой великий секрет.

Квартиру я нанял у дворника,
Дрова к постояльцам таскал;
Подбился я к дочери шорника
И с нею отца обокрал;

50 Потом и ее, бестолковую,
За пужное счел обокрасть
И в практику бросился новую —
Запрёгся в питейную часть.

Потом...»

з

Вдруг лицо потемнело,
Раздался мучительный крик —
Лежит, словно мертвое тело,
И больше ни слова старик!

Но, видно, секрет был угадан,
Сынки угодили в отца:
Старик еще дышит на ладан
60 И ждет боязливо конца,

А дети гуляют с ключами.
Вот старший в шкатулку проник!
Старик осадил бы словами —
Нет слов: непокорен язык!

В меньшом родилось подозренье,
И ссора кипит о ключах —
Не слух бы тут нужен, не зренье,
А сила в руках и ногах:

Воспрянул бы, словно из гроба,
70 И словом и делом могуч —
Смирились бы дерзкие оба
И отдали б старому ключ.

Но брат поднимает на брата
Преступную руку свою...
И вот тебе, коршун, награда
За жизнь воровскую твою!

ЗАБЫТАЯ ДЕРЕВНЯ

1

У бурмистра Власа бабушка Ненила
Починить избенку лесу попросила.
Отвечал: нет лесу, и не жди — не будет! —
«Вот приедет барин — барин нас рассудит,
Барин сам увидит, что плоха избушка,
И велит дать лесу», — думает старушка.

2

10 Кто-то по соседству, лихоимец жадный,
У крестьян землицы косячек изрядный
Оттягал, отрезал плутовским манером —
«Вот приедет барин: будет землемерам!»
Думают крестьяне: «скажет барин слово —
И землицу нашу отдадут нам снова».

3

Полюбил Наташу хлебопашец вольный,
Да перечит девке немец сердобольный,
Главный управитель. «Погодим, Игнаша,
Вот приедет барин!» — говорит Наташа.
Малые, большие — дело чуть за спором —
«Вот приедет барин!» повторяют хором...

4

20 Умерла Ненила; на чужой земле
У соседа-плута — урожай сторипей;
Прежние парнишки ходят бородаты;

Хлебопашец вольный угодил в солдаты,
И сама Наташа свадьбой уж не бредит...
Барина всё нету... барин всё не едет!

5

Наконец однажды среди дороги
Шестернею цугом показались дроги:
На дорогах высоких гроб стоит дубовый,
А в гробу-то барин; а за гробом — новый.
Старого отнесли, новый слезы вытер,
30 Сел в свою карету — и уехал в Питер.

* * *

Где твое личико смуглое
Нынче смеется, кому?
Эх, одиночество круглое!
Не посулю никому!

А ведь, бывало, охотно
Шла ты ко мне вечерком;
Как мы с тобой беззаботно
Веселы были вдвоем!

10 Как выражала ты живо
Милые чувства свои!
Помнишь, тебе особенно
Нравились зубы мои;

Как любовалась ты ими,
Как целовала, любя!
Но и зубами моими
Не удержал я тебя...

* * *

Замолкни, Муза мести и печали!
Я сои чужой тревожить не хочу,
Довольно мы с тобою проклинали.
Один я умираю — и молчу.

К чему хандрить, оплакивать потери?
Когда б хоть легче было от того!
Мне самому, как скрип тюремной двери,
Противны стоны сердца моего.

10 Всему конец. Ненастьем и грозою
Мой темный путь недаром омрача,
Не просветлеет небо надо мною,
Не бросит в душу теплого луча...

Волшебный луч любви и возрожденья!
Я звал тебя — во сне и наяву,
В труде, в борьбе, на рубеже паденья
Я звал тебя, — теперь уж не зову!

20 Той бездны сам я не хотел бы видеть,
Которую ты можешь осветить...
То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидеть.

ВЛЮБЛЕННОМУ

Как вести о дороге трудной,
Когда-то пройденной самим,
Внимаю речи безрассудной,
Надеждам розовым твоим.
Любви безумными мечтами
И я по-твоему кипел,
Но я делить их не хотел
С моими праздными друзьями.
За счастье сердца моего
10 Томим боязнию ревнивой,
Не допускал я никого
В тайник души моей стыдливой.
Зато теперь, когда угас
В груди тот пламень благодатный,
О прошлом счастье рассказ
Твержу с отрадой непонятной.
Так проникаем мы легко
И в недоступное жилище,
Когда хозяин далеко
20 Или почиет на кладбище.

КНЯГИНЯ

Дом — дворец роскошный, длинный, двухэтажный,
С садом и с решеткой; муж — сановник важный.

Красота, богатство, знатность и свобода —
Всё ей даровали случай и природа.

Только показалась — и пад светским миром
Солнцем засияла, вознеслась кумиром!

Воин, царедворец, дипломат, посланник —

Красоты волшебной раболепный данник;

Свет ей рукоплещет, свет ей подражает.

10 Властвует княгиня, цепи налагает,

Но цепей не носит; прихоти послушна,

Ни за что полюбит, бросит равнодушно:

Ей чужое счастье ничего не стоит —

Если и погибнет, торжество удвоит!

Сердце ли в ней билось чересчур спокойно,

Иль кругом всё было страсти недостойно,

Только ни однажды в молодые лета

Грудь ее любовью не была согрета.

Годы пролетали. В вихре жизни бальной

20 До поры осенней — пышной и печальной —

Дожила княгиня... Тут супруг скончался...

Труден был ей траур — доктор догадался

И нашел, что воды были б ей полезны

(Доктора в столицах вообще любезны).

Если только русский едет за границу,

Посылай в Палермо, в Пизу или в Ниццу,

Быть ему в Париже — так судьбам угодно!

Год в столице моды шумно и свободно

Прожила княгиня; на второй влюбилась

П. А. НЕКРАСОВ
Фотография 1856 г.

30 В доктора-францүза — и сама дивилась!
Не был он красавец, но ей было ново
Страстно и свободно льющееся слово,
Смелое, живое... Свергнуть иго страсти
Нет и помышленья... да уж нет и власти!
Решено! В Россию тотчас написали:
Немец-управитель, без большой печали,
Продал за бесценок, в силу повеленья,
Английские парки, русские селенья,
40 Земли, лес и воды, дачу и усадьбу...
Получили деньги — и сыграли свадьбу...

Тут пришла развязка. Круто изменился
Доктор-спекулятор: деспотом явился!
Деньги, бриллианты — всё пустил в аферы,
А жену тиранил, ревновал без меры,
И когда бедняжка с горя захворала,
Свез ее в больницу... Навещал сначала,
А потом уехал — словно канул в воду!
Скорбная, больная, гасла больше году
В нищете княгиня... и тот год тяжелый
50 Был ей долгим годом думы невеселой!

Смерть ее в Париже не была заметна:
Бедно нарядили, схоронили бедно...
А в отчизне дальней словно были рады:
Целый год судили — резко, без пощады,
Наконец устали... И одна осталась
Память: что с отличным вкусом одевалась!
Да еще остался дом с ее гербами,
До-верху набитый бедными жильцами,
Да в строфах небрежных русского поэта
60 Вдохновенных ею чудных два куплета,
Да голяк-потомок отрасли старинной,
Светом позабытый — и ни в чем невинный.

* * *

Чуть-чуть не говоря: «ты сущая ничтожность!»
Стихов моих печатный судия
Советует большую осторожность
В употребленьи буквы «я».

Винюсь: ты прав, усердный мой ценитель
И общих мест присяжный расточитель —
Против твоей я публики грешу,
Но только я не для нее пишу.
Увы! писать для публики, для света —

¹⁰ Удел не русского поэта...

Друзья мои по тяжкому труду,
По Музе гордой и несчастной,
Кипящей злобою безгласной!

Мою тоску, мою беду
Пою для вас... Не правда ли, отраднo
Несчастному несчастье в другом?
Кто болен сам, тот весело и жадно
Внимает вести о больном...

* * *

Как ты кротка, как ты послушна,
Ты рада быть его рабой,
Но он внимает равнодушно,
Уныл и холоден душой.

А прежде... помнишь? Молода,
Горда, надменна и прекрасна,
Ты им играла самовластно,
Но он любил, любил тогда!

Так солнце осени — без туч
Стоит не грея на лазури,
А летом и сквозь сумрак бури
Бросает животворный луч...

Тяжелый крест достался ей на долю:
Страдай, молчи, притворствуй и не плачь;
Кому и страсть, и молодость, и волю —
Всё отдала, — тот стал ее палач!

Давно ни с кем она не знает встречи;
Угнетена, пуглива и грустна,
Безумные, язвительные речи
Безропотно выслушивать должна:

19 «Не говори, что молодость сгубила
Ты, ревностью истерзана моей;
Не говори!.. близка моя могила,
А ты цветка весеннего свежей!

Тот день, когда меня ты полюбила
И от меня услышала: люблю —
Не проклинай! близка моя могила,
Поправлю всё, всё смертью искуплю!

20 Не говори, что дни твои унылы,
Тюремщиком больного не зови:
Передо мной — холодный мрак могилы,
Перед тобой — объятия любви!

Я знаю: ты другого полюбила,
Щадить и ждать наскучило тебе...
О, погоди! близка моя могила —
Начатое и кончить дай судьбе!..»

Ужасные, убийственные звуки!..
Как статуя прекрасна и бледна,
Она молчит, свои ломая руки...
И что сказать могла б ему она?..

ШКОЛЬНИК

— Ну, пошел же, ради бога!
Небо, ельник и песок —
Невеселая дорога...
Эй! садись ко мне, дружок! —

Ноги босы, грязно тело,
И едва прикрыта грудь...
Не стыдися! что за дело?
Это многих славных путь.

Вижу я в котомке книжку.
10 Так, учиться ты идешь...
Знаю: батька на сынишку
Издержал последний грош.

Знаю: старая дьячиха
Отдала четвертачок,
Что проезжая купчиха
Подарила на чаек.

Или, может, ты дворовый
Из отпущенных?.. Ну, что ж!
Случай тоже уж не новый —
20 Не робей, не пропадешь!

Скоро сам узнаешь в школе,
Как архангельский мужик
По своей и божьей воле
Стал разумен и велик.

Не без добрых душ на свете —
Кто-нибудь свезет в Москву
Будешь в университете —
Сон свершится наяву!

30 Там уж поприще широко:
Знай, работай да не трусь...
Вот за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!

Не бездарна та природа,
Не погиб еще тот край,
Что выводит из народа
Столько славных то-и-знай, —

Столько добрых, благородных,
Сильных любящей душой,
Посреди тупых, холодных
40 И напыщенных собой!

Т<УРГЕНЕ>ВУ

Прощай! Завидую тебе —
Твоей поездке, не судьбе:
Я гордостью, ты знаешь, болен
И не сменяю ни на чью
Судьбу плачевную мою,
Хоть очень ею недоволен. —
Ты счастлив. Ты воскреснешь вновь,
В душе твоей проснется живо
Всё, чем терзает прихотливо
16 И награждает нас любовь —
Пора наград, улыбок ясных,
Простых, как молодость, речей,
Ночей таинственных и страстных
И полных сладкой лени дней!
Ты знал ее?.. Нет лучшей доли!
Живешь легко, глядишь светлей,
Не жалко времени и воли,
Не стыдно праздности своей,
20 Душа тоскливо вдаль не рвется
И вся блаженна перед той,
Чье сердце ласковое бьется
Одним биением с тобой...
Счастливец! из доступных миру
Ты наслаждений взять умел
Всё, чем прекрасен наш удел:
Бог дал тебе свободу, лиру
И женской любящей душой
Благословил твой путь земной...

ПРОСТИ

Прости! Не помни дней паденья,
Тоски, унынья, озлобленья, —
Не помни бурь, не помни слез,
Не помни ревности угроз!

Но дни, когда любви светило
Над нами ласково всходило
И бодро мы свершали путь, —
Благослови и не забудь!

* * *

«Самодовольных болтунов,
Охотников до споров модных,
Где много благородных слов,
А дел не видно благородных,
Ты откровенно презирал;
Ты не однажды предсказал
Конец велеречивой сшибки
И слово «русский либерал»
Произносил не без улыбки.
10 Ты силу собственной души
Бессильем их надменно мерил
И добродушно ей ты верил.
И точно, были хороши
Твои начальные порывы:
Озолотил бы бедняка!
Но дед и бабка были живы,
И сам ты не имел куска.
И долго спали сном позорным
Благие помыслы твои,
20 Как дремлют подо льдом упорным
Речные вольные струи.
Ты их лелеял на соломе
И только применять их мог
Ко псу, который в жалком доме
Пожитки жалкие стерег.
И правда: пес был сыт и жирен,
И спал всё, дворнику на зло.
Теперь... теперь твой круг обширен!
Взгляни: богатое село
30 Лежит, обставлено скирдами,

Спускаясь по горе к ручью,
А избы полны мужиками...»

Въезжая в отчину свою,
Таковыми мыслями случайно
Был Решетилов осажден.
И побледнел необычайно,
И долго, долго думал он...
Потом — вступил он во владенье,
Вопрос отложен и забыт.
40 Увы! не наше поколенье
Его по совести решит!

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1843—1845

ГОВОРУН

ЗАПИСКИ ПЕТЕРБУРГСКОГО ЖИТЕЛЯ
А. Ф. БЕЛОПЯТКИНА

Глава I

Две строчки точек. — Раздумье. — Эфир и канцелярля. — Несколько автобиографических сведений. — Печто о супруге моей, Агафье Леонардовне. — Вступление. — О Санктпетербурге. — Приятности столичной жизни. — Шарманщик и шарманка. — Литература. — Иллюстрированные издания. — Большой театр. — Девица «Жизель». — Люция Гран. — «Руслан и Людмила». — Египетская магия. — Московские цыгане. — Груша, Матрена и я. — О том, какая история случилась с Гостиним двором. — Заключение.

I

Да, новый год!
.

...Я предан сокрушению,
Не пьется мне, друзья:
Мир ближе к разрушению,
К могиле ближе я.
Льдом жизненного холода
Не сковано еще, —
В вас сердце, други, молодо,
10 Свежо и горячо.
Еще вам свет корыстию
Рассудка не растлил,

И жизни черной кистию
Злой рок не зачернил.
За счастьем безбоязненно
Пока вы мчитесь вдаль,
И гостьей неприязненной
Не ходит к вам печаль.
Увы!.. она пробудится:
20 Час близок роковой!
И с вами то же сбудется,
Что сталося со мной:
В дни возраста цветущего
• Я так же был готов
Взять грудью у грядущего
И славу и любовь,
Кипел чудесной силою
И рвался всё к тому,
Чего душой остылою
30 Теперь и не пойму.
В житейских тревожениях
Терпел и стыд и зло
И видел в сновидениях
В венке свое чело.
Любил — и имя чудное
В отчаяньи твердил, —
То было время трудное:
Насилу пережил!

II

Когда восторг лирический
40 В себе я пробужу,
Я вам биографический
Портрет свой напишу.
Тогда вы всё узнаете, —
Как глуп я прежде был,
Мечтал, как вы мечтаете,
Душой в эфире жил,
Бежать хотел в Швейцарию, --
И как родитель мой
С эфира в канцелярию
50 Столкнул меня клюкой.

Как горд преуморительно
Я в новом был кругу
И как потом почтительно
Стал гнуть себя в дугу.
Как прежде, чем освоился
Со службой, всё краснел,
А после успокоился,
Окреп и потолстел.
Как гнаться стал за деньгами,
60 Изрядно нажился,
Детьми и деревеньками,
И домом завелся...

III

Но счастье скоротечное
Изменчиво и зло!
Друзья мои сердечные,
Не вечно мне везло!
Терплю беду великую
С семейной стороны:
Я взял тигрицу дикую
70 Во образе жены...
Но что вперед печалиться?
Покуда погожу...
Наверно всякий сжалится,
Как всё перескажу.
Большой портрет к изданию
Списать с себя велю
И в Великобританию
Гравировать пошлю.
Как скоро он воротится,
80 Явлюсь на суд людской,
Без галстуха, как водится,
С небритой бородой.

IV

Чтоб дни мои смиренные
В несчастья коротать,
Записки современные
Решился я писать.

Дворянство и купечество,
И всех других чинов
И званий человечество
90 Я видел без очков.
Как мир земной вращается,
Где тихо, где содом, —
Всё мною замечается,
Сужу я обо всем.
Болтать мне утешительно,
И публику прошу
Всё слушать снисходительно,
Что я ей расскажу.

V

Столица наша чудная
100 Богата через край,
Житье в ней нищим трудное,
Миллионерам — рай.
Здесь всюду наслаждения
Для сердца и очей,
Здесь всё без исключения
Возможно для людей:
При деньгах — вдвое вырасти,
Чертовски разжиреть,
От голода и сырости
110 Без денег умереть
(Где розы, там и тернии —
Таков закон судьбы!
Бедняк живи в губернии:
Там дешевы грибы).
С большими здесь и с малыми
В одном доме живешь
И рядом с генералами
По Невскому идешь.
Захочешь позабавиться —
120 Берешь газетный лист,
Задумаешь прославиться —
На то есть журналист:
Хвалы он всем славнейшие
Печатно раздает,

И как — душа добрейшая
Недорого берет!
Чего б здесь не увидели.
Чего бы не нашли?
130 Портные, сочинители,
Купцы со всей земли,
Наилучшие сапожники,
Актеры, повара,
С шарманками художники
Такие, что — ура!..
Я в них влюблен решительно
И здесь их воспою...

VI

Поют преуморительно
Они галиматью.
Прикрыв одеждой шкурочку
140 Для смеха и красы,
С мартышками мазурочку
Выплясывают псы,
И сам в минуту пьяную,
По страсти иль нужде,
Шарманщик с обезьяною
Танцует *надеде*.
Всё скачет, всё волнуется,
Как будто маскарад.
150 А русский люд любит: «Как немцы-то хитрят!»
Да, сильны их познания,
Их ловкость мудрена...
Действительно, Германия —
Ученая страна!

(Захочешь продолжения
Описанных чудес —
Ступай на представление
Прославленных пиес).

Буря.

Вот несправедлив Бунтманки-состудка,
Наконец сказала «себе во саду бедняка,

Как ты мне стачесть - нечеловек ты 2-й
Мудрей я истрадаче ногки-тешиכותи!

Кровь-то ишведая захитилр - келитка!
Да взглянула на небо - и повторить думка:

Небо облеориное турала ирривил,
Хитилди дурдэ рурвотт - прокарата сурв!!

Троби я нахмурит и покая дурдомов:
Сидитвие еловос кунте и ке думай!

Дуред Бунтманка, Бунтманка пунлива
Во бурю жу врата вобратт ей в-дво,-

Автограф стихотворения
«Буря»

VII

160 Придет охота страстная
 За чтение засесть —
 На то у нас прекрасная
 Литература есть.
 Цепями с модой скованный,
 Изменчив человек:
 Настал *иллюстрированный*
 В литературе век.
 С тех пор, как шутка с «Нашими»
 Пошла и удалась,
 Тьма книг с политипажами
 170 В столице развелась.
 Увидишь тут Суворова
 (Известный был герой),
 Историю которого
 Состряпал Полевой.
 Одетого как барина
 Во всей его красе,
 Увидишь тут Булгарина,
 В бекеше, в картузе.
 Различных тут по званию
 180 Увидишь ты гуляк
 И целую компанию
 Салопниц и бродяг.
 Рисунки чудно слажены,
 В них каждый штрих хорош,
 Иные и раскрашены:
 Ну, нехотя возьмешь!
 Изданья тоже славные, —
 Бумага так бела, —
 Но часто презабавные
 190 Выходят тут дела.
 Чем книга нашпигована,
 Постигнуть нет ума:
 В ней всё иллюминировано,
 А в тексте — мрак и тьма!
 В рисунках отличаются
 Клот, Тимм и Нетельгорст,
 Все ими восхищаются...
 Художественный перст!

VIII

200 Когда беда случилась,
И хочешь, чтоб в груди
Веселье пробудилось, —
В Большой театр иди.
Так ножки разлетаются,
Так зала там блестит,
Так платья развеваются —
Величественный вид!..
Ох!.. много с трубкой зрительной
Тут можно увидеть!
Ее бы «подозрительной»
210 Приличней называть.
Недавно там поставили
Чудесную «Жизель»
И в ней плясать заставили
Приезжую мамзель.
Прекрасно! восхитительно!
Виват, девица Гран!
В партере все решительно
Кричали: «*Се шарман!*»
Во мне зажглася заново
220 Поэзией душа...
А впрочем, Андреенова
Тут тоже хороша!

IX

В душе моей остылую,
Лишенную всех сил,
«Русланом и Людмилою»
Жизнь Глинка разбудил.
Поэма музыкальная
Исполнена красот,
Но самое печальное
230 Либретто: уши рвет!
Отменно мне понравилась
Полкана голова:
Едва в театр уставилась
И горлом здорова!

Искусно всем украшена —
От глаз и до усов.
Как слышал я, посажено
В ней несколько певцов
(Должно быть, для политики,
240 Чтоб петь ее слова) —
Не скажут тут и критики:
«Пустая голова!..»

Х

Извел бы десть бумаги я,
Чтоб только описать,
Какую Боско магию
Умеет представлять.
Ломал он вещи целые
На мелкие куски,
250 Вставлял середки белые
В пунцовые платки,
Бог-весть куда забрасывал
И кольца и перстни
И так смешно рассказывал,
Где явятся они.
Ну, словом: Боско рублики,
Как фокусник и враль,
Выманивал у публики
Так *ловко*, что не жаль!

ХІ

Взамен его приехали
260 Цыганы из Москвы —
Скажите, не потеха ли?..
Не знаю, как-то вы,
А я, когда их слушаю,
Дыханья затая,
Чуть сам невольно с *Грушею*
Не гаркну «Соловья».
Раз собственной персоною,
Забыв лета и класс,
Я с пляшущей *Матреною*
270 Пустился было в пляс.

ХП

Проехав мимо нашего
Гостиного двора,
Я чуть, задетый заживо,
Не закричал: «Ура!»
Бывало, день колотишься
На службе так и сяк,
А чуть домой воротиться,
Поешь — и день иссяк:
Нет входа в лавки русские!
280 Берешь жену и дочь
И едешь во французские —
Где грабят день и ночь.
Теперь — о восхищение
Для сердца и для глаз! —
В Гостином освещении:
Проводят в лавки газ!
Ликуй всё человечество!
Решилось, в пользу дам,
Российское купечество
290 Сидеть по вечерам —
И газ распространяется
Скорехонько с тех пор:
Ну, точно просвещается
У нас Гостиный двор!

Рука не разгибается,
Не вяжутся слова:
Умаялся!.. Кончается
Здесь первая глава...

Глава II

Нет счастья, под луной. — Романс. — Без трех в червах. — Страшный обет. — Путешествие в департамент. — Светлое воскресенье. — Патриархальная жизнь. — Великий пост. — Петербургские новости. — Рубины. — Его концерты. — Оперы: Отелло, Луция и пр. — Лист. — Коиское ристалище Сулье. — Арабы. — Скачущие мамзели. — Некоторые любопытные и достоверные извещения о ките. — О погоде. — О печальном расположении духа, в котором находится г-н Белопяткин, и о причинах того. — Звездочка. — Банк. — Путешествие по Невскому проспекту в двенадцатом часу ночи. — Предсмертный приют. — Биллиард. — Заключение. — Читатели. — Критики. — Барон Брамбеус, комета и г-н Белопяткин.

I

.....
.....
Недаром люди плакали,
Роптали на судьбу.
Сочувствую их ропоту
Растрезанной душой,
Я сам узнал по опыту —
Нет счастья под луной!
Какой предосторожности
10 В поступках ни держись,
Формально нет возможности
От жребия спасись.
Будь барин по сословию,
Приказчик, землемер,
Заставит плакать кровию —
Я сам тому пример!

II

На-днях у эскутера,
Чтоб скуку разогнать,
Рублишка по полтора
20 Засели мы играть,
Довольно флегматически
Тянулся преферанс;
Вдруг в зале поэтический
Послышался романс;
Согрет одушевлением,

Был голос так хорош,
Я слушал с восхищением,
Забыл весь мир... и что ж?..
Ошибкою малейшею
30 Застигнутый врасплох,
В червях игру сквернейшую
Сыграл и — был без трех!
Хотя в душе нотацию
Себе я прочитал,
Но тут же консоляцию
Сосед с меня взыскал.
Другие два приятеля
Огромные кресты
На бедного мечтателя
40 Черкнули за висты.
В тот вечер уж малинника
В глаза я не видал.
Сто тридцать два полтинника
С походом проиграл!..
Ох, пылкие движения
Чувствительной души!
От вас мне нет спасения,
В убыток — барыши!
Пропетый восхитительно,
50 Сгубил меня романс,
Вперед играть решительно
Не буду в преферанс!
Пусть с ним кто хочет водится.
Я — правилами строг:
В нем взятки брать приходится —
Избави меня бог!
Занятем этим втянешься,
Пожалуй, в грех такой,
Что, чорт возьми! останешься
60 По службе без одной!

III

То ль дело как ранехонько
Пробудишься, зевнешь —
На цыпочках, тихохонько
Из спальни улизнешь

(Пока еще пронзительно
Жена себе храпит),
Побреешься рачительно,
Приличный примешь вид.
Смирив свою амбицию,
70 За леностью слуги
Почистишь амуницию
И даже сапоги.
Жилетку и так далее
Наденешь, застегнешь,
Прицепишь все регалии,
Стакан чайку хлебнешь.
Дела, какие б ни были,
Захватишь и, как мышь,
Согнувшись в три погибели,
80 На службу побежишь...
Начальнику почтение,
Товарищам поклон
И вмиг за отношение —
Ничем не развлечен!
Молчания степенного
День целый не прервешь,
Лишь кстати подчиненного
Прилично распечешь,
Да разве снисходительно
90 Подшутит генерал, —
Тогда мы все решительно
Хохочем наповал!
(Уж так издавна водится,
Да так и должно быть:
Нам, право, не приходится
Пред старшими мудрить!)
Его превосходительство
Добрейший генерал,
Он много покровительства
100 Мне в службе оказал...

IV

Я с час пред умывальником
Мучительный провел,
Когда с своим начальником

Христосоваться шел,
Умылся так рачительно,
Чуть кожу не содрал,
Зато как снисходительно
Меня он лобызал!
Дал слово мной ваботиться,
110 Жал руку горячо,
А я его, как водится,
И в брюхо и в плечо!
Вот жизнь патриархальная,
Вот служба без химер.
О юность либеральная!
Бери с меня пример!..

V

Я в пост, как бы на станции
Задержанный, скучал,
Да к счастью, из Франции
120 Рубини прискакал.
От чувства безотчетного
Вдруг всякий присмирел,
Как в зале Благородного
Собранья он запел.
На голову курчавую,
Во всех концах земли
Увенчанную славою,
Все взоры навели
И звуки изумрудные
130 Впивали жадно в грудь.
То были звуки чудные:
Он пел не как-нибудь!
Высокое искусство
И выразить нет слов!
Я слышал в жизни множество
Отличнейших певцов,
Съезжаются на старости
Сюда со всех сторон,
Ревут, как волки в ярости,
140 А всё не то, что он!
Начнет в четыре голоса,
Зальется как река,

А кончит тоньше волоса,
Нежнее ветерка.
По свету благодарному
Об нем недаром гул:
Мне даже, титулярному,
Он сердце шевельнул!

VI

Идешь ли в канцелярию,
150 Уходишь ли от дел,
Поешь невольно арию,
Которую он пел.
Выходит бестолковица,
А думаешь, что так.
Другой приостановится
И скажет: «вот дурак!»
Отелло, мавра дикого,
Так чудно он сыграл,
160 Что им одним великого
Название стяжал!
Когда игралась *Лючия*,
Я пролил реки слез:
На верх благополучия
Певец меня вознес!

VII

(Как всё по службе сделаю —
Нарочно поспешу —
О Листе книгу целую
Тогда вам напишу).

VIII

170 Как все, страстей игралище,
Покинув кучу дел,
На конское ристалище
Намедни я смотрел.
Шталмейстера турецкого
Заслуга велика:
Верхом он молодецкого

Танцует трепака.
Арабы взоры радуют
Отважностью своей,
Изрядно также падают
180 Мамзели с лошадей.
Ристалище престраннос,
По новости своей,
А впрочем, балаганные
Их штуки веселей.
Начальник представления
Сулъе, красив и прям,
Приводит в восхищение
В особенности дам.
Доныне свет штукмейстера
190 Такого не видал:
Достоинство шталмейстера
Недаром он стяжал.

IX

Прилежно я окидывал
Заморского кита.
Не мало в жизни видывал
Я разного скота,
Но страшного, по совести,
Такого не видал,
Однажды только в повести
200 Брамбеуса читал.
Такой зверок — сокровище!
Аршинов сто длина,
Усищи у чудовища
Как будто два бревна,
Хвост длинный удивительно,
Башка — что целый дом,
Возможно всё решительно
В нем делать и на нем:
Плясать без затруднения
210 На брюхе контраданс,
А в брюхе без стеснения
Сражаться в преферанс!
Столь грузное животное
К нам трудно было ввезть;

Зато весьма доходное,
Да и не просит есть.
Дерут за рассмотрение
Полтинник, четвертак,
А взглянешь — наслаждение
220 Почувствуешь в пятак!

Х

Вот май... Все разъезжаются
По дачам, отдохнуть...
Больные собираются
К водам, в далекий путь.
Лишь я один, тревогою
Измученный, грущу.
Душевных ран не трогаю
И сердца не лечу.
Изведал уж не мало я
230 Житейской суеты...
Ах, молодость удалая!
Куда исчезла ты?
Бывало, лето красное
Мне счастье несло:
На сердце радость ясная,
Безоблачно чело!
Светила мне незримая
Звезда издалека,
240 Грудь, страстью шевелимая,
Вздымалась, как река.
Тогда за что ни схватишься —
Всё с жаром; хоть порой
И дорого заплатишься,
Зато живешь душой!
Бывало, заиграешься —
Огромный ставишь куш,
Дадут — не отгибаетесь,
Как будто триста душ!
Не мысля о погибели,
250 Рад сам себя на не,
Согнувши в три погибели,
Пустить, на зло судьбе.
До тла пропонируешься,
Повеса нос уйдешь,

На всех день целый дуешься,
А там — опять за то ж.
Бывало, за хорошенькой
Верст десять пробежишь,
Пристукиваешь ноженкой
260 Да в уши ей жужжишь:
«Куда идти изволите,
Куда вы, ангел мой?
Что пальцы вы мозолите,
Поедьте со мной!..»
Теперь... увы! — безжизненно
На целый мир глядишь,
Живешь безукоризненно —
Страстями не кипишь.
Забывши и поэзию,
270 И карты, и дебош,
Поутру ешь магнезию,
Микстуру на ночь пьешь,
Нейдут на разум грации...

XI

Кончаю, скромн, тих,
У Лерхе в ресторации
Остаток дней моих,
Из службы в биллиардную
Прямехонько иду,
Игру там не азартную,
280 Но скромную веду.
Там члены всё отличные,
Хохочут и острят,
Истории различные
Друг другу говорят.
Никто там не заносится,
Играем чередой,
И гений Тюри носится
Над каждой головой...

XII

Здесь будет заключение
290 Второй моей главы.
Итак, мое почтение,

Читатель добрый. Вы —
Ценитель снисходительный,
Я знаю вас давно.
А впрочем, мне решительно,
Поверьте, всё равно.
За опыты в пиитике
Я не прошу похвал.
Пускай иные критики
300 Отхлещут наповал —
Ей богу, не посетую!
Свое я получил:
Брамбеус сам с кометою
За ум меня сравнил.

Глава III

(Без оглавления. 1845)

Мотивы итальянские
Мне не дают заснуть,
И страсти африканские
Волнуют кровь и грудь:
Всё грезятся балкончики,
И искры черных глаз
Сверкают как червончики
В день по сту тысяч раз.
Отбою нет от думушки:
10 Эх! жизнь моя!.. увы!..
Зачем женили, кумушки,
Меня так рано вы!
На свете много водится
Красавиц — и каких!
А нам любить приходится
Курносых и рябых.
Что за красotka «Боржия»!..
Менялся весь в лице
И даже (не топор же я!)
20 Заплакал при конце;
Во всем талант, гармония...
Видал не много лиц
Таких, как у Альбони, я —
Певица из певиц.

В уме производящая
Содом и кутерьму,
Так много говорящая
И сердцу и уму;
Высокая и белая,
30 Красива и ловка
И уж заматерелая —
Не скажешь, что жидка!
Избытки даже лишние
Заметны в ней души,
И верхние и нижние —
Все ноты хороши!..

Чтоб только петь, как Гарция,
И удивлять весь свет —
Не пожалел бы гарнца я
40 Серебряных монет.
На миг заботы вечные
Смолкают, не томят,
И струны все сердечные
В груди дрожат, звучат —
Звучат в ответ чудеснице.
Могуча и легка,
Душа как бы по лестнице
Восходит в облака.
А мира треволнения —
50 Служебный весь содом,
Начальник отделения
С запуганным лицом,
Скучнейшие нотации
Ревнующей жены,
Червонцы, ассигнации
И самые чины —
Всё в мелочь и ничтожество
Тотчас обращено...
Чего бы уж художество
60 И делать не должно!
Подобные влечения
В неведомый предел
Ввергают в упущения
Житейских наших дел.

От итальянской арии,
 Исполненной красот,
 К занятиям канцелярии
 Трудненок переход;
 Спокойствие сменяется
 70 Тревогою души,
 И вовсе страсть теряется
 Сколачивать гроши.
 Но лишь предосторожности
 Во-время стоит взять —
 Как не найти возможности
 Всему противустать?
 На то и волю твердую
 Дал человеку бог,
 Чтоб кстати душу гордую
 80 Воздерживать он мог...
 Вот мне ничто решительно
 Не помешает спать,
 Ни счет вести рачительно,
 Ни даже... взятки брать
 (Не то, чтобы с просителей,
 А в картах... Что сорвешь
 С столичных наших жителей?
 Голь продувная сплошь!) —
 А всё же я признаюсь,
 90 Что Гарцией порой
 Так сильно восхищаюся,
 Что слезы лью рекой.
 Растрогает татарина!
 Так хорошо поет,
 Что даже у Фиглярина
 Ругательств не стает;
 Глаза большие, черные,
 И столько в них огня...
 Жаль — силы стихотворные
 100 Слабеньки у меня;
 А будь-ка красноречие!..
 Но про меня и так
 Трубит давно злоречие,
 Что будто я дурак.
 Молчу! Где нам подобные
 Предметы воспевать:

Мы дураки, способные
Взяточники только брать!
Над нами сочинители
110 Смеются в повестях...
А чем мы их обидели?
Будь я в больших чинах,
Тотчас благоразумие
Внушил бы им, ей-ей!
Давай нам остроумие,
Но трогать нас не смей!
Чем хуже я профессора,
Художника, врача?
Коллежского ассесора
120 Трудями получа,
Я никому не здравствую.
Не безызвестно вам,
Что я давно участвую
В литературе сам;
Но никогда решительно
(И бог храни вперед)
Не нападал презрительно
И на простой народ!
Без вздоров сатирических
130 Идет лишь Полевой
В пьесах драматических
Дорогою прямой.
В нас страсти благородные
Умеет возбуждать
И, лица взяв почетные,
Умеет уважать;
Всем похвалы горячие,
Почтенье... а писцы
И мелкие подьячие —
140 Глупцы и подлецы,
С уродливыми рожами...
И тут ошибки нет
(Не всё же ведь хорошими
Людьми наполнен свет)...

ЧИНОВНИК

Как человек разумной середины,
 Он многого в сей жизни не желал:
 Перед обедом пил настойку из рябины
 И чихирем обед свой запивал.
 У Кинчерфа ¹ заказывал одежду
 И с давних пор (простительная страсть)
 Питал в душе далекую надежду
 В коллежские ассесоры попасть, —
 Затем что был он крови не боярской
¹⁰ И не хотел, чтоб в жизни кто-нибудь
 Детей его породой семинарской
 Осмелился надменно попрекнуть.

Был с виду прост, держал себя сугуло,
 Смирненно всё судьбе предоставлял,
 Пред старшими подскакивал со стула
 И в робость безотчетную впадал,
 С начальником ни по каким причинам —
 Где б ни было — не вмешивался в спор,
 И было в нем всё соразмерно с чином —
²⁰ Походка, взгляд, усмешка, разговор.
 Внимательным, уступчиво-смирненным
 Был при родных, при теще, при жене,
 Но поддержать умел пред подчиненным
 Достоинство чиновника вполне;
 Мог и распечь при случае (распечь-то
 Мы, впрочем, все большие мастера),
 Имел даже значительное нечто
 В бровях...

Теперь тяжелая пора!
 С тех дней, как стал пытливостью рассудка
³⁰ Тревожно-беспокойного — наш век

¹ Тогдашний портной средней руки.

Задерживать развитие желудка,
Уже не тот и русский человек.
Выводятся раскормленные туши,
Как ни едим геройски, как ни пьем,
И хоть теперь мы так же бьем баклуши,
Но в толщину от них уже нейдём.
И в наши дни, читатель мой любезный,
Лишь где-нибудь в коснеющей глуши
Найдёте вы, по благодати небесной,
40 Приличное вместилище души.

Но мой герой — хоть он и шёл за веком —
Больных влияний века избежал
И был таким, как должно, человеком:
Ни тощ, ни толст. Торжественно лежал
Мясистый, двухэтажный подбородок
В воротничках, — но промежуток был
Меж головой и грудью так короток,
Что паралич — увы! — ему грозил.
Спина была — уж сказано — горбата,
50 И на ногах (шепну вам на ушко —
Кривых немножко — нянька виновата!)
Качалось солидное брюшко...

Сирот и вдов он не был благодетель,
Но нищим иногда давал гроши
И называл святую добродетель
Первейшим украшением души.
О ней твердил в семействе непрерывно,
Но не во всем ей следовал подчас
И извинял грешки свои наивно
60 Женой, детьми, как многие из нас.

По службе вел дела свои примерно
И не бывал за взятки под судом,
Но (на жену, как водится) в Галерной
Купил давно пятиэтажный дом.
И радовал родительскую душу
Сей прочный дом — спокойствия залог.
И на Фому, Ванюшу и Феклушу
Без сладких слез он посмотреть не мог...

Вид нищеты, разительного блеска
70 Смушал его — приличье он любил.
От всяких слов, произносимых резко,
Он вздрагивал и тотчас уходил.
К писателям враждой — не беспричинной —
Пылал... бледнел и трясся сам не свой,
Когда из них какой-нибудь бесчинный
Ласкаем был чиновною рукой.
За лишнее считал их в мире бремя,
Звал книги побасёнками: «Читать —
80 Не то ли же, что праздно тратить время?»
А праздность всех пороков наших мать» —
Так говорил ко благу подчиненных
(Мысль глубока, хоть и весьма стара)
И изо всех открытий современных
Знал только *консоляцию*...

Пора

Мне вам сказать, что как чиновник дельный
И совершенно русский человек,
Он заражен был страстью той смертельно,
Которой все заражены в наш век,
Которая пустить успела корни
90 В обширном русском царстве глубоко
С тех пор, как вист в потеху нашей дворни
Мы отдали... «Приятно и легко
Бегут часы за преферансом; право,
Кто выдумал — был малый с головой!» —
Так иногда, прищурившись лукаво,
Говаривал почтенный паш герой.
И выше он не ведал наслаждений...
Как он играл?.. Серьезная статья!
Решить вопрос сумел бы разве гений,
100 Но так и быть, попробую и я.

Когда обед оканчивался чинный,
Крестясь, гостям хозяин руки жал
И, приказав поставить стол в гостиной,
С улыбкой добродушной замечал:
«Что, господа, сразиться бы не дурно?
Жизнь коротка, а нам не десять лет!»
Над ним неслоь тогда дыханье бурно

И — вдохновен — он забывал весь свет,
Жену, детей; единой предан страсти,
110 Молчал как жрец, бровями шевеля,
И для него тогда в четыре масти
Сливалось всё — и небо и земля!

Вне карт не знал, не слышал и не видел
Он ничего, — но помнил каждый приз...
Прижимистых и робких ненавидел,
Но к храбрецам, готовым на ремиз,
Исполнен был глубокого почтения.
При трех тузах, при даме сам-четверт
Козырной — в вист ходил без опасенья.
120 В несчастьи был, как многие, нетверд:
Ощипанной подобен куропатке,
Угрюм, сердит, ворчал, повеся нос,
А в счастьях любил при каждой взятке
Пристукивать и говорил: «а что-с?»

Острил, как все острят или острили,
И замечал, при выходе с бубен:
«Ну, Петр Кузьмич! не даром вы служили
Пятнадцать лет — вы знаете закон!»
130 Валетов, дам красивых, по холодных
Пушил слегка, как все; но никогда
Насчет тузов и прочих карт почетных
Не говорил ни слова...

Господа!

Быть может, здесь надменно вы зевнете
И повесть благоправную мою
В подробностях излишних упрекнете...
Ответ готов: не пустяки пою!

Пою, что Русь и тешит и чарует,
Что наши дни — как средние века
Крестовые походы — знаменует,
140 Чем наша жизнь полна и глубока;
(Я не шучу — смотрите в оба глаза) —
Чем от «Москвы родной» до Иртыша,
От «финских скал» до «грозного Кавказа»
Волнуется славянская душа!.

Притом, я сам страсть эту уважаю, —
Я ею сам восторженно киплю,
И хоть весьма несчастно прикупаю,
Но вечеров без карт я не терплю
И, где их нет, постыдно засыпаю...

150 Что ж делать нам?.. Блаженные отцы
И деды наши пировать любили,
Весной садили лук да огурцы,
Волков и зайцев осенью травили,
Их увлекал, их страсти шевелил
Паратый пес, статистый иноходец;
Их за столом и трогал и смешил
Какой-нибудь наряженный уродец.
Они сидеть любили за столом,
И было им и любо и доступно
160 Перепивать друг друга, и потом,
Повздоривши по-русски, дружелюбно
Вдруг утихать и засыпать рядком.
Но мы забав отцов не понимаем
(Хоть мало — всё ж мы их переросли),
Что ж делать нам?.. играть!.. и мы играем,
И благо, что занятие нашли, —
Сидеть грешно и вредно сложа руки....

В неделю раз, пресытившись игрой,
В театр Александринский, ради скуки,
170 Являлся наш почтеннейший герой.
Удвоенной ценой за бенефисы
Отчественный гений поощрял,
Но звание актера и актрисы
Постыдным, по преданию, считал.
Любил пальбу, кровавые сюжеты,
Где при конце карается порок...
И, слушая скоромные куплеты,
Толкал жену легонько под бочок.

Любил шепнуть в антракте плотной даме
180 (Всему научит хитрый Петербург),
Что страсти и движенье нужны в драме
И что Шекспир — великий драматург, —

Но, впрочем, не был твердо в том уверен
И через час другое подтверждал, —
По службе был всегда благонамерен,
Он прочее другим предоставлял.

Зато, когда являлася сатира,
Где автор — тунеядец и нахал —
Честь общества и украшенья мира,
190 Чиновников, за взятки порицал, —
Свирепствовал он. не жалея груди,
Дивился, как допущена в печать,
И как благонамеренные люди
Не совестятся видеть и читать.
С досады пил (сильна была досада!)
В удвоенном количестве чихирь
И говорил, что авторов бы надо
За дерзости подобные — в Сибирь!..

ОТРЫВОК

Родился я в губернии
Далекой и степной
И прямо встретил тернии
В юдоли сей земной.
Мне будущность счастливую
Отец приготавливал,
Но жизнь трудолюбивую
Сам в бедности скончал!
Немытый, неприглаженный,
10 Бежал я босиком,
Как в церковь гроб некрашенный
Везли большим селом;
Я слезы непритворные
Руками утирал,
И волосенки черные
Мне ветер разведал...
Запомнил я сердитую
Улыбку мертвеца
И мать мою, убитую
20 Кончиною отца.

Я помню, как шептались,
Как в церковь гроб несли;
Как с мертвым целовались,
Как бросили земли;
Как сами мы лопатушкой
Сравнили бугорок...
Нам дядя с бедной матушкой
Дал в доме уголок.
К настойке страсть великую
30 Сей человек питал,
Имел наружность дикую
И мне не потакал...
Он часто, как страшилище,
Пугал меня собой,
И порешил в училище
Отправить с рук долой.
Мать плакала, томилася,
Не ела по три дня,
Вздыхала и молилася,
40 Просила за меня,
Пешком итти до Киева
Хотела, но слегла
И с просьбой: «не губи его!»
В могилу перешла.
Мир праху добродетельной!
Старик потосковал;
Но тщетно благодетельной
Я перемены ждал:
Не изменил решение!
50 Изрядно куликнул,
Дал мне благословение,
Полтинник в руку ткнул;
Влепил с немym рыданием
В уста мне поцелуй:
«Учися с прилежанием,
Не шляйся! не балуй!»
Сердечно, наставительно
Сказал в последний раз,
Махнул рукой решительно —
60 И кляча поплелась...

1 8 4 5

Стишки! стишки! давно ль и я был гений?
 Мечтал... не спал... пописывал стишки?
 О вы, источник стольких наслаждений,
 Мои литературные грешки!
 Как дельно, как благоразумно-мило
 На вас я годы лучшие убил!
 В моей душе не много силы было,
 А я и ту бесплодно расточил!
 Увы!.. стихов слагатели младые,
 10 С кем я делил и труд мой и досуг,
 Вы, люди милые, поэты преплохие,
 Вам изменил ваш недостойный друг!..
 И вы... как много вас уж — слава небу — сгибло...
 Того хандра, того жена зашибла,
 Тот сам колотит бедную жену,
 И спину гнет другой... а в старину?
 Как гордо мы на будущность смотрели!
 Как ревностно бездействовали мы!
 «Израианники небес», мы пели, пели
 20 И песнями пересоздать умы,
 Перевернуть действительность хотели,
 И мнилось нам, что труд наш не пустой,
 Не детский бред, что с нами сам всевышний,
 И близок час блаженно-роковой,
 Когда наш труд благословит наш ближний!
 А между тем действительность была
 Попрежнему безвыходно пошла,
 Не убыло ни горя, ни пороков —
 Смешон и дик был петушиный бой
 30 Непонимающих толпы пророков
 С невнемлющей пророчествам толпой!
 И «ближний наш» всё тем же глазом видел,
 Всё так же близоруко понимал,
 Любил корыстно, пошло ненавидел,
 Бесславно и бессмысленно страдал;
 Пустых страстей пустой и праздный грохот
 Попрежнему движенье заменял,
 И не смолкал тот сатанинский хохот,
 Который в сень холодную могил
 40 Отцов и дедов наших проводил!..

НОВОСТИ

(Газетный фельетон. 1845)

Почтеннейшая публика! на днях
Случилось в столице нашей чудо:
Остался некто без пяти в червах,
Хоть — знают все — играет он не худо.
О том твердит теперь весь Петербург.
«Событие вне всякого другого!»
Трагедию какой-то драматург,
На пользу поколенья молодого,
Сбирается состряпать из него...
10 Разумный труд! Заслуги, удалство
Похвально петь; но всё же не мешает
Порою и сознание грехов,
Затем, что прегрешение отцов
Для их детей спасительно бывает.
Притом, для нас не стыдно и легко
В ошибках сознаваться — их немного,
А доблестей — как милостей у бога...

Из черного французского трико
Жилеты, шелком шитые, недавно
20 Вошли в большую моду: в самом деле славно!

Почтенный муж шестидесяти лет
Женился на девице в девятнадцать
(На днях у них парадный был обед,
Не мог я, к сожаленью, отказаться);
Немножко было грустно. Взор ее
Сверкал, казалось, скрытыми слезами
И будто что-то спрашивал. Но я
Отвык, к несчастью, тешиться мечтами,
И мне ее не жалко. Этот взор
30 Упылый, длинный; этот вздох глубокий —
Кому они? — Любезник и танцор,
Гремящий саблей, статный и высокий —
Таков был пансионский идеал

Моей девицы... Что ж! распорядился
Иначе случай...

Маскарад и бал

В собраньи был и очень долго длился.
Люблю я наши маскарады; в них,
Не говоря о прелестях других,
Образчик жизни петербургско-русской,
40 Так ловко переделанной с французской.

Уныло мы проходим жизни путь,
Могло бы нас будить одно — искусство,
Но редко нам разогревает грудь
Из глубины поднявшееся чувство,
Затем, что наши русские певцы
Всем хороши, да петь не молодцы,
Затем, что наши русские мотивы,
Как наша жизнь, и бедны и сонливы,
И тяжело однообразье их,
50 Как вид степей пустынных и нагих.

О, скучен день и долог вечер наш!
Однообразны месяцы и годы,
Обеды, карты, дребезжанье чаш,
Визиты, поздравленья и разводы —
Вот наша жизнь. Ее постылый шум
С привычным равнодушьем ухо внемлет,
И в действии пустом кипящий ум
Суров и сух, а сердце глухо дремлет;
И свыкшись с положением таким,
60 Другого мы как будто не хотим,
Возможность исключений отвергаем
И, словно по профессии, зеваем...
Но — скучны отступления!

Чудак,

Знакомый мне, в прошедшую субботу
Сошел с ума... А был он не дурак,
И тысяч сто в год получал доходу.
Спокойно жил, доволен и здоров,
Но обошли его по службе чином,

И вдруг — уныл, задумчив и суров —
70 Он стал страдать славяно-русским сплином;
И наконец, в один прекрасный день,
Тайком от всех, одевшись наизнанку
В отличия, несвойственные рангу,
Пошел бродить по улицам, как тень,
Да и пропал. Нашли на третьи сутки,
Когда сынком какой-то важной утки
Уж он себя в припадках величал
И в совершенстве кошкою кричал,
80 Стараясь всех уверить в то же время,
Что чин большой есть тягостное бремя,
И служит он, ей-ей, не для себя,
Но только благо общее любя...

История другая в том же роде
С одним примерным юношей была:
Женился он для денег на уроде,
Она — для денег за него пошла,
И что ж? — о срам! о горе! — *оказалось*,
Что им обоим *только показалось*;
Она была как нищая бедна,
90 И беден был он так же, как она.
Не вынес он неожиданного удара
И впал в хандру; в чахотке слег в постель,
И не прожить ему пяти недель.
А нежный тесть, равнодушно глядя
На муки завербованного зятя
И положенье дочери родной,
Винит во всем «натуришку гнилую»
И думает: «для дочери другой
Я женишка покрепче завербую».

100 Собачка у старухи Хвастуновой
Пропала, а у скряги Сурмина
Бежала гувернантка — ищет новой.
О том и о другом извещена
Столица чрез известную газету;
Явилось тотчас разных свойств и лет
Тьма гувернанток, а собаки нет.

Почтенный и любимый господин,
Прославившийся емкостью желудка,
Безмерным истреблением всяких вин
110 И иступленной тупостью рассудка,
Объелся и скончался... Был на днях
Весь город на его похоронах.
О доблестях покойника рыдая.
Какой-то друг три речи произнес,
И было много толков, много слез,
Потом была пирушка — и большая!
На голову обжоры непохож,
Был полон погреб дорогих бутылок,
И длился до заутрени кутеж...
120 При дребезге ножей, бокалов, вилок
Припоминали добрые дела
Покойника, хоть их, признаться, было
Весьма немного; но обычай милый
Святая Русь доньше сберегла:
Ко всякому почтенью за могилой —
Ведь мертвый нам не может сделать зла!
Считается напомнить неприличным,
Что там-то он ограбил сироту,
А вот тогда-то пойман был с поличным.
130 Зато добра малейшую черту
Тотчас с большой горячностью подхватят
И разовьют, так истинно скорбя,
Как будто тем скончавшемуся платят
За то, что их избавил от себя!
Поговорив — нечаянно напьются,
Напившись — слезами обольются,
И в эпитафии напишут: «человек
Он был такой, какие ныне редки!»
И так у нас идет из века в век,
140 И с нами так поступят наши детки...

Литературный вечер был; на нем
Происходило чтение. Важно, чинно
Сидели сочинители кружком
И наслаждались мудростью невинной
Отставшей знаменитости. Потом

Один весьма достойный сочинитель
Тетрадищу поспешно развернул,
И три часа — о изверг, о мучитель! —
Читал, читал и — даже сам зевнул,
150 Не говоря о жертвах благосклонных,
С четвертой же страницы усыпленных.
Их разбудил восторженный поэт;
Он с места встал торжественно и строго,
Глаза горят, в руках тетради нет,
Но в голове так много, много, много...
Рекой лились гремучие стихи,
Руками он махал, как иступленный...
Слышал я в жизни много чепухи
И много дичи видел во вселенной,
160 А потому я не был удивлен...
Ценителей толпа рукоплескала,
Младой поэт отвесил им поклон
И всё прочел торжественно с начала.
Затем как раз и к делу приступить
Пришла пора. К несчастью, есть и пить
В тот вечер я не чувствовал желанья
И вои ушел тихонько из собранья.
А пили долго, говорят, потом
И говорили горячо о том,
170 Что движемся мы быстро с каждым часом,
И дурно, к сожаленью, в нас одно,
Что небрежем отечественным квасом
И любим иностранное вино.

На петербургских барынь и девиц
Напал недуг свирепый и великий:
Вскружился мир чиновниц полудикий
И мир ручных, но недоступных львиц.
Почто сия на лицах всех забота?
Почто сей шум, волнение умов?
180 От Невского до Козьего болота,
От Козьего болота до Песков,
От пестрой и роскошной Миллионной
До Выборгской унылой стороны —
Чем занят ум мужей неугомонно?
Чем души жен и дев потрясены??

Все женщины, от пресловутой Ольги
Васильевны, купчихи в сорок лет,
До той, которую воспел поэт
(Его уж нет) — помешаны на польке!
190 Предчувствие явления ея
В атмосфере носилося заране.
Она теперь у всех на первом плане
И в жизни нашей главная статья;
О ней и меж великими мужами
Нередко пренья, жаркий спор кипит,
И старец, убеленный сединами,
О ней с одушевленьем говорит.
Она в одной сорочке гонит с ложа
Во тьме ночной прелестных наших дев,
200 И дева пляшет, общий сон тревожа,
А горничная, барышню раздев,
В своей коморке производит то же.
Достойнейший сын века своего,
Пустейший франт, исполнен гордой силой.
Ей предан без границ — и для него
Средины нет меж полькой и могилой!
Проникнувшись великостью труда
И важностью предпринятого дела,
Как гладиатор в древние года,
210 С ней борется он ревностно и смело...
Когда б вы не были, читатель мой,
Аристократ, и побывать в танцклассе
У Кессених решились со мной,
Оттуда вы вернулись бы в экстазе,
С утешенной и бодрою душой.
О юношество милое! Тебя ли
За хилость и недвижность упрекнуть?
Не умерли в тебе и не увяли
Младые силы, не зачахла грудь,
220 И сила там кипит твоя просторно,
Где всё тебе по сердцу и покорно.
И, гордое могуществом своим,
Довольно ты своею скромной долей:
Твоим порывам смелым и живым
Такое нужно поприще — не боле,
И тратишь ты среди таких тревог
Души всю силу и всю силу ног...

МОЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ

Говорят, что счастье наше скользко, —
 Сам, увы! я то же испытал!
 На границе Юрьевец-Повольска
 В собственном селе я проживал.
 Недостаток внешнего движенья
 Заменяв работой головы,
 Приминал я в лето без сомненья
 Десятин до двадцати травы;
 Я лежал с утра до поздней ночи
 10 При волшебном плеске ручейка
 И мечтал, поднявши к небу очи,
 Созерцая гордо облака.
 Вереницей чудной и беспечной
 Предо мной толпился ряд идей,
 И витал я в сфере бесконечной,
 Презируя мелкий труд людей.
 Я лежал, гнушаясь их тревогой,
 Не нуждаясь, к счастью, ни в чем,
 Но зато широкою дорогой
 20 В сфере мысли шел богатырем;
 Гордый дух мой рос и расширялся,
 Много тайн я совмещал в груди
 И поведать миру собирался;
 Но любовь сказала: погоди!
 Я давно в создание идеала
 Погружен был страстною душой:
 Я желал, чтоб женщина предстала
 В виде мудрой Клии предо мной,
 Чтоб и свет, и танцы, и наряды,
 30 И балы ненужны были ей;
 Чтоб она на всё бросала взгляды,
 Добытые мыслию своей;
 Чтоб она не плакала напрасно,
 Не смеялась втуне никогда,
 Говоря восторженно и страстно,
 Вдохновенно действуя всегда;
 Чтоб она не в рюмки и подносы,

Не в дела презренной суеты —
Чтоб она в великие вопросы
40 Погружала мысли и мечты...
И нашел, казалось, я такую.
Молода она еще была
И свою натуру молодую
Радостно развитию предала.
Я читал ей Гегеля, Жан-Поля,
Демосфена, Галича, Руссо,
Глинку, Ричардсона, Декандоля,
Волтера, Шекспира, Шамиссо,
Байрона, Мильтона, Соутэя,
50 Шеллинга, Клопштока, Дидеро...
В ком жила великая идея,
Кто любил науку и добро;
Всех она, казалось, понимала,
Слушала без скуки и тоски,
И сама уж на ночь начинала
Тацита читать, надев очки.
Правда, легче два десятка кегель
Разом сбить ей было, чем понять,
Как велик и плодотворен Гегель;
60 Но умел я вразумлять и ждать!
Видел я: не пропадет терпенье —
Даже мать красавицы моей,
Бросивши варенье и соленье,
Философских набралась идей.
Так мы шли в развитии нашем дружно,
О высоком вечно говоря...
Но не то ей в жизни было нужно!
Раз, увы! в начале сентября
Прискакал я поутру к невесте.
70 Нет ее ни в зале, ни в саду.
Где ж она? «Они на кухне вместе
С маменькой» — и я туда иду.
Тут предстала страшная картина...
Разом столько горя и тоски!
Растерзав на клочья Ламартина,
На бумагу клала пирожки
И сажала в печь моя невеста!!
Я смотреть без ужаса не мог,
Как она рукой месила тесто,

80 Как потом отведала пирог.
 Я не верил зрению и слуху,
 Думал я, не перестать ли жить?
 А у ней еще достало духу
 Мне пирог проклятый предложить.
 Вот они — великие идеи!
 Вот они — развития плоды!
 Где же вы, поэзии затей?
 Что из вас, усилья и труды?
 Я рыдал. Сконфузились обе,
 90 Видимо перепугались вдруг;
 Я ушел в невыразимой злобе,
 Объявив, что больше им не друг.
 С той поры, я верю: счастье скользко,
 Я без слез не проживаю дня;
 От Москвы до Юрьевец-Повольска
 Нет лица несчастнее меня!

ДЕЛОВОЙ РАЗГОВОР

Журналист (*входя утром в свой кабинет
и садясь к рабочему столу*)

Вот почта новая. Какая груда дел!
 Куда деваться мне от писем и посылок?
 В провинции народ взыскателен и пылок:
 Чуть к первому числу с журналом не поспел,
 Завалят письмами — тоска и разоренье!
 Тот делает упрек, тому дай объясненье,
 А тот с угрозами... досадная статья!
 Посылки также вздор, их ненавижу я!
 Плохие повести, а чаще рифмотворство!..
 10 Я, кажется, стихам не делаю потворства —
 В них толку не ищи... Какая польза в том,
 Что чувствовал поэт то дома, то на бале?..
 Я положителен и в жизни и в журнале,
 Девиз мой: интерес существенный во всем!
 И как их различать? Хороших нет эстетик,
 А практик я плохой — я больше теоретик...

С л у г а (*входит и докладывает*)

Помещик Свистунов: приезжий из Уфы.

Ж у р н а л и с т

Проси его, проси: сегодня принимаю...

(слуга уходит)

20 Всю жизнь я разделил на ровные графы,
Как счетную тетрадь, и только отмечаю,
Куда который час и как употреблен...
В рот капли не беру и ем один бульон...

П о д п и с ч и к *(входя)*

Семь лет подписчиком и данником покорным
Я вашим был — и ныне состою;
Пылая к вам почтеньем непритворным
(Простите, батюшка, докучливость мою),
Священным долгом счел, прибыв в столицу нашу,
Сначала облететь ее во все концы,
30 Кунсткамеру взглянуть, потом особу вашу...
А там опять домой... чай, ждут мои птенцы!..

Ж у р н а л и с т

Садитесь; очень рад. Как розы среди терний,
Как светлый ручеек во глубине степей —
Цветисто говоря — так жители губерний
Приятны нам всегда. Вы щедростью своей
Поддерживая нас, конечно, заслужили,
Чтоб полное мы к вам почтение хранили, —
И если в микроскоп рассматривать меня
Охота вам придет, — я должен согласиться!

П о д п и с ч и к

40 Поздненько, батюшка, мне оптике учиться:
Мне стукнет шестьдесят через четыре дня!

Ж у р н а л и с т

Да я ведь пошутил. А говоря прямее,
Как дело всякое со стороны виднее,
То и доволен я, что завернули вы...
Трудами наших рук и нашей головы
Мы жертвуем для вас, журналы издавая...

П о д п и с ч и к (перебивая, с поклоном)

И благодарность вам, почтеннейший, большая...

Ж у р н а л и с т

Мы пишем день и ночь; торопимся, спешим
Роман перевести; театр, литературу
За месяц обозреть, исправить корректуру —
50 Всё к первому числу... И еле мы дышим,
Оттиснув, наконец, и выдав книжку нашу...
Но какова она?.. Которые статьи
Охотно вы прочли в кругу своей семьи?
Какие усыпить успели милость вашу?
Не знаем ничего, и знать нам мудрено.
Конечно, судят нас собратья аккуратно;
Но замечать они умеют только пятна,
И в беспристрастии их упрекнуть грешно:
Купаясь в мелочной и тягостной борьбе,
60 Которая порой близка бывает к драке,
Увы! не знаем мы цены самим себе
И ощупью бредем в каком-то полумраке!
Кто ж может этот путь тернистый осветить?
Кто на дурное нам беззлобиво укажет?
Кто за хорошее нам благодарность скажет,
Умея покарать, умея и простить?

П о д п и с ч и к

Конечно, публика...

Ж у р н а л и с т

К тому и речь веду я.
Как умный человек и как подписчик мой,
Вы представителем явились предо мной
70 Всей нашей публики; и вас теперь спрошу я:
Довольны ли вы тем, что производим мы?
Интересуют ли читателей умы
Словесность, Критика, Хозяйство, Смесь, Науки?..
Что любит публика? к чему негоряча?..

П о д п и с ч и к

Благодаря всевластной силе скуки
И рьяности чтецов, читаются сплеча,

За исключением Наук и Домоводства,
Все ваши рубрики...

Ж у р н а л и с т

О стыд! о готтентотство!
Ужель еще читать не начали Наук?

П о д п и с ч и к

80 Давно бы начали, но, батюшка, «Науки»
Так пишутся у вас, что просто вон из рук!
Охотно ставлю вам семью свою в поруки:
Изрядным наделен достатком — сыновей
Я дома воспитал, а дочек в пансионе,
Страсть к чтенью развита у всех моих детей;
Засядем вечерком с журналом на балконе,
Читаем, и летят скорехонько часы...
Не спит моя жена; а как довольны дети!
90 Но чуть в «Науки» я — повесят все носы,
Как будто их поймал волшебник лютый в сети!
Стараюсь убеждать, доказываю им,
Что с пользой теперь мы время посвятим
Не басенке пустой, а дельному трактату,
И дети верят мне... Поближе к ним подсяду,
Читаю, горячусь... Но такова статья,
Что через час и сам спать начинаю я!
Ну, что вы скажете?..

Ж у р н а л и с т

Еще бы малым детям
Читать вы начали ученые статьи!..

П о д п и с ч и к

100 Нет, дети, батюшка, не малы уж мои,
И в нашей публике ученых вряд ли встретим:
Держал учителей, три года жил в Москве...
Прислушивался я частехонько к молве
И слышал всё одно: «быть может, и прекрасно,
Да только тяжело, снотворно и неясно!»
Имейте, батюшка, слова мои в виду!..
Притом, какие вы трактуете предметы?
«Проказы домовых, пословицы, приметы,
О роли петуха в языческом быту,

Значенье кочерги, история ухвата»...

110 Нет, батюшка, таких статей нам не надо!

Ж у р н а л и с т

Но ежели вопрос нас к истине ведет,
Ученый помышлять обязан ли о скуке?

П о д п и с ч и к

Не спорю, батюшка, полезно всё в науке,
И ваша кочерга с достоинством займет
В ученом сборнике достойные страницы...
Но если дилетант-читатель предпочтет
Ученой кочерге пустые небылицы,
Ужели он неправ?

Ж у р н а л и с т

Да вы против наук?

П о д п и с ч и к

120 Напротив, батюшка, я их всегдашний друг!
И в вашем и в других журналах, хоть нечасто,
Случалось мне встречать ученые статьи —
Я сам, жена моя, домашние мои
Читали жадно их, как повести... Нет, за сто
Изрядных повестей, поверьте, не отдам
Одной такой статьи: какое списхожденье
К невинной публике! какое изложенье!
Не путешествуя, по дальним городам
С туристом я блуждал; талантливый ученый
Вопрос мне разъяснял в истории мудреный...
130 Вот этаких статей побольше надо нам!

Ж у р н а л и с т *(со вздохом)*

Ах, рады бы и мы всегда таким статьям,
Да где их доставать? Таланты так ленивы,
Что ежели статью в журнале в год прочли вы
С известным именем — благополучный год!
Но часто журналист и по три года ждет
Обещанной статьи; а в публике толкуют,
Что шарлатанит он...

П о д п и с ч и к

Куда как негодуют,
Что обещаний вы не держите своих!

Ж у р н а л и с т (махнув рукой)

Мы нынче и давать уж перестали их!

П о д п и с ч и к

140 Но прихотлив талант — в нем возбудить охоту
Полезно иногда — скупитесь, видно, вы?

Ж у р н а л и с т

Помилуйте! платить готовы мы без счету!
Кто только прогремит, по милости молвы,
Тому наперехват и деньги и вниманье...
Ох, дорогонько мне пришлось соревнованье!
Набили цену так в последние года,
Что наши барыши негодны никуда!
Бог знает, из чего стараемся, хлопочем?
«Известности» теперь так дорого берут,
150 Что сбавил цену я своим чернорабочим...
Романы, например... поверьте, приведут
Мою и без того щедушную особу
К сухотке злой они, а может, и ко гробу!
Спасение в одном — почаще перевод
Печатай, и конец...

П о д п и с ч и к

По мне, так переводы
Пора бы выводить решительно из моды,
А много перевести романа два-три в год...
Не спорю: хороши французские романы,
И в аглицких меня пленяет здравый ум...
16) Но мы читаем их, как дети, наобум:
Нас авторы ведут в неведомые страны:
Народности чужой неясные черты!
Нам трудно понимать, не зная той среды,
В которой романист рисуется как дома...
То ль дело русский быт и русское житье?

Природа русская?.. Жизнь русская знакома
Так каждому из нас, так любим мы ее,
Что как ни даровит роман ваш переводный,
Мы слабую ему статейку предпочтем,
¹⁷⁰ В которой нам дохнет картиною народной,
И русской грустию, и русским удалством,
Где развернется нам знакомая природа,
Знакомые черты знакомого народа...

Ж у р н а л и с т

Вы судите умно. Всё к сведенью приму.
Теперь же вам вопрос последний предлагаю:
Сужденье ваше знать о Критике желаю...

П о д п и с ч и к

Позвольте умолчать.

Ж у р н а л и с т

Скажите, почему?

П о д п и с ч и к

Сегодня повод вам своей свободной речью
Я подал, сударь мой, и так к противоречью,
¹⁸⁰ И если мнение о Критике скажу,
Название глупца, пожалуй, заслужу.

Ж у р н а л и с т

Напротив, никогда! Ведь нет о вкусах спора!
Прошу вас, и клянусь, что яблоком раздора
Не будет никакой строжайший приговор.

П о д п и с ч и к

Ну, если так, я рад! Полезно разговор,
О чем бы он ни шел, довести до окончанья.
Я вашей Критики любитель небольшой:
Не то, чтоб были в ней неверны замечанья,
Но многословием, надутой пустотой,
¹⁹⁾ Самодовольствием, задором и педантством
Смущает нас она... а пуще шарлатанством!

Ну, что хорошего? Как только летний жар
Немного поспадет, и осенью суровой
Повеет над селом, над полем и дубровой,
Меж вами, так и жди, поднимется базар!
Забыв достоинство своей журнальной чести,
Из зависти, вражды, досады, мелкой мести
Спешите вы послать врагам своим стрелу.
Враги стремительно бросают вам перчатку —
200 И бурей роковой к известному числу
Всё разрешается... Ошибку, опечатку
С восторгом подхватив, готовы целый том
О ней вы сочинить... А публика? Мы ждем,
Когда окончится промышленная стычка,
Критический отдел наполнившая весь
И даже, наконец, забравшаяся в Смесь,
И думаем свое: «несчастливая привычка,
Ошибка грустная испытанных умов,
К чему ты приведешь?..» О, выразить нет слов,
210 Как сами вы себя роняете жестоко,
Как оскорбляете вы публику глубоко —
И всё ведь из чего?.. Шумливая толпа
Газетных писунов, журнальных ратоборцев,
Напрасно мыслишь ты, что публика слепа!..
Я верю вам, когда бездарных стихотворцев
Преследуете вы, трактуя свысока
О рифме, о стихе, о формах языка,
Во имя Пушкина, Жуковского и Гете,
Доказывая им, что хуже в целом свете
220 Не писал никто, и что рубить дрова
Полезней, чем низать — «слова, слова, слова!»
(Привычка водится за всем ученым миром
Сужденье подкрепить то Данте, то Шекспиром).
Я верю вам, когда озлобленным пером
Вонзаетесь порой в нелепые романы,
Пигмеям нанося решительные раны,
В надежде щегольнуть и собственным умом.
Когда неловкий стих или хромую фразу,
Вдобавок исказив и, на потеху глазу,
230 Косыми буквами поставив мне на вид,
Кричите вы: «и вот что автор говорит!
Где мысль, где логика, где истинное чувство?
Тут попраи здравый смысл, поругано искусство!

О муза русская! осиротела ты!..»
Горячность ваша мне хотя и непонятна
(Вы знаете, что есть и в самом солнце пятна),
Но верить я готов, что чувство правоты
Внушило вам и желчь, и едкие сарказмы
(Хотя противное видали и не раз мы!).
210 Я также верил вам, сочувствовал душой,
Когда в своих статьях, приличных и достойных,
Вы отзывались с разумной похвалой
О Пушкине и о других покойных.
Язык красноречив, манера хороша:
Кто страстно так любил, так понимал искусство,
В том был глубокий ум, горело ярко чувство,
Светилася прекрасная душа!..
Когда авторитет, давно шумевший ложно,
Вы разрушаете — вам также верить можно;
250 Когда вы хвалите ученые труды,
Успех которых вам не сделает беды,
Я тоже верю вам (хоть страсть к литературе
Вас в равновесии не держит никогда:
То вдруг расходитесь, подобно грозной буре,
То так расхвалитесь, что новая беда);
Но иначе смотреть, иную думать думу
Привык я, господа, прислушиваясь к шуму,
Который иногда затеяв меж собой,
Вы разрешаетесь осеннею грозой;
260 Тоска меня берет, по телу дрожь проходит,
Когда один журнал, к другому подходя,
О совести своей журнальной речь заводит...

Ж у р н а л и с т

Ужели, мой журнал внимательно следя,
И в нем открыли вы уловки самохвальства?

П о д п и с ч и к

О, как же, батюшка, и даже до нахальства!..

Ж у р н а л и с т (вскакивая).

Но где ж? Помилуйте! еще подобных слов.
Я сроду не слышал...

П о д п и с ч и к

Уж будто?

С л у г а (докладывает)

Хрипунов!

Ж у р н а л и с т

А! нужный человек!

П о д п и с ч и к (вставая)

Так значит до свиданья?

Оно и хорошо, а то, разгорячась,

²⁷⁰ До грубости свои довел я замечанья.

И засиделся сам — прощайте! третий час!

Простите, что мои сужденья были жестки

(А может, скажете, что даже просто плоски).

Но льстить не мастер я и спину гнуть в кольцо...

Не думайте, что мы трудов не ценим ваших:

Нет, дельный журналист — полезное лицо!

В вас благодетелей мы часто видим наших,

Мы благодарны вам за честные труды,

Которых видимы полезные плоды —

²⁸⁰ Вы развиваете охоту к просвещенью,

Вы примиряете нас с собственной ленью,

И вам всегда открыт охотно наш карман —

Нас опыт научил, что без статей журнальных

Осенних вечеров, дождливых и печальных,

Нам некуда девать! Невежества туман

Рассеялся давно; смягчило время нравы,

Разгульные пиры и грубые забавы

Времен невежества сменило чередой

Стремленье к знанию, искусствам благородным,

²⁹⁰ И редкий дворянин — конечно, молодой —

Теперь не предпочтет собакам превосходным

Журнал ваш... Для чего ж грошовый интерес

Над правдою берет в вас часто перевес?

К чему хвастливый тон, осенние раздоры,

Зацепки, выходки, улики, желчь и споры?

К чему самих себя так глупо унижать?

Поверьте, публика поймет и без навета,
Что хорошо у вас, что дурно у соседа,
Да, право, и труда большого нет понятия!
300 Поверьте, всё пойдет и тихо и прекрасно,
Когда вы станете трудиться, господа,
Самостоятельно, разумно и согласно —
И процветете все на многие года!..
Прощайте! надоел я вам своим болтаньем;
Но если речь мою почтили вы вниманьем,
Готов я забрести, пожалуй, и опять...

Ж у р н а л и с т

Весьма обяжете... Прощайте! буду ждать!

1 8 5 3

ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

Шляпа, перчатки, портфель,
Форменный фрак со звездой,
Несколько впалая грудь,
Правый висок с сединою.

Не до одышки я толст,
Не до мизерности тонок,
Слог у меня деловой,
Голос приятен и звонок...

10 Только прибавить бы лба,
Но — никакими судьбами!
Волосы глупо торчат
Тотчас почти над бровями.

Принесомненном уме,
Соображении быстром,
Мне далеко не пойти —
Быть не могу я министром.

Да, представительный лоб
Необходим в этом сане.
Вот Дикобразов Прокоп...
20 Счастье, подумаешь, дряни!

Случай вывозит слепой
Эту фигуру медвежью:
Лоб у него небольшой,
Но дополняется плешью...

.....

1 8 5 4

ПРИЗНАНИЯ ТРУЖЕНИКА

По моей громадной толщине
Люди ложно судят обо мне.
Помню, раз четыре господина
Говорили: «вот идет скотина!
Видно, нет заботы никакой —
С каждым годом прет его горой!»
Я совсем не так благополучен,
Как румян и шаровидно тучен;
Дочитав рассказ мой до конца,
10 Содрогнутся многие сердца!
Для поддержки брешной плоти нужен
Мне обед достаточный и ужин,
И чтоб к ним себя готовить,
Должен я — гулять, гулять, гулять!
Чуть проснусь, не выпив чашки чаю,
«Одевай!» — команду Минаю
(Адски глуп и копотлив Минай,
Да зато повязывать мне шею
Допускать его я не робею:
20 Предан мне безмерно негодяй)...
Как пройду я первые ступени,
Подогнутся слабые колени;
Стукотня ужасная в висках,
Пот на лбу и слезы на глазах,

Словно кто свистит и дует в ухо,
И, как волны в бурю, ходит брюхо!
Отошедши несколько шагов,
Я совсем разбит и нездоров;
30 Сел бы в грязь, так жутко и так тяжко,
Да грозит чудовище-Кондрашка
И твердит, как Вечному Жиду,
Всё: «иди, иди, иди!..» Иду...

Кажется, я очень авантажен:
Хорошо одет и напомажен,
Трость в руке и шляпа набекрень...
А терплю насмешки целый день!
Из кареты высунется дама
И в лицо мне засмеется прямо,
Крикнет школьник с хохотом: «ура!
40 Посмотрите: катится гора!..»
А дурак лакей, за мной шагая,
Уваженье к барину теряя,
Так и прыснет!.. Праздный балагур
Срисовать в альбом карикатур
Норовит, рекомендуя дамам
Любоваться «сим гиппопотамом»!
Кучера по-своему острят:
«Этому, — мерзавцы говорят, —
50 Если б в брюхо и попало дышло,
Так насквозь оно бы, чай, не вышло?..»
Так, извне насмешками язвим,
Изнутри изжогою палим,
Я бреду... Пальто, бурнусы, шляпки,
Смех мужчин и дам нарядных тряпки,
Экипажи, вывески, друзья —
Ничего не замечаю я!..
Наконец... Счастливая минута!..
Скоро пять — неведомо откуда
Силы вдруг возьмутся... Как зефир,
60 Я лечу домой, или в трактир,
Или в клуб... Теперь я жив и молод,
Я легок: я ощущаю голод!..
Ах, поверьте! счастье не в том,
Чтоб блистать чинами и умом,

Наше счастье бродит меж холмами
В бурой шкуре, с дюжими рогами!..
Впрочем, мне распространяться лень...
Дней моих хранительная сень,
Здравствуй, клуб!.. Почти еще ребенок,
70 В первый раз, и сухощав и тонок,
По твоим ступеням я всходил:
Ты меня взлелеял и вскормил!
Честь тебе, твоим здоровым блюдам!..
Если кто тебя помянет худом,
Не сердись, не уличай во лжи:
На меня безмолвно укажи!
Уголок спокойный и отрадный!
Сколько раз, в час бури беспощадной
Думал я, дремля у камелька:
80 «Жизнь моя приятна и легка.
Кто-нибудь теперь от стужи стонет,
Кто-нибудь в сердитом море тонет,
Кто-нибудь дрожит... а надо мной
Ветерок не пролетит сквозной...
Скольких ты пригрел и успокоил
И в объеме, как меня, утроил!
Для какого множества людей
Заменил семейство и друзей!..»

.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. НЕВКЛЮЧЕННОЕ АВТОРОМ В СОБРАНИЕ ЕГО СТИХОТВОРЕНИЙ:

1 8 3 8—1 8 3 9

МЕЧТЫ И ЗВУКИ

КОЛИЗЕЙ

Поросшие мхом, окаймленные плющем,
Развалины древнего зданья стоят,
Ничем не напомнят они о живущем,
О смерти на каждом шагу говорят.
Невольно сурово глядишь на руину
И думою сродствуешь с нею вполне.
Упавший обломок там вырыл стремнину,
Там сирю колонна приткнулась к стене,
Изрезало время морщинами темя,
¹⁰ А ветер-нахал их насквозь просверлил,
Карниз обвалился как лишнее бремя,
Широкие двери буран растворил.
Изящные части загадочной грудой
Являются в целом смущенным очам,
Разрушено всё вековою причудой!
Но — слава искусству и древним умам! —
Еще нам напомнить и каждый обломок
Способен об их исполнском труде,
И днесъ устыдится правдивый потомок
²⁰ Дерзнуть посмеяться его наготу.
Глаза не окинут огромной руины,
И в час не обскачет пугливый олень;
Во всем, как остаток великой картины,
Былого величья хранит она тень.
Угрюмое зданье! века пробежали,
Пока к разрушенью ты сделало шаг;
Ты крупная буква на темной скрижали
Прошедших столетий; ты им саркофаг.

- Твой жребий чудесный невольно мечтами
30 Зажег вдохновенную думу мою;
Поведай мне, как ты боролось с веками,
Поведай прошедшую участь свою.
— Великим умом я задумано было,
И думу глубокую множество рук
В существенность тяжким трудом обратило,
В красе величавой восстало я вдруг.
Взглянуть на меня собирались отсюду,
Мой вид был прекрасен, торжествен и нов,
Дивился весь мир рукотворному чуду.
- 40 В середине седми величавых холмов
Я грозной и прочной стояло твердыней,
И Рим, мне бессмертную участь суля,
Меня, ослепленный мятежной гордыней,
Мерилом назвал своего бытия;
«Покуда ты живо, и я не исчезну, —
Мечтал он, — тогда лишь, как миру конец,
Мы вместе провалимся в хаоса бездну».
Торжественной славой горел мой венец...
Наказан за гордость надменный мечтатель,
- 60 Мне многим досталось его пережить;
Хоть время, и люди, и жребий-каратель
С тех пор сговорились меня погубить.
Судьба к разрушенью мне путь указала:
Сперва как старик к нему тихо я шло,
Потом словно юноша быстро бежало.
А было уж старо и седо чело.
Что день, то я новые знало потери:
Все люди считали меня за свое
И рвали в куски, как голодные звери,
- 60 Невежды, изящное тело мое.
И вот от всего, что пленяло, дивило,
Безмерно гордился чем целый народ,
Осталась былого величья могила,
Теперь я скелет, безобразный урод.
Любуйся чудовищем с грустью мятежной,
Смотри и грусти обо мне надо мной,
Обдумай судьбу мою думой прилежной:
Невольно блеснут твои очи слезой.
Печален мой жребий, ужасен упадок!..
- 70 Но нет, не жалей меня, юный певец,

Удел настоящий мой темен, но сладок,
 Тягчил меня славы прошедший венец.
 Ужасных картин я свидетелем было.
 В день первый изменчивой жизни моей
 Кровавое зрелище взор мой смутило:
 В стенах моих звери терзали людей.
 В годину гоненья на чад христианства
 Неистово злоба в них рыскала вновь,
 Страдало добро, ликовало тиранство,
 80 Реками лилась христианская кровь.
 А я содрогалось от хохота черни,
 На мне отражался народный позор.
 О, лучше б забвенья мильонами терний
 Тогда ж закидало скорбящий мой взор!
 Жалеть ли прошедшего с гибельной славой?!
 Нет, странник, забыть я стараюсь его.
 Взгляни: надо мною теперь величаво
 Крест высится, веры святой торжество.
 Там льется молитва, где страшная миру
 90 Носилась речь злобы, как дикий буран;
 Там амбра курений восходит к эфиру,
 Где прежде дымилась кровь христиан.
 О, я благодарно премудрому богу!
 Пусть сорван покров красоты с моих чресел,
 Пускай, указуя к паденью дорогу,
 Меня изуродовал времени жезл —
 Зато мои темные дни не тревожны,
 Давно не обрызгано кровью стою...
 Нет, нет, ко мне милостив рок непреложный,
 100 Он чужд укоризны за участь мою...
 Чу! звон колокольный! иди на средину
 Развалин печальных, к предвечному в храм
 И спой там не жалобный гимн на судьбину, —
 Мой гимн благодарственный спой небесам...

АНГЕЛ СМЕРТИ

Придет пора преображенья,
 Конец житейского пути,
 Предсмертной муки приближенья
 Заслышу в ноющей груди,

И снидет ангел к изголовью,
 Крестом трикраты · осень,
 С неизъяснимою любовью
 И грустью взглянет на меня;
 Опустит очи и чуть внятно,
 10 Тоскливо скажет: «решено!
 Под солнцем жизнь не беззакатна,
 Чрез час ты — мира не звено.
 Молись!» — и буду я молиться
 И горько плакать буду я,
 И сам со мною прослезится
 Он, состраданья не тая.
 Меня учить он будет звукам
 Доступных господу молитв,
 И сердце, преданное мукам,
 20 В груди их глухо повторит.
 Назначит смертную минуту
 Он, грустно голову склоня,
 И робко спрашивать я буду:
 Господь простит ли там меня?
 Вдруг хлад по жилам заструится,
 Он скажет шопотом: «сейчас!»
 Святое таинство свершится,
 Воскликнут ближние: «угас!»
 Вдруг... он с мольбой закроет очи,
 30 Слезой зажжет пустую грудь
 И в вечный свет иль к вечной ночи
 Душе укажет тайный путь...

ВСТРЕЧА ДУШ

I

Всё туманится и тмится,
 Мрак густеет впереди.
 Струйкой света что-то мчится
 По воздушному пути,
 В полугогненную ризу
 Из лучей облечено.
 Только час оттуда снизу,
 А уж с небом сближено;

Без порывов, без усилъя,
10 Словно волны ветерка,
Златом облитые крылья
Вольно режут облака.
Нет ни горести, ни страха
На блистательном челе.
То душа, со смертью праха
Отчужденная земле.
То, от бедствий жизни бурной,
Беспорочная душа
Юной девы в край лазурный
20 Мчится, волею дыша.
Век страдальцей высокой
На земле она была,
Лишь любовьню глубокой
Да молитвою жила.
Но любви блаженством ясным
Мир ее не подарил:
Там с избранником прекрасным
Жребий деву разлучил.
Року преданная слепо,
30 Страсть она перемогла
И нетронутый на небо
Огонь невинности несла.
И блистателен и пышен
Был венец ее двойной,
Лёт торжественный, чуть слышен,
Сыпал искры за собой.
На недвижный и безмолвный
Неба божьего предел
Взор, уверенности полный,
40 Как на родину смотрел.
Только темное сомненье,
Мнилось, было на челе:
Суждено ль соединенье,
Там ли он иль на земле?

II

Слышно тихое жужжанье
От размаха легких крыл,
Пламень нового сиянья
Тучи грудь пробороздил.

Видит светлая другую,
50 Восходящую с земли,
Душу, в ризу золотую
Облеченную, вдали.
Ближе, ближе... вот сравнялись,
Вот сошлись на взмах крыла,
Быстро взором поменялись,
И приветно начала
Говорить одна: «из мира
Многогрешного парю
В область светлого эфира,
60 В слуги горнему царю.
Грея грудь питомца горя,
Я там счастья не нашла;
Там, с людьми и роком споря,
Бед игрушкой я была.
Только раз лишь — помню живо
День и час — блаженства луч
Так роскошно, так игриво
Проблеснул мне из-за туч.
Деву с черными глазами
70 В мире дольном я нашла
И, пленясь ее красами,
Всё ей в жертву принесла.
Но под солнцем несчастлива
Бескорыстная любовь!
Вверг, разлукой, прихотливый
Рок меня в страданье вновь.
На свиданье с ней надеждой
С той поры живу одной,
И теперь, когда одеждой
80 Я не связана земной,
Радость всю меня обильно
Наполняет и живит:
Верю, мне творец всеильный
Амариллу возвратит...» —
«Амариллу? голос друга
Я узнала... я твоя!
Сладким именем супруга
Пазову любимца я...
Нет здесь бедственной разлуки,
90 Вечен брак наш... Нет преград!

Наградил нас бог за муки.
Как он щедр, велик и свят!»

III

И в блаженстве беззаветном
Души родственно слились
И в сияньи огнецветном
Выше, выше понеслись.
Понеслись под божье знамя
Так торжественно, легко.
От одежд их свет и пламя
100 Расстилались далеко;
Счастья чистого лучами
Пышно рдело их лицо;
А венцы их над главами
Вдруг сплелись в одно кольцо —
Словно в знаменье обета
Всемогущего творца,
Что для них свиданье это
Не найдет себе конца.

ИСТИННАЯ МУДРОСТЬ

Не всё постигнул ум надменный,
Не всё светло для мудреца,
Есть много тайн во вселенной,
Ключи которых у творца.
От жажды знания плод не сладок.
О, не кичись, средь гордых дум,
Толпой бессмысленных догадок,
Мудрец! — пред богом прах твой ум;
Твои открытия случайны.
10 Тебе поверил ли эфир
Свои божественные тайны,
Свою судьбу сказал ли мир?
Дала ли жизнь тебе способность
Постичь хоть самого себя,
Ясна ль очам твоим загробность,
Дно моря светло ль для тебя?
Понятны ль дивные явленья
В природе неба и земли,

Пути планет, миров движенья,
 20 Буран, что топит корабли,
 Утроба гор, что родит золото
 Иль мечет пламень и пожар?
 Всезнанья жаждою богатый,
 Ты угадал ли тайну чар,
 Во сне тебе дающих крылья?
 В себе ты понял ли, скажи,
 Боренье силы и бессилья,
 Ничтожность тела, мощь души?
 А своенравная судьбина,
 30 С которой бедственна борьба,
 Что.

 Играет гением и шутком,
 Смиряет битвы, рушит мир,
 В невежде, гордостью надутым,
 Земным умам дает кумир;
 Не внемлет воплей, просьб и плача,
 Когда сурова и гневна,
 Которой нет щедрей, богаче,
 40 Когда раздобрится она —
 Покровы тайны, хоть украдкой,
 С нее ты сорвал ли, мудрец?
 Не верим мы твоим догадкам:
 Ты жалкий скептик, ты не жрец.
 Земным умом измерить бога,
 Постигнуть тайны бытия, —
 Нет, это дерзко, это много,
 Нет, это доля не твоя!
 Благоговеть пред мистицизмом
 50 И был и есть удел людей,
 На что ж преступным скептицизмом
 Мрачишь ты блеск души своей?
 Зачем запретные познанья
 Тебе, рабу **земных оков**?
 Иль **то** для славы, для названья
 гения веков?
 Отринь губящий дух гордыни,
 Не льстись надеждой ни на миг,
 Что глас твой будет не в пустыне,
 60 Когда ты скажешь: «всё постиг!»

Страшись снискать людей презренье,
 Небесной кары не накличь;
 Нет славы в дерзком покушеньи
 Непостижимое постичь!
 Не стыд — сознание бессилья
 Пред тем, что выше сил души.
 Оставь же тщетные усилья;
 Не жди, не мучься, не греши!
 С мольбой возьмись за труд по силе,
 70 Путь к знаниям верой осведи
 И с этим факелом к могиле —
 Всего отгадчице — гряди.
 Мужайся там, где слез пучина,
 Люби добро, как мать птенца,
 И разлюби родного сына
 За отступленье от творца;
 Будь бед своих сторонний зритель,
 Чужих — чувствительный отец;
 Всего великого ревнитель,
 80 Всего ничтожного беглец;
 Тип в совершенстве человека
 В себе одном осуществи,
 Собою тварь, на диво века,
 Творца достойную яви.
 Вот в этом мудрость, в этом слава,
 Твой долг, твой подвиг на земле!
 Таким, не мудрствуя лукаво,
 Явись, с смиреньем на челе.
 И вознесешься ты высоко,
 90 Блистая славою прямой —
 Как это огненное око,
 Что смотрит днем на мир земной.

ЗЕМЛЯКУ

Бывали дни — в стране родной
 Мы жили вместе, пылки, юны,
 Но чисты сердцем и душой.
 Судеб карающих перуны,
 И Зевсов гром, и гром тревог,
 И стрелы зависти коварной,

И стрелы молнии лучезарной
Щадили нас и наш порог.
Всё было тихо; без волнений
10 Текла цветущая весна,
Душа щитом беспечной лени
Была от бурь заграждена.
И нам казалось — тяжкий молот
Не раздробит его вовек;
И нам казалось — пламень, холод
И всё, чем дышит человек, —
Тот щит лишь закалят надежней,
И навсегда он будет нам
Порукой в жизни безмятежной,
20 Ответом бурям и страстям.
Но затаенный долго пламень
Сильнее вспыхивает вдруг,
Но страшный порох рвет и камень; —
Так и тот щит, печальный друг,
Которым грудь мы прикрывали,
Мгновенно страсти разорвали,
Нам стали скучны ручейки,
Долины, холмики, лески —
И всё, чем в доле беззаботной
30 В деревне счастлив земледел.
(Чему б теперь опять охотно
Душой предаться я хотел).

Мы на чужбине. Рок забросил
Далеко утлый наш челнок
Ты скоро сердце обморозил,
Тревоги жизни пренебрег.
Я был несчастней, я пил дольше
Очарованье бытия,
Зато потом и плакал больше
40 И громче жаловался я.
Так и всегда: чем лучезарней
Сначала дольней жизни путь,
Тем будущность темней, коварней,
Тем глубже западает в грудь
Тоски крушительное семя
В минуты бедствий и утрат;

И разве опыт, рок и время
 Его из груди истребят...
 Сбылись ли наши ожиданья,
 60 Узнали ль то мы, чем желанья
 Палили кровь, томили ум?
 Узнали мы тоску, страданья,
 Мятеж страстей, волненье дум,
 Узнали дружбу — без участия,
 Привет и ласку — без любви,
 Узнали то, что в мире счастья
 Не уловить, как ни лови.
 Что на пиру воображенья
 Нарядом пышным и цветным
 60 Рядили мы, в пылу забвенья,
 То было приграв, было дым.

 Что хладно мучит и терзает,
 Ни капель блага не живя,
 То всё младое сердце знает,
 То всё мы встретили, живя.
 А радость, а надежда славы,
 Любви и счастья даров?
 70 Как осенью листья с дубравы,
 Исчезло всё среди снегов,
 К нам нанесенных вьюгой буйной
 Измен крушительных и бед.
 Что ж нам осталось в жизни бурной?
 Что пронеслось, чего уж нет?
 Нет веры в сбыточность мечтаний,
 Которым предавались мы.
 Есть опыт. Хладные умы
 Он отучил от ожиданий,
 80 От обольстительных надежд,
 От дружбы женщины и невежд
 И вечно ложных упований.
 Мы всё забыли, погребли,
 Что обольщает чад земли, —
 И холод раннего бесстрашья
 Нам скудной стал заменой счастья...

МЫСЛЬ

Спит дряхлый мир, спит старец обветшалый,
Под грустной тению ночного покрывала,
Едва согрет остатками огня
Уже давно погаснувшего дня.
Спи, старец, спи!.. отрадного покоя
Минуты усладят заботы седины
Воспоминанием минувшей старины...
И, может быть, в тебе зажжется ретивое
Огнем страстей, погаснувших давно;
10 И вспыхнет для тебя прекрасное былое!..
И, может быть, распустится зерно
В тебе давно угасшей жизни силы,
И новой жизнью заглухшие могилы,
Печальный мир, повеют над тобой!
И снова ты проснешься от дремоты,
И снова, юноша с пылающей душой,
Забудешь старые утраченные годы
И будешь жить ты жизнью молодой,
20 Как в первый день создания природы!
.....
.....

Нет! тот же всё проснулся ты,
Такой же дряхлый, обветшалый,
Еще дряхлей без покрывала...
Скрой безобразье наготы
Спать под мрачной ризой ночи!
Поддельным блеском красоты
Ты не мой обманешь очи!..

ПОЭЗИЯ

Я владею чудным даром,
Много власти у меня;
Я взволную грудь пожаром,
Брошу в холод из огня,
Из покоя в чад похмелья;
А как песенку спою,
Благотворного веселья
Море в сердце разолью;

Разорву покровы ночи,
10 Тьму веков разоблачу,
Проникать земные очи
В мир надзвездный научу.
Кто пленится сим чертогом, —
Крылья дам туда летать,
С Аполлоном, гордым богом,
Наравне позволю стать.
Возложу венец лавровый
На достойного жреца
Или вмиг запру в оковы
20 Поносителя венца.
Я властна блаженства морем
Грудь страдальца напоить
Или вмиг счастливец горем,
Как стрелюю, поразить!..

«Кто ж ты, гордая царица?
Тайну смертным обнаружь!
Светлый дух иль чаровница,
Обольстительница душ?..»

Заструилась в небе змейка,
30 Свет блеснул, исчезла тьма:
«Я не дух, не чародейка,
Я поэзия сама!..»

ГОРЫ

Передо мной Кавказ суровый,
Его дремучие леса
И цепи гор белоголовой
Угрюмо-дикая краса.
Мой друг, о сей стране чудесной
Ты только слышал от молвы,
Ты не видал в короне звездной
Эльбруса грозной головы.
Вот он. Взгляни, его вершина
10 Одета глыбами снегов,

Вокруг седого исполина
 Стоят ряды его сынов.
 Великолепные творенья!
 Блистая гордой красотой,
 Они вселенной украшенье,
 Подпора тверди голубой.
 Взгляни на них бесстрашным взором!
 Но ты дрожишь: что видишь ты?
 Или сравненьем, как укором,
 20 Смуглились дерзкие мечты?..
 Да, да... наследник разрушенья,
 Я понял ясно мысль твою
 И, не без тайного крушенья,
 Ее правдивой признаю:
 Здесь от начала мирозданья
 Водворены громады гор,
 И полон гордого сознанья
 Могучих сил их бурный взор;
 Всеразрушающее время
 30 Им уступать осуждено,
 А между тем земное племя
 В гробах истлело не одно.
 Они всё те ж... основы твердой
 Ничто разрушить не могло.
 О, как торжественно, как гордо
 Их величавое чело!
 Всегда и холодно и бурно
 Оно, закованное в лед;
 Как опрокинутая урна,
 40 Над ним висит небесный свод,
 И солнце в отблесках узорных
 На нем горит, как на стекле, —
 Хребет возвышенностей горных,
 Не чуждый небу, чужд земле.
 Лишь изредка, под небоскляном,
 Паскуча праздностью немой,
 Сорвется с грохотом и стоном
 Осколок глыбы вековой.
 И, весь рассыпясь мелким снегом,
 50 Привет их долу принесет,
 А дол туда же громким эхом
 Благоговейный ужас шлет.

Картиной чудной вдохновенный,
Стою недвижим перед ней
Я, как ребенок умиленный
Святой восторг души моей
И удивленья полны взоры
Шлю к тем же грозным высотам —
Чтобы заоблачные горы
10 Их передали небесам.

МОЯ СУДЬБА

Мне плакать хочется, а плакать в мире стыдно
Увидят люди — осмеют
И с едкой клеветой, с улыбкою обидной
Притворством слезы назовут.
О, горько жить, о, трудно пережить измену
Того, чем сладко было жить!..
Из чаши радостей я пил одну лишь пену,
Она мешала нектар пить...
Так прочь, прочь, чаша всех надежд и упований!
10 Не принесла мне счастья ты;
Меня сгубила ты; ты в чары ожиданий
Втравила тщетные мечты...
Я небу покорюсь... возьму другую чашу,
С ней съединю судьбу свою;
Не суетных надежд венком ее украшу, —
Могильным плющем обовью.
И если слезы даст, по милости великой,
Бог, в утешение мое, —
Презря и суд глупца и хохот черни дикой,
20 Наполню ими я ее.
И в день, когда совсем преполненная чаша
Ни капли боле не вместит,
Скажу: «прощай» мятежной жизни нашей,
И дух мой в небо воспарит.
Там стану с ней, чужд черной ризы праха,
Все раны сердца обнажу
И у царя Судеб, как должного, без страха,
За них награды попрошу.

ЗЛОЙ ДУХ

Дух нечистый, дух порочный,
Как прокрался ты ко мне?
Для чего ты в час полночный
Здесь, со мной наедине?

Нет в очах твоих привета,
Как на давнем мертвце,
Лед бесстрастья на лице,
Злобной радостью одетом, —
Только демонский восторг

10 Смех неистовый исторг
С уст, и он вместо ответа
Мне понятно говорит:
«Сам ты звал, за данью верной
Я пришел!..»

Так лицемерный
Демон душу сторожит.
Так он вьется, в час паденья,
Над главой во тьме ночей
И вливает яд волненья
В сердце холодом речей.

20 Чудны, страшны эти речи!
Часто им внимает ум,
И от каждой новой встречи
Больше в сердце мрачных дум.

Дух коварный искушенья
Ими душу окружит
И мятежное сомненье
В чистом сердце поселит.

30 Всё, что юношу пленяло
Дивным блеском красоты,
Что невольно увлекало

В область мысли и мечты —
Осмеет он; и под маской
Долгой опытности, свет —
Безобразя черной краской
Зла, страданья, горя, бед —
Назовет темницей душею;
И, ребенок простодушный,
Ты погиб, когда его —

40 Силой духа своего
Не отвергнешь!..

НЕЗАБВЕННАЯ

...Для сердца нужно верить.

Пушкин.

О память, память! образ нежный
Надолго в сердце заключи,
Запри его рукой прилежной
И брось ненужные ключи!..¹

Не дай забыть того мгновенья,
Когда в полуночной тиши,
Затворник дум и вдохновенья,
Звучал я, полный восхищенья,
На струнах огненной души, —
10 И вдруг, чудесной невидимкой,
Как гений кроткий и благой,
Явилась дева предо мной,
Одета радужною дымкой
Туманной утренней зари,
В устах с улыбкою беспечной.
О память, память! сердцу вечно
Об ней мне в жизни говори!..

Я в ней искать единовеца
В мою любовь, в мои мечты
20 Пойду везде. О сердце, сердце!
Зачем так страстно любишь ты?..

Я не простыну до могилы...
Чуждаясь света и пиров,
В чертог заветный к деве милой
Искать лишь буду я следов.
И близ нее, в ее чертоге
Жить будет сердце век мое;
Или умру я на пороге
Жилища райского ее...

30 Но если это сон волшебный,
Одна мечта — и на пути
Тревожной жизни — рок враждебный
Мне не судил ее найти?!.
Я и мечту лелеять буду,
Любови к ней не погашу,

Свиданья сладкую минуту
На память сердцу запишу.
Солью мечтательное счастье
С моей существенной бедой
40 И жизни мрачное ненастье
Пройду бестрепетной стопой.
И верю — там, в стране лазурной,
Где радость и любовь вечна —
В награду бедствий жизни бурной
Осуществится мне она.

ДВА МГНОВЕНИЯ

Печальный свет лампы озаряет
Чело певца; — задумчивый поэт
К себе гостей заветных ожидает,
Зовет, манит; напрасно всё: их нет!
Нейдут к нему чудесные виденья
И пусто всё; как меткою стрелой
Подстреленный орел, без крыл воображенья,
На дне души томительный покой.
Как бременем подавленная, страдает
10 Его огнем горящая глава.
Он на листы то бремя сбросить жаждет,
Но силы нет, не вяжутся слова!
Для пылких чувств, для мысли благородной
Он не находит их; грудь скукою сперта,
Бессилен взрыв фантазии свободной
И сердце жмет, как камень, пустота.
Он рвется, ждет; напрасно всё: ни звука!
Бессилен ум! и в этот долгий час
Его души невыразима мука;
20 Страдает он, — и жалок он для нас,
Как бедный труженик...

Но вот от небосклона
Святая благодать спускается к нему;
Горит чело любимца Аполлона
Огнем поэзии; восторгу своему
Не ведая границ, в порыве вдохновенья,
В созвучьи стройные переливает он
Восторг души, святые помышленья

И всё, чем ум высокий поражен.
Связь с брэнною землей расторгнув без усилья,
30 Свободен как орел, могуществен как царь,
Широко распахнув развесистые крылья,
Над миром он парит. Везде ему алтары!
Легко душе, воображенью воля,
Раскрыты перед ним земля и небосклон —
И в этот миг его завидна доля,
И безгранично счастлив он.

ТУРЧАКА

Гюльнара, гурия младая!
Как много пламени, лучей,
Любови, музыки, речей,
Приветов, ласк и песен рай
В живом огне твоих очей!
Кто, кто, безумец, эти очи
Отдаст за звезды ясной ночи?
Кто не забудет горя, мук,
Когда, как с арфы чудной звуки,
10 В порывах радости иль муки,
Слетает с уст волшебный звук?
А эти перси, моря волны,
Кто не почтет, восторга полный,
Тая любовь в душе своей,
За чашу благ, в которой слито
Всё, что небесное забыто
В юдоли плача и скорбей?
Вот кудри — вороновы перья;
Черны, как гений суевья,
20 Как скрытой будущности даль,
Роскошны, длинные и лоснисты. —
За поцелуй в их шелк душистый
Расстаться с жизнью не жаль.
Вот стан, но кто не примет стана
Лишь за воздушный круг тумана?
Вот ножка, дивная краса!
Под солнцем нет цветка, дорожки,
Достойных быстролетной ножки,
.....

- 30 Пери, Пери! диво света,
Ненаглядная краса!
Ослепляешь, как комета,
Ты и чувства и глаза.
Будто солнца луч полдневный,
Вкрут тебя блистает свет,
Смертоносен взор твой гневный,
Жизнодарен твой привет.
Пери, Пери! диво света!
Ты пленила мысль мою,
- 40 Я тебя, дочь Магомета,
Фантазирую, пою.
Как твои роскошны грезы,
Как восторженны мечты,
Как дрожат восточной розы
Неги полные листы,
Как дыханье беспокойно!
Ты как солнце горяча,
И огонь желанья знойный
Веет с груди и плеча;
- 50 Как растопленное золото,
Эта грудь нежна, чиста,
Но зато, как сталь булата,
Непорочностью тверда...
Пери, много дивной жизни
Затаила ты в себе;
Отчего ж в твоей отчизне
Нет поклонников тебе?
Скрыла ты под покрывалом
Прелесть юного чела
- 60 И от всех им, как забралом,
К сердцу двери заперла.

СОМНЕНИЕ

Ты начал жить. Роскошен жизни пир,
На этот пир ты позван для блаженства.
Велик, хорош, изящен божий мир,
Обилен всем и полон совершенства.
Лазурь небес, безбрежный океан,
Дремучий бор, так пышно разодетый,

Седой зимы сердитый ураган,
И тишина торжественная лета,
И говор вод, и пенье соловья,
10 И над землей витающая птица,
И по волнам скользящая ладья,
И в небесах горящая денница,
И темнота безмесячных ночей,
Приют тоски, мечтаний и любви —
Картины чудные для сердца и очей.
Ты всем пленен, и пламя юной крови
В тебе зажгло высокие мечты,
Ты вспыхнул весь огнем полунесбесным
И, вдохновлен картиной красоты,
20 Постиг творца в творении чудесном.
Как праха сын, восторженным челом
Ты перед ним во прах повергся долу
И, до души проникнут божеством,
Послал мольбы к всевышнего престолу.
Он, внемля им, благословил тебя.
Сопутствуем надеждою веселой,
Иди, иди, надежду полюбя,
Ты с ней свершишь без горя путь тяжелый.
Но берегись! приюта не давай
30 В душе своей мятежному сомнению,
Беги его и сердца не вверяй
Его всегда недоброму внушенью...
С ним страшно жить, беседовать грешно,
И если раз его к груди пригреешь —
С тобой навек останется оно,
Ты в нем навек врага себе имеешь...
Порыв души в избытке бурных сил,
Святой восторг при взгляде на творенье,
Размах мечты в полете вольных крыл,
40 И юных дум кипучее паренье,
И юных чувств неомраченный пыл —
Всё осквернит нечистое сомнение
И окует грудь холодом могил.
Везде увидишь ты расставленные сети,
Тебя смутят тревожные мечты,
И даже там, где смело ходят дети,
Остановясь, задумаешься ты.
Ни красоты природы, ни искусства —

- Ничто души убитой не займет,
60 Тлетворный яд губительного чувства
Другие все из сердца изженет.
Полюбившь ты: сомненья призрак бледный,
Как адский дух, предстанет пред тобой,
Внушит совет и пагубный и вредный
И грудь зальет ревнивою тоской.
В ней закипит и бешено и страстно,
Как ураган, бунтующая кровь,
Но, мучимый сомнением всечасно,
Ты проклянешь безумную любовь.
- 60 Ревнивых чувств изгладишь впечатленье —
На сердце вновь и хлад и пустота,
Вотще искать ты будешь утешенья,
Нет, для него грудь будет заперта.
Участье дружества, последняя отрада —
И от нее сомненье отвлечет;
Оно тебе врагом покажет брата
И друга доброго злодеем назовет.
Мир для тебя в пустыню обратится,
Его бежать, чуждаться станешь ты;
- 70 В груди наек сомненье приютится
И поселит в ней мрачные мечты.
Ты не отсегнешь их, привыкший сомневаться,
И скоро грешные мышления тайком
К тебе начнут глубоко прививаться
И созревать на сердце молодом.
И вот плоды несчастных размышлений,
С сомнением томительных бесед:
Ты, раб его неправедных внушений,
Им омрачишь отрадой веры свет.
- 80 Тогда, тогда — печатью отверженья
Зажжет чело отступника позор,
И торжество коварного сомненья
Тебе прочтет последний приговор...

ПЕСНЯ

Мало на долю мою бесталанную
Радости сладкой дано,
Холодом сердце, как в бугю туманную,
Ночью и днем стеснено.

Ах, уж страдальца краса благосклонная
 Другом давно не звала
 И, поцелуем живым раскаленная,
 Грудь его грудью не жгла.
 В свете как лишний, как чем опозоренный,
 10 Вечно один он грустит.
 Девы! ведь чувства во мне не затворены,
 Я не бездушный гранит.
 Дайте любви мне — радость безумная
 Вспыхнет, как пламя, в крови;
 Прочь неотвязная грусть многодумная,
 Всё утоплю я в любви!
 Ты не раскаешься, дева прекрасная,
 Если полюбишь меня. —
 Склонит цветочек погода ненастная,
 20 Нежная дева среди дня
 К солнцу небесному* ручкою ловкою
 Тихо его повернет —
 Снова, на стебле качаясь головкою,
 Он ароматом цветет:
 Смят я несчастьями, горем измучен я;
 Дева, явился, спаси!
 С мыслью о смерти теперь неразлучен я,
 Жить и любить воскреси!..

ПОКОЙНИЦА

«Кто умер здесь? какой потери
 Печаль встревожила сердца?
 Откройте гробовые двери —
 Хочу взглянуть на мертвеца!
 Хочу, на ледяные кости
 Печать лобзанья наложу,
 Найти там след суровой гостьи,
 Где ныла пленница-душа.
 О боже, о творец великий!
 10 Она!..» И помутился взор,
 И горьких жалоб ропот дикий
 Несвязный выразил укор.
 Опомнился... взглянул: у гроба
 Другой, безмолвствуя, рыдал;
 Но лишь ему в лицо, как злоба,

Народ презрительно взирал
С уликой. «О, зачем, спаситель,
В тоске рыдать о ней, как он,
Я права от тебя лишен,
20 И клевета, любви гонитель,
На самом гроба рубеже
Покоя не дает душе,
Простившейся с грехами тела,
И на нее через меня
Льет яд позорного огня?
Я ей чужой!..» С чела слетела
Искусно скрытая тоска,
Из роз могильного венка
Цветок он вырвал равнодушно,
30 Пошел — исчез в толпе бездушной...

Толпа его не поняла.
Весь день об нем, наморщив брови,
Судила, думала, врала,
И страшно молвить как, влословя,
Она покойницу звала...

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

I

Повитый ризою полночного тумана,
Под сладкий говор волн седого океана,
Как путник под напев лесного соловья,
Спит пышный град. Разврата не тая,
Он обнажил поруганное тело, —
Рука страстей над ним отяготела,
И ночи тьма не крост от очей
Печальных признаков людского заблужденья.
Там сладострастные стоят изображения,
10 Нагие прелести вакханок и цирцей.
Что чувствам льстит, а душу унижает,
Там видит взор, и ясно выражает
Картина от очей не скрытой наготы
Присутствие греха, отсутствие святого,
Господство одного порочного и влого —
Разврата блеклые цветы...

Тихо кладбище,
Мертвых жилище,
Храм божий тих.
20 Мук преступленья,
Жажды, презренья —
Говор притих...
Казни позорной
Место вдали,
Заговор черный,
Страсти земли —
Ада созданья,
Помыслы зла,
Злые желанья,
30 Злые дела,
Тихо, всё тихо,
Молчит.

II

Утопая в неге сладкой,
Беззаботно спит старик,
Дерзкий юноша украдкой
В терем девицы проник;
Жадный к деньгам видит золото,
И во сне его рука
Строит гордые палаты,
40 Исчисляет груз богатый
Кораблей издалека;
Враг людей, друг черной ночи,
Устремя кровавы очи
В даль, с кинжалом, на коню
Ждет добычи терпеливо.
Все — кто в яве, кто во сне —
Полны суетностью лживой.
И надежды и мечты
Их попрежнему ласкают,
50 Ничего не ждут, не знают
Дети зла и суеты.
В море неги сладострастной
Сердце их погребено;
А меж тем земля ужасный
Пир готовит им давно...

- Так, в глуби ее таится
Пламя дивное, оно
Скоро вспыхнет, задымится,
Чудной силой зажжено.
- «0 Скоро будет пир кровавый
На земле и в облаках;
Пышный, гордый, величавый
Превратится город в прах.
Скоро... вестницею гнева
Всемогущего творца,
Скрыла с неба радость-дева
Прелесть юного лица.
Темно, душно... Встаньте, люди,
Умолите божий гнев,
- 20 Оторвите вы от груди
Юных жен и юных дев;
Позабудьте ложе ночи,
Вы, погрязнувшие в зле,
Возведите к небу очи,
Устремите слух к земле.
Страшно в небе, но страшнее
Под-землей, там гром гремит,
Там, как в сердце Прометей,
Пламя бурное кипит.
- «0 Пробудитесь! но призванью
Вы не внимлете; пора!
Нет, отсрочки наказанью
Бог не даст вам до утра...

III

- Чу! дрожит земли утроба,
Гул несется из травы;
Гром гремит, как в двери гроба
Череп мертвой головы.
Чу! трепещут кровли башен,
Завывает темный бор.
- «0 Разрушитель и страшен
Бурь подземных разговор...

IV

Вновь прогремели сердитые громы,
Эхо глухое далеко летит,
Плещется море, и рушатся дома,
Людам земля приговор говорит.
Слышишь ли, смертный, ты скрежеты ада,
Тяжкие вопли придавленных жертв,
Видишь ли тело погибшего брата? —
Он бездыханен, холоден, мертв.
100 Слышишь ли грозный ты звон колоколен?
Это не ты их заставил звенеть,
Слабый, унять их ты также не волен,
Покайся! близка твоя смерть...

V

Нет, ужасным сим явленьем
Человек не утрашен;
Лишь с корыстным сожаленьем
Гибель зданий видит он.
И, рискуя жизнью, страшный
Будто житель гробовой,
110 В бой вступает рукопашный
С разъяренною землей:
В сокрушенные палаты
Он стремительно идет
И из них кумир свой, злато,
В поле темное несет...
И везде одна тревога,
Мелкой суетности шум,
И не внемлет гласу бога
Человека гордый ум.

VI

120 Но грохоты грóмов подземных сильнее,
А черные тучи на небе мрачнее...
И вот на свободе, как вихорь степной,
Летает, кружится взорвавшийся камень,
Потоками брызжет дробящийся пламень
И в воздухе блещет кровавой зарей;
Оттуда — свершитель небесного мщенья —

На головы грешных он с шумом летит;
Разгульно пирует везде разрушенье,
Ничтожеству всё предает и мертвит...

VII

120 И ужас всех обнял. Всё люди забыли,
Дрожащие руки им страх оковал;
С землею прощались, горько вопили
И мнили: суд бога последний настал.
И мнили: то было паденье вселенной,
И с трепетом ждали паденья ея,
А грома ревели во мгле потаенной,
Валилися вданья, стонала земля...
Отчаялись люди; настал час смириться!
В их души невольно закралась боязнь;
140 И поняли люди, что это творится
За их преступленья достойная казнь...

VIII

И вот перед небом создателя, в страхе,
Упал непокорный народ, и во прахе
Смирилися гордые дети земли;
И те, что доселе, главою надменной
Безумно отвергнувши бога вселенной,
На град наказание его навлекли;
И те, что в пороках одних утопали,
Забыв и молитвы, и совести глас,
160 Что буйно, безумно грехом торговали
И бога творца забывали не раз —
Пред ним все смирились и песнь о прощеньи
Послали к всесильному богу царю.
И вот, милосердый, он в знак примиренья
Зажег на лазоревом своде варю.
Заря загорелась, и тучи пропали,
Рассеялась мрачность и тьма в небесах,
Подземные грома гремя перестали;
От града остался лишь пепел да прах.
180 Но люди о нем не тужили, в священных
Словах благодарности, чистых, живых,
Молитва лилася из душ обновленных, —

Им не было жалко хором дорогих.
Одеся свод неба пурпуром денницы;
Народ всё молился и в страхе твердил:
«О боже премудрый! Ты благ без границы,
Ты милостью наши грехи победил!..»

БОРОН

Баллада

Не шум домовых на полночном пиру,
Не рати воинственной топот —
То слышен глухой в непробудном бору
Голодного ворона ропот.
Пять дней, как у матери вырвав дитя,
Его оглодал он, терзая,
И с тех пор, то взором в дубраве следя,
То в дальние страны летая,
Напрасно он лакомой пищи искал,
10 И в злобе бессильной судьбу проклинал.

Носился туда он, где люди без слез
Лежат после хладной кончины:
Там жертву оспорил вампир-кровосос
И не дал ему мертвечины.
Был там, где недавно пожар свирепел
Вражды, честолюбья и злости:
Там раньше другой подобрать всё успел,
Ему не досталось ни кости.
И вновь без добычи вернувшись в бор,
20 Кричит он и стонет, кругом вода взор.

Едва от усталости может сидеть,
К земле опустилися крылья.
Чу, шелест, чу, топот!.. рванулся лететь,
Но слабые тщетны усилья.
Вот ратник лихой. Засверкали глаза,
И демонам шлет он молитвы:
«Убей его яростных громов гроза,
Иль враг наскочи и без битвы
Тайком умертви, чтоб, лишившийся сил,
30 И голод и жажду я им утолил».

Но тщетна нечистая просьба, промчал
Спокойно ездок мимо врана,
С коня соскочил он, его привязал
И к хижине, мраком тумана
От взоров сокрытой, направил свой путь,
Исполнен надежды отрадной,
А ворон всё каркал и до крови грудь
Себе проклевал беспощадно.

Но вот встрепенулся он радостно вдруг,
40 Спорхнул, пад конем обогнул полукруг.

Как будто бы замысел злобный тая,
Ему он закаркал приветно:
«Смотри, как летаю торжественно я,
Мне в мире ничто не заветно.
Меня не тягчит беспокойный седок,
Узда и удила мне чужды,
Быть так же счастливым и ты бы, конь, мог,
Не зная неволи и нужды.

Ты так же б свободно весь мир облетал
50 И бурным стремленьям преград не видал».

Тряхнул головой благородною конь,
Понравились льстивые речи!
Рванулся, но столб устоял; лишь огонь
Копыта взметали далече.
Вновь ворон закаркал: «тебе ли нести
Побой, позор и неволю,
И ты ли не в силах во прах разнести
Вождя хоть какого по полю!

Как сядет твой ратник, взбесился, помчи;
60 Срони его в бездну и сам ускачи!»

На волю порывом, как злой ураган
Могучим, ответил конь бурный.
И радуясь, вынул безжалостный вран
Несчастливого жребий из урны.
А в хижине радость. Там он и она,
Играет он локоном девы,
Она ему шепчет, прекрасна, нежна,
Любви бесконечной напебы;

Она ему в очи приветно глядит.
70 Но жребий не даром блаженство дарит!

Они расстаются; уж близок рассвет,
И горько она зарыдала.
Он завтра приехать дает ей обет,
Но дева как будто узнала
Таинственный жребий, предчувствий полна,
Она его крестит, лобзая.
Он сел и поехал; уныло она,
Очами его провожая,
Стоит у порога. Вдруг конь на дыбы!
80 Заржал... и свершилася воля судьбы...

Летит без наездника конь молодой.
«О друг! что с тобою случилось?»
И быстро бежит она тайной тропой
И мертвой на труп повалилась.
На нем уже ворон голодный сидел
И рвал его, в радости дикой;
Сбылось, совершилось... Ужасный удел
Тебальда постиг с Вероникой!

.....
90

РЫЦАРЬ

Баллада

Не жалобной чайки могильные крики,
Не сонного филина грустный напев,
Не говор унылый с волной павилики,
Не песни тоской сокрушаемых дев,
Не звуки поэта задумчивой лиры
В ночи прерывают природы покой —
То воин могучий над гробом Заиры
Рыдает, на меч опершись боевой.
Глухие стенанья несутся далеко;
10 Бесстрашного в брани смирила печаль —
Отчаянья полн, он вздыхает глубоко,
И брызжут горячие слезы на сталь.
«Заира, Заира! твою ли могилу
Я вижу? погибла надежда моя!

Молчите, дубравы и ветер унылый,
 Затихни, полночная песнь соловья, —
 Быть может, услышу хоть голос знакомый,
 На миг хоть увижу любезной лицо.
 Напрасно! нет вести из вечного дома,
 20 Всё тихо! но ты, дорогое кольцо,
 Поможешь мне вызвать из гроба Заиру.
 Волнуйтесь, реки, дубравы, поля, —
 Не дайте услышать уснувшему миру,
 Как с грохотом треснет сырая земля.
 Кольцом не простым я владею, — вручал
 Его, мне сказала она: — талисман
 В нем дивный таится, из горнего края
 Оно вызывает, врачуя от ран. —
 Свершайся ж, надежда! свидание с милой
 30 Уснувшую радость во мне пробуди,
 Прах, жизнью согретый, вставай из могилы,
 Заира к Роланду на грудь упади!..»
 Не вихрь завывает, не море бушует,
 Не громы грохочут в седых облаках —
 Роланд, обнимая, Заиру целует,
 У рыцаря радость блистает в очах,
 Он счастлив... он шепчет: «со мною, Заира,
 Пойдем, я покину и лавры и меч,
 Не буду грозою подлунного мира!» —
 40 «Нет, милый, нет, в землю холодную лечь
 Пора мне, простимся! мой друг, не дается
 Нам прав уходить из подземных утроб,
 Денница прекрасная скоро зажжется,
 Прощай, до свиданья! ты в битву, я в гроб!..»
 Исчезла... «Не можешь со мной ты остаться;
 Так я не могу ли с тобою?.. прости,
 Мой меч троугранный, с которым тягаться
 Боялось полмира, мне в бой не итти!..»
 День на небе. С громом сигнала сзывного
 50 Помчались в битву бесстрашных полки,
 Но не было с ними Роланда младого.
 Где ж он? На кладбище, у быстрой реки
 Есть ветхая келья. Оттуда порою
 Выходит отшельник, угрюм, сановит;
 Он молится днем над могилой одною,
 А ночью всё с кем-то на ней говорит.

ВОДЯНОЙ

Баллада

- «Меня из-под солнца сманил Водяной
В подводные царства Дуная,
Оковано сердце броней ледяной,
И стала совсем я иная:
Ни черные очи огнем не горят,
Ни щеки румянцем не рдеют,
Ни бури желаний души не томят,
Ни страсти земные не греют;
И вся, как Дуная седого волна,
10 Теперь я бесстрашна, мертва, холодна.
- «Что мне, что могу я там вольною быть,
Сквозь волны смотреть на природу
Иль, ставши волной, прихотливо браздить
Крылом задремавшую воду;
Что отдал мне мой непостижный супруг
Во власть всё подводное царство —
Земное к земному влетает юный дух;
Но тщетно, кляня за коварство,
Прошусь я домой, он к родной стороне
20 Дорогу забыть приказал давно мне...» —
- О, где твоя родина, дева, открой! —
Сидящей на бреге девице
Сказал юный ратник, бесстрашный герой.
Блестала слеза на реснице;
Участия полный, он деву спасти
Клялся и мечем и свободой.
«Беги, витязь юный, скорее! прости,
Иль сгибнешь, постигнут невзгодой!
Меня стережет мой супруг Водяной,
30 Найдет он везде, мы пропали с тобой!»
- Но он не внимает. — О радость души!
В награду любви моей страстной
Спасителем быть мне твоим прикажи!
Твое опасенье напрасно.
Куда пролегает таинственный путь,
Скажи мне! — так он умоляет.
Вдруг дева упала к счастливцу на грудь
И юношу страстно лобзает:

Земная природа проснулась в ней,
40 На волю из груди бьет пламень страстей.

В восторге души, он недвижим и нем,
Она вся любовь, восхищенье,
Забыли земное; готово меж тем
Ужасной грозы приближенье.
Бегут, но уж поздно. Раздался в тот миг
Прерывистый хохот; о горе!
Всё шире и шире Дунай — и настиг,
Разлившись как бурное море.

И где за миг с другом стояла она,
50 Там бьется, бушует и скачет волна.

ПИР ВЕДЬМЫ

I

Темно в хате, душно в хате;
Пляшут ложки на столе.
Скачет ведьма на ухвате,
Едет чорт на помеле.

Светло в хате, чисто в хате;
Вышла баба из трубы,
Набрала воды в ушате,
Загадала на бобы.

«Приходите, черти, змеи!
10 Пир дадим, сестра-душа!»
И сняла колдунья с шеи
Двухаршинного ука...

II

Ветер свищет, ветер вьется,
Воев бор, ревет ручей;
Вдаль по воздуху несется
Стая леших и чертей.

Поле стонет, поле плачет,
Завывает, словно волк;
По земле ползет и скачет
20 Змей гремучих целый полк.

Вползли змеи в двери хаты,
Черти с шумом из трубы,
Безобразны и рогааты,
Повалились, как грибы.

III

Обниманья, сплетни, говор,
Всякий хочет угодить;
Черный уж, колдуньяин повар,
Стал меж тем уху варить.

И покуда мыл он плошки,
80 Все, без скрипки, без смычка,
Под напев голодной кошки,
Принялись за трепачка...

.
.
.
.

IV

Славно пляшет на три сорта
Сатанинская семья!
И колдунья, сватья чорта,
40 От восторга не своя.

Что за праздник! песни, хохот,
Крик, бляенье, волчий вой,
Львиный рев и конский топот,
Зев и говор громовой.

Любо это ей до смерти!
Вдруг запели петухи,
И пропали гости-черти,
Не дождавшись ухи.

НЕПОНЯТНАЯ ПЕСНЯ

...Забываю песни муз,
Мне моря сладкий шум милее.

Пушкин.

- Клокочет, бушует, волнуется море
Сердито и грозно; седые валы,
Как вихри, летают на буйном просторе
И силятся сдвинуть крутые скалы.
Смотрите, смотрите — как грудью могучей
Они, разъяренные, бьют в берега!
Но вот на средину отхлынули тучей,
Как будто заслыша призыванье врага.
Как будто меж ними затеялась ссора —
- 10 Ревут ураганом, громами гремят,
Понять невозможно их чудного хора,
Но, кажется, что-то они говорят.
Кто ж знает? Быть может, в тревожном волнении
Безбрежной пучины бушующих вод
Есть тайные речи — и смысл и значенье.
Но кто их постигнет, но кто их поймет?..
Нас волны пленяют гармониейстройной;
Но, может, таится неведомо в ней
Звук чувства, и мысли, и дружбы спокойной,
- 20 И бурных желаний, и диких страстей.
Нет, нет, не без смысла их говор безвестный!
Прислушайтесь к звукам таинственных слов:
В них что-то поэзией веет небесной,
Как в песнях творцом вдохновенных певцов;
Как будто бы слышны то вопли разлуки,
То буйная радость, то к небу мольбы...
Но кто же постигнет волшебные звуки,
Кому же откроется тайна судьбы?..
- 30 О, если бы можно понять, хоть случайно,
То, что говорят меж собою оне!
О, если б ты, море, заветною тайной
Со мной поделилось, поведало мне:
Об чем беспрестанно, шумя и бушуя,
Ты, море, так сладко душе говоришь,
Об чем, то рыдая, то буйно ликуя,
Порою хохочешь, порою грустишь!

Открой мне, кипучее, бурное море,
Тайник заповеданный, дай мне понять,
Что дивное скрыто в твоём разговоре,
40 Что бурные волны твои говорят!
Их говор безвестный несется далече
И чем-то высоким пленяет меня;
Но если б я понял чудесные речи,
Душа б утонула в восторге моя...

ЧЕЛОВЕК

Когда сверкнет звезда полночи
На полусонную Неву,
Ряды былых событий очи
Как будто видят наяву...

Я мыслю: где ты, век деяний
Царя великого *Петра*?
Где гений мира, гений браней
И славы русского орла?

И слышу голос: «слоем пыли
10 Давно покрыт прошедший век,
И дань обычную могиле
Во время отдал человек!»

Обоих нет. Но память века
С ним закатилась навсегда,
А память славы человека
Горит и светит как звезда...

ИЗГНАННИК

Еще младенцу в колыбели
Мечты мне тихо песни пели,
И с ними свыклася душа.
Они, чудесной жизни полны,
Ко мне нахлынули как волны,
Напевом слух обворожа.
Вскипело сердце дивным даром,
Заклокотал огонь в груди,
И дух, согретый чистым жаром,

10 Преград не ведал на пути.
Отозвались желанья воле;
Однажды ею подыша,
В мир, мне неведомый дотоле,
Рванулась пыльная душа.
Отважно я взглянул, сын праха,
В широкий, радужный эфир;
Сроднилось сердце с ним без страха,
И разлюбил я дольний мир.
И долго там в стране лазурной,
20 Его чуждаясь, пробыл я
И счастье пил из полной урны
Полуземного бытия.
Мое сродство с подлунным миром,
Казалось, рушилось навек;
Я, горним дышущий эфиром,
Был больше дух, чем человек...
Но пробил час — мечты как тени
Исчезли вдруг в туманной мгле,
И после сладких сновидений
30 Я очутился на земле.
Тогда рука судьбы жестоко
Меня к земному пригнула,
Оковы врезались глубоко,
А жизнь за муками пришла.
Печально было пробужденье,
Я молча слезы проливал,
И вот, посланник провиденья,
Незримый голос мне сказал:
«Ты осужден печать изгнанья
40 Носить до гроба на челе,
Ты осужден ценой страданья
Купить в стране очарованья
Рай, недоступный на земле.
В тюрьме, за крепкими замками,
Бледнеет мысль, хладеет ум,
Но ты железными цепями
Окуй волненье мрачных дум;
Не доверяй души сомненью,
За горе жизни не кляни,
50 Молись святому провиденью
И веру в господу храни.

Над ложем слез, как вестник славы,
Взойдет предсмертная заря,
И воспаришь ты величаво
В обитель горнего царя,
В свою небесную отчизну...»
Умолк. И ожил я душой,
И заглушили укоризну
Слова надежды золотой...

- 60 И с той поры, изгнанник бедный,
Одной надеждой я живу,
Прошедшей жизни очерк бледный
Со мной во сне и наяву.
Порой знакомый голос слыша,
Я от восторга трепещу,
Хочу лететь, подняться выше,
Но цепь звенит мне: «не пущу!»
И я припомню, что в оковы
Меня от неба низвели,
- 70 Но проклинать в тоске суровой
Не смею жизни и земли.
И жизнь ли — цепь скорбей, страданий,
В которой каждое звено
Полно язвительных мечтаний
И ядом слез отравлено?
Наш мир — он место дикой брани,
Где каждый бьется сам с собой:
Кто — веры сын — с крестом во длани,
Кто в сердце с адскою мечтой.
- 80 Земля — широкая могила,
Где спор за место каждый час,
Пока всевластной смерти сила
Усопшим поровну не даст.

Я похоронен в сей могиле,
Изгнанник родины моей,
Перегорел мой дух в горниле
Земных желаний и страстей.
Но я к страданьям приучился,
Всегда готовый встретить смерть,
90 Не жить здесь в мире я родился,
Нет, я родился умереть...

Счастливицу прежде без границы,
Теперь отрадню мне страдать,
Полами жесткой власяницы
Несчастий пот с чела стирать.
Я утешительного слова
В изгнаныи жизни не забыл,
Я видел небо без покрова,
Награды горние вкусил;
100 И что страданья перед ними!
Навек себя им отдаю,
Когда я благами земными
Куплю на небе жизнь мою;
И не смутясь житейской битвой,
Окончу доблестно свой век.
С надеждой, верой и молитвой
Чего не может человек?..

ЖИЗНЬ

Прекрасно, высоко твое предназначенье,
Святой завет того, которого веленье,
Премудро учредя порядок естества,
Из праха создало живые существа;
Но низко и смешно меж нас употребленье,
И недостойны мы подобья божества.
Чем отмечаем, жизнь, мы все твои мгновенья —
Широкие листы великой книги дел?
Они черны, как демон преступленья,
10 Стыдишься ты сама бездушных наших тел.
Из тихой вечери молитв и вдохновений
Разгульной оргией мы сделали тебя,
И губительно парит над нами злобы гений,
Еще в зародыше всё доброе губя.
Себялюбивое, корыстное волненье
Обуревают нас, блаженства ищем мы,
А к пропасти ведет порок и заблужденье
Святою верою нетвердые умы.
Поклонники греха, мы не рабы христовы;
20 Нам тяжек крест скорбей, даруемый судьбой,
Мы не умеем жить, мы сами на оковы
Меняем все дары свободы золотой...

Раскрыла ты для нас все тайнства искусства,
Мы можем создавать, творцами можем быть;
Довольно налила ты в груди наши чувства,
Чтоб делать доброе, трудиться и любить.
Но чуждо нам добро, искусства нам не новы,
Не сделав ничего, спешим мы отдохнуть;
Мы любим лишь себя, нам дружество — оковы,
30 И только для страстей открыта наша грудь.
И что же, что они безумным нам приносят?
Презрительно смеясь над слабостью земной,
Священного огня нам искру в сердце бросят
И сами же зальют его нечистотой.
За наслажденьями, по их дороге смрадной,
Слепые, мы идем и ловим только тень,
Терзают нашу грудь, как коршун кровожадный,
Губительный порок, бездейственная лень...
И после буйного минутного безумья,
40 И чистый жар души и совесть погубя,
Мы, с тайным холодом неверья и раздумья,
Проклятью предаем неистово тебя.

О, сколько на тебя проклятий этих пало!
Чем недовольны мы, за что они? Бог весть!..
Еще за них нас небо не карало:
Оно достойную приготовляет мсты!

НЕЗАБВЕННЫЙ ВЕЧЕР

Как быстро, быстро промелькнул
Восторг любви первоначальной!
Я помню: ветер тихо дул,
Приветно пел ручей хрустальный,
Дышали негою поля,
Как колыбель была земля,
Луна, как девственная жрица,
Раскинув пышные лучи,
В великолепной багрянице
10 Из огнерадужной парчи,
Казалась видимой короной
Главы незримого творца;
Звезд и созвездий легионы,

Как отблеск божьего лица,
Сияли в выпрессенном эфире,
Веселым пламенем горя,
Как бы любуясь миром в мире,
Привет небес ему даря.
Он им амброзией растений
20 Курил чистейший фимиам,
И ароматный дым курений
Противен не был небесам.
Роскошно, пышно, чудотворно
Живописалась близь и даль:
Там всё в огне, а здесь всё черно,
Внизу цветы, вверху эмаль.
Я пил, в блаженстве замирая,
Восторга чистого струю,
Казалось мне, я был в раю;
30 Но средь чарующего рая
Чего-то взором я искал,
Чего-то мне недоставало...
Вдруг мягкий дерн затрепетал,
Вдали мелькнуло покрывало.
Она! дополнился восторг!
Он в сердце влил напиток райский,
Он взор и душу мне зажег...
В благоуханной сфере майской
Картина полночи немой
40 С ее немymi красотами,
И дева — ангел неземной
С живыми черными очами,
Вся из улыбки и огня,
С обетом счастья во взоре —
Всё это лило на меня
Блаженства истинного море.
Душа, казалось, то нашла,
Что ей вдали светлело метой,
Жизнь без чего для ней была
50 Прекрасной песнью недопетой.
Я понял, радостью горя,
Не отягчен мирской заботой,
Как гармонирует с природой
Любви восходная заря.

Промчались дни. Бывали ночи
Той и прекрасней и ясней,
В них мне не раз являлись очи,
Роскошный шелк витых кудрей,
Изящны формы плеч и стана,
60 Меня пронзал лобзанья жар,
Каким родит жерло волкана
Вокруг и пламень и пожар —
Но нет того очарованья!
Душе остывшей моей
Всё слаще первое лобзанье,
Тот первый вечер всё милей.
И все вы, новые порывы
Любить, ласкать, лобзать и жечь,
Как вы ни бурны, как ни живы,
70 Меня не можете увлечь
В стихию прежнего блаженства.
И если временем мне в грудь
Прекрасной девы совершенства,
Как лаву, жар палящий льют,
И, будто гнев в душе капризной,
Опять пылает страсть в крови:
То не любовь, то только тризна
По первой радостной любви...

БЕЗНАДЕЖНОСТЬ

Жизнь без надежд — тропа без цели,
Страсть без огня, без искр кремень,
Пир буйный Вакха без веселий,
Без слез тоска, без света день.

Жизнь без надежд — без силы воля,
Без пробужденья тяжкий сон;
О, как того ужасна доля,
Кто этой жизни обречен!

Он не живет; он без сознанья
10 Влачит томительные дни,
И цепью горького страданья
Влекутся медленно они.

Как отчужденный, с мрачной думой,
С немой печалью на челе,
Всегда унылый и угрюмый,
Он будто лишний на земле.

И в целом мире нет предмета,
Его способного пленить,
И вновь отступника от света
20 К нему в объятия заключить.

Глубоко в сердце уязвленный,
На всё он холодно глядит
И уж ничто во всей вселенной
Его очей не веселит.

Всему он чужд — и нет тяжеле
Его догробного креста,
И носит он на грешном теле
Печать поборника Христа...

МОГИЛА БРАТА

Я был на могиле, похитившей брата,
И горькие слезы кропили ее,
В душе пролилася святая отрада,
От горя проснулося сердце мое.

Проснулись чувства и думы толпою,
И память о прежнем в душе ожила,
И резво, роскошно опять предо мною
Былого картина как май расцвела.

Как будто бы горе мое миновало,
10 Как будто б я с братом, и брат мой со мной,
Как будто б на сердце тоски не бывало;
Но я был обманут коварной мечтой; —

Не брат предо мною — могила сырая,
Сокрывшая тленный остаток того,
С кем бесело мчалася жизнь молодая,
Кто был мне на свете дороже всего.

О слезы, о слезы! несчастных отрада!
Через хладную землю катитесь к нему,
На грудь упадите бесценного брата
20 И горе мое передайте ему!

Скажите, скажите, горючие слезы,
Что я одиноко веду мою жизнь,
Завяли в душе моей счастья розы,
И тернии горя лишь в ней разрослись.

Но что я, безумец? поймет ли бездушный
Остаток истлевший печали мои?
Душа его в небе, а гроб равнодушный
Лишь тело да кости взял в недра свои.

О небо, о вы, безграничные выси!
30 Я отдал бы счастье, оставил бы мир,
Чтоб в ваши пределы душой вознестися,
Орлом легкокрылым вспорхнуть на эфир.

Я там бы увидел бесценного брата
И с ним поделился бы грустью моей;
И это б мне было святая награда
За дни, проведенные в муках скорбей.

Увидел бы брата — и с ним не расстался;
Но небо высоко, а на небе он.
Лишь труп охладелый на память остался
40 И в душевной могиле давно погребен.

Касатка порхает над братней могилкой,
Душистая травка роскошно цветет,
И плющ зеленеет, и ветер унылый
Над ней заунывную песню поет.

Храм бога высокий, часовня, ограда,
Кресты да курганы — кругом тишина.
Покойся же мирно, прах милого брата,
Пока не восстанешь от долгого сна.

СМЕРТИ

Не приходи в часы волнений,
Сердечных бурь и мятежей,
Когда душа огнем мучений
Сгорает в пламени страстей.

Не приходи в часы раздумья,
Когда наводит демон зла,
Вливая в сердце яд безумья,
На нечестивые дела;

Когда внушеньям духа злого,
10 Как низкий раб, послушен ум,
И ничего в нем нет святого,
И много, много грешных дум.

Закон озлобленного рока,
Смерть, надо мной останови
И в черном рубище порока
Меня на небо не зови!

Не приходи тогда накинуть
Оков тяжелых на меня:
Мне будет жалко мир покинуть,
20 И робко небо встречу я...

Приди ко мне в часы забвенья
И о страстях и о земле,
Когда святое вдохновенье
Горит в груди и на челе;

Когда я, дум высоких полный,
Безгрешен сердцем и душой,
И бурной суетности волны
Меня от жизни неземной
Увлечь не в силах за собой;

30 Когда я мыслью улетаю
В обитель к горнему царю,
Когда пою, когда мечтаю,
Когда молитву говорю.

Я близок к небу — смерти время!
Нетруден будет переход;
Душа, покинув жизни бремя,
Без страха в небо перейдет...

ВЧЕРА, СЕГОДНЯ

Сонет

Вчера я бесстрашно сидел под грозой
И с мужеством буйным смотрел в небеса,
Не робостью кроткой — надменной мечтою,
Суровой отвагой горели глаза.

Я песнями вторил громам; надо мною
Губительных молний вилась полоса,
Но страх потерял все права над душою,
Меня не пугала вселенной гроза.

Зачем же сегодня я бури боюсь,
¹⁰ Под кров одинокий бегу, тороплюсь?..
Ах, жизни вчера не жалел я, как сна,
Отверженный *ею*, царицею сердца, —
Сегодня же в *ней* я нашел одноверца,
«Люблю!» — мне сказала робея *она*...

НОЧЬ

I

Я не сплю, не сплю — не спится,
Сердце грустию томится,
Сердце плачет в тишине,
Сердце рвется к вышине,
К безмятежному эфиру,
Где, одетая в порфиру,
Блещет яркая звезда.
Ах, туда, туда, туда —
К этой звездочке унылой
¹⁰ Чародейственной силой
Занеси меня, мечта!

II

Полночь; тихо. Ангел мира
Воцарился над землей;
Вот редет мрак эфира,

Вот раскрылся предо мной;
Вот встают из мрака тени
Очарованных видений
И вокруг звездочки златой
Вьются светлою толпой.
20 То спускаются, то снова
Исчезают в вышине,
То кружатся над дубровой,
То взвиваются к луне;
То, сплетясь руками дружно,
Вереницею жемчужной
Над водами пролетят
И крылами прошумят.
О, спуститесь на минуту
К безмятежному приюту,
30 Где один с своей мечтой
Я грущу во тьме ночной,
И из сферы жизни душевной
Унесите в мир воздушный,
В мир фантазии святой!

III

Зашумела страшно буря,
Ветер буйный засвистел,
Свод небесный потемнел,
Мрачно голову нахмуря,
Дуб кудрявый затрещал,
40 Пошатнулся и упал.
Страшно в поле в непогоду —
Брызжет белая волна,
Из берегов фонтаном воду
Бьет, кипучая, она;
Ветер воет, ветер свищет,
Ветер вольный всюду рыщет;
То по полю пролетит,
То над бездной прокричит,
То взовется, закружится,
50 В поднебесную умчится.
Он свободен! Вот звезда
Вновь блеснула из-за тучи —
Ветер вольный, ветр летучий,
Унеси меня туда!..

ДНИ БЛАГОСЛОВЕННЫЕ

Дни благословенные, дни многоотрадные
Промелькнувшей радости,
Снова уловляю я памятию жадною
Нектар вашей сладости.
Вижу ночь весеннюю, пламень, проливаемый
Бледною Дианою,
Вновь иду под яворы, ласково встречаемый
Юною Светланою.
Вижу вновь красавицу совершенства чудного,
10 Счастьем упоенную,
Словно изумрудами, неба изумрудного
Блеском озаренную.
Слышу величавую музыку певучую
Слова сладкогласного,
Упиваюсь весело сладостию жгучею
Поцелуя страстного.
Мигом излечаются раны сердца вялого,
Нет тоски и холода,
И опять на миг оно памятью бывалого
20 Весело и молодо...

ЗАГАДКА

Сонет

Непостижную святынею
Перед нами, без речей,
Небо круглою равниною
Блещет в ризе из лучей.

Что же там за далью синею,
Далью, видной для очей,
Где слито оно с пустынею
Днем и в сумраке ночей?

Не понять нам. Чудной тайностью
10 То для глаз облечено;
И постигнутые крайностью,
Видим только мы одно,
Что мир создан не случайностью,
Есть начальное зерно...

РУКОЯТЬ

Сонет

Не рылся я в земле в надежде вырыть золото,
Приюта мертвецов в ночи не разгребал;
Но, каюсь, — из руки усопшего собрата
Нехитрый черенок я сделал на кинжал.

Она от гибели спасла меня когда-то:
Мне посланный удар ту руку оторвал
От тела храбреца — полмертвым он упал;
Воздать я не успел ему достойной платой,

10 Не мог его спасти. — Нахлынули враги,
Молящим голосом он вскрикнул мне: «беги!»,
Минуты не было последнему объятью,

Лишь руку я схватил и шпоры дал коню —
И с тех пор при себе кинжала рукоятью
На память друга я как жизнь ее храню.

ОБЕТ

О, покинь меня! напрасно
О любви мне не тверди
И так пламенно, так страстно
На страдальца не гляди!
Я боюсь палящих взоров
Огнедышущих очей,
Я боюсь, как злых укоров,
Милых ласковых речей.

10 Отойди! я им не верю,
Я давно от них отвек;
Одичалому как зверю,
Чужд любви твоей язык.
Как дитя я суеверен;
Мне странна твоя печаль,
В этом мире — я уверен —
Никому меня не жаль.

В жизни странник, в год несчастья
Я узнал земных друзей
И чуждаться их участия

20 Дал обет в душе моей.
Ты пока еще не знаешь
Горькой муки бытия;
Погорюешь, страдаешь,
Так увидишь, прав ли я.

КРАСАВИЦЕ

Красавица! не пой веселых песен мне!
Они пленительны в устах прекрасной девы,
Но больше я люблю печальные напевы:
Они манят к той дивной стороне,
Где жизнь сладка, от звуков тает камень,
Где всё восторг, поэзия и пламень,
Где без пределов радость есть,
Куда и мыслью дерзновенной
Не проникает ум надменный;
10 Откуда лишь мечта в наш мир заносит весть,
Когда на крыльях своевольных
Туда валетит с границ юдольных
И там, прикована чудесным волшебством,
Вся очарована, украдкой
Заучивает гимн пленительный и сладкий,
Не смея зашуметь крылом...
Мне мил и потому печальный тон напева,
Что в первый жизни год родимая, с тоской,
Смиряла им порыв ребяческого гнева,
20 Качая колыбель заботливой рукой;
Что в годы бурь и бед заветною молитвой
На том же языке молилась за меня;
Что, побежден житейской битвой,
Во власть ей отдался я, плача и стенья;
Что первых слез горячей влаги
Восторга песнь не залила,
А та — надежды и отваги
С собой мне много принесла.
И тем, что горних стран таинственная дева,
30 Младая муза, в первый раз,
Слетя ко мне под сень развесистого древа,
Мне в нем поведала чудесный свой рассказ;
Что мне понятен стал и дивный говор бури,
И с листом шепчущийся лист,

И шум морских валов, и ветра буйный свист,
И разговор с землей лазури —
Когда впервые я песнь грусти услышал;
Я с ними встретил в ней неожиданные созвучья.
В душе убитой им отзвучья
40 Я много, много отыскал!
На что ж мне песнь веселья и забавы,
Когда настроена она
На звуки томные, на грустные октавы
И только ими лишь полна?
Когда на ложе грусти вечной
Спокойно задремал мой дух?
Забудь, прекрасная, песнь радости беспечной:
Его разбудишь ты для муки бесконечной,
Когда она встревожит слух.

ТОТ НЕ ПОЭТ

Кто духом слаб и немощен душою,
Ударов жребия могучею рукою
Бесстрашно отразить в чьем сердце силы нет,
Кто у него пощады вымоляет,
Кто перед ним колена преклоняет,
Тот не поэт!

Кто юных дней губительные страсти
Не подчинил рассудка твердой власти,
Но, волю дав и чувствам и страстям,
10 Пошел как раб вослед за ними сам,
Кто слезы лил в годину испытанья
И трепетал под игом тяжких бед,
И не сносил безропотно страданья,
Тот не поэт!

На божий мир кто смотрит без восторга,
Кого сей мир в душе не вдохновлял,
Кто пред грозой разгневанного бога
С мольбой в устах во прах не упал,
Кто у одра страдающего брата
20 Не пролил слез, в ком состраданья нет,
Кто продает себя толпе за золото,
Тот не поэт!

Любви святой, высокой, благородной
Кто не носил в груди своей огня,
Кто на порок презрительный, холодный
Сменил любовь, святыни не храня;
Кто не горел в горниле вдохновений,
Кто их искал в кругу мирских сует,
С кем не беседовал в часы ночные гений,
Тот не поэт!

30

ПЕСНЯ ЗАМЫ

Силен и строен мой милый, нег равного
В мире красавца ему,
В поле средь брани, средь игрища славного
Мало двоих одному.
Метко бросает он стрелы летучие,
Храбро владеет мечем,
Гордо глядят его взоры кипучие,
Ловко он правит конем.
10 Бровь соболиная, волосы черные,
Небо и пламень — глаза,
Речь сладкозвучная — волны подгорные,
Весь обольщенье, краса!
Светел, как отблески ярко-пурпурные
Солища в прозрачной глуби.
Сладко смотреть ему в очи лазурные,
Дивные шепчут: люби!
Сладко внимать его слову певучему,
Тихо дыханье тая;
20 Счастье быть братом иль другом могучему,
Счастливей доля моя!
Тигр безбоязненный — в гения кротости
Он пред моей красотой
Вмиг превращается; и не без гордости
Я на груди молодой
Грею гранитную грудь победителя,
Если домой хоть на миг
Он прилетит — и, от ран исцелителей,
Ищет лобзаний моих.
30 Что же сравняется с долей прекрасною,
С долей завидной моей?

Лучше ль быть на небе звездочкой ясною,
Птичкой летать средь полей?
Нет, мне не надобны крылья раздольные,
Блеска не надобно мне!
Если мы вместе — и так мы не дольные,
Если обнимемся — так мы в огне.
Нам не ужасна судьбина коварная,
Рай наш всегдашний в любви.
О ты, как в сердце моем, жизнедарная,
40 Век в его сердце живи!

ЧАС МОЛИТВЫ

Когда взойдет денница золотая
На небосвод
И, красотой торжественно сияя,
Мрак разнесет,
Когда звонят, к молитве созывая,
И в храм идут,
И в нем стоят, моленье совершая,
И гимн поют;
10 Тогда и я, с душою умиленной,
Меж всех стою
И богу гимн, коленопреклоненный,
Тогда пою.
Когда царь дня, в волнах купаясь чистых,
Течет к концу,
И запоет хор птичек голосистых
Хвалу творцу;
И я пою, и я ему молюся,
И в час мольбы
20 Спокоен я душой и не боюся
Угроз судьбы.
Мольба всегда усладу мне приносит,
Мой дух свежа,
Но никогда молитвы так не просит
Моя душа,
Как в грозный час кипучей непогоды;
Слова мои
Тогда солью я с голосом природы
И, чужд земли,

Пошлю к творцу усердную молитву,
30 И — внемля ей,
Он усмирит враждующую битву
Моих страстей...

СМУГЛЯНКЕ

Черны, черны тени ночи,
Но черней твоя коса
И твои живые очи,
Ненаглядная краса.
Если вестниками бури,
Кроя свет дневных лучей,
Ходят тучи по лазури:
Это тень твоих очей!
Если вспыхнут метеоры
10 Над поверхностью земли:
Их твои, о дева, взоры
Огнемётные зажгли!
Если молнья ярким блеском
На мгновение вспыхнет там,
И промчится с гордым треском
Гром по мрачным высотам,
Эта молнья — жар дыханья
Томных уст твоих, краса;
Гул отзвучный их лобзанья —
20 Разъяренная гроза.
Вся ты — искры бурной Этны
Да чудесный черный цвет;
Нет ни бледности бесцветной,
Ни румянца в тебе нет.
Лишь меняет буря гнева
Да любовь твои черты.
Черноогненная дева,
Счастлив, кем пленилась ты!
Как люблю я, как пылаю!
30 Но как часто за тобой
Взор ревнивый устремляю.
Ах, ужель?.. нет, боже мой!
Страшно мыслить!.. прочь сомненье!

Ты верна. Но, о судьба!
Если вдруг души влечение...
Страсть... безумие... борьба?
Ах! молю — когда измену
Ты замыслишь, приходи,
Вольной страсти перемену
40 Расскажи мне на груди:
Обниму тебя, тоскуя,
Загорюсь от поцелуя.
И, страдания тая,
Перед смертью скажу я:
«За Ленору умер я!»

ВЕСНА

Волна катится за волною
В неизмеримый океан...
Зима сменилася весною
И реже воев ураган;
Не ждет безжалостное время,
Оно торопится на срок;
Полей и нив богатых бремя, —
Исчез белеющий снежок,
Цветет веселая природа,
10 Зазеленел дремучий бор,
Встречает шумно утро года
Пернатых птиц громовый хор;
Они поют ей гимн приветный
Во славу бога и отца
И нежат песнею заветной
Печаль унылого певца.
Прекрасно небо голубое,
Везде прохлада и покой,
И щедро солнце золотое
20 Питает землю теплотой
Необходимой, благодатной;
От неприступной вышины
Струится воздух ароматный
На царство света и весны.
Широко, с гордостью кичливой,
Покинув прежние берега,

Через засеянные нивы
Течет прозрачная река,
И всё цветет, и всё прекрасно!
30 Но где ж зима, где след зимы,
Где вой мятелицы ненастной,
Где грустный мрак могильной тьмы?

Зима прошла. Пройдет весна,
Настанет лето золотое,
Природа, радости полна,
Вздохнет отраднее в покое,
Но ненадолго; нет, опять,
Рассвирепелые, по воле
Мятежно ветры засвистят,
40 И закружится вихорь в поле.
И зашумит дремучий бор,
Завоет он, как волк голодный;
И с высоты пустынных гор
Повеет осенью холодной;
И снова сумрачная тьма
Раскинет свой покров печальный
И всемогущая зима
Оденет в саван погребальный —
Цветущий луг, зеленый бор
50 И всю поблекшую природу,
И убелит вершины гор,
И закует морозом воду;
И после дивной красоты
Природа будет вновь уныла;
Так жизнь: иль майские цветы
Или заглухшая могила...

СЕРДЦУ

Она так нежно, так заботно
В тот час взглянула мне в лицо,
Она, казалось, неохотно
Взяла венчальное кольцо, —
Ужель не сон? ужели точно
Она невинна и верна
И не мечтой была порочной,

А тайной грустью стеснена?
Ах! искра той надежды сладкой
10 Могла бы грудь одушевить,
Веселый стих внушить украдкой,
Мечту и музу пробудить.
Я вновь главою поник бы ныне
Перед царицей красоты,
Неся к ногам моей богини
Любовь, покорность и мечты.
Но нет, самолюбивой думой
Напрасно сердце не живи!
Мне суждено молчать угрюмо
20 Под гнетом рока и любви.
Уймись же, сердце! не надейся,
Вдох затаи в грудной глубини,
Волненьем суетным рассейся
И, если можешь, разлюби
И для красот ее ослепни;
Иль страсть смирением окуй
И словно камень в нем окрепни,
Или попрежнему целуй
Шаг каждый ног ее прелестных —
30 Всё, всё, лишь только не дерзни
Толпой укоров бесполезных
Напомнить ей былые дни!
Оставь ее! она ребенок,
Она и любит — только час.
Пускай же будет дик и звонок
Твоей тоски унылый глас.
Страдай! — страданьям нет неволи, —
Мне суждено, постигнул я,
Одни трагические роли
40 Играть на сцене бытия.

ПРИЗНАНИЕ

Я пленен, я очарован,
Ненаглядная, тобой,
Я навек к тебе прикован
Цепью страсти роковой.
Я твой раб, моя царица!

Всё несу к твоим ногам,
Без тебя мне мир темница.
О, внемли моим словам:
Несурово, хоть ошибкой,
10 На страдальца посмотри
И приветливой улыбкой
Хоть однажды подари!
Я люблю; ужель погубишь
Ты меня, не полюбя?
Полюби! — когда полюбишь,
Буду жить лишь для тебя!
Лишь твои живые очи,
Ручку, ножку, локон, стан
Вспоминать и дни и ночи
20 Буду, страстный как волкан;
И покуда будет биться
Жизнь в пылающей крови,
Лишь к тебе, моя царица,
Буду полн огнем любви.
О, скажи, краса младая,
Мне хоть слово; но молю:
Полюби, не отвергая,
Так, как я тебя люблю!

РАЗГОВОР

Т е л о

Что ты, душа, так ноешь, страдаешь,
Грустишь и плачешь день и ночь,
Чем ты больна, чего ты жаждешь,
Чем я могу тебе помочь?
Твоя печаль непостижима.

Д у ш а

И не поймешь ты никогда,
Чем я, несчастная, томима;
Не по тебе моя беда.
Мои страдания глубоко
10 Во мне самой заключены,
Они томят меня жестоко,
Моей враждой раздражены.
Не от забот, не от коварства,

Не от измен они и бед,
Но нет конца им, нет лекарства,
Но победить их силы нет.
Унять мучительное горе
Одно, быть может, и могло б;
Но далека, как берег моря,
20 На то надежда...

Т е л о

Что ж то? гроб?
Зачем такое помышленья!
Нет, не согласно я с тобой,
Гроб для меня не утешенье.
Люблю житейское волненье,
И чинный бал, и гул глухой
На беспорядочной пирушке,
Люблю повздорить со старушкой,
Затеять дружбу с молодой;
Я тем живу, в своей я сфере,
30 И нет достаточных причин
Роптать, теперь по крайней мере.
Себе я добрый господин:
Хваля обычай благородный,
Я каждый день себя кормлю,
Я каждой ночью крепко сплю,
Мои дни мчатся беззаботно,
Я дружно с жизнью живу
И лишь об том немножко плачу,
Что красоту и силу трачу.

Д у ш а

40 Ты и во сне и наяву
Одни лишь видишь наслажденья,
Тучнеешь ты от пресыщенья,
А мне дает ли пищу тот,
Кто мною дышит и живет?
Бросают псу из сожаленья
Порой оглоданную кость,
А я в презрительном забвеньи,
Я — на пиру незванный гость.

Т е л о

Послушна в дни земного века
60 Будь мне — и всё поправлю я.

Д у ш а

Нет, над тобою власть моя
Нужна для счастья человека.
Блажен, кто не всего себя
Тебе на рабство, тело, предал,
Кто мне часть жизни заповедал,
Меня питая и любя.
Кто суете себя не продал
За наслажденья и пиры,
Кто, словно рудник, разработал
60 Мои сокрытые дары.
Но тот несчастен, слаб и низок,
Кто жизнью душу обделил,
Кто дружбы с ней не заключил,
Хоть от рожденья к ней так близок.
Что я тому? излишний дар!
Он из сокровищниц глубоких
Не почерпает дум высоких;
Мой светлый ум, мой чистый жар,
Мой дух бездейственностью губит.
70 Он не меня, он тело любит,
А мне, забытой и больной,
Назначил он удел ужасный:
Тебе покорствовать всечасно
Или, вступя в неравный бой,
Бесславно падать пред тобой.
Как тяжела такая доля!
Ее мучительно влачить.
О, если б крылья, если б воля,
О, если б цепи сокрушить!

Т е л о

80 И вправду, я не понимаю
Твоей мечтательной беды,
Но отчего-то принимаю
В тебе участие. Брось мечты!
Послушай моего совета:
Живи со мною заодно;

По мне — на шумном пире света
Нам много радости дано.
Есть упоенье в сне мятежном,
В похвальных отзывах толпы,
90 В труде, в недуге неизбежном,
В грозе и милости судьбы;
Есть упоенье в вихре танца,
В игре, обеде и вине,
И в краске робкого румянца
Любимой девы при луне.
На темный жребий свой не сетуй,
Со мной радушно помирись,
На пир за мной охотно следуй,
Моим весельем веселись.
100 Вкушай земные наслажденья —
И, верь, счастлива будешь ты
Без этой выпренной мечты
О неземном предназначеньи.
Итак, дай руку — мы друзья;
Тебя сегодня же прекрасно
Развеселить надеюсь я...

Д у ш а

Прочь, искуситель! не напрасно
Бессмертьем я освящена.
Одной враждой, враждой ужасной
110 Тебе до гроба я должна.
Пускай она не переможет,
Но не без боли вкусишь ты
Ее жестокие плоды.
Она во сне тебя встревожит,
Она на пир с тобой придет,
Твое веселье уничтожит,
Грудь плющем горя обовьет.
Ее укоров дикий голос
В тебя вонзится как стрела
120 И на челе поднимет волос,
Напомня грешные дела.
Когда безумством человека
Я ниже тела сочтена,
Когда во дни земного века
Плодов дать миру не должна, —

Хоть неусыпную борьбою
С грехом, владеющим тобою,
Порой от пропасти его
Тебя отторгну я насильно,
130 И хоть однажды — труп бессильный —
Ты мне уступишь торжество!..

1 8 3 9

ДУМА

О чем тоска и сокрушенье,
О чем вседневная печаль,
Роптанья, слезы, сожаленье —
Что тратим мы, чего нам жаль?

Ужель несчастье жизни краткой
Для нас мучительней всего,
А счастье так полно и сладко,
Что стоит плакать без него?..

Пловцов минутных в бурном море
10 Земное счастье неполно,
И побеждать земное горе
Довольно силы нам дано.

Страданье наше, наша мука,
Когда их сносим мы с мольбой,
За счастье прочное порука
В дому другом, в стране святой;

Не вечен мир, не вечны люди,
Покинем мы минутный дом,
На волю вылетит из груди
20 Душа эфирным мотыльком, —

И станут перлами все слезы
Сиять в лучах ее венца,
И пусть страданья, мягче розы,
Ей путь устелют в дом отца.

Не часто ль ходим мы с отвагой
По топким тундрам и горам,
Когда хоть миг единый блага
Найти за ними мнится нам?

Зачем же ропот на страданья,
30 Зачем по мрачному пути
Мятежной жизни, без роптанья,
С отвагой той же не итти;

Когда, порою так же трудный,
От бед житейских и забот
Тот путь не к радости минутной,
К блаженству вечному ведет?

1 8 4 0

МЕЛОДИЯ

(К. А. Д.)

Есть страна на севере, сердцу драгоценная;
В неге поэтической
Пела лишь веселье там лира вдохновенная
Песнью гармонической.
Сердцу не забыть ее пред природой новою:
С ней жизнь сердца связана.
Словно драгоценною лентой бирюзовою,
Волгой опоясана,
10 Ввору предстоит она стройною картиною,
Чудом оживленную:
Волны нежат слух — ее дикой каватиною,
С эхом соглашенною;
Розы кашемирские ароматом дышат в ней,
Небо — как в Авзонии;
Соловьи китайские в рощах распевают ей
Дивные симфонии.
Как она пленительна, ризою пурпурною
Солнца облеченная!
20 Как она торжественна, в непогоду бурную
Громом ополченная!

Как она, раскинувши тени чародейские
Полночи мечтательной,
Навевает на душу думы нежитейские
Силой обаятельной!..
Там, срывая весело лилии цветущие
С поля ароматного,
Бегал резвый юноша, в дни быстротекущие
Лета благодатного.
Пылкий, любовался он мира лучезарного
Стройною красотью;
Ложным обольщением счастья коварного
Веря с детской живостью;
Жизнь ценил он дорого, девой восхитительной
Перед ним представшую.
Там сдружился с музой он, песнью усладительной
Слух очаровавшею.
Горя в чашу радостей жизни поэтической
Не было примешано;
От очей мечтателя дымкой фантастической
Даль была завешена;
Всё было одето там праздничной одеждою,
Всё там улыбалось,
И чего-то сердце там, с страхом и надеждою,
Ждало — не дождалось...
Дни летели соколом... вдруг всё изменилось...
Увлечен желаньями,
Я простился с родиной, шибко сердце билось
Новыми страданьями...
Отлетел надежд моих призраком обольстительный,
Счастье изменило мне,
И теперь гнетет меня думой сокрушительной
Горе по родной стране.
Шлю привет то вздохом ей, то мечтой суровою,
В мыслях каждый час она.
Сердцу не забыть ее пред природой новою:
С ней жизнь сердца связана...

ОФЕЛИЯ

В наряде странность, беспорядок,
Глаза — две молнии во мгле,
Неуловимый отпечаток

Какой-то тайны на челе;
В лице то дерзость, то стыдливость,
Полупечальный дикий взор,
В движеньях стройность и красивость —
Всё чудно в ней!.. По высям гор,
В долинах, рощах без боязни
10 Она блуждает, но как зверь
Дичится друга, из приязни
Ей отворяющего дверь.
Порою любит дни и ночи
Бродить на сумрачных гробах;
И всё грустит, и плачут очи,
Покуда слезы есть в очах.
Порой на лодке в непогоду,
Влетая в бунт морских зыбей,
Обезоруживает воду
20 Геройской дерзостью своей.
На брег выходит; как русалка.
Полощет волосы в волнах,
То вдруг смиренно, как весталка,
Пред небом падает во прах.
Невольно грустное раздумье
Наводит на душу она.
Как много отняло безумье!
Как доля немощной страшна!
Нет мысли, речи безрассудны
30 Душа в бездействии немом,
В ней сон безумья непробудный
Царит над чувством и умом.
Он всё смешал в ней без различья,
Лишь дышат мыслию черты,
Как отблеск прежнего величья
Ее духовной красоты...
Так иногда покой природы
Смутит нежданная гроза:
Кипят взволнованные воды,
40 От ветра ломаются леса,
То неестественно блистает,
То в мраке кроется лазурь,
И всё, смутив, перемешает
В нестройный хаос сила бурь.

СЛЕЗА РАЗЛУКИ

Тих и мрачен в час печали,
Я в лицо тебе гляжу
И на памяти скрижали
Образ твой перевозжу.
Изучаю голос речи,
Мысль очей хочу понять,
Чтоб, грустя, до новой встречи
Их в душе не затерять.
Посмотри, мой друг, серьезно,
¹⁰ Взор улыбкой засвети,
Повернися грациозно,
Статной лебедью пройди;
Распусти волосы по шейке,
Резвой ножки не скрывай,
Белой груди, чародейке,
Волноваться волю дай!
Спой мне нежно про разлуку,
Легкой нимфой протанцуй,
Дай мне беленькую руку,
²⁰ Сладко, жарко поцелуй!..
Урони теперь в волненьи
Две жемчужные слезы:
Будет полно впечатленье
На меня твоей красы...
Может быть не сохраню я
В бедной памяти моей
Ни очей, ни поцелуй,
Ни движений, ни речей;
Но слеза — любви свидетель!
³⁰ Ту невольную слезу,
Как младенец — добродетель,
Я в могилу унесу!

СКОРЬ И СЛЕЗЫ

Мне плакать хочется... Зачем же я не плачу,
Остановляю слез исход?
Зачем тоску, как радость, в сердце прячу,
Когда она так сердце жмет?
Затем, что не хочу страданьям облегченья, —
В нем скрыта новая беда:

Теперь душа полна глубокого мученья,
Тогда в ней будет пустота!
Средины нет — бесчувственность иль мука,
А я узнал, что тяжелей...
О, нет! Ни капли слез, роптаний ни ползвуча!
Тоска, ты друг души моей!
Тебя не изгоню, тебя не облегчу я,
Тебя на сердце буду греть;
Ты мучишь, ты томишь... и знаю, что живу я,
Что должен скоро умереть!

«К НЕЙ!!!»

Гляжу с тоской на розы я и тернии
И думой мчусь на край миров:
Моя душа в Саратовской губернии,
У светлых волжских берегов.
Я близ нее! О рай, о наслаждение!
Как на мечтах я скоро прискакал!
Бывало, я имел туда хождение
И словно копь почтовый уставал.
Страдал тогда кровавыми мозолями...
Теперь понусь крылатою мечтой, —
В вфире, — там, — близ ней, — над антресолями;
И вот тайком влетел в ее покой!
Вот, вот она, души моей пиитика!
Сидит печальна и бледна.
В ее словах, в движениях политика,
А на челе — тоска по мне видна.
В ее руках цепочка с закорючками,
Она от скуки ей шалит;
Любуюсь я торжественными ручками,
Приятен мне их белоснежный вид.
Но вот она, пленительная узница,
Слезу отерла рукавом:
О, что со мной? Душа моя, как кузница,
Горит мучительным огнем!
«Не падо мне ни графов, ни полковников, —
Так говорит: — останусь век вдовой,
Когда не ты, божественный Грибовников!
Супруг мой будешь роковой!»
Запрыгал я тогда от умиления,

- 30 И в пятки вдруг душа моя ушла,
 И перед ней повергся на колени я,
 И речь из уст, как млеко, потекла!..
 «Ты ль это, — ты ль?.. Ивана ли Иваныча
 Зрю пред собой!.. Какой ты путь свершил?» —
 Так изрекла. — От Дона и от Маныча
 С конца миров к тебе б я поспешил,
 Не утрашась ни верстами, ни милями!
 Я для тебя всем жертвовать готов!
 Но я не шел пешком, меж простофилями,
 40 Я прилетел, — сказал я, в кратце слов...
 Тут обнялись мы сладостно и пламенно;
 Ее чело стократ я лобызал!
 О, в этот час растаял бы и камешный:
 Стихами ей экспромтец я сказал!
 Она меня поподчивала дулями,
 Я стал жевать... Но ах!.. Я пробужден!..
 Где я?.. один!.. лишь *мечт* моих ходулями
 Был к ней я занесен!..

Иван Грибовников

БАБА-ЯГА КОСТЯНАЯ НОГА

Русская народная сказка в стихах

Г л а в а п е р в а я

ПОХИЩЕНИЕ

- Проспулась общая тревога
 С восходом радостного дня;
 Стоят у царского чертога
 Четыре ретивых коня.
 Из камня искры огневые
 Копытом мечут жеребцы,
 Храпят и бьются; стремящиеся
 Их крепко держат под уздцы.
 Красуясь пышным одеяньем,
 20 Сребром и золотом горя,
 С нетерпеливым ожиданьем
 Толпой придворные царя,
 Его сотрудники лихие
 В пирах, охоте и войне,

Во всем равно передовье,
Стоят на правой стороне.
Налево спутницы царицы:
Красиво бархат и парча
Их облакают до плеча,
20 Как соболь черны их ресницы,
Как лето жарки их уста,
Как цвет пышна их красота.
Они стоят красивой цепью
И, засветив улыбкой взгляд,
Как в бурю небо с водной степью,
С противным строем говорят.
Вот рать!.. Усами Чернобога
Поклясться смело может свет,
Что побежденных ею много,
30 А победителя ей — нет!..

Выходит царь. Ему подводят
Его любимого коня,
За ним жена и сын выходят,
И дочь, ясней младого дня.
Мила, как светлая Зимцерла ¹,
Она улыбку всем дарит,
И ряд зубов, белее перла,
Глаза и души ворожит.
Она заносит ножку в стремя,
40 Не смея духа перевесть,
Мужчин завистливое племя
Глазами радо ножку съесть.
Коня погладит ручкой ловкой —
Всем ручка видится во сне;
Шутя кивнет кому головкой —
И взоры всех в той стороне.
Посмотрит на кого сурово —
Уж тот молчит, вабешен, угрюм;
Моргнет ли бровью, скажет слово —
50 Втупик поставит всякий ум.

И наши деды знали толк
Ценить изящное правдиво:

¹ Русская Аврора.

Был у царевны целый полк
Рабов влюбленных, — и не диво! —
К нам по преданиям дошло,
Переходя от деда к внуку,
Что тот, презреньем ввержен в муку,
Весь век страдал; того сожгло
Одной улыбкой благосклонной;
60 Тот, говорун неугомонный,
От наумленья онемел,
Когда ей в очи посмотрел...

Куда же едут царь с царицей
И с белолицей царь-девицей?
Куда мужчин и женщин рать
Собралась их сопровождать?..

Царь, утомясь победной славой,
Любил с зверьми вести войну,
И как охота встарину
70 Была и женскою забавой,
То и царица с ним порой
Делить в отъезжем поле травлю
Любила. Здесь я точку ставлю,
Пойдемте на поле со мной...

Разнообразными толпами
Станица ратников и жен,
С бичами, копьями, стрелами,
Пестреют в поле: — шум и звон!
80 Кругом раскинуты тенета,
Зверей усердная борьба
Всех утомила, как работа;
Но ловля, травля и стрельба
Идут успешно. Уж сразили
Лисицу, волка и хорька;
Вдобавок, в сети заманили
Недальновидного сурка,
Да пару зайцев затравили.
Доволен царь. Своей рукой
Он гладит мягкий пух лисицы;
90 Остановился — ждет царицы, —
Она примчалася стрелой.
Тогда с коней своих усталых

Они для отдыха сошли;
 Забыв охоту, к ним пришли
 Толпы наездников удалых
 И в кубках меду принесли.
 Наполнен ковш шпучей влагой,
 И благородная струя,
 Досыта жажду их поя,
 100 Дарит их новою отвагой.
 Меж тем идет серьезный толк
 Между придворными: кем волк
 Повержен был, кто на лисицу
 Поднял неробкую десницу,
 Кем загнан маленький сурок
 В расставленный ему силок?
 Венец победы над лисицей
 Приписан был царю с царицей,
 И их же верная рука
 110 Сразила волка и хорька.
 Заслыша общее их мненье,
 Пришла царица в восхищенье;
 Царя державное чело
 Улыбкой ясной расцвело.
 Пить решено за лов удачный —
 И вот уж пенный фиал
 До края кубки наполнял,
 И вот уж пьют...
 Вдруг тучей мрачной
 Небесный лик заволокло,
 120 Как демон, с бешенством и свистом
 Пронесся ветер в поле чистом:
 Шатер походный унесло,
 С придворных шапки посрывало,
 В руках ковшей как не бывало.
 Вдруг крик и свист, и шум вдали,
 И стук копыт о грудь земли
 Раздался из лесу. Чему бы
 Тут удивляться им? В лесах
 Ведь недостатка нет в лисах,
 130 То, знать, царевна трубит в трубы
 И с ратью гончих и девиц
 Гоняет по лесу лисиц...
 Но отчего-то на царицу

Вдруг страх напал, сам умный царь,
 Хоть никогда не трусил встарь,
 Тут от испуга рукавицу
 Из рук дрожащих уронил;
 Вдруг он коня поворотил,
 Махнул рукой и вскачь пустился
 140 Туда, где стук и крик послышался.
 За ним царица и весь двор
 Помчались. Едут: темный бор
 Пред ними стройным великаном
 Предстал преградою в пути
 И, шевелимый ураганом,
 Как бы шептал им: «не ходи!»
 Въезжают в лес. Толпою тесной
 Там девы робкие стоят,
 На что-то пристально глядят.
 150 Меж них царевны лик прелестный
 Увидел царь; какой-то страх
 Заметен был в ее очах;
 Он изумился: «что-то худо!» —
 Кричит супруге и стрелой
 Летит к царевне молодой,
 Летит, летит — и видит чудо...
 Вдали клубится дым густой,
 В чепце из жаб, в змеиной шубе,
 Не на коне, в огромной ступе,
 160 Как сизо-белой пеленой,
 Обвита сетью дымовой,
 Летит ужасная колдунья;
 Был только день до полнолуния,
 А в это время, всякий знал,
 Что ведьмам праздник наставал.
 Пестом железным погоняла
 Колдунья ступу, как коня,
 Сквозь зубы что-то напевала,
 Клыками острыми звеня.
 170 На лбу по четверти морщина,
 А рот разодран до ушей,
 Огромны уши в пол-аршина,
 До груди волос из поздрей;
 Наместо глаз большие ямы,
 Затылок сторблен, ноги прямы,

На лбу огромные рога; —
 Всё это вмиг их убедило,
 Что баба старая Яга
 Зачем-то рощу посетила.
 180 И в страхе все оторопев,
 Быстрее ратники пустились
 К толпе упавших духом дев.
 Но поздно! Как ни торопились,
 Им изменили их кони,
 Хоть много били их они.
 С размаха ведьма налетела
 На рать несильных, робких жен,
 Их осмотрев со всех сторон,
 Царевне в очи поглядела,
 190 Над ней как ворон пронеслась,
 Рукою в грудь ее впилась,
 Другой рукой за стан схватила,
 С собой на ступу посадила
 И прытче мысли унеслась.
 Всех прежде юный брат царевны
 Послал за хищницей стрелу,
 Потом сам царь, печальный, гневный,
 Послал другую. Мрак и мглу
 Опять сменило море света.
 200 Вдали виднелася она,
 Туманом пасмурным одета,
 И с ней несчастная княжна.
 Погоня страшная летела
 Вослед злодейке, уж чуть-чуть
 Стрела Булата не задела
 Ее предательскую грудь;
 Но страшный в ступе пест железный
 Колдунью спас над самой бездной.
 Она сильнее им застучит —
 210 И диво-ступа побежит,
 Как лань, заслыша лай собаки;
 Она удары участит —
 И ступа летом полетит
 Через холмы и буераки...
 День целый гнались за ней;
 Всё отставали дале, дале,
 И наконец совсем отстали,

Царевны нет!.. Царевна с ней!
Тоскует царь. Сама себя
220 Царица в той беде винила:
«Охоту пламенно любя,
Не я ль и дочь к ней приучила,
Не я ль ей первая дала
Понять, что конь и что стрела?» —
Так плачет грустная царица.
— Где дочь, где солнце царь-девица?
Где царства лучшая звезда,
Любимый перл, куда, куда
Она так долго запропала?
230 Ее уж нет! Ее украла
Из ада присланная тварь! —
Взывает так печальный царь.
И в непритворном сокрушеньи
Они рыдают день и ночь,
Надежды нет увидеть дочь,
Надежды нет ее спасенья!..
Мгновенно царского несчастья
Весть по столице пронеслась,
Слеза горячего участья
240 С глаз добрых подданных слилась.
Они все искренно любили
Царя и царскую семью,
Под их правленьем мирно жили,
Благословляя жизнь свою,
Довольны мудрым их правленьем,
И были тягостней своих
Несчастья царские для них.
Веселье общим сокрушеньем
Сменилось всюду; резвый смех
250 И кроткий мир покинул всех,
Но кто наиболее крушился?
В чью грудь всех глубже и сильней
Удар нечаянный вонзился
И страшный след оставил в ней?
Всех больше горевал Булат,
Похищенной царевны брат.
Он в тот же вечер в путь собрался,
Царю торжественно поклялся
Домой не быть до той поры,

260 Пока похищенной сестры
 Из рук колдуньи не исхитит
 И за позор не отомстит;
 Святую клятву небо видит,
 И если кто ей изменит,
 Пускай оно того казнит...
 Ему два спутника судьбою
 В далеких странствиях даны:
 Охотно храбрые герои,
 Светан и Серп, утомлены

270 Однообразьем жизни дворской,
 Направить путь к стране заморской
 С ним согласились, дочь царя
 Найти усердием горя,
 С богатырями потягаться,
 На дев чужбины посмотреть,
 Победой громкой увенчаться,
 Иль так же громко умереть...
 Один решимостью и силой
 Уж доказал, что был не трус,

280 Его и бороду и ус
 Давно седиша серебрила.
 Другой — на утре лучших лет,
 Но уж знакомый с ратным боем,
 Не в шутку прозванный героем,
 Красавец, царства пышный цвет.

Г л а в а в т о р а я

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЯГИ И О ПРОЧЕМ

Готов день ясный закатиться;
 Три храбрых витязя верхом
 По полю скачут; путь клубится
 И брызжут искры янтарем.

290 Природа дремлет. В темной дали
 Чернеет лес. Они к нему,
 Но тут, загадкою уму,
 Им три распутия предстали.
 Который путь туда ведет,
 Где их царевну заточили,
 Кто угадает, кто поймет?

Подумав, так они решили:
 Нас трое, три дороги тут
 В три страны разные ведут,
 800 Итак, обнимемся, простимся,
 Дорогу каждый изберем,
 И в страны разные помчимся,
 Авось царевну и найдем!..
 Три храбрых витязя обнялись,
 Поклялись дружбой и расстались...
 Булат избрал середний путь.
 Луны не видно, в небе тучи,
 Кругом Булата лес дремучий;
 Булату грустно, ноет грудь, —
 810 Один!.. Но нашего героя
 На утро ждет забава боля,
 И лучше нам печаль и ночь
 Прогнать скорей со сцены прочь.
 Вот утро. Люди, пробудитесь,
 Пора вам действовать, пора!
 Без остановки ехал витязь
 Дремучим лесом до утра;
 Лес миновал; пред ним равнина
 Лежит, роскошна как картина,
 820 Цветами пышно убрана,
 Благоуханий амброй нежной,
 Как райский сад напоена.
 Невольно к думе безмятежной
 Сердца паstraивает вид
 Природы юной и цветущей, —
 Булат заснул под пышной кущей,
 Но вот он встал; коня бодрит
 И снова скачет! Видит: в поле
 Пасутся два копя на воле,
 830 Из-под седла, как из трубы,
 Выходят дымные столбы.
 Он едет дале, видит: дева
 Накрепко за руки у древа
 Стоит привязана; стена,
 Как бы о помощи взывает,
 Кого-то, в горести клиня,
 Своим злодеем пазывает.
 Булат долину в изумленьи

Окинул из конца в конец
340 И ясно понял наконец
Причину странного явления...
Со всею яростью врагов,
Миримых лишь за дверью гроба,
Дрались два витязя; их слов
Постигнуть смысл могла лишь злоба,
Но ясно было, что ценой
Победы плачущая дева...
Исполнен праведного гнева,
С участием к жертве молодой,
350 Столь огорченной, неутешной,
Младой Булат летит поспешно
На место битвы роковой.
«Оставьте бой поносный свой;
Мечей бесславить не держайте,
Плод преступления вкусить
Себя мечтой не обольщайте!
Должны прощенья вы просить
У девы, вами оскорбленной,
Или мой меч непосрамленный
360 Ее злодеям будет мстить!» —
Воскликнул витязь, обнажая
Кровавый меч; между собой
Враги, сраженье забывая,
К Булату кинулись стрелой.
Один на двух Булат выходит
Там, где так долг ему велит:
И в чести силу он находит,
Перун сам за него разит.
Они сошлись. Удар удачный
370 Поверг на землю одного,
Он захлебнулся кровью мрачной.
Теперь один на одного...
Не трусы оба, ловки, статны,
Наострены мечи булатны,
Кому же пасть, кому же жить,
Кому кого похоронить?
Кто будет гением сей битвы,
В цветах победного венца,
И за чью душу слава молитвы
380 К престолу вечного тора?..

Видали ль вы, когда две тучи
Стремятся в мутных небесах
Одна к другой? Уж только шаг
Их делит; — грянул гром могучий..
Столкнулись плотно грудь о грудь:
Одна рассеялась, другая,
Свободней крылья расправляя,
Проходит гордо спорный путь...

Летят обломки их броней,
300 Дождем из стали сыплют искры,
Освирепелые как тигры,
И каждый сам себя сильней,
С безумной храбростию оба
Дерутся; кровью обагрен
И отвратителен как злоба
Булатов враг; уж ранен он;
Но страшно меч его сверкает..
Под охраненьем крепких лат,
400 Еще не ранен наш Булат,
Но глубже броню пробивает
На нем удалый меч врага.
В бою минута дорога,
Заплатишь жизнью за ошибку.
В тот миг, как с радостной улыбкой
Булатов враг заносит меч,
Чтоб вмиг главу ему рассечь,
Булат в подставленную шею
Вонзает острый меч злодею.
Стремглав сраженный враг упал,
410 «Достоин быть мой победитель
Царевны молодой властитель!» —
Он прошептал — и жить престал...

Хоть, по правилу, Булата
Оставлять бы здесь не надо,
А вести об нем лишь речь,
Но должно на час пресечь
Нам об нем повествованье:
Побуждает нас желанье
Повидаться час-другой.

- 420 С бабой злобною Ягой...
 Злой она любого чорта,
 Хоть какого хочешь сорта.
 Это, как и почему,
 Непонятно хоть уму,
 Но поистине правдиво.
 Только, видишь, вот в чем диво:
 Чорт варил двенадцать баб
 (Он, вишь, был сердечком слаб,
 Был влюблен он в них по уши,
 430 Да надули, злые души!);
 Кипятком вода кипела,
 Вверх бросалась пена бела,
 А колдуньям нипочем,
 Чорта дразнят языком,
 Улыбаются, хохочут,
 Чортов люд честной порочут,
 Брызнут пеной в сатану,
 Да и спрячутся ко дну...
 Сатана чертовски злился,
 440 По-каковски ни бравился,
 Чуть со злости караул
 Не кричал. Вдруг как зевнул,
 Да закашлял: серный пламень,
 Медь, железо, глина, камень —
 Всё на баб, им всем на зло,
 Повалилось, полило,
 Вмиг старухи призатихли.
 «Вот что вам за фиггли-мигли!» —
 450 Закричал тут сатана
 И достал старух со дна.
 Стал разглядывать их молча:
 «Фи! да сколько этто жолчи,
 Злости, разных славных щтук,
 Право, просто вон из рук!..
 Что сравнится с ихной злостью,
 Зло срослося с каждой костью,
 Это просто первый сорт,
 Ей-же-сй, как честный чорт!» —
 460 Наконец сказал он тихо...
 «Поступлю я с ними лихо;
 Ну, теперь дрожи весь мир,

Будет нам тут вечный пир,
 Будем чаще вас тревожить...
 Знаю, как здесь зло умножить;
 Чтоб была позлее тварь,
 Все двенадцать этих харь
 Я в одну соединяю
 И такую сочиняю

⁴⁷⁰ Злую бабу, что она
 Будет тот же сатана,
 То есть я, своей особой!»
 Тут он вываренной злобой
 Начал тело наливать
 Да над ним что-то шептать.
 Вышла баба: оглянулась,
 Миру злобно улыбулась,
 И лишь только на часок
 Увидала чортов рог,

⁴⁸⁰ Прямо чорта хватать по морде.
 Закипела радость в чорте:
 «Будь мне старшая сестра,
 Ты, как вижу я, добра...» —
 Сатана сказал и в щеку
 Чмок красотку краснооку...
 «Будь ты Бабою-Ягой,
 С костяной ходи ногой,
 Я тебя тотчас пристрою,
 Не давай людям покою,

⁴⁹⁰ Да собьешь каких с пути,
 Верны счёты тем веди...
 Как приблизишься ты к аду,
 Дам за всех тебе награду!»
 Тут исчез вдруг сатана...
 Вот теперь, я чай, ясна
 Вам причина, по которой
 Ни с ленивцем, ни с обжорой,
 Ни с разбойником она
 Быть не может сравнена.

⁵⁰⁰ Всех Яга превосходила,
 В ней вся дьявольская сила
 Находилась в одной...
 Дни летели чередой;
 По чертовскому наказу,

Не теряя даром часу,
 Зло она творила всем,
 Иногда кое-за-чем
 Приближалась и к аду,
 Получала там награду,
 510 И опять заняться злом
 В мир пускалася потом.
 Раз случайно, ради шутки,
 Забралась она на сутки
 К Тихомиру в царство; там
 Счета нет ее делам
 И позорным, и бесстыдным,
 Человечеству обидным.
 Там царевну невзначай,
 Чтоб схватить хотя на чай
 520 С сатаны, она украла,
 У себя ее держала,
 Не пускала никуда,
 Запирала ворота
 На замок, как уходила;
 А царевна всё грустила,
 Всё рыдала ночь и день
 И была бледна как тень...
 В одиночестве страдала,
 Как уйти, она не знала:
 530 Пятиглавый страшный Змей
 Наблюдал всегда за ней...
 Дом колдуньи был так страшен,
 По углам двенадцать башен,
 Ров кругом и нет моста...
 Вся околица пуста,
 Тут нигде жилья не видно...
 Но хоть в чуже жить обидно,
 А уж всё, чем умирать,
 Лучше малость подождать,
 540 Не придет ли час спасенья,
 Или, может, сожаленье
 На Ягу вдруг нападет,
 И она ее снесет,
 Возвратит в родное царство...
 А колдуньино коварство
 Всё росло. На пелу ночь

Улетала она прочь,
Возвращалась днем с добычей.
И такой у ней обычай:
550 Угождай чем больше ей,
Тем она всё злей да злей!
Змей служил ей преусердно,
Люд губил немилосердно,
Приносил домой тела,
А колдунья их брала,
В разны твари превращала,
Иль варила и съедала....

Глава третья

ЦАРЕВНА ЛЮБАНА И ЦАРЕВИЧ СППРИДОН

Скоро сказка говорится,
Да нескоро то творится,
560 Что рассказывают в ней...
Победив богатырей,
Подошел Булат наш к древу,
Отвязал младую деву,
Потупил смущенный взор
И завел с ней разговор...
«Я девица не простая, —
Так, Булата озирая,
Начала она, — мой род,
Царством властвуя, живет
570 И богато, и счастливо,
Всех окольных царств на диво.
Я дочь царская Любана,
Надо мною слишком рано
Разразилася беда.
Я беспечна, молода,
Проживала беззаботно,
Но судьбе было угодно
Наказать меня; злодей —
Царь соседний Федосей —
580 Как-то раз меня увидел,
Вдруг влюбился — и похитил.
Был с отцом моим он враг,
Не надеялся никак,
Быв беднее всех в округе,

Получить меня в супруги,
Да и мне он не был люб,
Потому что очень глуп...
Он скакал без остановки,
Не давал коню снаровки;
590 Вдруг сегодня встречу нам
Здесь попался царь Варлам.
Он, как знала я, давненько
Был влюблен в меня маленько...
Лишь меня увидел он,
Страшно сделался взбешен,
Закричал, мечем захлопал,
Страшно конь под ним затопал,
Он с него тотчас сошел,
Речь с противником завел,
600 За меня с ним поругался;
Впрочем, тот не испугался,
Слез с усталого коня,
Привязал скорей меня,
И пошла у них потеха,
Но мне было не до смеха;
Беспокойна и грустна,
Дум мучительных полна,
Я стояла, чуть дышала,
Смерть на помощь призывала,
810 Чтоб спастися от беды,
Вдруг явился, витязь, ты...»
И она благодаренье
За неожиданное спасенье
Тут Булату воздает...
А Булат не узнает
Сам себя от восхищенья
И какого-то смущенья,
Страстен взгляд его очей,
Страстен смысл его речей;
820 Но томить я вас не стану:
Он влюбляется в Любану
Просто запросто и ей
Объясняется скорей,
Без дальнейших прибауток,
Как внушил ему рассудок.
Тут Любана покраснела,

На Булата посмотрела
И влюбилась сама,
Просто молвить, без ума.
830 Решено было: согласие
На взаимное их счастье
У родителей просить...
Жарко друг друга любить
Поклялись они до гроба
И пустились в путь оба,
Чтоб царевну отыскать
И спокойней пировать
После свадьбы. Конь Варлама,
Не сердитый, хоть упрямый,
640 Был молодой царевной взят,
Посадил ее Булат;
Он сказал было невесте,
Что не худо б ехать вместе,
Да, стыдлива и скромна,
Заупрямилась она...

Третий день они уж скачут,
То надеются, то плачут
О царевне молодой,
Что украдена Ягой,
650 Ждут с часу на час с ней встречи,
И о ней лишь только речи
Меж собой они ведут,
Либо песенки поют
Про любовную страсть друг к другу
Да про скучную разлуку...
День под вечер уж склонился,
Конь Булата спотыкался;
Нет ни лесу, ни жилья,
Всё песчанее земля.
660 Ждут, не выедут ли в поле,
Где б пустить коней по воле
И самим поотдохнуть:
Утомил их долгий путь,
Да известно, что и голод,
Как ни будь себе тут молод,
Всё не тетка, а скорей
Лютой мачехи лютей;

А они давно не ели,
 На пути нет даже ели,
 670 А не только что дерёв,
 Чуть стоящих от плодов,
 Как бывало это прежде...
 Едут далее, в надежде
 Степь песчану миновать,
 Луг цветущий увидеть,
 Но напрасно ожиданье...
 Солнце тмит свое сиянье,
 Вечер мрачный настает,
 Конь чем далее вперед,
 680 Тем песок всё глубже, глубже...
 «Эх, прости, создатель! глуп же
 Я; вернуться бы назад!» —
 Размышляет так Булат.
 А Любана без движенья,
 Словно некое виденье,
 На коне своем сидит,
 Ничего не говорит.
 В ней давно ослабла сила,
 И уздечку опустила
 690 От усталости рука...
 Сильно их гнетет тоска,
 Холод, голод и усталость:
 Камень тут взяла бы жалость!
 Но Булат не за себя
 Плакал, всей душой любя
 Черноокою Любану,
 Он бы снес большее рану,
 Лишь была б только она
 От беды сохранена...

700 Уж кони едва ступали,
 Бесперывно подымали
 Вверх песчаные столбы...
 Не уйти, знать, от судьбы!
 Ночь кругом, на что решиться?
 «Лучше нам остановиться,
 До рассвета подождать,
 Чтоб коней не потерять» —
 Говорит Булат Любане,

Не заметивши в тумане,
710 Что Любана чуть жива;
Нет ответа на слова;
Испугался он ужасно
И к царевне стал несчастной
Громко, жалобно взывать...
Стало на небе светать,
Он остатками настоя
Лил в лицо ей, громко воя,
И, печальна и бледна,
Вдруг опомнилась она;
720 Стали думать о спасеньи,
Тут завидел в отдаленьи
Поле пышное Булат;
Поскакал, сердечно рад,
Он туда с больной Любаной.
Вдруг, о ужас! словно пьяный,
Пошатнулся в страхе он,
Словно громом поражен:
На него, в змеиной шубе,
На своей огромной ступе,
730 С дикой яростью врага,
Баба кинулась Яга...

Перед солнечным закатом,
Распростившись с Булатом,
Серп поехал на восток.
Месяц по небу потек,
Звезды в небе засверкали,
Он всё ехал дале, дале,
То надеждою живим,
То отчаяньем томим.
740 Про колдунью мыслил гневно,
Думал встретиться с царевной,
У врага ее отнять,
С нею в царство прискандать
И просить ее в награду.
Он к коню забыл пощаду,
Гнал без памяти его,
Сам не зная для чего.
Вот прошло уж трое суток,
Стал грустить он, кроме шуток,

- 750 Не встречая никого:
 Скука мучила его.
 Мучим тайною тревогой,
 Ехал он путем-дорогой.
 Вдруг однажды при реке
 Видит город вдалеке,
 На пространстве необъятном
 Он, в величии нарядном,
 Красовался, процветал,
 Чем-то дивным поражал...
- 760 «Что за диво, что за чудо!
 Побывать бы в нем не худо,
 Чтоб немного отдохнуть,
 А потом и снова в путь».
 Серп подумал и помчался...
 Конь от жара задыхался,
 Он его всё боле гнал
 И в минуту доскакал.
 Город пышен, как столица,
 Всюду праздничные лица.
- 770 «Что тут, праздник что ль, какой?» —
 У красотки молодой
 Невзначай спросил проказник
 И узнал, что точно праздник:
 У царя родился сын,
 Так сегодня день крестин...
 Серп не знал, за что приняться:
 Погодить иль в путь пускаться?
 И, решившись наконец,
 Поскакал он во дворец.
- 780 Там с придворными съякшался,
 Разговорами занялся,
 Был прилично угощен
 И к царю потом сведен.
 Царь был рад ему душевно
 И с царицей да царевной
 Ну расспрашивать его,
 Прибыл к ним он для чего?
 Он сказал, что так, случайно,
 И открыл потом, за тайну,
- 790 Что царевны молодой,
 Что похищена Ягой,

Он с усердьем рабским ищет
И за ней по свету рыщет.
«Отдохни немного, братец,
Я вина хотя ушатец
Для тебя поставить рад,
Я сегодня тароват:
У меня, вот видишь, диво,
Жил доселе я счастливо,
800 И во сне и наяву,
Но счастливей заживу:
Сын третьеводни родился,
А сегодня уж молился
На крестинах сам своих,
Вот, брат, делаем каких!
Это всё б еще не диво,
Да растет он очень живо,
Не по дням, а по часам,
Посмотри, братец, хоть сам,
810 Верно скажешь, просто милка!»
Тут велел он, чтоб кормилка
Принесла к нему дитя.
Серп подумал, что шутя
Царь об нем разговорился,
И немало удивился,
Как увидел, что оно
Не шутя говорело:
Вдруг в покой дитя вбежало
И раскланиваться стало,
820 Завело об чем-то речь,
Стало прутом кошку сечь.
Серп не верил, чтоб малютке
Было только трой сутки,
Говорил, что лет уж пять
Он изволит проживать,
Но, побывши с ним с полсуток,
Стал уверен, кроме шуток,
Потому что вдруг при нем
Больше стал он полвершком...
830 Сила в нем была велика,
Бегал он, как заяц дикий,
Не по летам был умен,
Назывался Спиридон.

Глава четвертая

ПРЕВРАЩЕНИЕ ЛЮБАНЫ И ЛЮБОВНАЯ СТРАСТЬ БАБЫ-ЯГИ

А-та-та, да а-ту-ту!
Как во нашем во свету
Дива разные творятся:
В чугунах змеи варятся,
Леший ходит по лесам,
Не дает покоя нам,
840 Ведьмы ездят на ухвате,
Черти скачут на лопате,
От рассвета до зари
Бой ведут богатыри,
Петухи между собою
Тоже склонны очень к бою:
Между всем, что лишь живет,
Драка вечная идет!
Рыба ищет там, где глубже,
Человек, где жить получше,
850 И обычной чередой
Всё проходит под луной...
А-та-та, да а-ту-ту!
Сказку дальше поведу...

Как опомнился Булат,
Так он стал сердочно рад,
Что с Ягою повстречался.
«Наконец-то я добрался
До тебя, бесовска дочь,
Без сестры не выду прочь!
860 Я вадам тебе трезвону,
Будет свет дрожать от стону,
Так тебя приколочу!» —
Он подумал, и к мечу
Устремился, а колдунья
(Знать, она была болтунья)
Без умолку говорит,
В чем-то всё его корит
И его о чем-то просит...
Тут Булат свой меч заносит,
870 По башке колдунью бьет,
Меч колдунью не берет!..

Ха, ха, ха! да хи, хи, хи!
 И пустилась во смехи!..
 Насмеявшись досыта,
 Закричала: «Хоть обида
 Мне побои от тебя;
 Но прощаю я, любя,
 Всю вину тебе, как брату!
 (Глазки сделала Булату
 680 Тут она, и страшно рот
 Искривила, как урод!)
 Ты меня не уничтожишь,
 А себя лишь растревожишь:
 Лучше нужде покорись
 И на мне, Булат, женись!
 Я хотя и некрасива,
 Но зато я в мире — диво,
 Не найдешь такой другой;
 Очарована тобой,
 800 Вся горю я, вся пылаю,
 О тебе одном мечтаю,
 О тебе и ночь и день
 Я грущу, бродя как тень!
 Помню, взвидела я в жизни
 В первый раз тебя в отчизне,
 Был ты в поле на коне
 И пришел по нраву мне!
 Ах! не будь моим тираном!
 И к моим сердечным ранам
 900 Сострадание имей!»
 Тут она еще глупей
 Посмотрела на Булата...
 «Даром мне тебя не надо,
 Что ты, старая Яга!
 Жизнь мне, что ль, не дорога?
 Убирайся к чорту в гости,
 Да прибей его со злости,
 Да подай скорей сестру,
 А нето — в пыль изотру!» —
 910 «Нет же, нет тебе сестрицы!
 Не хотел любить Ягицы,
 Так не будет век любовь
 Греть твою отныне кровь!

Ты меня ввергаешь в горе,
 Отпуск дам я Милловзоре,
 Лишь останься ты со мной,
 Мой тиран, владыка мой!
 Что, не хочешь? Ну, так ладно,
 Для тебя будет накладно...

⁹²⁰ А! соперницу свою
 Здесь вблизи я узнаю!
 Нет, не дам тебе, тирану,
 Целовать свою Любану!» —
 И бросается стрелой
 Ведьма к деве молодой...
 А Любана в отдаленьи
 Пробывала в размышленьи
 И смотрела, как вдали
 Небо близко от земли.

⁹³⁰ К ней колдунья подлетела,
 Всю Любану обзрела,
 Да и ну над ней шептать,
 Черной палицей махать!
 До нее лишь дотронулась,
 Злобным взором улыбулась,
 Посмотрела ей в лицо —
 И Любана в дерево
 Обратилась в минуту,
 Да еще, к большому чуду,

⁹⁴⁰ Тотчас в землю тут вросла
 И качаться начала...
 Ветви пышно развевались,
 Подымались, наклонялись —
 Всё своим порядком шло:
 Колдовство свое взяло!
 В бой с Ягой Булат пустился,
 Но он сколько ни храбрился,
 Ведьме просто — ничего,
 Лишь накладно для него...

⁹⁵⁰ Он же был, притом, уставши:
 Не поевши, не поспавши,
 Трое суток ездил он,
 Поневоле не силен...
 «Скучно жить мне одинокой,
 Покорись судьбе жестокой,

Эй, послушай! покорись,
Поскорей на мне женись.
Я не вечно безобразна,
Я бываю и прекрасна:
160 Есть в году такие дни,
Наступают уж они.
Буду лучше я рядиться,
Да румяниться, белиться,
Так, поверь, заворожу
И к себе приворожу!» —
Так Яга ему твердила,
А он выл, что силы было,
Над несчастным деревцом,
Обратись к нему лицом.
270 Ветви с лаской наклонились
И как будто улыбались,
То, как будто, плач и стон
От него вдруг слышал он...

День уж к вечеру склонялся,
С деревцом он не прощался,
Всё над ним еще сидел,
На него он всё глядел.
Гибким станом любовался,
Превращенью дивовался
280 И был полон грустных дум.
Вдруг вверху он слышит шум,
Оглянулся: Змей крылатый,
Весь одет в стальные латы,
И со множеством голов,
Возбуждая страшный рёв,
Пролетел над ним. Булату
Он посланником из аду
Показался б, если б он
Не был храбрым урожден...
360 Меч Булат свой припасает
И о битве размышляет,
Вдруг, с ужасным криком, Змей
Замахал крылом сильней,
Распустил его пошире
И, хоть весь топул он в жире,
Так широко рот развел,

Что Булата разом съел,
 Проглотил его как муху
 И пустился, что есть духу, —
 1000 К дому ведьмы прилетел
 И на землю разом сел...
 «Выходи, моя Ягица,
 Круглолица, белолица!
 Я исполнил твой приказ:
 Уж Булат теперь у нас!..»
 Разрядившись как девица,
 Прибежала тут Ягица,
 Руку с радости свою
 Целовать дала Змею.
 1010 А меж тем он из утробы,
 Не без радости и злобы,
 Вдруг Булата возвратил.
 «Как он нежен! Как он мил!
 Не изволит ли белиться,
 (Закричала тут Ягица):
 Впрочем, это не беда,
 Лишь была бы красота!»
 Да и чмок его тут в губы.
 Чуть Булат с досады зубы
 1020 Тут колдунье не разбил!..
 «Чтобы чорт тебя любил,
 (Закричал он) я не стану,
 Я люблю одну Любану!» —
 «Ха, ха, ха, да хи, хи, хи!» —
 И пустилась во смехи!
 «Полно, милый мой дружочек,
 Мой прекрасный жизненочек,
 Чем же я тебе худа?
 Где же лучше красота?
 1030 Рот немножко широконек,
 Нос изрядно великонек,
 На макушке есть рога,
 Словно кость одна нога,
 Да немножко ухо длинно —
 Но зато ведь я невинна!
 Вот что главное, дружок!» —
 И опять Булата чмок!..
 Чуть не выл Булат со злости.

- «Ну, попал я в добры гости...
1040 (Говорил он про себя...)
Чорт бы взял, Яга, тебя!..»
А Яга, палима страстью,
И ласкательством, и властью,
И приманками любви
На желания свои
Преклонить его стремится,
Но напрасно горячится,
Наш Булат всё: «нет, да нет!»
Произносит ей в ответ.
- 1050 Так проходят дни и ночи,
Уж Булату нету мочи
У колдуньи старой жить,
Ласки дьявола сносить,
Быть в ужасном заточенье, —
И, действительно, мученье
Жизнь так глупо проводить,
Лучше запросто — не жить!
Опечаленный и бледный,
О сестре он плачет бедной,
- 1060 Знает верно, что она
Близ него заключена,
Но не может с ней видаться,
Вместе горю предаваться,
Вместе ждать бедам конца.
«Хоть бы вестку до отца
Как послать, он верно б вскоре
Прекратил сыновне горе;
Чтоб детей освободить,
Рать прислал бы, может быть».
- 1070 Так мечтал Булат несчастный.
А меж тем в колдунье страстной
Жар любви не потухал,
А всё больше прибывал.
Наконец, она однажды,
Вся полна любовной жажды,
Объявила, что Булат
Будет сам себе не рад,
Коль любовь ее отвергнет,
Что в тюрьму его повергнет,
- 1080 Будет всячески язвить,

Не давать ни есть, ни пить,
Что она его измучит,
Да любить себя научит!
Не послушался Булат.
В сильной злобе, из палат
Отвести его в темницу
Повелела тут Ягица.
И Булат был отведен,
В смрадный погреб посажен,
1090 Заперт накрепко замками.
Плача горькими слезами,
Что затеять, он не знал,
День за днем так протекал...
А Яга сильнее злилась,
Всё румянилась, белилась,
Завивала волоса,
Но ничуть ее краса
От того не возвышалась,
И попрежнему осталась
1100 Баба злобная Яга
Безобразна, как карга...

Глава пятая

СПИРИДОНОВЫ БОГАТЫРСКИЕ ПОДВИГИ И О ПРОЧЕМ

Крепок, силен Спиридон,
В три недели вырос он.
В три недели укрепился,
К бранной жизни приучился;
Рос он в час по полвершка,
К удивленью старика,
Своего отца родного,
И всего люду честного...
1110 В царстве шла об нем молва,
Что такая голова
У него, каких доселе
Царства вовсе не имели:
В царстве всех богатырей
Побеждал он, как детей;
Силен, словно царь Самсон,
Корольевич Спиридон,
Нет ни в чем ему преграды,

Никому не даст пощады, —
 1120 Что подковку разогнуть,
 Что булабочку согнуть —
 Для него одно и то же;
 Был он в царстве всех пригоже,
 Красных девушек любил,
 Не ковшем, — ведром он пил,
 Доказать чтоб всем отвагу,
 И вино и разну брагу...
 Все дивилися ему,
 Не спускал он никому,
 1130 Первый был в бою кулачном,
 И в курении табачном,
 И в подобных шалостях
 Озорник такой, что страх;
 В царстве всех приколотивши,
 Осрамивши, победивши,
 Кто был славен удалством,
 Стал для всех он словно гром,
 Стали все его бояться
 И как можно удаляться...
 1140 Вдруг стал скучен Спиридон;
 Не любил без дела он
 Проводить ни получасу —
 За проказою проказу
 И за жарким боем бой
 Уважал он всей душой...
 Он пришел к отцу однажды:
 «Скоро ль мне свободу дашь ты,
 Гой еси! родитель мой!
 Я терзаюся тоской,
 1150 Здесь уж жить мне несподручно,
 Жить без дела как-то скучно,
 Нет простора ни уму,
 Ни удалству моему.
 Дай коня мне, дай мне волю —
 Рыскать стану я по полю;
 Дай мне щит да вострый меч —
 Буду головы им сечь!
 Богатырской стану силой
 Хвастунов дружить с могилой,
 1160 Может быть, порой сыщу

Я себе и по плечу;
 Тут-то я себя потешу:
 Разом глотку перережу
 Непреклонному врагу,
 Замолчит он, ни гу-гу!
 В разных царствах побываю,
 Всех диковин повидаю,
 Присмотрю себе жену,
 Да домой и улизну
 1170 За твоим благословеньем...» —
 Он сказал отцу с почтеньем.
 Приласкал его отец,
 Прослезился, наконец
 Молвил, слезы отирая:
 «Ладно, братец, отпускаю,
 Только больно не кути,
 Поумней себя веди:
 Не дерися с кем попало,
 1180 Право, проку будет мало,
 Не уйти нам от беды,
 Раскутишься если ты,
 Если всякому злодею
 Подставлять ты будешь шею,
 Если, ради удалства,
 Будешь дерзок на слова.
 Неровен ведь челядинец —
 Даст такой тебе гостинец,
 Что костей не соберешь,
 Без ноги домой придешь...»
 1190 Тут ему благословенье
 Он дает на отправленье,
 И отважный Спиридон,
 Тем до нельзя восхищен,
 Дует с радости в ладоши,
 Раздает прохожим гроши,
 Песнь веселую поет
 И вино ковшами пьет...
 «То-то чадо уродилось,
 Вечно б дралось, веселилось,
 1200 Он на все проказы лих,
 Кабы больше нам таких,
 Так бы, верно, наше царство

Превратилось в мытарство;
Впрочем, что же? Ничего!
Дурь пройдет ведь у него,
Будет во сто раз умнее!» —
Думал царь и веселее
Становился, а сынок
Пил настойку как квасок,
1210 Ел себе за кочнем кочень
И был весел очень, очень,
Без особенных баляс,
То и знай — пускался в пляс.
Бой затеял напоследок:
Выбил окна у соседок,
Вызывал богатырей,
Побивал их как детей
И, чтоб помнили подольше,
Им рубцов наделал больше,
1220 На спине и на руках,
На боках и на ногах.
До утра попировавши
И часок-другой поспавши,
Начал он собираться в путь.
Пал отец к нему на грудь
И опять давал наказы,
Не пускался чтоб в проказы,
Чтоб без толку не дрался
Или как не опился!
1230 А не то задать и перцу
Посулил ему как шмерцу.
Спиридон сел на коня;
Как огонь на нем броня,
Меч в руках огромный блещет,
Он от радости трепещет,
Нетерпением горя,
Лобызает он царя,
Огорченную царицу
И красотку царь-девицу,
1240 Бьет коня потом ногой
И уносится стрелой...

Едет день, и два уж едет,
О победах славных бредит,

С нетерпеньем встречи ждет,
 Кто помимо ни пройдет,
 Рукавицу в рожу бросит
 И сражаться с ним попросит.
 «Верно, трусишь, нетопырь!»—
 Грозно молвит богатырь
 1250 И опять всё дальше едет
 Да о разных сечах бредит.
 Раз он видит: на копе,
 В латах кованых, в броне
 Едет витязь... То-то радости!
 Спиридону шепчет младость:
 «Наскочи скорей — и в бой,
 Драться где ему с тобой!»
 Спиридон летит стрелою,
 Приготовливаясь к бою;
 1260 Витязь смотрит, удивлен.
 «Что ж ты смотришь? (Спиридон
 Закричал ему спесиво)
 Или я какое диво?
 Становись-ка, становись,
 Защищаться не ленись,
 Будет тут тебе работы!» —
 «Право, драться нет охоты, —
 (Молвил витязь) — жар такой,
 Что дерися хоть нагой,
 1270 Так устанешь доупаду;
 Дай-на руку мне как брату».
 Спиридон свое поет:
 «Видно, страх тебя берет,
 Закоптить боишься рожу,
 Коли так, тебя я брошу,
 Верно, ты большой, брат, трус!» —
 (Говорит он). «Я дерусь!» —
 Отвечает витязь грозно,
 И начался бой сурьезный...
 1280 Долго дрались; Спиридон
 Вдвое больше был силен,
 Но еще не свыкся с битвой:
 Он мечем махал как бритвой,
 Но неверен был удар.
 А другой уже был стар,

Помогал ему тот опыт,
 Что в сраженьях частых добыт,
 С ним никак он не плошал,
 Все удары отражал.
 1290 Наконец, уставши драться,
 Ну герои обниматься.
 «Оба храбры мы равно,
 Удаливость у нас одно,
 Будем лучше мы друзьями,
 Вместе тешиться боями
 Станем, странствуя везде; —
 (Спиридон сказал). — А где
 Ты живешь? Зачем пустился
 В путь, давно ли веселился
 1300 И когда опять домой
 Ты отправишься, герой?» —
 «Я давным-давно из царства:
 В силу некого коварства,
 Злобной Бабою-Ягой
 Перл украден дорогой,
 За грехи наши велики, —
 Дочка нашего владыки;
 Послан я ее сыскать
 И злодейку наказать». —
 1310 «В самом деле? Это чудно!
 Нам сыскать ее нетрудно:
 Ездить буду я с тобой,
 Только встречуся с Ягой,
 Так ее я изувечу,
 Истираню, искалечу,
 Что забудет воровать,
 Будет ноги нам лизать!»
 И Светан со Спиридоном
 Разменялися поклоном,
 1320 Словно братья обнялись,
 В вечной дружбе поклялись,
 С час еще потолковали,
 Меж себя погоревали
 О царевне молодой
 И решился с Ягой
 Поскорее как сойтиться,
 Покровавее сразиться,

Разом дело всё решить
И царевну возвратить.
1330 С тем и в путь они пустились,
Только той надеждой льстились,
Что Ягу как раз найдут
И во гроб ее сведут.

Глава шестая

СВИДАНИЕ ЦАРЕВИЧА БУЛАТА С СЕСТРОЙ И О ПРОЧЕМ

Время льется словно речка,
В жизни человек как свечка:
Проблеснет и догорит,
Только смрад распространит.
В мире счастье непрочно,
Сердце гибнет непорочно,
1340 Только зло одно живет
И толстеет, и цветет;
Слабый сильного терзает,
Глупый умному мешает,
Всё идет наоборот,
Чорт мутит честной народ.
Да к большой беде народа,
Кроме всякого уroda,
Чтобы пакости творить
И вконец всех разорить,
1350 Хоть и так уж люди слабы,
Завелися Яги-Бабы
И от ведьм отбоя нет,
Право, жаль взглянуть на свет!..
Проклинал, в темнице сидя,
Света божьего не видя,
Ведьму бедный наш Булат
На особенный свой лад...
Посылал он ей проклятья;
Их не стану повторять я,
1360 Потому что насмешу,
Если все их расскажу.
Находясь в большом свирепстве,
Помышлять он стал о бегстве,
Стены стал с досады рыть,
Да окошки колотить;

Проку было в том хоть мало
 Да надежда обольщала,
 А с надеждою подчас
 Вместо водки пьешь и квас.
 1370 Вот однажды приуставши,
 Долго стену прорывавши,
 Руки он сложил на грудь,
 Лег немного отдохнуть.
 Лишь заснул, пред ним виденья
 Появились во мгновение:
 Наклонившись к нему,
 Шепчут что-то всё ему
 На языке непонятном,
 Но о чем-то о приятном;
 1380 Вдруг исчезли, лишь одно
 С ним осталось. Оно
 Долго пристально смотрело,
 То краснело, то бледнело
 И сказало наконец:
 «Ты терпенья образец,
 И за то тебе в награду
 Дам я помощь и пощаду.
 Терпеливо всё сноси,
 Понапрасну не проси
 1390 У Яги себе прощенья,
 Близок, близок день спасенья;
 Всё случилось к добру,
 Скоро ты найдешь сестру,
 Добрый нрав твой мне угоден,
 Скоро будешь ты свободен.
 Не спеши лишь, подожди,
 Да не сбейся как с пути!
 А чтоб горю улажденье
 Было, думай про спасенье,
 1400 Случай дам тебе такой:
 Ты увидишься с сестрой;
 На, вот ключ: в твоей темнице
 Есть проход к твоей сестрице,
 Тут в стене направо дверь,
 Отвори ее теперь,
 Повидайся с ней немного,
 Да смотри, наказан строго

Будешь, если чересчур
 Засидишься, балагур».

1410 Тут исчезло вдруг виденье...
 «Что за чудо-сновиденье? —
 (Говорил Булат себе)
 Не угодно ли судьбе
 Надо мною посмеяться,
 Видно, нечем ей заняться!»
 Так дивился, а потом
 Шарить стал в стене ключом;
 Через темень полуночну
 Отыскал он щель замочну:

1420 Ключ однажды повернул —
 Чрез порог вдруг свет блеснул,
 Дверь сама собой открылась
 И сестра пред ним явилась.
 От восторга сам не свой,
 Он целуется с сестрой,
 И пошла у них беседа,
 Длилась долго, до рассвета, —
 Про несчастье свое,
 Про житье-свое-бытье

1430 Миловзора рассказала
 И от счастья трепетала,
 Что, ее любимый брат,
 С ней увиделся Булат.
 «И уйти бы нам отсюда. —
 (Говорит Булат) нехудо,
 Возвратиться бы к отцу,
 Уж пора бедам к концу,
 Много, много мы терпели,
 Так придется неужели

1440 Долго нам еще терпеть
 И отрады не иметь?
 Но уж мне пора в каюту!» —
 «Погоди хотя минуту,
 Посиди хоть до зари
 Да со мной поговори.
 Дома нет, кажися, ведьмы,
 Можем дольше посидеть мы», —
 Говорит ему она...
 Вдруг, как будто сатана,

- 1450 Ворвалась ведьма в двери:
«Эге-ге! какие звери!
Вот бы лихо провели,
К двери ключ себе нашли!
Мастера, как видно, шарить!
И изволят тарабарить!
Ладно — я вас накажу,
Власть свою я докажу
Над судьбиной вашей жалкой!»
Тут своей волшебной палкой
- 1460 К ним она коснулась: вмиг
На их месте, вместо их,
Две статуйки показались,
Да недвижимы и остались,
В землю накрепко вросли,
Не отдернешь от земли!
«Стойте тут себе, дубины!»
Тут разглаживать морщины
Ведьма стала на челе,
А потом на помеле,
- 1470 Проюрокнувши через кровлю,
Вновь отправилась на ловлю...

- Туча по небу бежит,
Месяц на небе горит,
В роще свищет соловей,
Говорит с травой ручей,
Облетая вокруг кладбище,
Жадный ворон ищет пицци,
По долине на коне
Скачет путник при луне...
- 1480 Кто ты, путник одинокий,
Едешь близко иль далеко?
Из палат ты, иль твой дом
Не сияет серебром?
Для чего ты среди ночи
Гонишь лошадь, что есть мочи,
Иль, уставши от пути,
Хочешь кров скорей найти?
«Еду я из стран далеких,
Из палат царя высоких,
- 1490 И гоню и день и ночь,

Чтоб найти цареву дочь,
Изломать колдунье кости,
Я за тем к ней еду в гости,
Я царев посланный Серп:
На щите горит мой герб,
Меч в руке моей широкий...»

Едет Серп путем дорогой,
В даль туманную глядит,
Всё попрежнему грустит;
1500 Он бы с радостью подрался,
Да никто не попадался.
Скука бедного взяла
И на душу налегла.
«Хоть бы леший мне попался,
Так и с ним бы я подрался!» —
Про себя он говорил
И коня со злости бил...
Средь своих печальных дум,
Вдруг вдали он слышит шум,
1510 Шум становится сильнее,
Серп бодрее и бодрее:
«Го-то, — думает, — сражусь,
За всю скуку поплачусь!
Кто бы ни был тут, хоть дьявол,
Хоть по воздуху б он плавал,
Хоть скакал бы на коне,
Хоть бы был он весь в огне,
Ни за что не дам я тягу,
Лучше мертвым тут же лягу!»
1520 Шум еще сильней, сильней,
Вдруг он видит: страшный Змей
На него стремится прямо,
Рот огромный словно яма
У него уж растворен;
Серп испуган, изумлен,
Но меча не забывает,
О сраженьи помышляет.
Змей летит, летит, летит —
Налетел — и делу квит!
1530 Проглотил Серпа как муху
И помчался, что есть духу.

Глава седьмая

**О ТОМ, ЧТО ГОВОРИЛО ДЕРЕВЦО СПИРИДОНУ
И КАК ОН НАШЕЛ ЯГУ**

И дорогой, и бурьяном
Спиридон скакал с Светаном,
Всё хотел попасть на след,
А следа всё нет, да нет.
Где к Яге-Бабе дорога?
Ведь дорог на свете много,
Словно праздничный базар,
Испещрен земной весь шар!..
1540 Но, надежды не теряя,
О царевне размышляя,
Дале ехал Спиридон.
С каждым днем был крепче он,
С каждым днем он был сильнее,
Ловче, краше и смелее:
Рад душевно был Светан,
Что ему судьбою дан
Спутник столь во всем отличный...
Чередой всё шло обычной;
1550 Раз, прервав немного путь,
Спиридон лег отдохнуть,
И Светан улегся тоже,
На другое утро — что же?
Нет Светана, нет как нет,
Уж пропал его и след.
Конь попрежнему пасется,
На осине щит трясется,
Воткнут в землю, меч стоит,
Всё попрежнему лежит,
1560 А Светана нет да-й-только!
Стал, не струсивши нисколько,
Спиридон его искать,
Да с надеждой поджидать,
Но Светан не возвратился.
Спиридон тут подивился,
Не стерпел, чтоб не вздохнуть,
И один пустился в путь.
Едет, голову повеся,

- И почти не куролеса,
1570 Думу думает тайком,
Озираяся кругом.
Минул лес. Пред ним долина,
Разноцветна как картина,
В ряд на ней деревьев цепь,
А за ней песчана степь.
«Ехать дале, иль вернуться,
Или в сторону шатнуться?» —
Думал молча Спиридон,
Наконец решился он:
1580 Через степь, во что б ни стало,
Переехать, как попало, —
И поставил на своем,
Хоть устал с своим конем.
Вот в долину он въезжает,
Поскорей с коня слезает,
Озирается вокруг.
«Словно с кем-то я сам друг,
Чей-то голос грустный слышу,
Кто ж бы это был? — не вижу!» —
1590 Размышляет Спиридон,
Тут опять долину он
Обозрел и посредине
Дерево на той долине
Одинокое узрел.
Отдохнуть под ним он сел...
Вдруг он слышит некий ропот
И какой-то грустный шопот
Прямо над ухом своим,
Стал он слушать, недвижим:
1600 «Витязь, будь великодушен,
Добродетели послушен,
Сохрани меня от бед!
Здесь немил мне дневный свет!
Я не дерево — девица,
Баба старая Ягица
Изувечила меня,
А была свободна я:
И спокойствием наслаждалась,
И любовью обольщалась,
1610 Женихом мне был Булат,

Будешь мне и друг и брат,
Если ты меня избавишь,
Полюбить себя заставишь;
Победи скорей Ягу!
Жить я дольше не могу
В этой тягостной неволе,
Сил моих нехватит боле.
Как Ягу ты победишь,
Не сплосай тут как, смотри ж,
1620 У нее есть жезл волшебный,
С виду он не велелепный,
Но в нем сила такова,
Что вновь буду я жива,
Если им ко мне коснешься.
С Змеем ты сперва столкнешься,
С ним дерися из всех сил,
Он становится уж хил,
И хоть много люду губит,
Да и сам Яги не любит».
1630 Тут умолкло деревцо,
Спиридоново лицо
Полным счастьем просияло,
Уж охота забирала
Поскорей сойтись с Змеем
И с Ягицею потом.
Вдруг летит и самый Змей,
Ветра бурного быстрей;
Спиридон свой меч хватает,
Против Змея обращает,
1640 Змей помимо пролетел,
Боком лишь его задел,
Змей свирепо оглянулся
И тотчас назад вернулся.
Тут начался жаркий бой:
Спиридон одной рукой
Все удары отражает,
А другою защищает
От ударов он себя,
Змей, свирепственно хрипя,
1650 То и знай его колотит.
Долго битва происходит,
Оба ранены давно,

Кровь смешалась в одно,
 Но конец еще не близок,
 Спиридон пред Змеем низок:
 Змей ударит и назад
 Отлетает, супостат!
 Наконец случайно Змею
 Спиридон вцепился в шею,
 1660 Крепко держится, а Змей
 Всё сильнее и сильней.
 Отбивается — но тщетно!
 Спиридону лавр победный
 Улыбаться начинал;
 Змей последний дух собрал,
 Приподнялся и в минуту
 Полетел, к большому чуду!
 Спиридон на нем сидит,
 По башке его тузит,
 1670 Не дает ему покоя,
 Он летит всё, громко воя,
 Наконец, он долетел
 И к Яге на крышу сел;
 Ну вопить тут гласом зычным,
 От всегдашнего отличным,
 Так вот горло и дерет,
 Спиридон его всё бьет,
 А Яга на голос Змея
 Собралась поскорее,
 1680 Помогать ему летит.
 «Плохо дело! — (говорит
 Спиридон себе) — ведь с ними
 Мне не справиться с двоими,
 Ведь, пожалуй, цап-царап!
 Я и так уже ослаб,
 Надо этого спровадить,
 Да потом и с ведьмой ладить!»
 Тут принялся Змей он
 Колотить со всех сторон:
 1690 То мечем его поколет,
 То зубами рвать изволит,
 А меж тем он всё глядит,
 Скоро ль рот Змей растворит.
 Дождался — и меч с размаху,

Без печали и без страху,
 В горло Змею засадил,
 Там его поворотил.
 Змей грызет железо зубом,
 Но, в своем свирепстве глупом,
 1700 Не находит ничего
 Для спасенья своего;
 Что за дело Спиридону
 До его смешного стону,
 Он не меньше озлился,
 Резать Змея принялся;
 Перерезал ему глотку,
 Допил бывшу в фляжке водку
 И слезать он с крыши стал,
 Тут Ягу он увидал,
 1710 Со всех сил к нему летящу,
 Под собой земли не зрящу.
 «Ну (подумал он): еще
 Будет дело горячо,
 Будет много мне работы,
 Благо много и охоты!»
 Навострив свои рога,
 Мчится старая Яга:
 Поравнялась прежде с крышей,
 Поднялася после выше
 1720 И пришла в великий страх:
 Мертвый Змей в ее глазах.
 «Ах ты, Змей мой Змеуланч,
 Дорогой Иван Иваныч!
 Кто тебя так исказил,
 Буйны головы разбил?
 Друг души моей безмерный,
 Мой слуга нелицемерный,
 Мой кормилец, брат ты мой,
 Кто глумился над тобой?» —
 1730 Так колдунья сожалела
 И на крышу сесть хотела,
 Спиридон ее схватил,
 В бок свирепо поразил.
 Оглянулася Ягица,
 Прицялася кричать и злиться,
 Длинну палицу взяла,

Бить героя начала:
 Раз ударила — герою
 Стало вовсе не до бою,
 1740 Не упал чуть со всех ног;
 Но себя он перемог,
 С новой силой стал сражаться
 И, что долго прохладиться,
 Просто запросто сказать,
 Стал Ягу он побеждать.
 Тут Яга свирепо взвыла,
 Пощадить ее просила.
 «Нет, пощады я не дам,
 Отошлю тебя к чертям!»
 1750 Пуще тут Яга озлилась,
 Завертелась, закружилась
 И вскричала, во гневу:
 «Пусть я больше не живу,
 Пусть ты жизнь мою погубишь,
 Тем царевны не искупишь!»
 Головой тут потрясла
 И со злости умерла.
 Спиридон тут спохватился,
 На себя он сам сердился,
 1760 Что не выведал о том
 Перед ведьминым концом,
 Где она царевну скрыла.
 Вспомнил он, что говорило
 Деревцо в долине той,
 Где вступил он с Змеем в бой;
 У Яги тот жезл сыскавши
 И его с собою взявши,
 Он отправился потом
 Обыскать колдуньин дом.

Глава осьмая

О ТОМ, ЧТО ДЕЛАЛИ СПИРИДОН С БУЛАТОМ И НА КОМ ЕХАЛИ ИХ НЕВЕСТЫ

1770 В мрачну думу погружен,
 Молча ходит Спиридон,
 На себя нещадно гневный,
 Ищет в доме он царевны,

Все покои обыскал,
 Наконец, вошел в подвал.
 Ничего и тут — всё пусто,
 Пахнет только лишь капустой.
 Дальше молча он идет
 И фонарь в руке несет.
 1780 Две статуйки небольшие,
 Обе стройные такие,
 Он увидел, посмотрел,
 Приподнять было хотел;
 Но напрасно горячился,
 Их не поднял, как ни бился.
 «Где ж царевна? где она?
 Неужели сожрана
 Ненавистною Ягою?» —
 Молвил он, стуча ногою.
 1790 Грустно, бедному, ему,
 Не приложит он уму,
 Поступить как в этом деле,
 Клонит сон его к постеле,
 Долго, долго он не спал,
 Чересчур в бою устал.
 Перемочь сна сил не стало,
 Он прилег под одеяло;
 Спит и видит: некий дух
 Прилетает к нему вдруг
 1800 И гласит ему чуть внятно:
 «Храбрость мне твоя приятна,
 Ты отлично поступил,
 Что вконец Ягу убил.
 Не крушися, всё устрою,
 Скоро всех вас успокою.
 Как царевны не найти?
 Слова ты в подвал поди,
 Две статуйки там заметишь
 (Ты огонь затем засветишь:
 1810 Без огня нельзя никак,
 Там всегда ужасный мрак).
 Прикоснися к ним той палкой,
 Что ты взял у ведьмы жалкой,
 И увидишь пред собой
 Брата родного с сестрой».

Тут исчезло вдруг виденье,
 Он проснулся в изумленье,
 Пораздумал, погадал
 И отправился в подвал.
 1820 Только палицей коснулся,
 От восторга улыбнулся:
 Миловзора и Булат
 Пред очьми его стоят...
 Брат с сестрою обнялися
 И слезами залилися.
 Даже самый Спиридон
 Был растроган и смущен.
 Объяснил он всё им вкратце,
 Обнялися они как братцы
 1830 И собираться стали в путь,
 Не подумав отдохнуть.
 Лишь Булат один невесел,
 Мрачну голову повесил.
 «Где Любанушка моя?
 Одинок неужли я?» —
 Говорил он с сожаленьем.
 Спиридон тут с восхищеньем
 Речь Булага перебил,
 Всё как должно объяснил;
 1840 Тут в долину побежали,
 Деревцо скорей сыскали,
 Прикоснулись жезлом,
 Да и дело всё с концом!
 «Я роптать теперь не стану,
 Возвратил мне рок Любану!» —
 Закричал, сердечно рад,
 Торжествующий Булат;
 Стал с Любаной обниматься
 И с восторгом целоваться,
 1850 А меж тем наш Спиридон
 Миловзорой был пленен,
 И она его улыбкой
 Подарила не ошибкой.
 Брат на помощь подоспел,
 Кончить всё как раз умел.
 Решено было — на счастье
 У отца просить согласья;

А потом и под венец,
 Если даст его отец.
 1560 В стойле ведьмы конь Булата
 Поджидал его, как брата;
 Там же было два коня,
 Все как будто из огня,
 Так вот пол ногой и роют,
 Ну, не дешево, чай, стоят!
 Не подумай на них сесть:
 Целиком готовы съесть!
 Но неробкие девицы,
 Не боясь коней Ягицы,
 1570 Сели бережно на них,
 И затихли кони вмиг.
 Спиридон меж тем в минуту
 Отыскал кобылку люту,
 И отправилися в путь...
 Громко песенки поют,
 Разговаривают дружно.
 «Ничего теперь не нужно
 Нам: мы счастливы вполне;
 1580 Одного лишь жалко мне:
 Где те храбрые герои,
 Что со мной пустились двое
 За молодой моей сестрой
 Поразведаться с Ягой?» —
 Говорит Булат печально...
 Едут шибко, путь им дальней,
 Приезжают вдруг к реке:
 Волны брызжут в тростнике,
 По песку журча струятся,
 В даль туманную катятся...
 1590 «Посмотри-ка, ведь река,
 Мне кажись, не глубока,
 Пересохла от морозу;
 Чем искать нам перевозу,
 Переехать лучше вброд,
 Далеко она течет,
 (Говорит Булат)—скорее,
 Да и ехать веселее».

И они пустились в брод.
 Вот Булат на берег тот

- 1900 Пересехал безопасно,
С Миловзорою прекрасной
И с Любаной Спиридон
Едет вместе... только он,
И величествен и важен,
Обгоняет их на сажень.
Вышел на берег, назад
Оглянулся, и Булат
Тоже смотрит в изумленье...
«Что за чудное явление?»
- 1910 Да на ком они сидят? —
Так друг другу говорят.
Оказалось, что Любана
На загорбке у Светана,
Миловзора на Серпе...
Вот что вздумалось судьбе!..
Посмеялись, подивились,
Вброд за ними возвратились,
Их на берег принесли
И расспрашивать пошли:
- 1920 Как да что? каким манером?
Уж наверно изувером
Всё настряпалось так?
«Да, Яга, наш общий враг,
Так над нами подшутила,
Нас в лошадок превратила:
К ней принес нас лютый Змей,
Что служил усердно ей,
Мы бы вечно так остались,
Если б вы не догадались
- 1930 Пас от ведьмы увести,
Чрез ручей сей провести.
В нем течет вода живая,
От волшебства избавляя,
Прежний вид он тем даст,
Чрез него кто перейдет!» —
Так сказал Светан. Довольны,
Независимы и вольны,
Все обнялись чередой
И пустились домой;
- 1940 Радость души их живила,
Услаждала, веселила,

Дни невидимо текли,
И родительской земли
Скоро им явились зданья,
Было радостно свиданье,
От восторга сам не свой,
Всех лобзал старик седой,
В честь героя Спиридона
Дал земных он три поклона,
1950 Дал ему в невесты дочь.
Пир начался в ту же ночь,
Две вдруг свадебки справляли,
Без пощады пировали...
Брага пенная лила,
Яствам не было числа.
Всё, что было только вкусно,
Приготовили искусно
И поставили на стол.
Пир три дня, три ночи шел.
1960 Я там был во все три ночи,
Ел, что было только мочи,
За стаканом пил стакан;
А всё не был сыт и пьян.

**СКАЗКА О ТОМ, КАК ЦАРЬ ЕЛИСЕЙ ХОТЕЛ ЖЕНИТЬ
СЫНА НА ЛУНЕ, ВЗЯТЬ В ПРИДАНОЕ НЕБО И ДВИ-
НУТЬ РАТЬ НА СОЛНЦЕ, КАК ВСЕ ЭТО НЕ УДАЛОСЬ
И КАК ЦАРЬ ПАНТЕЛЕЙ ПОПРАВИЛ И КОНЧИЛ
ДЕЛО БЛАГОПОЛУЧНО**

Цып, цып, цып! ко мне, малютки,
Слушать сказки, прибаутки!
Уж чего мне на веку
Не случалось, старику?
Дай бог памяти! Гисторный
Слышал пропасть! Как Егорий
С волком дрался, как солдат
Вдруг попал ни в рай, ни в ад.
Как Руслан с Бовой сражался,
10 Как на чорте Карп катался,
Как, не для ради чего,
Чорт взял душу у него!

Как Егору да Вавиле
 Ведьмы ребра изломили;
 Как пяток богатырев
 Полонили сто полков,
 Как Ягу прибил Данилыч,
 Сатана Сатанаилыч
 Как на землю нисходил,
 20 Души добрые мутил...
 Как Иван коня-горбатку
 Заставлял плясать вприсядку,
 Как бесстрашный царь Макар
 Полонить ходил татар...
 Как по щучьему веленью,
 По Иванову прошенью
 Ведро на гору взошли
 На потеху всей земли...
 Как он ездил на лежанке,
 30 Как держал колдунью в банке
 Чернокнижник Змеулан,
 Страх для всех окольных стран...
 Знаю всё, но не об том
 Речь теперь мы поведем.
 Поведем мы речь про царство,
 Про большое государство,
 Где во время сказки сей
 Государь был Елисей...
 Елисево правленье
 40 Было всем на удивленье,
 Силе вражеской на зло,
 Царство крепко и цвело;
 Там не слышно было мору,
 Ни вражды, ни заговору,
 Ни других каких потех,
 Победы их леший всех!..
 Все как братья словно жили,
 А царя уж как любили,
 Так, не хваставши, скажу,
 50 И ума не приложу!
 Да и то сказать, еще бы
 Не любить его особы —
 Был он подданных отец,
 Награди его, творец!..

Словно с детками родными,
Он, вишь, всем делился с ними,
Чуть победа, празднество —
У него и пиршество!
Все бояра, все миряна,
60 Все чиновные гражданина
Уж к нему приглашены
И вповал напоены!
У царя еще, кроме
Этих милостей, был в доме
Преогромный вечный пир
Для того, кто сед и сир...
Так он страждущих всех нежил...
Бог за то его потешил
И, по благости своей,
70 Даровал ему детей
Умных, добрых, залихватских,
Проживавших в чувствах братских!
Старший сын его Роман
С виду был другой Полкан,
Настоящим он ироем
Ходит в доме по покоям,
Ростом чуть ли не в сажень,
И красив как вешний день...
Кудри сами завивались,
80 И усы уж пробивались,
Был уж он во цвете лет,
Расцветал как маков цвет...
«Что, Роман, брат, не пора ли
И жениться для морали?
Ты уж взрослый молодец» —
Раз сказал ему отец.
Наш Роман потупил очи
И заплакал что есть мочи,
Так что сердце у царя
90 Сжалось в виде сухаря,
Так что инда все окошка
В доме вздрогнули немножко...
«Рад я, батюшка, жениться,
Коль невеста мне случится
Из каких заморских стран,
(Наконец сказал Роман). —

Только надо не простую,
 А царевну молодую,
 Чтоб была она умна
 100 И богата и красна». —
 «Правда, правда! (царь ответил).
 Я еще не заметил
 Для тебя, брат, по плечу,
 Но, авось, ведь и сыщу!»
 На другой день совещанья
 Разослал царь приказанья,
 Чтоб немедленно к нему,
 Как владыке своему,
 Ради некого присловья
 110 Собралися все сословья,
 А меж тем велел он пир
 Приготовить на весь мир...
 Дело важное решиться
 На пиру должно; боится
 Царь, не то, чтоб самому
 Не достало тут уму,
 И не то, чтоб из приличий,
 А старинный был обычай
 Дело важное решать,
 120 Чтоб несчастья избежать,
 Не нажать поклепу света, —
 После общего совета...
 Пир готов великолепный,
 На столы напиток хлебный,
 Мед и прочее вино
 Уж давно принесено...
 Гости в доме кйшмя кишут,
 От восторга еле дышут,
 Что пришла такая честь —
 130 За столом им царским есть...
 Вышел царь. Полили поклоны,
 Толковали про законы,
 Про спокойство, про войну,
 Про дела и старину...
 Елисей вдруг с места сходит,
 На высокий трон восходит
 И оттуда речь ведет,
 Поклонившись наперед...

«Вам, бояра и дворяна
140 И чиновные гражданина,
Всем известно, что я сед,
Что уж мне не двадцать лет...
И для этой-то причины,
Чтобы не было кручины,
Чтоб всё шло у нас к добру
И тогда, как я умру,
Объявляю всенародно,
Что оставить мне угодно,
Не в обиду никому,
150 Трон мой царский, по уму
И по росту великану,
Сыну старшему Роману.
Но чтоб это учинить,
Надо нам его женить,
Чтобы он не баловался,
За чужими не гонялся,
А найпаче, чтоб в стихи
Не пустился на грехи...
Ваш совет я уважаю
160 И затем вам предлагаю
Поразмыслить и решить,
Сыну ровню где найти.
Из которого де царства,
Вы скажите без коварства,
Нам царевна по плечу;
А не то приколочу», —
Царь промолвил ради шутки,
Он остер на прибаутки,
Хоть и нету в них пути!..
170 Ну, да бог ему прости!
Тут бояра и дворяна
И чиновные гражданина
Почесали за ушми
И задумались вельми...
Долго думали, корпели,
Угодить царю хотели,
Всяк совет давал тут свой
Ради надобности той;
Царь, прослушавши, «не пара! —
180 Отвечал им: — та уж стара,

Та горбата, та бедна,
 Не царевна та княжна...»
 Лоб бояра потирали,
 Думать снова начинали...
 А мудрец один седой
 Лишь качает головой.
 «Ладно (думал он) постойте,
 Что вы тут себе ни пойте,
 А как я свое скажу,
 190 Так уж, верно, угожу»;
 И решивши, наконец,
 Начинает так мудрец:
 «Царь наш, ты нам благодетель.
 Счастья нашего содетель,
 Не вели меня казнить,
 А вели мне говорить». —
 «Говори!» — царь отвечает.
 И мудрец так продолжает:
 «Силен ты, богат и славен,
 200 Кто с тобой по власти равен?
 У кого такая рать?
 Где такая благодать?
 Царства более твое
 В свете нет ни одного,
 Все владыки, все соседи
 Пред твоим величьем дети,
 И в свекрови ни одна
 Из их дочек не годна...
 Да и нет во всей природе,
 210 Ни в одном, сиречь, народе
 Нет пригодной для него,
 Для Романа твоего...
 К пользе царственной ревнуя,
 Обвенчать его хочу я
 На красотке неземной,
 На владычице ночной.
 Пречудеснейшая тайна
 Мне открылась не случайно,
 Если хочешь, сообщу
 220 И что делать, научу...» —
 «Говори! да лишь курьезно,
 (Отвечает царь серьезно),

Равным вздором не скучай,
 Подарю тебе на чай...»
 Вновь мудрец так начинает:
 «В некоем царстве проживает,
 Что за тридевять земель,
 Славный царь Ходинамель...
 У царя, кроме дочек,
 230 Есть приемыш, как цветочек
 Расцветает пышно он,
 Весь сияньем окружен...
 То царевна Ясносвета,
 В царстве лучше нет предмета,
 Так чудесна, так умна,
 А особенно ясна!
 Все дивятся, что за чудо,
 Самоцветней изумруда,
 Как от месяца в ночи,
 240 От нее идут лучи...
 По известной мне науке
 Прокатился раз от скуки
 Я в то царство, лишь на час
 Отлучившись от вас...
 Как вошел во двор я пышный,
 Только было там и слышно,
 Что хвала ее красам,
 Диву дался я и сам...
 Столько блеску, столько жару,
 250 Что недолго до пожара!
 Ну, диковина! дивней
 Не найдется в жизни сей!
 Вот уж, правду молвить, знатно!
 Только мне невероятно
 Что-то стало, что она,
 Вишь, от смертных рождена...
 Разум мой пришел в свирепство,
 Я принялся за волшебство...
 И недолго я гадал,
 260 Подноготну всю узнал...
 Умолчу, каким манером,
 Не назвали б изувером!
 Просто молвлю, что она
 Не царевна, а луна...

В небе скучившись дежурить,
 Гарцовать и балагурить,
 И пред солнцем не хотя
 Унижаться, не светя,
 Днем она на землю сходит
 270 И в том царстве день проводит,
 А как солнце сходит прочь,
 Освещать уходит ночь...
 Вот невеста для Романа!
 Кроме царственной сана —
 И ведь где же? в небесах! —
 Важный клад у ней в руках,
 И богатство ее будет,
 Бело озеро запрудит...» —
 280 «Ладно! (молвил Елисей) —
 Парядить к царевне сей
 Послезавтра же посольство,
 Да не делать своевольтва,
 Чинно там себя вести,
 Чтоб невесту привезти
 Без урону и изъяна
 Для царевича Романа...
 Штука славная! луна
 Будет в дом к нам введена!
 Ну, брат, честь тебе и место,
 290 Да спасибо за невесту,
 Ведь такой уже другой
 Не отыщешь под луной!..» —
 Говорит царь мудрецу.
 «Но еще царю-отцу
 Нужно молвить между прочим,
 Что ведь этак не упрочим
 Мы навек себе луны
 (Говорит мудрец), должны
 Мы к земле ее навеки
 300 Приковать...» — «Но человеки
 Через эти чудеса
 Могут выколоть глаза;
 С обязанием подпиской,
 Чтоб к земле держалась близко
 И являлась поскорей,
 Будем отпуск давать ей,

Только б с солнцем не дружилась
 Иль с звездами не водилась,
 Впрочем, это уж, тово,
 310 Дело сына моего!» —
 Царь сказал с самодовольством
 И занялся хлебосольством...
 «Нет, неладно, царь-отец! —
 (Отвечал ему мудрец)
 Так она, у нас соскуча,
 Заберется в серы тучи,
 И попробуй-ка, поди,
 Вновь беглянку приведи!..
 Нет, чтоб было безопасно,
 320 Средство знаю я прекрасно:
 Есть чугунное кольцо
 Здесь со мною налицо...
 Вот, царевич (тут до стану
 Он согнулся в честь Роману),
 Вот возьми! да береги,
 Уничтожить не моги!
 Поезжай ты сам в те страны,
 Я коня тебе достану,
 Да такого, что он в час
 330 Донесет тебя как раз...
 Как вспылят у вас сердечки,
 Да захочется колечки
 Друг у друга променять,
 Это ей изволь ты дать;
 Ей оно вопьется в руку,
 Но не бойся, стерпит муку...
 Но зато, ручаюсь я,
 Будет целый век твоя...»
 Царь радехонек до смерти,
 340 «Не вмешались бы тут черти!» —
 Говорит он. Славный пир
 Тут пошел на целый мир,
 В честь блистательной надежды;
 Наконец сомкнулись вежды;
 А царевич наш Роман
 Был уж близко чуждых стран...
 Пречудовую свињюшку,
 Ростом в сдобную ватрушку,

Подарил ему мудрец.
350 Вот и к царству наконец
Наш царевич подъезжает,
Тут свиньюшку оставляет
И идет себе пешком
В преогромный царский дом.
В нем и роскошь, и богатство,
И устройство, и опрятство,
И различных тьма красот,
Сам колдун не перечтет...
У дверей стоит прислуга,
360 Вся в убранстве из жемчуга,
Так, как жар, вот и горит,
По испански говорит...
Между ими тут Емеля...
«Где царя Ходинамеля
(Говорит Роман) найти,
Укажи — да проведи!»
Тут прислуга подскочила
И царевича спросила,
Кто он родом и отколь,
370 Не саратовская ль голь,
И не с вражьего ль навета
Прикатил к ним до рассвета?
По с почтением потом
Отступили чередом,
Поклонились, и к царю
Дали путь богатырю...
«Нутка, царь Ходинамель,
Оставляй твою постель!—
(Закричал дурак Емеля
380 И толкнул Ходинамеля).—
К нам царевич из чарморя
Прикатил размыкать горе,
Угощенье припаси
Да садиться попроси!..»
Не расслышав хорошенько,
Рассердился царь маленько,
И вспылив на дурака,
Дал в загривок тумака...
Вдруг он делом спохватился,
390 Как надлежит извинился;

И с царевичем они
 Уж остались одни...
 Тут Роман потупил очи
 И заплакал что есть мочи,
 Слезы вытер рукавом
 И речь начал так потом:
 «В наше малое поместье
 Донеслося, царь, известье
 Из огромного твоего,
 400 Что дивней нет ничего
 Среди всех пределов света,
 Как царевна Ясносвета,
 Дочь названная твоя,
 Ей в мужья гожусь ли я?
 Согласишься ль ты — не знаю,
 Но к ней страстью я пылаю,
 Хоть не видел никогда».

(«Ну, да это не беда,
 Коли с неба, так уж видно,
 410 Что ей мужем быть не стыдно», —
 Он подумал про себя)... —
 «Я и дочку для тебя
 Уступить готов люблюю,
 Хоть старшую, хоть меньшую...
 У меня их богатель!» —
 Отвечал Ходинамель
 И воскликнул, что есть силы:
 «Эй вы, дочки мои милы!
 Мы, сударыни, на час
 420 К нам в беседу просим вас...»
 Только вымолвил... девицы
 Прибежали из светлицы
 И все стали у стены...
 «Ну, которую в жены
 Ты, царевич, завоюешь
 Или всех их забракуют?» —
 Царь сказал... Роман взглянул:
 «Знать, мудрец меня надул,
 Или я теперь в угаре,
 430 Тут такие инда хари,
 Что за чортовых сестер
 Их признать, так не позор!» —

Так Роман себе помыслил,
 Их по пальцам перечислил...
 Вдруг на самом на краю
 (Я от вас не утаю,
 Он в тот час немного струсил,
 Так его переконфузил
 Ясносветы чудный взгляд!)
 440 Видит: два глаза блестят,
 Самоцветный словно камень,
 Словно звезды, словно пламень!
 «Та, та, та! Так вот она
 Уж действительно красна,
 Правда, в ней уж столько жару,
 Что недолго до пожара...» —
 Он подумал... Зорких глаз
 Не спускал с нее он час,
 Поразмыслил, постыдился,
 450 Да по горло и влюбился.
 «Уступи ты мне вот эту,
 Сиротину Ясносвету,
 Уж куда мне до другой,
 Удовольствуюсь и той». —
 Так Роман сказал с усмешкой,
 Царь же думал: «Глуп, как пешка,
 Он урод, молокосос,
 Он слеп вовсе, или кос,
 Хорошенько я не знаю,
 460 Лишь того не постигаю,
 Отчего не дочь мою
 Он берет в жену свою...
 Пусть же нянчится с девчонкой!..» —
 «Коли хочешь, будет жenkой
 Ясносветочка твоей,
 Приказать не смею ей,
 А даю свое согласие» —
 Он сказал... Роман от счастья
 Чуть в безумство не пришел,
 470 Чепухи не замолол...
 Но опомнился... К невесте
 Подошел с царем он вместе
 И его женою быть
 Стал красавицу просить...

Исносвета оробела,
 С изумленьем посмотрела,
 Раскраснелась как заря,
 И с согласия царя,
 Наконец ему сказала:
 480 «Что охота вдруг припала,
 Да и видано-то где —
 На безродной сироте
 Сыну царскому жениться?..
 Но должна я согласиться,
 Коли дело уж давно
 Без меня порешено...»
 Тут Роман кольцо снимает,
 Ей на руку надевает,
 А ее берет себе;
 490 И, покорствуя судьбе,
 Царь чету благословляет
 И, меж прочим, прибавляет:
 «Но ты знаешь ли — она
 Ведь как нищая бедна?
 Я не знаю ее роду,
 Но двенадцатому году
 В плен была она взята
 И в дворец мой принята...
 Я даю лишь хлеб ей с солью,
 500 Ты берешь ее голь-голью...» —
 «Ладно (думает Роман),
 Не глумися, бусурман.
 Или ты и сам не знаешь,
 Что из царства отпускаешь
 Драгоценный, чудный клад:
 Ладно, буду я богат,
 Ведь луне серебра и злата
 Занимать, я чай, не надо,
 Царства купит ваши все
 510 Тем, что есть в одной косе...»
 Помолвившись, поклонившись
 И радушно распростившись,
 Царь с царевной молодой
 Отправляется домой.
 Между тем царь Елисей
 Называть велел гостей;

Предан радостной надежде,
 Ходит в праздничной одежде,
 Приказанья отдает,
 520 Да застольную поет...
 День к полудню стал склоняться,
 Гости начали собираться
 И меж множеством гостей
 Прикатил царь Пантелей,
 Пожилой, не политичный,
 С Елисеем закадычный,
 Приглашенья он не знал,
 А нечаянно попал...
 Притвориться не умея,
 530 Царь в сторонку Пантелея
 Вдруг отводит и тишком
 Говорит ему потом:
 «Поздравляй, брат, поскорее
 Ты с невесткой Елисея.
 Сына, братец мой, женю,
 И на нынешнем же дню...
 А невеста — так уж чудо!
 Самоцветней изумруда,
 Лучше б я и не желал, —
 540 Разве ты бы дочь отдал,
 Так задумался б немного». —
 «Ох! давно, по воле бога,
 Дочь погибла у меня,
 Даже как, не знаю я,
 Делать нече! Не вернется,
 Только плакать остается,
 А охотно бы Роман
 Был в мужья ей мной избран». —
 Так ответил со слезами
 550 Пантелей и рукавами
 Путка слезы утирать,
 Чтоб тоски не оказать.
 Елисей великодушный
 Сам завыл, как малодушный,
 Пантелея утешал
 И потом ему сказал:
 «Что касается до сына,
 То счастливый он детина.

560 Ведь, поверишь ли? луна
 Будет, брат, ему жена...
 Всё небесное пространство
 На одно, вишь, ей убранство,
 Вишь, в приданое идет
 Целиком небесный свод
 Ей с морями, облаками,
 Поселеньями, садами,
 С кормной птицей всех сортов
 И скотиной всех родов;
 Будет тут тряхнуть червонцем!
 570 Только жаль, что вместе с солнцем
 Ей придется всем владеть
 И сношенья с ним иметь...
 Впрочем, что же, бог помилуй! —
 Как войдем мы только в силу,
 Можно, знаешь, и тово...
 Рати двинуть на него...
 Не большая, ведь, персона,
 Да и светит-то как соня,
 Не заботясь ни о чем,
 580 Ну да мы его пугнем». —
 Молча слушал Пантелей
 То, что баял Елисей,
 И потом сказал с улыбкой:
 «Ну, смотри, брат, как ошибкой
 Не вломися в чепуху,
 Уморишь всех со смеху...
 Есть ли месяцу причина
 Выходить за твое сына?
 Да притом и небеса
 590 Без него что за краса!..»
 Елисей вельми серчает
 И, подумав, отвечает:
 «Что сказал, то докажу,
 Всех на свете пристыжу».
 Тут он всё пересказал,
 Что мудрец ему сказал.
 Пантелей пожал плечами:

 «Славны бубны за горами!» —
 Он подумал, а потом

600 Занялся и пирогом...
 Так прошло около часу,
 Елисей напился квасу
 И хотел ложиться спать
 На удобную кровать,
 Вдруг, обрадованный, слышит,
 У ворот свиных дышит
 Так, что ажно всё дрожит.
 Елисей туда бежит,
 Сына у двери встречает,
 610 Лобызает, обнимает,
 А Роман, вместо ответа:
 «Вот царевна Ясносвета!» —
 Говорит ему, и он
 Отпускает ей поклон...
 Сердце пляшет от блаженства
 У царя! Все совершенства,
 Всё, чем славен женский пол,
 В Ясносвете он нашел.
 Весть гремит, меж тем, в народе,
 620 Что луны теперь в природе
 Уж не будет, что она
 За Романа отдана. —
 Кто шататься в пьяном виде
 Ночью любит, тот в обиде
 Был при случае таком;
 А кто любит царский дом,
 Тот в сильнейшем был восторге,
 И в трактире, и на торге,
 И в домах, и на дворах
 630 Шел с восторга так, что страх...
 И придворные того же
 Были мненья; всех пригожей,
 Всех яснее, всех белей,
 И прекрасней, и умней
 Все царевну признавали,
 Да из чарок попивали...
 Лишь один царь Пантелей
 Что-то не был веселей...
 Без любви и без привету
 640 Он смотрел на Ясносвету,
 И так пристально смотрел,

Что самой ей надоед...
 Чтоб скорей окончить дело
 И кутить опосле смело,
 В честь счастливому концу.
 Молодых ведут к венцу...
 Обвенчали по порядку...
 Чуть не пляшет царь вприсядку,
 Так он счастьем сына рад!
 650 «Был я (мыслит он) богат,
 А теперь уж наипаче:
 Буду впятеро богаче...
 Что за нужда, коль темно
 Будет в небе, всё равно!..
 И кому это обидно,
 Что луны не будет видно;
 Молвит всяк, уняв тоску:
 «Знать, в бессрочном отпуску,
 Знать, светить ей надоело,
 660 За другое взялась дело!»
 Потолкуют, да потом
 И забудут чередом...
 Оттого их не убудет...
 Перву ночь теперь не будет
 В небе сумрачном луны,
 Диву даться все должны!..
 Да и сам я подивуюсь;
 На невестку полюбуюсь:
 «Что, голубушка, сидишь
 670 На земле, а не глядишь
 Уж, как встарь бывало, с неба,
 Словно с год не евши хлеба...»
 Солнце красное садится,
 Люд крещеный веселится...
 Попиваячи винцо,
 Царь наш смотрит на кольцо
 На руке у Ясносветы
 И поет ей многи леты...
 Все спокойны, все поют,
 680 А наипаче того, пьют...
 Царь лишь только Пантелей
 Не стает всё веселей...
 То глядит на повобрачных,

То течение облак мрачных
 Мутный взор его следит...
 Елисей ему твердит:
 «Что ты, братец, что не весел,
 Что ты голову повесил?» —
 И уходит от него,
 690 Не добившись ничего...
 Там с придворными толкует,
 Как он солнышко надует,
 Как приданое луны
 Получить они должны,
 И потом, смеясь свирепо,
 Обращает взор на небо...
 Вдруг он видит: в небеса
 Всходит свету полоса...
 Он попристальной глядит...
 700 Вот летит, летит, летит,
 Светом радостным блистает
 И на небо выплывает,
 Миловидна и красна,
 Словно прежняя, луна.
 «Различить я не умею,
 (Говорит он Пантелею,
 Указав на высоту),
 Эту как зовут звезду?..»
 Пантелей глядит, хохочет,
 710 Елисея так порочит:
 «Ну, брат, сделал ты чуху,
 Уморишь всех со смеху,
 Это просто ведь видна
 Настоящая луна...» —
 «Как!» — царь в бешенстве взывает,
 Мудреца тут призывает,
 Задает ему вопрос.
 А мудрец, повеся нос,
 Елисею отвечает,
 720 Что он сам того не знает...
 В это время и все гости
 Небо взвидели; со злости
 Стали жалобно кричать,
 Что луна мешает спать;
 С мест своих все поскакали,

Толковали, рассуждали
 И кричали так, что дом
 Обернули кверху дном...
 Сам царевич в изумленьи
 730 С места встал, как привиденье,
 Помутился, побледнел
 И на небо поглядел.
 А меж тем с большим свирепством
 Царь ругался над волшебством,
 Проклинал его как мог,
 Да простит ему то бог!
 «Чрез ошибку эту злую
 Взяли, может быть, простую
 Девку мы себе в родство
 740 (Говорит он). Шутовство,
 Что ли, это, в самом деле?
 Обмануть что ль нас хотели?»
 И сердчая, что есть сил
 Всю вселенну царь бранил...
 А меж тем царь Пантелей
 Делал во сто раз умней...
 С Ясносветою несчастной
 Что-то баял он согласно,
 Всё об чем-то вопрошал,
 750 Что-то всё припоминал...
 Знать бы было интересно,
 Да, на грех, то неизвестно...
 Наконец, царь Пантелей,
 Вдруг упав на шею к ней:
 «Дочь моя! мое рожденье —
 Небесам благодаренье! —
 Вновь ты мне возвращена!» —
 Говорил он, а она
 Так и падает на шею
 760 Со слезами к Пантелею...
 Тут подходит Елисей:
 «Неужель отец ты ей?» —
 Вопрошает. «Да, она
 Точно та, что пленена
 Встарь была Ходинамелем».
 Одурманен, словно хмелем,
 И Роман пришел в тот час,

Объяснилось всё как раз.
Все четыре обнялися,
370 Быть век в мире поклялися,
Безобидно проживать
Да деньжонок наживать.
Снова кубки заблистали,
Пить прилежней вдвое стали,
И пошел такой тут пир,
Что не знал подобных мир.
Я там был три сряду ночи,
Ах, что было только мочи,
За стаканом пил стакан
780 И всё не был сыт и пьян.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ПОДЪЯЧИЙ В ПЕТЕРБУРГЕ

I

Ох, времячко! Скорехонько
Летишь ты, хоть без крыл.
Уж двадцать лет ровнехонько,
Как в Питере я был.
В питейном департаменте
Служение имел,
На каменном фундаменте
Домишком я владел.
С особами отличными
10 В знакомстве состоял,
Поклонами приличными
Начальству угождал.
Как всё переменялось!
Мне Питер стал чужой;
Всё новое явилось,
Чуть пахнет стариной!
Секрет мой обнаружить
Вновь прибыл я в него.
Хоть много израсходовать
20 Пришлось мне для того.
Одно мне утешительно,
Что ведать кой-кому
Секрет такой спасительно.
Приступим же к нему:
Грамматику, эстетику

Из мысли я прогнал.
Люблю лишь арифметику,
От ней богат я стал.
Сперва я от *деления*
30 Немало получил:
Начальник отделения
Делить меня учил.
По мере повышения,
Мой капитал толстел
И рос — от *умножения*
Просителей и дел.
Дало плод *вычитание*,
Как подчиненным я
Не брать дал приказание,
40 *За вычетом* себя.
Сложив всё, в заключение
Сложенье я узнал,
И вышел от сложения
Изрядный капитал.
Хоть шиворот навыворот
Я правила прошел,
Не выведут за шиворот,
Куда б я ни вошел!

До Павловска катался я
50 Железной мостовой,
Парами восхищался я —
Не столько быстрой!
В воксале, в упоении,
Прослушал я цыган:
Вот, доложу, уж пение —
Что палкинский орган!..
Смотрел намедни *Фебуса*...
В нем Сосницкий лихой...
Ну точно у Брамбеуса,
60 Смешливый слог такой.
Я надорвал животики.
От смеха лопнул фрак!
Читая Библиотеки,
Не хохотал я так!..
Пришлось *Титулярных* раз
Мне как-то посмотреть,

Вот здесь так, уверяю вас,
Другому б умереть.
Над ними, посудите-ка,
70 Смеются так, что страх;
Ну это просто критика:
Я сам в таких чинах!..
Вчера смотрел Тальони я,
Притом еще в Тени:
В поступках — благовония
И прелести одни.
Что это за чудесница!
Не жаль пяти рублей!
Отменно пляшет крестница, —
80 Но далеко — до ней...
Весь Невский, чудо Питера,
На ваньке облетел;
На вывеске кондитера
Я диво усмотрел:
Там в *Пчелку* с умилением
Турецкий франт глядит,
Читает с наслаждением
Гречанка *Инвалид*.
Он в красках всё прелестнейших
90 Представил напоказ;
Таких вещей чудеснейших
И в Пскове нет у нас!
Не ждал, чтоб ум в кондитере
Был сметлив так, клянусь...
Уж подлинно, что в Питере
Во всем изящный вкус...
Грубой какой-то внутренней
На Невский из земли
Святящий до заутреней
100 Газ немцы провели.
Накрыт стеклянной шапкою,
Огонь большой такой
Горит гусиной лапкою!
Ну так... что день деньской!
Прощайте! оставляю вас.
Чувств много, мало слов!
В Кунсткамеру бегу сейчас,
А завтра еду в Псков...

II

(СНОВА — ЗДОРОВО!)

Хоть друг я аккуратности,
Хоть я не ротозей,
Иабегнуть коловратности
Не мог я в жизни сей.
Вернуться с первой станции
Я в Питер должен был,
Понеже в нем квитанции
По делу позабыл.
В великую конфузию
10 Был тем я приведен,
Как будто бы контузию
Мне дал Наполеон.
Меня так озадачило,
Что тут же на пути,
Как в лихорадке, начало
В санях меня трясти.
Я чуть не обморозился,
Не мог ни есть, ни спать;
Приехав, прямо бросился
20 Квитанции искать.
Хозяйка той гостиницы,
Где я стоял, была
В тот день у именинницы
И комнат не мела.
«Ну, это, — молвил радостно
Я сам себе, — к добру!»
Искал с надеждой сладостной
И всё нашел в сору...
Душа в каких-то сладостях
30 Тонула у меня;
Я в Питере, на радостях,
Остался на три дня.

На Невском у механика
Казал мне кум Антип
Картину, в виде пряника, —
То-есть — дагеротип.

- Божуся вам сурьезно я:
 Их солнышко печет;
 Ну, штука прекурьезная:
 40 Немецкий всё расчет!
 Ходил я в Академию
Помпею ту смотреть,
 За что Брюлову премию
 Пришлось возыметь.
 Вот это прелесть сущая!
 Картина вся в огнях,
 Народу там тма-тмуцая
 Пешком и на конях.
 И видно, что с постели их
 50 Спугнул всех ночью страх:
 Иные без сапог из них,
 Иные в колпаках.
 Там мальчик, такой душенька,
 На улице лежит
 И точно мой Петрушенька
 Глазенками глядит.
 Там деньги, ради прибыли,
 Сбирает с мостовой,
 Согнувшись в три погибели,
 60 Кащей такой седой.
 На псковского подьячего
 Похож, ни дать ни взять,
 Теперь с того не для чего
 Портрета рисовать.
 Там дама авантажная
 Катилась впопыхах,
 Хоть одноколка важная,
 А вся расшиблась в прах.
 Сумятица ужасная!
 70 Помпея же в пожар
 Уселась, несчастная,
 Одна на тротуар.
 Какой-то хват пригоженький
 С собой старушку звал:
 Куда! — отнялись ноженьки:
Последний день настал.
 Отменно нарисовано,
 Отличнейшая вещь!

И был к ней как прикованный,
 80 Впися в нее как клещ.
 Так живо представляется,
 Что хоть рукой бы взять.
 Брюлов наш отличается,
 Уж нечего сказать!..
 Конторы все питейные,
 Горевшие в ту ночь,
 Заводы оружейные
 Потрафил он точь в точь.
 Я думал: не в чаду ли я?
 90 Похоже чудо как;
 Был сам в то время в Туле я:
 Действительно всё так.
 Создатель! Что за множество
 Там разных этих зал;
 Я всякого художества
 Там пропасть повстречал.
 А лучше всех красуется
 Статуя мужика:
 Он важно в бабки дуется,
 100 И видно, что битка!
 По выходе из комнат сих
 Я мимо сфинок шел,
 И было не заметил их,
 Да надпись вдруг прочел:
Меммоновым представлены
В святой наш Петроград,
На пристань здесь поставлены.
 Действительно стоят.
 Скажу, *огромные сии*
 110 *Две сфинки* — чудеса:
 В фалборках, как из кресел,
 Закрыты волоса.
 Таких чудных окроме я
 Не видел отродясь:
 У них физиономия
 Такая как у нас!
 Вот выдумка забавная —
 В театре маскарад!
 Попировал там славно я,
 120 Уж подлинно внопад.

Как в дни великопостные,
Во всей таки красе,
Такие пресурьезные,
Там в шляпах ходят все.
На всех салоны черные
До самых до колен,
А на иных отборные
Наряды всех племен;
Как будто с чайных ящиков
130 Пришли все в маскарад.
Кабы достать образчиков,
Весь Псков наш будет рад.
Уж стали бы отхватывать
Мазурку — ай люли!
Сумели б всех порадовать,
Как в пляс бы мы пошли.
А здесь что? — Как уходятся —
Расходятся домой;
За это деньги плотятся:
140 Обычай уж такой!..
Раскланяюсь почтительно
Теперь без дальних слов;
Прощайте! Уж действительно
Я завтра еду в Псков..

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ПОДЪЯЧИЙ ОПЯТЬ В ПЕТЕРБУРГЕ

III

(БЕДА НЕМИНУЧАЯ И РАДОСТЬ МОГУЧАЯ)

Проплакали отчаянно
Пять суток мы с женой;
Стряслась беда нечаянно
Над нашей головой.
У чорта сердце сжало бы —
Случись такой изъян:
На барина две жалобы
Пришло к нам от крестьян;
Донос их на господчика

- 10 Упрятал я под спуд,
За то меня, молодчика,
Упрятали под суд.
Прочли то есть нотацию, —
Хоть просто умирать!
Вписали в аттестацию:
К местам не принимать.
Ну где ж тут правосудие,
Я б всякого спросил?
Чуть только вышел в люди я,
- 20 Брюшко чуть отрастил,
Количество изрядное
Деньжонок позашиб;
Житье-то было б знатное,
Да вдруг — и скушал гриб...
Скажите, — как правительство
Изволит рассуждать:
Вишь, я чиню грабительство!
С чего б им это взять?..
Ходил всегда я в нанковых,
- 30 Не то чтобы в трико,
Не брал бумажек банковых
И не тянул клико,
Умел всегда делишечки
Чистехонько вести,
И только разве лишечки
Пришлось мне загрести.
В суде не валежирствовал,
Не делал тяп да ляп;
Ни с кем не дебоширствовал:
- 40 Не всё ж ведь цап-царап...
Да что же?.. Я утешуся,
Лиха ль еще беда!
Не бойтесь — не повешуся!
Найду кусок всегда!
Я поступлю в компанию:
Довольно их вело;
Приличную по званию
Я выберу — на зло!..
- 50 С женою от Аничкина
Извозчика я взял, —

Льва Гурыча Синичкина
 Глядеть каприз припал...
 Да сбился я афишками,
 И вышел тут крючок:
 С различными делишками
 Шел Пантелей Жучок.
 Он человек, как водится,
 Сенатский, деловой;
 Да от жены приходится
 60 Пропасть, хоть с головой.
 Всё дело-то в потациях:
 Толкует то и сё;
 На тонких экскузациях
 Основано тут всё.
 Скажу: в большом был горе я,
 Бедняга Деловой!
 Такая же история,
 Вот точно как со мной!..
 Зато нас с Василисою
 70 Утешила — вон та,
 Что *хочет быть Актрисою*, —
 Такая суета.
 Мне кажется, что шутствует
 Она напрасно так:
 Актрисой ведь присутствует
 Она давно, никак?
 Еще тут есть отменнейший,
 Честнейший человек,
 Расчетливый, почтеннейший,
 80 Одесский то есть грек.
 Так сердце к нему клонится,
 Ведь как умен, злодей!
 Приятно б познакомиться:
 Люблю таких людей!..
 На-днях смотрел *Парашеньку* —
 Нет прелестям конца!
 На крестницу Евлашеньку
 В ней сходство есть лица.
 Тут очень уморительно
 90 Всех Гусева смешит,
 Тут пляшут так чувствительно,
 Что плачут все навзрыд.

Печальная оказия!
Не видел век такой:
Чуть сам не был в экстазе я —
Уважил Полевой!
В окошке на прищепке я
Фигуру видел раз;
Признаться: стал в решепке я,
100 Глядел почти что с час.
Вертится тут помещица,
Ну точно дама пик;
Я думал, мне мерещится
И стал-таки втупик.
С испуга я зажмурился,
Но вдруг открыл глаза
И чуть было не втюрился,
Такая ведь краса!..
Что ж это?.. У завивщика,
110 Так просто, для проказ,
Машина, вроде жидчика,
Вертится напоказ.
Меня сначала мучило,
Стоял я, как дурак;
А вышло — просто чучело..
И всё-то в жизни так!..
Намедни, кажись в пятницу,
Иду, повеса нос,
Встречаю вдруг сумятицу
120 И вижу тут курьёз.
Коляска самокатная
Катит без лошадей:
Работа деликатная,
Не русских, знать, затей...
И лодка б так не плавала
На полных парусах —
Как будто бы два дьявола
Уселись в колесах...

Но я здесь закалякался,
130 А дома ждет жена;
Ну, как бы я не всплакался:
Задорлива она!

Живу в Грязной покудова,
Не плачу ни о чем;
А в Псков меня отсюдова
Не сманят калачем.
Мне здешнее правительство
Оказывает честь:
В газеты, с местом жительства,
140 Меня велело внести;
Чип, имя и фамилия —
Всё внесено в столбец.
Ведь это, значит, в силе я,
Каков я молодец?..
Итак — мое почтение!
Готовый быть по гроб
У вас во услужении

Феклист Онуфрич Боб.

1 8 4 1

АКТРИСА

На сцене я для всех загадка:
Иначе действую, хожу;
Смотрю так весело, так сладко,
Что хоть кого обворожу.
Но посмотрите за кулисы,
Там изменяюсь я тотчас:
Театр, актеры и актрисы
Не то на деле, что для глаз!

10 Что вас в театре занимает,
Что вас из кресел и из лож
Так веселит, так поражает, —
Всё подражание, всё ложь!
У нас поддельные картины,
Умны мы — от чужих речей,
Природа наша — из холстины,
А солнце наше — из свечей.

Рассчитаны движенья наши.
Суфлер — вот наше божество,
И сами мы, кумиры ваши, — —
20 Актеры, больше ничего!
За нами можно волочиться
В честь нашей славе и красе,
Мы даже любим тем гордиться —
Мы те же женщины, как все,
Поклонников у каждой вволю,
На сцену явится едва!
И на мою, признаться, долю
Их также есть десятка два!

Они болтливы все, любезны,
30 И даже остры на полдня,
Притом они мне и полезны:
Они так хвалят все меня!
В честь мне дрожат в театре стены
От их здоровых, крепких рук,
А я за то порой со сцены
Им глазки делаю — всем вдруг!

1 8 4 2

ПЕСНЬ МАРИИ

(Из драмы «Материнское благословение»)

В хижину бедную, богом хранимую,
Скоро ль опять возвращусь?
Скоро ли мать расцелую любимую,
С добрым отцом обнимусь?
Бледная, страшная, в грезах являлася
Мать моя часто ко мне,
И горячо я с мечтой обнималася,
Будто с родимой, во сне!..

Сколько, я думаю, к горю привычная,
10 Мать моя слез пролила...
Если б отсюда она, горемычная,
Речь мою слышать могла,
Я закричала б ей, — пусть не пугается:
«Жизнь для меня не тошна.
Матушка! дочь твоя с горем не знается:
Замуж выходит она!»

ПОРТРЕТЫ

I

Суд современный, грешный суд;
В нем судьи слепы, словно дети;
Он то решает в пять минут,
На что потребно пять столетий!
Людей-гигантов каждый год
У каждой множество эпохи,
А как потомство наведет
Свои правдивые итоги —
Увы! огромная толпа
10 Редает, чуть не исчезает!..
Судьба на генев скупа,
Она веками их рождает!..

II

Подчас войдет случайно в моду
Поэт, актер иль музыкант,
Который сам не думал сроду,
Что дал господь ему талант.
Но вот о нем все закричали
И докричались до того,
Что бьют счастливица изваяли,
20 Великим прозвали его...
А он?.. Он с бюстом чудно сходен:
Он — так же точно как и бюст —
Формально никуда не годен,
Ни в чем не грешен, тих и пуст!

III

С кого не пишем мы портретов?..
Богач, без мозга, без души,
Нам задал несколько обедов —
Скорей портрет с него пиши!
Тотчас чудес о нем наскажут,
30 Опишут жизнь его в два дни
И исторически докажут,
Что он Горацию сродни.
Полна хвалами биографья,
Где строчка каждая ложна
И где жена его Агафья
Агатой важно названа...

IV

Иной полвека делал зло:
Труслив, бессовестен, продажен,
Но счастье плуту повезло,
40 И вдруг он стал спесив и важен.
У всех поклонников своих
На стенках тщательно повешен;
Он на портрете добр и тих,
Как агнец, кроток и безгрешен;
Но разгляди его вполне,
В оригинале — не в картине:
Ему б висеть не на стене,
Ему висеть бы на осине!

V

Иной, напротив, щедр и знатен,
50 Прилично вел себя всегда,
И громких дел, и черных пятен
Равно душа его чужда.
Он добр и пуст, и слава богу!
Ему зевать бы да толстеть,
Но и к нему нашло дорогу
Желанье — в рамке повисеть.
Занятий не берет он в руки,
Чужим умом дела ведет,
А сам от праздности и скуки
60 Свои портреты издает...

VI

Какой-нибудь писатель странный
Во сне увидит сгоряча,
Что он из тысячи избранный,
И ну писать, писать с плеча!
Почуяв лавры над главою,
Тотчас он тиснул свой портрет,
С улыбкой гордою и злою,
«Как Байрон, гордости поэт».
Но байроническою миной
70 Он никого не удивил...
Он поросенка в коже львиной
Напомнил всем — и насмешил!

VII

В иной актрисе нет приметы
Ума, таланта и души,
Но пишут все с нее портреты,
За то, что глазки хороши.
Актер на сцене фарсирует,
А в частной жизни с ним сойдись —
Облобызает и надует;
80 А ты ему же подивись!
Вот он: портрет его так важен!
Вообразить не станет сил,
Что и душою он продажен,
Да и способностями хил!

VIII

Суд современный, грешный суд;
В нем судьи слепы, словно дети;
Он то решает в пять минут,
На что потребно пять столетий.
Людей-гигантов каждый год
90 У каждой множество эпохи,
А как потомство наведет
Свои правдивые итоги —
Увы! огромная толпа
Редает, чуть не исчезает!
Судьба на гениев скупа,
Она веками их рождает!..

РОСТОВЩИК

Было года мне четыре,
 Как отец сказал:
 «Вздор, дитя мое, всё в мире!
 Дело — капитал!»
 И совет его премудрый
 Не остался так:
 У родителя на утро
 Я украл пятак.
 Страсть навек к монете звонкой
 10 Тотчас получив,
 Стал у всех я собачонкой,
 Кто богат и чив.
 Руки, ноги без зазренья
 Всем лизал как льстел
 И семи лет от рожденья
 Был уж я подлец!
 (То есть, так только в народе
 Говорится, а зато
 Уж зарыто в огороде
 20 Было кое-что).
 Говорят, есть страсти, чувства —
 Незнаком, не лгу!
 Жизнь, по-моему, — искусство
 Наживать деньгу.
 Знать, во мне раненько скупость
 Охладила кровь —
 Рано понял я, что глупость —
 Слава, честь, любовь,
 Что весь свет похож на лужу,
 30 Что друзья — обман,
 И ватем лишь лезут в душу,
 Чтоб залезть в карман,
 Что от чести от злодейки
 Плохи барыши,
 Что подлец, кто без копейки,
 А не тот, кто без души.

И я свыкся понемногу
 С ролею скупца
 И, ложась, молился богу,
 40 Чтоб прибрал отца...
 Добрый, нежный был родитель,
 Но в урочный час
 Скрылся в горнюю обитель,
 Навсегда угас!
 Я не вынес тяжкой раны, —
 Я на труп упал
 И, обшарив все карманы,
 Горько зарыдал...
 Продал всё, что было можно
 50 Хоть за грош продать,
 И денжонки осторожно
 Начал в рост пускать...
 Чтоб нажиться — лез из кожи.
 Лук да редьку ел,
 Ни спины, ни рук, ни рожи,
 Верьте, не жалел!
 Всех завел, провел и вывел,
 С кем сойтись пришлось,
 И, пока не оплешивел,
 60 Брал процент с волос:
 Вырастать им как угодно
 Волю я давал
 И в цырюльню ежегодно
 Косу продавал.
 И теперь зато, под старость,
 Есть немножко тут (*хлопает по карману*).
 Пусть приходят люди в ярость,
 Говорят: он плут!
 Шутки!.. нет, побольше стою!
 70 Я ведь знаю свет:
 Лишь тряхни-ка я казною
 Да задай обед,
 Все в объятья тотчас к плуту,
 Все в родню, в друзья —
 Я честнейший в ту ж минуту...
 Что, не так ли... а???.

ПОСЛАНИЕ К СОСЕДУ

Гну пред тобою низко спину
За сладко-вкусный твой горох.
Я им объелся! Я в восторг
Пришел!.. Как сахар, как малину.
Я ел горошины твои.
Отменно ты меня уважил!
Я растолстел, я славно зажил,
Я счастлив! Словно как любви
Краснокалеными устами
10 Я отогреет! — и жизнь моя
Светлостеклянными струями
Бежит, как утлая ладья,
Бежит проворно, звонко, прятко.
И вот (подарок невелик,
Но от души — не от избытка)
Стихов отборных четверик
Тебе я шлю... На, ешь! Что? будет?..
Авось придет тебе на вкус...
А не придет — я не боюсь:
2) Не выдаст друг и не осудит!
Почтенный, добрый и прямой,
Неприхотливый, не сердитый,
Подарок старого пииты
Ты примешь ласковой душой,
Хоть он нелепый и пустой...

И СКУЧНО, И ГРУСТНО!

И скучно, и грустно, и некого в карты надуть.
В минуту карманной невзгоды...
Жена?.. но что пользы жену обмануть?
Ведь ей же отдашь на расходы!
Засядешь с друзьями, но счастья нет и следа
И черви, и пики, и всё так ничтожно.
Ремизиться вечно не стоит труда,
Наверно играть невозможно...
Крепиться?.. Но рано иль поздно обрежешься вдруг.
10 Забыв увещанья рассудка...
И карты, как взглянешь с холодным вниманьем вокруг,
Такая пустая и глупая шутка!..

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

(Из записок борзописца)

О, не верьте этому Невскому проспекту!..
 боже вас сохрани заглядывать дамам под шляпки! Как ни развеялся вдали плащ красавицы, я ни за что не пойдю за нею любопытствовать. Далее, ради бога далее от фонаря! и скорее, сколько можно скорее, проходите мимо. Это счастье еще, если отделаетесь тем, что он выльет щегольской куртки ваш вонючим своим маслом. Но и кроме фонаря всё дышит обманом. Он лжет во всякое время, этот Невский проспект, но всего более тогда, когда ночь сгущенною массою наляжет на него и отделит белые и палевые стены домов, когда весь город превратится в гром и блеск, мириады карет вьются с мостов, форейторы кричат и прыгают на лошадях, и когда сам демон зажигает лампы для того только, чтобы позвать все не в настоящем виде.

- Я на Невском проспекте гулял
 И такую красавицу встретил,
 Что как время прошло, не видал,
 И как нос мой отмерз, не заметил.
 Лишь один Бенедиктов бы мог
 Описать надлежащим размером
 Эту легкость воздушную ног,
 Как, на зло господам кавалерам,
 Избегала их взоров она,
- 10 Поклоняя лукаво головку
 И скользя, как по небу луна...
 Но начал я, счастливец! плутовку,
 Деликатно вперед забежал
 (А кругом ее публики пропасть)
 И «куда вы идете?» — сказал,
 Победив(ши) врожденную робость.
 Ничего не сказала в ответ,
 Лишь надула презрительно губки,
 Но уж мне не четырнадцать лет!
- 20 Понимаем мы эти поступки.
 Я опять: «отчего ж вы со мной
 Не хотите сказать ни словечка?
 Я влюблен и иду как шальной,

И горит мое сердце, как свечка!»
 Посмотрела надменно и зло
 И сердито сказала: «отстаньте!»
 Слышу хохот за мной (дело шло
 При каком-то разряженном франте).
 Я озлился... и как устоять?
 30 На своем захотелось поставить...
 «Неужель безнадежно страдать
 Век — меня вы хотите заставить?» —
 Я сказал... и была не была!
 Руку взял... Размахнулась грозно
 И такую влодейка дала
 Оплеуху, что... вспомнить курьезно!
 Как, и сам разрешить не могу,
 Очутился я вмиг в Караванной,
 Всё судил и рядил на бегу
 40 Об истории этой престранной,
 Дал досаде и страсти простор,
 Разгонял ерофеичем скуку
 И всё щеку горячую тер
 И потом целовал свою руку —
 Милый след всё ловил на руке
 И весь вечер был тем озабочен...
 Ах!.. давно уж на бледной щеке
 Не бывало приятней пощечин!

КАРП ПАНТЕЛЕИЧ И СТЕПАНИДА КОНДРАТЬЕВНА

Поэма в индийском вкузе

1

Жил-был красавец, по имени Карп, Пантелея
 Старого сын, обладатель деревни Сопелок
 (Турово тож); трехаршинного роста детина,
 Толстый и красный, как грозды калины созрелой —
 Ягоды сочной, но горькой, — имел исполинскую силу,
 Так что в Сопелках героя, подобного Карпу,
 Не было, нет и не будет; между мужиками
 Он сиял, как сияет солнце между звездами.
 Раз на рогатину принял медведя, а волка,

10 Жива и здрава, однажды в село притащил за полено¹;
Храбро смотрел на широкое горло ведерной бутылки,
Кашей набитый бурдюк поглощал как мельчайшую птичку,
Крепкий мышцею, емкий гортанью, прекрасного пола
Первый в Сопелках прельститель ;
.

...Таков-то

Карп Пантелеевич был. Но, к несчастью, и слабость
Также имел он великую: в карты играть был безмерно
Страстен. — В это же время владел Вахрушовым обширным
Менкин, Кондратий Степаныч, весьма благодушный
и плотный мужчина.

20 Долго бездетен он был и обет произнес пред судьбою
.

Только б судьбы всеблагие его наградили
Сладким родительским счастьем — и небо ему даровало
Трех сыновей и дочь. Сыновья назывались: первый
Сидор, Федор другой и Венедикт третий, а имя
Дочери было дано Степанида. Мальчики были
Тощи и желты; звездой красоты расцвела Степанида.
Прелесть ее прошла по губернии чудной молвою.

Горничных девок и баб окруженная роем, как будто

30 Свежим венком, сияла меж них Степанида, сияла,
Будто малина в крапиве. Не только в уезде,
Даже в губернии самой, где лучшие жены
Очи чаруют, подобной красы не видали:
Прелесть ее могла привлечь и губернских надменных,
Гордых чиновников в город уездный и даже
В скромный приют деревенский.

2

Однажды, под вечер,

Проса пригоршню похитив тихонько в амбаре
(С доброю целью не грех иногда и похитить!),
Дева идет к ручейку, где встречать уж издавна

40 Гуси-любимцы привыкли кормилицу-деву...
Весело корм шелушат с алебастровых ручек
Добрые птицы дворные и взор благодарный возводят
К деве прекрасной, как будто любуются ею.

¹ Хвост волка у охотников называется *поленом*.

Только один и не ест и приветливой ласки не ищет.
Тщетно к нему простирая обильную кормом
Длань, подзывает его изумленная дева:
Он не подходит. Вот она ближе к нему, а он дальше;
Дева за ним — он всё дальше... и странно
Ей показалось, что сделалось с гусем? «Постой же! —
⁵⁰ Думает: — я тебя так не оставлю, проказник; поймаю
И за побег накажу — накормлю хорошенько!»
Просо за пазуху всыпав и платице кверху поднявши
(Был уже вечер, и небо обильно росилось),
Ручки к нему простирает и ловит, как серна
Вслед беглецу устремляясь и алые губки кусая,
Полные милых упреков, в досаде. И вот уж накрыла;
Вот уж готова схватить; но опять непокорный
Вырвался, снова отшибся далеко — и снова,
Стан распрямив серновидный, бежит утомленная дева.
⁶⁰ С версту и более так пробежала: но тщетны
Были усилья красавицы, силы уж ей изменяют,
Дух занимается — хочет бежать и не может...
Стала: кругом оглянулася. Вправо окраина леса,
Дальше просторная нива, покрытая рожью; налево...
«Боже! какая картина!..» И скромно потупила очи
Робкая дева и в страхе дыханье удерживать стала..

3

Влево была небольшая поляна, и кусты
Шли от нее далеко и с самим горизонтом сливались,
С края же кустов (и вот что стыдливую деву смутило)
⁷⁰ Кто-то лежал, устремившись очами на небо
И выпуская дымок из коротенькой трубки с оправой.
Был он красив; в голубую венгерку с кистями
Затянут; обут в сапоги до колен и украшен
Желтой ермолкой с зеленою кистью; лежала
Пара лягавых собак близ него, и смотрело
Смерть наносящее дуло ружья из куста. Удалиться
Силы собравшая дева хотела, но снова
Силы ей вдруг изменили; осталась и долго,
Долго смотрела, забыв и стыдливость, и гуся,
⁸⁰ И всё, что ни есть на земле. В упоены,
С сердцевластительным взором, с улыбкой, чарующей
душу,

Молча стояла, молча глядела и таяла тайным
Пламенем... Вот бы итти; победила влеченье
Страстное... Вдруг встрепенулся — подходит
Прямо к охотнику гусь, распутив златоперые крылья,
Дерзко крича и длинной главой помавая.

Бросились псы, оглянулся охотник и видит:
Сладкоприветная дева пред ним; как с неба слетевший
Ангел она прекрасна была, и прелесть любви окружала

90 Нежные члены ее, жажду любви пробуждая.

Муку любви почувствовал Карп при виде волшебного,
Стройного стана ее; приподнялся и рухнул снова
Он на колени пред нею, и речь полилася потоком,
Словно с горы сладковзвучные волны, словно из бочки
Мед искрометный на дно ендовы позлащенной.

4

Грусть и тоска вонарились в селе Вахрушове. Печальна,
Бродит одна Степанида и тайную думает думу:
После того, что сказал ей охотник, влюбленная дева,
Словно как будто с собою расставшись, была беспрестанно

100 С Карпом прекрасным. Ни вкусный крыжовник, ни вишни,
Ниже галушки ее не прельщают; то в землю
Взоры потупит, то в милым Сопелкам (Турово тож) их

поднимет

С темной надеждой и с полной тяжкими вздохами грудью;
Временем щеки — как жар, временем бледные; очи
Полные слез, засохшие губы, и все в беспорядке,
Мысли, как волосы... День и ночь Степанида вздыхала,
Слабая, томная; не было ей ни сна, ни постели,
Ниже покоя на месте ином, и Кондратий Степанч,
Нежный родитель ее, услышавши, что дочь Степанида

110 *Свой покой потеряла*, обедать не мог, и простыли
Даром ленивые щи, и вареники так простояли...

К счастью, недолго тоска вострозубая грызла
Жителей добрых села Вахрушова. Однажды,
Только что сели за стол и разрезали чудный
Кашей набитый пирог, и главою семьи на тарелку
Было уж взято три доли, и он, уж схвативши
Мощной рукою одну, обдававшую паром, разинул
Насть и как тигр показал серо-желтые зубы,—
Вдруг подлетела к крыльцу таратайка, и сваха

- 120 В комнату шашть. Изменилась в лице Степанида,
Вон убежала в испуге. Сваха за ней быстро, как за робкой
Ланию пес разъяренный, и вот Степанида
С нею одной осталась одна, и тут, приосанясь,
Сваха сказала почтительным голосом ей: «Степанида,
Свет мой Кондратьевна! в Турове Карп Пантелеич,
Барин добрейший, живет-поживает, и нет и не будет
В свете красавца такого, — верь чести, не лгу я,
Лопни глаза, расступись мать сыра земля, выгний
Зубы во рту до единого. Если б его ты женою
- 130 Стала, какой бы родился у вас постреленок... о чудо!
Выдь за него, осчастливь и его, и себя ты навеки —
Ты, тихонравная, сладкоприветная, добрая девка!
Много на жизни людей повенчала я, много
Всяких даров и побой приняла за услуги,
Много наделала жен и мужей, но доньне
Встретить красавца такого, как он, не случилось.
Кралья червонная ты, а твой Карп Пантелеич
Просто козырный король — выбирай, какой любишь ты
масти!»
- Так говорила злохитрая сваха. Меж тем Степанида,
140 Слушая, радостно рдела; потом в ответ прошептала,
Вся побледнев от любви: «*скажи ты то же и Карпу*»,
Быстро оделась сваха, уселась опять в таратайку,
Ехать в Сопелки велела и там, за графином настойки,
Карпу влюбленному всё рассказала.
Слушая жадно, почтенный сын Пантелея, рюмку за рюмкой
глотая,
Радостно рдел... Благодарного полный восторга,
Обнял старуху, сладко рыдая, и целую сотню
Собственной травли заячьих шкур подарил ей на шубу...

ПОСЛАНИЕ К ДРУГУ (ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ)

Так мы готовимся, о други!
На достохвальные заслуги
Великой родине своей...

И. Языков

Друг, товарищ доброхотный!
Помня, чувствуя, любя,
Кубок первый и почетный
Пью в чужбине за тебя.

Мил мне ты!.. Недаром смлада
 Я говаривал шутя:
 «Матерь! вот твоя отрада!
 Пестуй бережно дитя.
 Будет Руси сын почтенный,
 1⁰ Будет дока и герой.
 Будет наш — и непременно
 Будет пьяница лихой!»
 Не ошибся я в дитяти,
 Вырос ты удал и рьян
 И летишь навстречу братий
 Горд, и радостен, и пьян!
 Горячо и лихо-славно
 Сердце русское твое,
 Полюбил ты достославно
 2⁰ Нас развившее питье.
 Весь ты в нас!.. Бурлит прекрасно
 В жилах девственника кровь,
 В них восторженно и ясно
 К милой родине любовь
 Пышет. Бойко и почтенно
 За нее ты прям стоишь...
 С ног от штофа влаги пенной.
 Влаги русской — не слетишь!
 Враг народов иностранных,
 3⁰ Воеватель удалой,
 Ты из уст благоуханных
 Дышишь родине хвалой,
 Доли жаждешь ей могучей...
 Беспредельно предана
 Ей души твоей кипучей
 Ширина и глубина!..
 И за то, что Русь ты нашу
 Любишь — речь к тебе держу,
 И стихом тебя уважу,
 4⁰ И приязню награжу.
 Будь же вечно тем, что ныне:
 Своебытно горд и прям,
 Не кади чужой святыне,
 Не мирволь своим врагам;
 Не лукавствуя и пылко
 Уважай родимый край:

Гордо мужеству с бутылкой —
 Ни на пядь не уступай,
 Будь как был!.. За всё за это,
 50 Да за родину мою,
 Да за многи, многи лета
 Нашей дружбы — днесь я пью...
 Пью... величественно-живо
 В торжествующий стакан
 Одурающее диво
 Ущедренных небом стран
 Льется. Лакомствуя мирно,
 Наслаждаюсь не спеша...
 Но восторженностью пирной
 60 Не бурлит моя душа.
 Хладных стран заходный житель,
 Здесь почетно-грустен я:
 Не отцов моих обитель
 Здесь — не родина моя!
 То ли дело, как бывало,
 Други, в нянином дому
 Бесподобно, разудало
 Заварим мы кутерьму!..
 Чаши весело звенели,
 70 Гром и треск; всё кверху дном!
 Уж мы пили! уж мы пели!..
 В удовольствии хмельном
 Вам стихи мои читал я...
 Сотый чествуя бокал,
 Им читанье запивал я
 И, запивши, вновь читал.
 Благосклонно вы внимали...
 Было чудное житье:
 Други мне рукоплескали,
 80 Пили здравие мое!
 Здесь не то... Но торжествую
 Я и здесь порой, друзья.
 Счастье! фляжку — и большую —
 У матросов добыл я
 Влаги русской... Как Моэта
 Мне наскутит легкий хмель,
 Пью и потчую соседа...
 Объяденье! богатель!

И вот подрос ребенок несравненный.
Ее родитель, человек степенный,
В деревне прожил ровно двадцать лет, —
10 Сложились барышня; потом созрела...
И стала на свободе жить без дела,
Невыразимо презирая свет.

Она слыла девицей идеальной;
Имела взгляд глубокий и печальный;
Сидела под окошком по ночам —
И на луну глядела неотвязно,
Болтала лихорадочно, несвязно...
Торжественно молчала по часам. —

Въедалась в немецкие книжонки,
20 Влюблялася в прекрасные душонки —
И тотчас отрекалась... навсегда...
Благословляла, плакала, вздыхала,
Пророчила, страдала... всё страдала!!!
И пела так фальшиво, что беда.

И вдруг пошла за барина простого,
За русака дебелого, степного —

.

На мужа негодуя благородно,
Ему детей рожала ежегодно

30 И двойней разрешилась наконец.

Печальная, чувствительная Текла
Своих людей не без отрады секла;
Играла в карточки до петухов,
Гусьями занималась да скотиной —
И было в ней перед ее кончиной
Без малого — четырнадцать пудов.

СТАРУШКЕ

Когда еще твой локон длинный
Вился над розовой щекой,
И я был юноша невинный,
Чистосердечный и пустой, —
Ты помнишь: кой о чем мечтали
С тобою мы по вечерам
И волю полную давали

Души рассказчикам — глазам.
И много высказалось взором
10 Желаний тайных, тайных дум;
Но победил моральным вздором
В нас сердце искаженный ум.
И разошлись мы полюбовно,
И страсть рассеялась как дым...
И чрез полжизни хладнокровно
Опять сошлись мы — и храним
Молчанье тягостное...

Так-то!

Когда б к избытку сил молодых
Побольше разума и такта —
20 Не так бы вял и горько-тих
Был час случайной поздней встречи,
Не так бы сжала нас печаль,
Иной тоской звучали б речи,
Иначе было б жизни жаль...

1 8 4 7

*
* * *

В один трактир они оба ходили прилежно
И пили с отвагой и страстью безумно мятежной,
Враждебно кончались их биллиардные встречи,
И были дики и буйны их пьяные речи.
Сражались они меж собой как враги и злодеи
И даже во сне всё друг с другом играли.
И вдруг подрались... Хозяин прогнал их в три шеи
Но в новом трактире друг друга они не узнали...

1 8 4 8

*
* . *

Когда горит в твоей крови
Огонь действительной любви,
Когда ты сознаешь глубоко
Свои разумные права,

Верь: не убьет тебя молва
Своею клеветой жестокой!

Постыдных, ненавистных уз
Отринь насильственное бремя
И заключи — пока есть время —
10 Свободный, по сердцу союз!

Но если страсть твоя слаба
И убеждение не глубоко,
Будь мужу вечная раба,
Не то — расквасишься жестоко.

1 8 5 0

БУРЯ

Не любил я ни грому, ни бури
И боялся, когда по лазури,
Разрушенье и гибель тая,
Пробежит золотая змея.
Да вчера молодая соседка
Мне сказала: «в саду есть беседка —
Как стемнеет, туда приходи!»
Расходилося сердце в груди!
Я не знал, как я ночи дождуся,
10 Вдруг гляжу и поверить боюсь:
Обложилось небо кругом,
Блещет молния — буря и гром!
Проклиная докучную бурю
Пуще прежнего, брови я хмурю
И в беседку тоскуя иду,
Что соседки я там не найду:
«Ведь она и робка и ленива —
В бурю выйти ей из дому в диво —
И не верит, что счастье мое —
20 Целый мир исходить для нее!
Ах! люби она столько же страстно,
Не казалась бы буря опасна,
Не казалась бы ночь ей темна,
Да настолько ли любит она?..»

Без надежды вхожу я в беседку,
Озираюсь — и вижу соседку!
«Я боялась, что ты не придешь!..»

Не хочу, да и слов не найдешь
Передать эти жаркие речи,
30 Эту радость условленной встречи...

«Оба, друг мой, боялися мы,
Но не грому, не бури и тьмы:
Пусть там буря ревет нестерпимо,
Наша туча промчалася мимо,
Наше счастье тихо цветет,
Наше сердце любовью живет...»

Я сушил ее мокрые ножки,
И чем ярче блистали окошки,
Озаряясь мгновенным лучом,
40 И чем больше пугал ее гром,
Тем любви ее веря сильнее,
Наслаждался и жил я полнее,
И блаженной такой тишиной
Вял бури пронзительный вой
В эту черную ночь надо мной...

Не боюсь теперь грому и бури,
И когда по туманной лазури
Пробежит золотая змея,
Не робею, а радуюсь я...

1 8 5 4

ТРУЖЕНИК

(Признания новейшего Фальстафа)

Те, которых часто я встречаю
В час, как по Кузнецкому гуляю,
По моей громадной толщине
Закljučают ложно обо мне.

Помню, раз четыре господина
Говорили: «вот идет... детина!

Видно, нет заботы никакой —
С каждым годом прет его горой!»

Ах, когда б я был благополучен
10 В половину столько, сколько тучен,

Ничего бы в жизни не хотел...
Но увы! ужасен мой удел...

Я тружусь, я мучусь через силу
И сойду безвременно в могилу...

А за что?.. Я кроткий человек,
Я собаки в жизни не посек!

Всякий в мире чем-нибудь тщеславец.
Тот гордится тем, что он забавен,

А другой, что мрачен как чума:
20 Устает под бременем ума!

Тот богат, тот беспредельно беден...
Я горжуся тем, что я безвреден...

Так хранит непроходимый бор
Никому не вредный мухомор

В глубине своей... Мое наследство
Получив чуть-чуть не с малолетства,

Стал я жить, как говорится, всласть,
Не учась ни занимать, ни красть.

Я не плут, не честный спекулятор,
30 Не крючок и даже не плантатор.

Не служа, к отличию дорог
Никому я перебить не мог.

Ни умом, особенно блестящим,
Ни богатством, по свету гремящим,

Ни азартом рук или речей —
Я ничем не оскорбил людей, —

Самому не быть бы только битым
Да владеть хорошим аппетитом

Я хочу. Но не дает господь!
40 Извожу я собственную плоть:

Для поддержки сил ослабших нужен
Мне обед достаточный и ужин,

И чтоб к ним себя готовить,
Должен я — гулять, гулять, гулять!

Чуть проснусь, кувшинчик выпью квасу,
«Одевай!» — тотчас кричу Протасу.

(Адски глуп и копотлив Протас:
Одевает часто целый час,

Да зато повязывать мне шею
50 Допускать его я не робею:

Предан мне — и хоть совсем не франт,
Мастерски устраивает бант.

Честь ему!.. тем более, что кос он...)
Наконец, одет я и причесан...

Палку в руки, шляпу набекрень —
И пошли мученья на весь день...

Как пройду я первые ступени,
Подогнутся, задрожат колени;

А как вовсе с лестницы сойду,
60 Кажется, как будто я в аду:

Тут одно желанье и старанье —
Как-нибудь перевести дыханье;

Стукотня ужасная в висках,
Пот на лбу и слезы на глазах,

Словно кто свистит и дует в ухо,
И как волны в бурю ходит брюхс!

Отошедши несколько шагов,
Я совсем разбит и нездоров;

Сел бы в грязь, так жутко и так тяжко,
70 Да грозит чудовище-Кондрашка

И твердит, как Вечному Жиду,
Всё: «иди, иди, иди!..» Иду...

Из коляски высунется дама
И в лицо мне засмеется прямо,

Крикнет мальчик с хохотом: «ура!
Посмотрите: катится гора!..»

(А старик лакей, за мной идущий,
Вдруг икнет и захохочет пуще.)

Тот кричит: «влеплю в политипаж!» —
И готов уж вынуть карандаш;

А другой своим заметит дамам:
«Полюбуйтесь сим гиппопотамом!»

Кучера по-своему острят
И, смеясь, друг другу говорят:

«Если б в брюхо и попало дышло,
Чай, насквозь оно бы ведь не вышло?..»

Так, извне насмешками язвим,
Изнутри изжогою палим,

Я бреду... Пальто, бурнусы, шляпки,
90 Смех мужчин и дам нарядных тряпки,

Экипажи, вывески, друзья —
Ничего не замечаю я!..

Чуть живой, сердитый и угрюмый,
Я одной весь преисполнен думой:

Как бы время поскорей убить?
И хоть малый голод ощутить?..

То и знай справляюсь я с часами,
Услаждаюсь вкусными мечтами

О хороших яствах и о том,
100 Что дадут сегодня за столом:

С вечера я знаю карту клуба.
(Вообще, моя не дура губа —

Я поесть умею хорошо
И люблю, чтоб было всё свежо...)

Наконец... счастливая минута!..
Скоро пять — неведомо откуда

Силы вдруг возьмутся... Как зефир,
Я лечу домой, или в трактир,

Или в клуб... Теперь я жив и молод,
110 Я легок: я ощущаю голод!..

Ах, поверьте! счастье не в том,
Чтоб блистать чинами и умом, —

Наше счастье бродит меж холмами
В бурой шкуре, с дюжими рогами!..

Впрочем, мне распространяться лень...
Дней моих хранительная сень,

Здравствуй, клуб!.. Почти еще ребенок,
В первый раз, и сухощав, и тонок,

По твоим ступеням я всходил:
120 Ты меня взлелеял и вскормил!

Честь тебе, твоим здоровым блюдам!..
Если кто тебя помянет худом,

Не сердись, не уличай во лжи:
На меня безмолвно укажи!

Уголок спокойный и отрадный!
Сколько раз, в час бури беспощадной,

Думал я, дремля у огонька:
«Жизнь моя приятна и легка.

Кто-нибудь теперь от стужи стонет,
130 Кто-нибудь в сердитом море тонет,

Кто-нибудь дрожит... а надо мной
Ветерок не пролетит сквозной...

Сколькох ты пригрел и успокоил
И в объеме, как меня, утроил!

Для какого множества людей
Заменил семейство и друзей!..»

Впрочем, время начинать нагрузку..
Нападаю рьяно на закуску.

О, мои заклятые враги —
140 Ветчина, копченые сиги,

Балыки, икорка и селедки!..
Съел всего, два раза выпил водки...

А!!!! несут уху из стерлядей..
Ну, теперь, желудок мой, — смелей!

Предстоит тебе — не ужасайся! —
«Натиск лют и гнет велик» — раздайся!

За жабо салфетку я заткнул,
Рукава у ффрака отвернул

И засел! Я не даю потачки
150 Ни ухе, ни жирной кулебячке,

А десяток малых пирожков
Сам собой проскочит меж зубов...

Чу!!! явилось блюдо солонины —
Разгорелись очи соколины!

Вместе с ним — приятель мой ростбиф —
Весь в гарнире... не ростбиф, а миф!

Я грибом чуть-чуть не подавился,
Да сосед, спасибо, умудрился:

Тумака такого дал, что гриб
150 Вылетел и к потолку прилип!

(Кто из нас не рад сердечно другу
Оказать подобную услугу?..

Но не всякий на руку легок:
Берегите шейный позвонок...)

Караси в сметане очень вкусны,
Да от них бывают мысли грустны:

Съел всего полдюжины... Легюм?
Не хочу!.. Боюсь холерных дум...

Я и так не спал намедни ночку...
170 Лучше съем пока телячью почку —

А меж тем жаркое подадут...
Вот оно... О поваришка плут!

Не гуська и не индюшку с рисом —
Дал дрозда: есть нечего и крысам!..

На свое, однакож, я навел:
Девятнадцать дроздигов уплел!..

В заключенье съел я форму крему,
Приподнять себя велел Ефрему,

Выпил чашку кофе и спросил
180 Коньяку — для освеженья сил...

К сожаленью, счастье непрочно,
За столом блаженствовал я, точно,

Да потом... ну, много ли поел?..
Как тюлень морской отяжелел!

Перешла обеденная живость
В беспокойство, тупость и сонливость;

На желудке чувствовал бревно,
И на фраке лопнуло сукно:

Пуговица звонко отскочила
190 И слегка кому-то глаз подбила

(Извинился вяло и с трудом —
Было лень ворочать языком).

Отпиваясь разными водами,
Всех пугал кровавыми глазами;

Так дышал, что лампу погасил
И по всей бильярдной начал;

Так храпел, уснувши на минутку,
Что весь клуб обидел не на шутку...

И притом случился кошмар,
200 Я кричал: «пожар! пожар! пожар!» —

Чудилось: вертится пред глазами
Красный жук с огромными усами,

И корова, с голубым хвостом,
Раскаленным дразнит языком!

Бес твердит: «давай скорее душу!»
Я в ответ: «погибну, а не струшу!..»

Хоть всего в былинку иссуши...
Ты дурак: нет у меня души!..»

210 Тут меня соседи окружили
И водой холодной окатили.

Слышу толки: «видно, паралич!» —
«С кем? Когда?» — «Увы, Фома Фомич!» —

«Так его Кондрат-таки прихлопнул?» —
«Я дивлюсь, как он давно не лопнул...» —

«Ни один обжора-камчадал
Вполовину столько не съедал...» —

«Вот теперь обрадуется повар!..»
Слушая сей неприличный говор,

220 Я слегка потрогал каждый член:
Никаких не видно перемен,

Лишь чуть-чуть подергивает брови
И глаза... пустой приливчик крови!

Я взглянул — весь клуб передо мной:
Тот качает грустно головой,

Тот глаза без разговоров пялит,
Тот, под видом состраданья, жалит,

Тот зовет товарищей играть:
«Что напрасно время нам терять?»

Ни кому нет нового нимало:
230 Протянулся дюжий объедало!...»

(Таково участие людей) —
Сам себе сказал я: «не робей!» —

Постепенно с мыслями собрался
И вперед есть менее поклялся...

Но я слаб — заметить вы могли, —
На чугунок устриц привезли,

И рассудок был обезоружен,
Сокрушил я надлежащий ужин,

И ведь что ж?.. Всё сняло как рукой!..
240 С той поры обычной чередой

Ем обеды, ужины, закуски.
Сюртуки мне ежегодно узки —

Ничего! В последние года
Изобрел я средство, господа,

Утучнять домашних птиц породу.
Каждый день в дождливую погоду

Захожу в свободные часы
Индюков прикинуть на весы.

Глупые, но добрые творенья!
250 Довожу я их до ожиренья

И потом съедаю... Жил бы власть,
Да гулянье — вот моя напасть!..

Рад не рад — идешь, как до прогулки
В рот нейдет кусочек малый булки;

Да вопрос: ходить-то какво?..
Верьте мне: нет хуже ничего!

Я тружусь, потею через силу
И сойду безвременно в могилу...

А за что? Я кроткий человек,
260 Я собаки в жизни не посек!

Потому — столь тяжкое несчастье,
Смею думать, вызовет участие.

Пусть узнает публика, что тот,
Кто счастливец по виду слывет,

Далеко не так благополучен,
Как румян и шаровидно тучен.

* * *

Пробил час!.. Не скажу, чтоб с охотой
В мир вступал я моею чредою...
Что́ голов, убеленных заботой!
Сколько лиц, омраченных тоскою!
Благородным проникнуты гневом,
Пусть бы старцы глядели серьезно...
Но пристало ли юношам, девам
Сокрушаться и хмуриться грозно?..
Слышу всюду один я вопрос:
10 «Новый год! что ты миру принес?..»

Всколыхнется ли бурей полсвета,
Тишина ль процветет над землею —
Всё поглотит бездонная Лета,
Всё законной пройдет чредою.
Настоящее станет прошедшим,
Но сойду ли я в темное царство,
Как предшественник мой — сумасшедшим,
Окровавленным, полным коварства,
Или буду умней и светлей —
20 Эта тайна в деснице моей!

Всё на свете старо, как могила,
Всё уж было и будет всегда:

Ум и глупость, бессилье и спла,
Зависть, гнев, клевета и вражда;
По навек благородно и ново,
Никому надоест не умело —
Вдохновенное, светлое слово
И великое, честное дело...
Слов таких, а особенно дел
30 И побольше бы видеть хотел!..

1 8 5 5

РУССКОМУ ПИСАТЕЛЮ

Напрасно быть толпе угодней
Ты хочешь, поблажая ей —
Твое призванье благородней,
Писатель родины моей!

Ее ты знаешь: не угодник
Полезен ей. Пришла пора!
Ей нужен труженик-работник
На почве Мысли и Добра.

Служи не славе, не искусству, —
10 Для блага ближнего живи,
Свой гений подчиняя чувству
Всеобнимающей любви.

И если ты богат дарами,
Их выставлять не хлопочи:
В твоём труде заблещут сами
Их животворные лучи.

Взгляни: в осколки твердый камень
Убогий труженик дробит,
А из-под молота летит
20 И брызжет сам собою пламень...

II. ИСКЛЮЧЕННОЕ АВТОРОМ ИЗ ОСНОВНОГО ТЕКСТА

1852

СТАРИКИ

Песизбежные папасти,
Время лет, трудов и зла
Унесли из нашей страсти
Много свету и тепла.

Сердце — времени послушно —
Бьется ровной чередой,
Расстаемся равнодушно,
Не торопимся домой.

Что таиться друг от друга?
¹⁰ Поседел я — видишь ты;
И в тебе, моя подруга,
Нету прежней красоты.

Что ж осталось в жизни нашей?
Ты молчишь... печальна ты...
Не случилось ли с Парашей —
Сохрани господь — беды?..

III. НЕОПУБЛИКОВАННОЕ ПРИ ЖИЗНИ

1828

* * *

Любезна маменька, примите
Сей слабый труд
И рассмотрите,
Годится ли куда-нибудь.

1832

* * *

Намазав брови салом
И сделавшись чудаком,
Набелил лицо крахмалом,
Чистит зубы табаком.

* * *

Хоть все кричи ты: «луку! луку!»
Таскай корзину и кряхти —
Продажи нет, и только руку
Так жмет, что силы нет нести!

1839

<В АЛЬБОМ МАРИИ ФЕРМОР>

На скользком море жизни бурной
Пусть ваша скромная ладья
Плывет по гладкости лазурной
До темной цели бытия

Без бурь, без горя, без несчастья...
Пушкой роскошные мечты
Вас подарят годами счастья,
Слетя с безбрежной высоты...
Пушкой убийственная скука
От вас далеко улетит,
И никогда печалей мука
Младого сердца не смутит.

1840

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Как много дум наводит день рождения!
Как много чувств в душе он шепчет!
Тот от души его благословит
И проведет с друзьями в наслажденье.
А есть другой... Болезней и уныл,
Бежит под сень родительских могил
И там, в пылу преступного раздумья,
Его клянет и просит у небес
В удел земной, как милости, безумья,
Чтоб страшный день из памяти исчез!..
Безумен тот, кто рад ему; безумен,
Кто упрекать и клясть его посмел.
Счастливы — чей лик ни праздничен, ни думен,
Кто перед ним ни вырос, ни сробел;
Кому с собой ни радости беспечной,
Ни горьких мук тот день не принесет;
Кому шепчет, что жизнь не бесконечна,
Что больше он, быть может, не придет!

В АЛЬБОМ

Не помясть старого обычай поэтов
Стихами воспевать красавицу свою —
Причиною тому, что никаких куплетов,
Красавица моя, тебе я не пою,

По чувство сладкого и гордого сознания,
Что выше ты похвал, как выше описание
Мадонна — полная нетленной красоты,
Чистейшей прелести и чудной простоты,
Перед которою чем глубже впечатление,
10 Тем молчаливней восхищенье...

1843

* * *

...И он их не чуждался в годы оны
И вычитал оттуда, что она
Курит сигары, носит панталоны
И с мужем развелась и влюблена
В какого-то повесу...

1844

ДЕТСТВО

Родился я в губернии
Далекой и глухой
И прямо встретил тернии
В юдоли сей земной.
Чуть от земли завидели,
Тотчас же припились
Пороть меня родители:
«Не шляйся, не ленись!» —
Отец мой приговаривал:
10 «Ты скот — не человек!»
И так меня прожаривал,
Что не забыть вовек!
От матери украдкою
Меня к себе сажал
И в рот мне водку гадкую
Но кашле наливал:
«Ну, заправляйся смолоду,
Дурашка, подрастешь,

Не околеешь с голоду,
20 Рубашку не пропьешь!» —
Так говорил — и бешено
С друзьями хохотал,
Когда я, как помешанный,
И падал, и кричал...
Полакомивши коркою
Частенько при чужих:
«Ну, — говорил, — четверкою
Катни-ка на своих!»

Плод дало воспитание:
30 Я десяти годов
Уж приобрел познание,
Что значит полуштоф.
Отлично в подкаретную
С мальчишками играл,
Имел наружность бледную —
Что делать! — много знал!
По грошику откладывал,
Надул уж кой-кого;
Отец на все поглядывал,
40 Не видя ничего.
Бранился со старухою,
Клал за щеку табак
И часто за сивухою
Гонял меня в кабак;
Жил бедно удивительно,
Мне не давал гроша,
Но пьяный был решительно
Добрейшая душа.
Нередко даже вместе я
50 Тянул с ним ерофей,
А он твердил мне: «бестия!
Не шлейся и не пей!»
Когда ж поймает в шалости,
Спокоен и жесток,
Без гнева и без жалости
Берет свой посошок.
От страху рот разину я,
Сплетать примуся ложь —
А он меня дубиною,

60 А я опять за то ж!..
Так времечко катилось
Без горя и без бурь,
Но вдруг беда случилась:
В отца вселилась дурь.
Небритый, как страшилище,
Он месяц кряду пил
И вдруг меня в училище
Отправить рассудил.
Мать плакала, томилася,
70 Не ела по три дня,
Вздыхала и молилася,
Просила за меня.
Пешком итти до Киева
Хотела, но слегла,
И с просьбой: «не губи его!»
В могилу перешла.
Немытый, неприглаженный,
Бежал я босиком,
Как в церковь гроб некрашенный
80 Везли большим селом.
Я слезы непритворные
Руками утирал,
И волосенки черные
Мне ветер развевал.
Мир праху добродетельной!
Отец грустил, рыдал,
Но тщетно добродетельной
Я перемены ждал.
Не изменил решения,
90 Изрядно куликнул,
Дал мне благословение,
Полтинник в руку ткнул,
Влепил с немym рыданием
В уста мне поцелуй...
«Учися с прилежанием,
Не шляйся, не вору!» —
Сердечно, наставительно
Сказал в последний раз,
Махнул рукой решительно,
100 И кляча пошлепалась...

МОИ ДЕТСКИЕ ГОДЫ

ИЗ ПРИЗНАНИЙ БЕЛОПЯТКИНА

〈Позднейший вариант «Детства»〉

Глава первая

Родился я в губернии
Далекой и глухой
И прямо встретил тернии
В юдоли сей земной.
Чуть от земли завидели,
Тотчас же принялись
Пороть меня родители.
«Не шлейся! не ленись! —
Папаша приговаривал: —
10 Ты жук — не человек!»
И так меня прожаривал,
Что не забуду век!..
При правильном питании
Скажу вам, господа,
В подобном воспитании
Ребенку нет вреда.
Лишь бей без раздражения
И розги намоча,
Чтоб членоповреждения
20 Не сделать сторяча.
Как человек практический
И малый с головой
Прием педагогический
Имел он и другой:
Раз с кумом Евстигнеевичем
Он сильно закутил,
Противным ерофеичем
И сына накатил:
«Ну, заправляйся смолоду,
30 Дурашка! подрастешь,
Не околешь с голоду —
Рубашки не пропьешь!..»
Напившись, как помешанный,
Я падал и кричал,
А он-то, разутешенный,
Любуясь, хохотал.

«На! закуси-ка коркою!
Травник уж больно лих...
Да ну теперь четверкою
40 Катя-ка на своих!..»

Хлебал я водку с тирею
В невинные года,
Но пред питейной бурей
Не дрогнул никогда.
На старости не пьянствую.
А налижусь, то тих.
В семействе не тиранствую,
Но в детстве был я лих.
С семи лет в подкаретную
50 С мальчишками попал,
Имел наружность бледную,
Что делать? много знал!
Но грошику покрадывал,
Обшарил кой-кого,
Отец на всё поглядывал,
Не видя ничего.
Бранил жену паскудою,
Звонил в колокола
И гнал меня с посудой
60 Зеленого стекла.

.

1 8 4 9

* * *

Среди моих трудов досадных
И жалких юности тревог,
Минут немного благодатных
С тобою проводить я мог.
Но чаще, потерпевшись муки,
Устав и телом и душой,
С запасом молчаливой скуки
Встречался мрачно я с тобой.

Ни смех, ни говор твой веселый
10 Не прогоняли мрачных дум.
Они бесили мой тяжелый,
Большой и раздраженный ум.
Я думал: нет в душе беспечной
Сочувствия душе моей.
И горе в глубине сердечной
Держалось дольше и сильнее.

Но скоро прерван был разлукой
Поток однообразных дней,
И стало то, что было мукой,
20 Единой радостью моей.
Стою один, как на кладбище
Прошедших невозвратных дней,
И образ твой светлей и чище
Рисуется душе моей.
Мне стали дороги и милы
Те грустно прожитые дни...
Как много нежности и силы
Душевной вызвали они!
И вспоминая с умилением,
30 Я пролил много сладких слез
И думал с тайным сокрушеньем:
Кто ж больше горя перенес —
Тот, кто по слабости позорной
Его бесплодно проклинал
Или кто радостью притворной
Его сквозь слезы прикрывал?..

1850

* * *

Стол накрыт, подсвечник вытерт,
Самовар давно кипит,
Сладковатый немчик Видерт
У Тургенева сидит.
По запросу господина

Отвечает певзпачай
Крепостной его детина,
Что «у нас-де вышел чай».
Содрогнулся переводчик,
10 А Тургенев возопил:
«Чаю нет! Каков молодчик!
Не вчера ли я купил?»
Замечание услышал
И отвечивал Иван:
«Чай у нас так скоро вышел
Оттого, что мал стакан».

НАСЛЕДСТВО

Скопчавшись, старый инвалид
Оставил страшное наследство:
Кем, сколько раз, когда был бит
До дней преклонных с малолетства, —

Он всё под цифрами писал
В тетрадку — с толком и раченьем
И после странный свой журнал
Читал с душевным умиленьем.

Так я люблю вспоминать
10 О днях и чувствах пережитых,
Читая пыльную тетрадь
Моих стихов — давно забытых...

1 8 5 3

<ТУРГЕНЕВУ>

Я посягну на неприличность
И несколько похвальных слов
Теперь скажу про эту личность:
Ах, не был он всегда таков!

Он был когда-то много хуже,
Но я упреков не терплю

<П> в этом боязливом муже
И всё решительно люблю.

Люблю его характер слабый,
10 Когда, повесив длинный нос,
Причудливой, капризной бабой
Бранит холеру и понос.

И похвалу его большую
Всему, что ты ни напиши,
И эту голову седую
При молоджавости души.

* * *

И так за годом год... Конечно, не совсем
Разнообразно... да зато спокойно,
Благонамеренно, благопристойно...
И благоприобретенье меж тем
Расти всё будет... Счастье малюток
Упрочится... Да что ж?.. И кроме шуток,
Чем худо? [а? решайся-ка, сестра,
А ежели когда-нибудь хандра
Найдет случайно...]

1 8 5 4

КАРЕТА

О филантропы русские! Бог с вами!
Вы испритворно любите народ,
А ездите с огромными гвоздями,
Чтобы впотьмах усталый пешеход
Или шалун мальчишка, кто случится,
Вскочивши на запятки, заплатил
Увечьем за желанье прокатиться
За вашим экипажем...

«ДРУЖНИЦА»

Мы, посетив тебя, Дружница,
Остались в верном барыше:
Хотя ты с виду благочинен,
Но чернокнижник по душе.
Пауцишь каждого веселью;
Полупленивое дитя,
Серьезно предан ты безделью,
А дело делашь шутя...
Весьма радушно принимаешь
10 Ты безалаберных друзей
И ни на миг не оставляешь
Ты аккуратности своей:
В чине различных угощений
Ты нам охоту снарядил
Среди наследственных владений...
И лист бумаги положил
Для чернокнижных возношений...

ЛЕТО

Умирает весна, умирает,
Водворяется жаркое лето.
Сердит муха, комар споровляет
Укусить — все роскошно лето!
Осознательно зреющий колос
Возвышается вровень с кустами.
По росе долетающий голос
Из лесов словно пахнет грибами...
От шмелей ненавистных лошадки
10 Забираются по ушам в волны.
Вечера соблазнительно сладки
И сознательной жаждою полны.
Прикликает самец перепелку,
Дергачи голосят сиповато,
Дева тихо роет иголку
И спешит, озираясь, куда-то.

А. Фет.

* * *

Ничего! гони во все лопатки,
Труден путь, да легок конь,
Дожигай последние остатки
Жизни, брошенной в огонь!

* * *

Зачем насмешливо ревнуешь,
Зачем, быть может, негодуешь,
Что Музу темную мою
Я прославляю и пою?

Не знаю я тесней союза,
Сходней желаний и страстей —
С тобой, моя вторая Муза,
У Музы, юности моей!

Ты ей родная с колыбели...

¹⁰ Не так же ль в юные лета
И над тобою тяготели
Забота, скорбь и нищета?

Ты под своим родимым кровом
Врагов озлобленных нашла
И в отчуждении суровом
Печально детство провела.

Ты в жизнь невесело вступила...

Ценой страданья и борьбы,
Ценой кровавых слез купила
²⁰ Ты каждый шаг свой у судьбы.

Ты много вынесла гонений,
Суровых бурь, враждебных встреч,
Чтобы святыню убеждений,
Свободу сердца уберечь.

Но устояв душою твердой,
Несокрушимая в борьбе,
Нашла ты в ненависти гордой
Опору прочную себе.

Ты так встречаешь испытанья,
30 Так презираешь ты людей,
Как будто люди и страданья
Слабее гордости твоей.

И говорят: ценою чувства,
Ценой душевной теплоты —
Презренья страшное искусство
И гордый смех купила ты.

Нет, грудь твоя полна участия!..
Когда порой снимаешь ты
Личину гордого бесстрашья
40 Неумолимой красоты,

Когда скорбишь, когда рыдаешь
В величьи слабости твоей —
Я знаю, как ты проклинаешь,
Как ненавидишь ты людей!

В груди, тремещущей любовью,
Вражда бесплодно говорит,
И сердце, обливаясь кровью,
Чужою скорбию болит, —

Не дикий гнев, не жажда мщенья
50 В душе скорбящей разлита —
Святое слово всепрощенья
Лепечут слабые уста.

Так, помню, истощив напрасно
Всё буйство скорби и страстей,
Смирялась кротко и прекрасно
Вдруг Муза юности моей:

Слезой увлажнены ланиты,
Глаза поиккнуты к земле,
И свежим тернием увитый
60 Венец страданья на челе...

1 8 5 5 — 1 8 5 6

* * *

Измученный бесплодною мольбою
Я с ней бродил по этим берегам
И побежден безумною тоскою
Стремительно при(бли)зился к волнам —
Они неслись и сладкозвучно пели,
На самый край обрыва я ступил,
Но волны вдруг сурово потемнели —
Невольный страх меня оледенил!..
Рука с рукой, любви и счастья полны,
¹⁹ Мы через год пришли на тот обрыв.
И помню, ты благословляла волны,
Сдержавшие безумный мой порыв.

ВСТРЕЧА

В сумерки в церковь вхожу я случайно.
Полно все в ней полумраком и тайной.
Две-три лампы, убого блестя,
Темные лики святых золотя, —
Слабых лучей не доносят высоко.
Робко поднявшись, пугливое око
Клонится долу, — хромой инвалид
Ходит с тарелкой и медью стучит.
Шопотом внятнм и медленным пищей
²⁰ Просит у бога покрова и пищи.
Тут же склоняется низко без слов
Пара старушечьих дряхлых голов..
И между ними — ужель не ошибка? —
Вледны ланиты — исчезла улыбка.
Бедная, бедная, скоро же ты
Чуждой лишилась своей красоты!
Так... и глаза, и черты — всё похоже..
Да... я узнал тебя... Боже мой, боже!
Что с тобой случилось! Каких перемен
²⁰ Ты натерпелась?.. Недавних времен
Помню я лучшие дни... Как, бывало,
После трудов и больной и усталый —
Жадно прохладой вечерней дыша,

Брел мимо окон твоих, не спеша,
 С матерью ты у окошка сидела,
 Весело шила и весело пела...
 Или уж мать на кладбище, а тот,
 Что мимо окон, бывало, спует
 И поцелуи тебе посылает...
 30 Что он, скажи, он бывал... он бывает?
 Стал он смелее, как мать умерла?
 Ты ему сердце свое отдала?
 Вижу я: стан твой немного полнее...
 Вижу: украдкой стыдливо краснея
 И нагибаясь горящим лицом,
 Хочешь ты скрыть его жалким платком.
 И за того теперь бога <ты> просишь,
 Чье ты под сердцем дитя теперь носишь.
 Кончилась служба. Пошел я за ней.
 40 Все рассказала мне бедная Маша...
 Да не минет тебя, черный злодей,
 Горя житейского полная чаша!

ПРОЩАНИЕ

Мы разошлись на полпути,
 Мы разлучились до разлуки
 И думали: не будет муки
 В последнем роковом прости,
 Но даже плакать нету силы.
 Пиши — прошу я одного...
 Мне эти письма будут милы
 И святы, как цветы с могилы —
 С могилы сердца моего!

* * *

Ты меня отослала далеко
 От себя — говорила мне ты,
 Что я буду спокоен глубоко,
 Убежав городской суеты.
 Это, друг мой, пустая химера —
 И как поздно я понял ее.
 Друг, во мне поколеблена вера
 В благородное сердце твое.

* * *

Не знаю, как созданы люди другие, —
Мне любви и дороги блага земные.

И милую землю, я солнце люблю,
Желаю, надеюсь, страстями киплю.

И жажду мой слух, и мой глаз любопытен,
И весь я в желаньях моих ненасытен.

Зачем <же> я вечно тоскую и плачу.
И сердце на горе бесплодное трачу?

Зачем не иду по дороге большой
10 За благами жизни, за пестрой толпой?

* * *

Не гордись, что в цветущие лета,
В пору лучшей своей красоты
Обольщения модного света
И оковы откинула ты, —

Что, лишь наглостью жалкой богаты,
В то кипучее время страстей
Не добились бездушные фаты
Даже доброй улыбки твоей,

В этом больше судьба виновата,
10 Чем твоя неприступность, поверь,
И на шею повеситься рада
Ты <нрав> будешь теперь.

* * *

Семьдесят лет бессознательно жил
Чернский помещик Бобров Гавриил.
Был он не то чтоб жесток и злонаравен,
Только с железом по твердости равен.

* * *

Кто долго так способен был
Прощать, не понимать, не видеть,
Тот верно глубоко любил,
Но глубже будет ненавидеть...

* * *

О, не склоняй победной головы
В унынии, разумный сын отчизны.
Не говори: погибли мы, увы! —
Бесплодна грусть, напрасны укоризны.

* * *

Так говорила < . . . > актриса отставная,
Простую речь невольно украшая
Остатками когда-то милых ей,
А ныне смутно-памятных ролей, —
Но не дошли до каменного слуха
Ее проклятья, — бедная старуха
Ушла домой с Наташею своей
И по пути всё повторяла ей
Свои проклятья черному злодею.

10

.
Ни разу сон его спокойный не встревожил
Ни чорт, ни шабаш ведьм: до старости он дожид
Спокойно и счастливо, денег тьму
Оставивши в наследство своему
Троюродному дяде... А старуха
Скончалась в нищете — неизвестно, глухо —
И чтоб купить на гроб ей три доски,
Дочь продала последние чулки...

* * *

Фантазии недремлющей моей
И опыта мучительного дети,
Вы — планы тысячи поэм и повестей —
Вы нерожденные должны поги<бнуть> в Лете.

* * *

И на меня, угрюмого, больного,
Их добрые почтительные лица
Глядят с таким глубоким сожалением,
Что совестно становится. Ничем
Я их любви не заслужил.

* * *

О, пошлость и рутина — два [гиганта],
Единственно бессмертные на свете,
Которые одолевают всё —
И молодости честные порывы,
И опыта обдуманый расчет,
Насмешливо и нагло выжидая,
Когда придет их время. И оно
Приходит непременно.

* * *

О сердце бедное мое!
Боюсь: ты скоро изнеможешь...
Простить не можешь ты ее...
Зачем же не любить не можешь?..

* * *

Еще скончался честный человек,
А отчего? Бог ведает единый!
В наш роковой и благородный век
Для смерти более одной причиной:
Не от одних завалов и простуд
И на Руси теперь уж люди мрут...
Понятна нам трагическая повесть
Свершившего злодейство: если он
Умрет, недугом тайным поражен, —
¹⁰ Мы говорим: его убила совесть...
Но нас не поражает человек,
На дело благородное рожденный
И грустно проводящий темный век
В бездействии, в работе принужденной
Или в разгуле жалком; кто желал
Служить Добру, кто сам себя ломал,
Готовый на немногом помириться,
Но присмирел и руки опустил,
В сознании своих напрасных сил —
²⁰ Успев, как говорят, перебеситься!
Не понимаем мы глубоких мук,

Которыми болит душа иная,
Внимая в жизни вечно-ложный звук
И в праздности невольной изнывая.
Нам юноша, стремящийся к добру,
Смешон — восторженностью странной,
А зрелый муж, поверженный в хандру,
Смешон — тоскою постоянной,
Покорствуя решению судьбы,
80 Не ищет он обидных сожалений,
И мы не видим внутренней борьбы,
Ни слез его, ни тайных угрызений,
И ежели сразит его судьба,
Нам смерть его покажется случайной,
И никому неинтересной тайной
Останется сокрытая борьба,
Убившая страдальца...

НЕИЗВЕСТНЫХ ГОДОВ

* * *

Если ты красоте поклоняешься —
Снег и зиму люби. Красоту
Называют недаром холодною.
Погляди ты коней на мосту,
Полюбуйся Дворцовой площадью
При сиянии солнца зимой:
На колонне из белого мрамора
Черный ангел с простертой рукой —
Не картина ли?

ТРУЖЕНИК

Я слушал, о мой друг, их пошлые рассказы
И твой постигнул приговор.
И в свете бегал их, как губительной заразы,
И отвращал от них свой взор.
Я видел, что они не поняли, что значит
Жить на земле. Пустой народ!

Он ходит, говорит, смеется, спорит, плачет
И, умирая, не живет.
И я, с тех пор, как дух могучего сознания
10 В моей душе заговорил,
Стал всё употреблять, чтоб жить венцом создания,
Как ни один из них не жил.
И предался душой волшебнице науке,
В ее бездонном тайнике
Ловил я чудные таинственные звуки
На непонятном языке.
Но, необъятная, она меня давила
Громадой стройною своей,
И, как с Иаковом, неведомая сила
20 Со мной боролась в тьме ночей.
И ослабел в борьбе, в нежданно грозной встрече,
Погряз в забвеньи и пыли —
Пусть поднял целый мир Атлас себе на плечи,
То был ничтожный мир земли,
А не науки мир!.. Средь этой страшной битвы
Я духом, телом ослабел.
И бодрость почерпнуть хотел в словах молитвы,
Но ум молиться не умел.
И бросился искать отрады в наслажденьи,
30 Но наслажденье так, как зло,
Не может в жизни дать покоя и забвенья,
И мне оно не помогло.
Я в жизни ко всему рвался, летел, стремился,
Но не достиг ни до чего.
И с грустью увидал, когда остановился,
Что я не сделал ничего.
А жажда знания в душе моей уснула,
Когда иссохла в жизни кровь.
Как Фауста, меня наука обманула,
40 Как Дон-Жуан, я обманул любовь!
Ты можешь ли понять, о друг мой, муки эти
Иль к воплям, жалобам ты глух?
Скажи мне сам, как должно *жить* на свете,
Что значит *жизнь*?..

IV. КОЛЛЕКТИВНОЕ

1846

〈ПОСЛАНИЕ БЕЛИНСКОГО К ДОСТОЕВСКОМУ〉

Вигязь горестной фигуры,
Достоевский, милый пыщ,
На носу литературы
Рдешь ты, как новый прыщ.

Хоть ты юный литератор,
Но в восторг уж всех поверг,
Тебя знает император,
Уважает Лейхтенберг,

За тобой султан турецкий
¹⁰ Скоро вышлет визирей.
Но когда на раут светский,
Перед сонмище князей,

Ставши мифом и вопросом,
Пал чухонскою звездой
И моргнул курносом носом
Перед русой красотой,

Как трагически недвижно
Ты смотрел на сей предмет
И чуть-чуть скоропостижно
²⁰ Не погиб во цвете лет.

С высоты такой завидной,
Слух к мольбе моей склоня,
Брось свой взор пепеловидный,
Брось, великий, на меня!

Ради будущих хвалений
(Крайность, видишь, велика)
Из неизданных творений
Удели не «Двойника».

Буду нянчиться с тобою,
30 Поступлю я, как подлец,
Обведу тебя каймою,
Помещу тебя в конец.

1 8 5 4

ЗАГАДКА

Художества любитель,
Тупейший, как бревно,
Аристократов читатель,
А сам почти г....

Поклонник вре-бонтона,
Армянский жантильйом,
Читающий Прудона
Под пальмовым листом...

< >

Друг мыслей просвещенных,
Чуть-чуть не коммунист,
Удав для подчиненных,
Перед Перовским — глист..

Враг хамов и каратель,
Сам хам и хамов сын —
Скажи, о друг-читатель,
20 Кто этот господин?

Кругом тебя сидят нагие шулера,
Пред вами водки штоф, селедка и икра.
Вы пьете, плещетесь — и пьете вновь до рвоты.
40 Какие слышатся меж вами анекдоты!
Какой у вас идет постыдный разговор!
И если временем пускаешься ты в спор,
То подкрепляешь речь не доводом ученым,
< >

Какое зрелище! По будущность твою
Еще ужаснее! Так, вижу, вижу я —
В газетной комнате, за «Северной Пчелою»,
С разбухшим животом, с отвислою губою,
В кругу обжорливых и вялых стариков,
50 Тупых политиков и битых игроков,
Сидишь ты — то икнешь, то поглядишь сонливо.
«Эй, Вася! трубочку!» — проговоришь лениво...
И тычет в рот тебе он мокрым янтарем,
Не обтерев его пристойно обшлагом.
Кури и нюхая, потя и вздыхая,
Вечерней трапезы уныло поджидая,
То в карты глянешь ты задорным игрокам,
То Петербург ругнешь — за что, не зная сам;
А там, за ужином, засядешь в колымагу —
60 И повлекут домой две клячи холостягу —
Домой, где всюду пыль, нечистота и мрак,
И ходит между книг хозяином прусаки,
И счастье еще, когда не встретит грубо
Пришельца позднего из Английского клуба
Лихая бабица — ни девка, ни жена!
Что ж тут хорошего? Ужели не страшна,
О друг наш Лонгинов, такая перспектива?

Опомнись, возвратись! Разумно и счастливо
С тобою заживем, как прежде жили, мы.
70 Здесь бойко действуют кипучие умы:
Прославлен Мухортов отыскиваньем торфа;
Из Вены выгнали барона Мейендорфа;
Милютин проект ту пользу произвел,
Что в дождь еще никто пролеток не нашел;
Языкова процесс отменно разыгрался:
Он без копейки был — без денежки остался;

Европе доказал известный Соллогуб,
Что стал он больше подл, хоть и не меньше глуп;
А Майков Аполлон, поэт с гнилой улыбкой,
Вконец оподлился — конечно, не ошибкой...
И Арапетов сам — сей штатский генерал,
Пред кем ты так смешно и странно трепетал —
Стихами едкими недавно пораженный,
Стоит, как тучный вол, обухом потрясенный,
И с прежней дерзостью над крутизной чела
Уж не вадымается тюльпан его хохла!

1 8 5 6

< АННЕНКОВ >

За то, что ходит он в фуражке
И крепко бьет себя по ляжке,
В нем наш Тургенев все замашки
Социалиста отыскал.

Но не хотел он верить слуху,
Что демократ сей черств по духу,
Что только к собственному брюху
Он уважение питал.

Да! понимая вещи грубо,
Хоть налегает он сугубо
На кухню Английского клуба,
Но сам пиров не задает.

И хоть трудится без оглядки,
Но всюду сеет опечатки
И в критиках своих загадки
Пераврешимые дает...

А впрочем, может быть и точно
Социалист он беспорочный...
Пора, пора уж нам понять,

Что может собственных Катонов
И быстрых разумом Прудонов
Российская земля рождать!

V. DUBIA

1 8 3 9

<ИЗ АФИШИ ДЛЯ «КАБИНЕТА ВОСКОВЫХ ФИГУР»>

.
Иван Иванович Штейнигерс
С саженой бородой...
Он был в немецком городе
Когда-то головой!

Вот и Вильгельм Васильевич
Тель, парень удалой,
Он храбро дрался с немцами
За город свой родной!

¹⁰

1 8 4 5

* * *

Он у нас осьмое чудо —
У него завидный нрав.
Неподкупен — как Иуда,
Храбр и честен — как Фальстаф.
С бескорыстностью жидовской,
Как хавронья мил и чист,
Даровит — как Тредьяковский,
Столько ж важен и речист.
Не страшитесь с ним союза,
¹⁰ Не разладитесь никак;

Он с французом — за француза,
С поляком — он сам поляк,
Он с татаринoм — татарин,
Он с евреем — сам еврей,
Он с лакеем — важный барин,
С важным барином — лакей.
Кто же он? <Фаддей Булгарин,
Знаменитый наш Фаддей>.

1 8 5 0

<ИЗ «СЕНТИМЕНТАЛЬНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ
ИВАНА ЧЕРНОКНИЖНИКОВА
ПО ПЕТЕРБУРГСКИМ ДАЧАМ» >

I

* * *

Прихожу на праздник к чародею:
Тьма народу там уже кипит;
За затеей хитрую затею
Чародей пред публикой творит.

Всё в саду торжественно и чудно,
Хор цыган по-старому нелеп,
Что же мне так больно и так трудно,
Отчего угрюм я и свиреп?..

Уж не жду сегодня ничего я,
10 Мой восторг истрачен весь давно:
Я могу лишь воспевать героя —
Как в нем всё велико и умно!

Он Протей! он истинный художник!
Как его проказы хороши!
И артист, и барин, и сапожник —
Все найдут здесь пищу для души!

II

* * *

Ферапонт овчину дубил
И руку себе зашибил.
Он стал овчину бранить,
Когда руку стало сводить;
А я скажу ему на то,
Что он бранил ее ни за что!
Так знай же ты, детина,
Что может ушибить и овчина.
Когда ты дурак
И делаешь не так.

III

* * *

О, если б мог я шар земной
Схватить озлобленной рукой, —
Схватить... измять и бросить в ад!..
Я был бы счастлив... был бы рад!

IV

* * *

Злодею выбиты все зубы,
Порок достойно награжден.

V

ДРУГУ КОПЕРНАУМОВУ

Люблю твой пламенный азарт,
Когда, с небритой бородою,
Накрывшись шляпою кривою,
Идешь сражаться ты в бильярд, —

Когда ты с чашей пуншевой
Кружок друзей своих обходишь,
И вензеля ногами водишь
Пред хладно чинною толпой, —

Когда, вооружась бутылкой,
10 На драку ревностно спешишь
Иль стулом франта по затылку:
Как бы перуном ты разишь!

Так, удаль мне мила твоя,
Твоим я видом восторгаюсь
И сам кием вооружаюсь
И в драку смело лезу я!

VI

* * *

Была прекрасная погода —
С злодеем ты гулять пошла,
И все дивились на урода,
С которым ты нежна была;
И канареечного цвету
Его безвкуснейший жилет
Являл осьмое чудо свету.
Он был, казалось, средних лет,
В его наружности холодной
10 Не замечалось и примет
Ни той осанки благородной,
Ни энергии юных лет,
Которые, к твоим услугам —
Твои покорные рабы —
Мы предлагаем друг за другом
По воле сердца и судьбы...
Скажи: ужель сей зверь небритый
Твоей душою овладел?
Быть может, что вчера побитый
20 В харчевне грязной он сидел?
А нынче вдруг такой наградой
Он наслаждается, глупец,
Которая была б отрадой
Для наших пламенных сердец.
Каким достоинством сокрытым
Тебя сей зверь очаровал?
Скажи, не глазом ли подбитым?

Иль ядом лести и похвал?
Иль против воли ты, Мария,
30 Под гнетом роковой тоски,
Небритого и злого змия
Себе избрала в женихи?
Но ты, быть может, непослушна
Веленьям матери своей
И, к злomu зверю равнодушна,
По сердцу жаждешь ты связей?..
О, если так... узнай, что ныне
Три сердца, полные тобой,
Блуждают в мире, как в пустыне,
40 Под гнетом страсти роковой.
Внемли же страстные моления
Влюбленных пламенных сердец!
Но если ты без сожаленья
Идешь с злодеем под венец —
О! гнев наш будет дик и странен!
Где ты гуляешь с ним теперь,
Лежать там будет бездыханен,
Безгласен, мертв сей лютый зверь...
А сами мы, сплетаясь руками,
50 Низринемся в пучину вод...
И трупы хладные волнами
К ногам жестокой принесет!

VII

* * *

Несчастный день! позорный день!
День срама и стыда!
Я вел себя как глупый пень,
Да, да, да, да! да, да, да, да!

Смотрите, рощи и поля,
Меж вас идет колпак...
Я был глупее журавля...
Так, так, так, так! так, так, так, так!

Ты жалкий трус! ты жалкий трус! —
60 Она кричит вослед —

К ней никогда не возвращусь...
Нет, нет, нет, нет! нет, нет, нет, нет!

VIII

* * *

Нет, мало места здесь возвышенной натуре;
Пойду я в дикий лес прислушиваться к буре!

ВАРИАНТЫ
И
КОММЕНТАРИИ

ОБЪЯСНЕНИЕ УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ, ПРИНЯТЫХ В I ТОМЕ

- БАН* — библиотека Академии наук
БФ — альбом М. П. Боткиной-Фет
БДЧ — журнал «Библиотека для чтения»
Г — материалы, принадлежавшие Н. В. Гербелю
Гр — материалы, принадлежавшие Д. В. Григоровичу
Е — материалы, принадлежавшие П. А. Ефремову
ЕМ — материалы, принадлежащие В. Е. Егеньеву-Максимову
ИЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский дом)
ИЛИб — библиотека Института русской литературы
ИМ — Государственный исторический музей
К — копия
КЧ — материалы, принадлежащие К. И. Чуковскому
Л — материалы, принадлежавшие В. М. Лазаревскому
ЛБ — Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина
Лх — экземпляр стихотворений Некрасова, принадлежавший Л. А. Лихачеву
ЛГ — «Литературная газета»
ЛН — сборник «Литературное наследство» № 49—50 «Н. А. Некрасов», I, Изд-во Академии наук СССР, М. 1946
ЛН2 — готовящийся к печати второй некрасовский том «Литературного наследства»
ЛПРИ — Литературные прибавления к «Русскому инвалиду»
М — материалы, принадлежавшие М. Л. Михайлову
Мдз — материалы, принадлежавшие Л. Н. Модзалевскому
МЗ — «Мечты и звуки». СПб. 1840

- Некрасов ПД* — сборник «Некрасов по материалам Пушкинского дома», П. 1922
- ОЗ* — журнал «Отечественные записки»
- И* — материалы, принадлежавшие Я. П. Полонскому
- ИА* — сборник «Первое апреля», СПб. 1846
- ИБ* — Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде
- ИЗ* — журнал «Полярная звезда»
- ИСб* — «Петербургский сборник», СПб. 1846
- С* — журнал «Современник»
- СО* — журнал «Сын отечества»
- Солд* — тетрадь стихотворений Некрасова (беловые автографы), присланная поэтом К. Т. Солдатенкову в 1855 г. и хранящаяся в *ИБ* (папка № 10)
- Стих 1856* — «Стихотворения Н. Некрасова», издание К. Солдатенкова и П. Щенкина, М. 1856.
- Стих 1861* — «Стихотворения Н. Некрасова», издание 2-е, в 2-х частях, СПб. 1861
- Стих 1863* — «Стихотворения Н. Некрасова», издание 3-е, в 2-х частях, СПб. 1863
- Стих 1864* — «Стихотворения Н. Некрасова», 1-я и 2-я части — издание 4-е, 3-я часть — издание 1-е, СПб. 1864
- Стих 1868—1869* — «Стихотворения Н. Некрасова», 1-я и 2-я части — издание 5-е, 3-я часть — издание 2-е и 4-я часть — издание 1-е, СПб. 1868—1869
- Стих 1873—1874* — «Стихотворения Н. Некрасова», 1-я и 2-я части — издание 6-е, 3-я часть — издание 4-е, 4-я и 5-я части — издание 2-е, 6-я часть — издание 1-е, СПб. 1873—1874
- Стих 1879* — «Стихотворения Н. А. Некрасова», посмертное издание в четырех томах, предпринятое сестрой поэта А. А. Буткевич, СПб. 1879
- Стих Л 1859* — лейпцигское издание «Стихотворений» Некрасова 1859 г.
- Стих Б 1862* — берлинское издание «Стихотворений» Некрасова 1862 г.
- Т* — материалы, принадлежавшие И. С. Тургеневу
- ЦГЛА* — Центральный государственный литературный архив

ВАРИАНТЫ

СТИХОТВОРЕНИЯ

1 8 4 5 — 1 8 5 6

СОВРЕМЕННАЯ ОДА

(стр. 11)

Вариант ОЗ

строфы 3 и 4 следуют в обратном порядке: ст. 13—16, 9—12.

В ДОРОГЕ

(стр. 12)

Вариант Стих 1861

62 Погубило ее баловство

«ОТРАДНО ВИДЕТЬ, ЧТО НАХОДИТ»

(стр. 17)

Варианты ПСб и Стих 1856 и 1861

15—16 *отсутствуют* *ПСб и Стих 1856 и 1861*

21 Ты тонкий плут и лоб не медный *ПСб*

«КОГДА ИЗ МРАКА ЗАБЛУЖДЕНИЯ»

(стр. 18)

Варианты ОЗ и Стих 1856—1873

15—18 Я разделял твои мученья,
Я горячо тебя любил
И жалкой мыслью отчужденья,
Клянусь, на миг не оскорбил!.. *ОЗ*

15—16 Мне луч божественный участья
Весь темный путь твой осветил. *Стих 1856—1873*

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

(стр. 20)

Вариант ПСб

25 Будешь ты подьячий с виду

«Н ЗА ТО ГЛУБОКО ПРЕЗИРАЮ СЕБЯ»

(стр. 22)

Вариант белого автографа Солд (ЛБ)

16 А хватаясь за нож — замирает рука!

Вариант Стих 1856—1873

16 А до дела дойдет — замирает рука!

РОДИНА

(стр. 28)

Варианты Стих 1856 и 1861

5—6 Где рой подавленных и трепетных людей

Завидовал жизнью собак и лошадей;

10 Где деспотом бывал, случалось, и я;

34 Из дому гаеров, любовниц и псарей

Варианты авторизованных копий ИЛИ и ИМ

4 *вторая половина стиха, написанная в окончательной редакции, заменена точками ИЛИ и ИМ*

5—6 *отсутствуют и заменены двумя строками точек ИЛИ*

6 Завидовал жизнью любимых барских псов *ИМ*

9—10 *написанные в окончательной редакции, заменены двумя строками точек ИЛИ*

13 И неестественных желаний и тревог *ИМ*

37—40 *отсутствуют ИМ*

41 Вот бедный, старый дом... Теперь он пуст и глух; *ИЛИ*

45 Я к няне убегал... *ИМ*

46—48 *отсутствуют ИМ*

51—52 И грудь моя полна враждой и злобой новой...
Нет! в юности моей, бесцветной и суровой, *ИМ*

55 Проклятьем на нее легло неотразимым — *ИМ*

56 *вторая половина стиха, написанная в окончательной редакции, заменена точками ИЛИ и ИМ*

57 И с наслаждением кругом кидая взор *ИМ*

64—66 *отсутствуют ИМ*

65—66 написанные в окончательной редакции,
заменены двумя строками точек

ИЛИ

*Разночтения копий Ефремова, Лазаревского, Модзалевского и
Стих Б 1862*

- 10 Помещиком бывал, случалось, и я
45—46 Я к няне убегал... О нянях на Руси
Так много есть стихов, что боже упаси
48 Я прежде чувствовал к ней сам благоговенье...

Разночтения копии из архива Кони (ИЛИ)

- 6 Завистливо смотрел на барских, жирных псов,
9 Но ненависть в душе невольно затая,
11—13 Где от души моей, безвременно растленной
Навеки отлетел покой благословенный
И не ребяческих условий и тревог
41 Вот старый, ветхий дом... Теперь он пуст и глух
43 А встарь так помню я, здесь что-то всех давило
58 С отрадой вижу я, что никнет темный бор
62 Что набок валится сырой и старый дом,
65 Где только тот один, кто всех, сменсь, давил,

ПЕРЕД ДОЖДЕМ

(стр. 30)

Вариант Солд, ПА и Стих 1856—1873

- 16 Ямщику денщик кричит.

«В НЕВЕДОМОЙ ГЛУШИ, В ДЕРЕВНЕ ПОЛУДИКОЙ»

(стр. 31)

Варианты С

- 1 В суровой бедности, невежественно-дикой
16 В безумных увлечениях сжег

ПСОВАЯ ОХОТА

(стр. 33)

Варианты С и Стих 1856—1864

- 78 То-то раздолье размашистой воле! С и Стих 1856 и 1861
119—120 отсутствуют Стих 1861
121—122 заменены двумя строками точек С и Стих 1856—1864
171—172 Нет нам запрета, по чистому полю
Рыская, тешить широкую волю. С

171—172 Нет нам запрета носиться по полю,
Рыская, теща степную и буйную волно. *Стих 1856*

Разночтение копии ИЛИ

121 Мы-ста тебя отваяем дубьем

«ЕДУ ЛИ НОЧЬЮ ПО УЛИЦЕ ТЕМНОЙ»

(стр. 41)

Варианты С

6 Рапо судьба не влюбила тебя
50 Жертвой разврата тебя назовут...

ПРАВСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

(стр. 45)

Варианты С и Стих 1861

21—30	<i>отсутствуют</i>	<i>Стих 1861</i>
26	Я, утомясь кричать и распекать,	<i>С</i>
28	Он сделался пьянчужкой... дурь нашла!..	<i>С</i>
38	Сразив нас всех глубокою печалью...	<i>С</i>

ВИНО

(стр. 47)

Варианты Стих 1856 и 1861

1—4	<i>отсутствуют</i>
5	Без вины меня соцкий носек
25—28	} <i>отсутствуют</i>
49—52	
37—39	Не из камня душа! Как шальной И на улицу скок из окна: «Погоди! разочтуйся я с тобой!»
45—47	А за первым другой чередом Подоспел, от души отлегло, Задремал я, обнявшись с Петром...
65	И на буйные умыслы скор.

«ВЧЕРАШНИЙ ДЕНЬ, ЧАСУ В ШЕСТОМ»

(стр. 50)

Разночтение копии Писарева

3 Там били девушку кнутом

«Я ПОСЕТИЛ ТВОЕ КЛАДБИЩЕ»

(стр. 51)

Варианты С, Стих 1856 и 1861 и беловых автографов ПБ и ПЛП

- 7 С запасом молчаливой скуки ПБ, ИЛИ, С и Стих 1856
8 Встречался мрачно я с тобой ПБ, ИЛИ, С и Стих 1856
22 заменен строкой точек ИЛИ, С, Стих 1856 и 1861

«ДА, НАША ЖИЗНЬ ТЕКЛА МЯТЕЖНО»

(стр. 54).

Варианты Стих 1856—1873

- 40 А ты?..
41—43 отсутствуют и заменены семью строками точек

*Различия Стих Б 1862 и копий Лазаревского (Л),
Модзалевского (Мдз) и ИЛИБ*

- 41 И также ли во дни воспоминанья Л, Мдз, ИЛИБ и
Стих Б 1862
47а И полюбила ты вдали Мдз
б И позабыла ты вдали Л, ИЛИБ и Стих Б 1862

НА УЛИЦЕ

3. ГРОБОК

(стр. 59)

Вариант автографа ЛБ

- 2 Белый гроб несет детинушка

Варианты Солд (ЛБ)

- 1—4 Вот солдат идет скорехонько,
Детский гроб несет подмышкою,
Всё в слезах лицо суровое —
Расставаться жаль с сынишкой!..
6 Редкий день не говорилось:

«МЫ С ТОБОЙ БЕСТОЛКОВЫЕ ЛЮДИ»

(стр. 60)

Варианты автографа ЛБ

- 1 Мы с тобой не бескровные люди —
После 12 Откровенны и счастливы оба,
Снова в жизни найдем наслажденья

Хуже если подавлена злоба —
Приготовит она охлажденье!

Варианты С

- 1 Мы с тобою капризные люди:
4 Ядовитое, резкое слово
После 12 Я скажу, что напутал я вздору,
Ты дашь слово не вспыхивать больше, —
Осмеем мы минутную ссору
И обнимемся крепче и дольше!

МУЗА
(стр. 61)

Варианты беловых автографов ИМ и письма к Тургеневу (Т)

- 7 Среди моих забав и отроческих дум *ИМ*
16 Рожденных для труда, неволи и оков, — *ИМ*
16 Рожденных для забот, несчастья и трудов, — *Т*
20 В уладу нового питомца в божий мир *ИМ*
После 32 По трудному пути растерянная гордость
И всетерпящая, постылая ей твердость,
Желанья и мечты, которым никогда
Свершиться не дано — и верная беда; *Т*
36 Безумная клялась итти <в> упорный бой *ИМ*

Варианты С и Стих 1856 и 1861

- 15—16 *заменены чертой* *С*
16 Рожденных для борьбы, страданья и трудов
Стих 1856 и 1861
31 Расчеты мелочной и вечной суеты *С*
35 В порыве мщения, с неправдою людской *С*
39 Смеялась, плакала... и буйным языком *С*
55 Через бездны темные отчаянья и зла,
Стих 1856 и 1861
56 Терпенья и труда она меня вела *С*

НОВЫЙ ГОД
(стр. 63)

Варианты С

- 14 Вражды и клеветы?
17—18 *отсутствуют и заменены двумя строками точек*

«БЛАЖЕН НЕЗЛОБИВЫЙ ПОЭТ»

(стр. 65)

Варианты С и Стих 1856—1869

- 14 Его коварно не злословят, *С и Стих 1856—1869*
18 Тому, чей горделивый гений *С*

«АХ, БЫЛИ СЧАСТЛИВЫЕ ГОДЫ!»

(стр. 70)

Вариант С

- 23—24 Протяжно зевает старуха,
Прикрывши ладонью уста...
В части тиража ст. 23—24 были напечатаны следующим образом:
Сморкается громко старуха,
Зевает и ... уста! (*экз. А. С. Суворина в ПБ и экз. б. Некрасовского музея в ИЛИ*)

ПРЕКРАСНАЯ ПАРТИЯ

(стр. 71)

Вариант Солд (ЛБ)

- 225—228 Мамаша распевала ей:
«Другая бы гордилась —
Опять войдем в родство князей»,
И Надя покорилась.

Варианты БДЧ и Стих 1856—1873

- 13—16 *отсутствуют* *БДЧ*
13—16 *отсутствуют и заменены строкой точек Стих 1861*
37—40 *отсутствуют* *БДЧ*
82 Не подвергала чувство *БДЧ*
85—88 *отсутствуют* *БДЧ*
101—102 То был усатый кавалер,
Младой и черноокий. *БДЧ*
112 Ну хоть... про корректуру *БДЧ и Стих 1856 и 1861*
128 *отсутствует и заменен строкой точек*
Стих 1856—1873
149—152 *отсутствуют* *БДЧ*
161 Но те, кому не удалось *БДЧ*
188 Бродил угрюм на бале, — *БДЧ и Стих 1856*
190 Во всей блестящей форме, *БДЧ*

ЗА ГОРОДОМ

(стр. 79)

*Варианты беловых автографов в альбомах Боткиной-Фет и
Полонского*

1 Смешно! Нас радует ручей, в тени журчащий

4 Как праздных юношей болтливый соловей

Вариант Стих 1856—1869

23—24 *заменены двумя строками точек*

ПАМЯТИ <АСЕНКОВОЙ>

(стр. 80)

Варианты первой редакции — автограф ЛБ

13—16 *отсутствуют*

17 Темного в жизни я видал

19 Твой голос весело звучал —

22 Каким-то детским смехом

После 22 Так сильно восхитила ты

Любителей искусства

Сияньем дивной красоты

И творческого чувства,

Что сумасбродный дилетант

И скептик хладнокровный

Твое искусство, твой талант

Почтили данью ровной, —

С доверьем детским приняла

Ты общее вниманье —

И слишком честно поняла

Свой долг, свое призванье —

Ты вся искусству предалась,

Ничем не увлекаясь,

Ты с книгой дома заперлась,

На сцену лишь являясь.

На обороте:

А свет совсем другого ждал...

Обмануты, сердиты,

Напрасно брошенных похвал

Жалели волокиты.

И раздражен, что не попал
В твой уголок домашний,
Сегодня свистнуть замышлял
Поклонник твой вчерашний

Варианты второй редакции — автограф ЛБ

- В.м. 1—8 Читатель верь или не верь
Но были времен новейших
Я верно передам теперь
До мелочей малейших
11—12 И перед нею в первый раз
Актриса появилась
15 Ее блистательный талант
После 16 Не только чудо красоты
Любители искусства
Нашли в ней гения черты
И творческое чувство
19а А голос чудно так звучал
б А голос нежно так звучал
20 И каждый шаг был ловок
21—23 А взор пленительных очей
Светился детским смехом
Но лучше б воротиться ей
25 Она неопытна была
27 И слишком честно поняла
29 Подарки старых богачей

Варианты белой редакции — автограф ЦГЛА

- 1—8 *записанные в окончательной редакции, зачеркнуты и
заменены четверостишием:*
Кумир моих счастливых дней
Любимый и желанный
Мне не забыть судьбы твоей
Таинственной и странной...
Потом слова восстановлено зачеркнутое восьмистишие
19 А голос сладко так звучал
33—34 Она отвергла! Заперлась
Весталкой неприступной
37 И что ж? Озлоблены тобой
39 Ей мстили черной клеветой

Вм. 49—52 Увы, увы! Не от актрис
Актрисе ждаться пощады.
Младые грации кулис!
Прелестны вы — с эстрады:

Там вся поэзия души,
Там места нет для прозы,
А дома зависть, барыши,
Коварство, злость и слезы.

Вариант С

45 И до тебя достигла вдруг —

ПОСЛЕДНИЕ ЭЛЕГИИ

(стр. 84)

Варианты чернового автографа ЛБ

56 Течет в разливе гордая река —
60 На берегу столпившийся народ —
61 К ним приковал <...> вниманье
Вм. 62—65 Кто земляков, кто братьев провожает
И вот снялась флотилия — идет
Прощан<и>е на берег посылает
Как в раз оно подхвачено толпой
И каждому толпа <сто раз> ответит
66—67 а А бедный челн, что борется с волной
И вдруг исчезнет — кто его заметит?..
б А тут же — непощаженный волной
Погибни челн — и кто его заметит?
После 67 Как ни был бы пронзителен и дик
Погибшего пловца последний крик —
Исчезнет он бесследно, безответно
А если и раздастся дикий стон
На берегу — внезапный и ужасный —
За криками не будет слышен он, —
Как незаметен будет тот несчастный,
Кто испу

В ДЕРЕВНЕ

(стр. 86)

Варианты С и Стих 1856

29 Легче самой бы во гроб...
31 Мишка прошиб ему лоб

С
С

- 37 Грудь что плавленная медь... *С и Стих 1856*
 39 Да окошел и медведь! *С и Стих 1856*
 40 Шкуру с проклятого содрали, продали:
С и Стих 1856
 45 На три молебна дала... *С*

ПАМЯТИ ПРИЯТЕЛЯ

(стр. 89)

Варианты С и Стих 1856—1873

- 16 Своим потомкам ветреное племя... *С и Стих 1856 и 1861*
 16 Своим потомкам сдавленное племя... *Стих 1863—1873*

ФИЛАНТРОП

(стр. 90)

Варианты белого автографа ИЛИ

- 3—4 Я коснею в неизвестности,
 Умираю в нищете
 13—16 *отсутствуют*
 23—24 Начались притеснения,
 Глядь: под суд и упекли!
 68 Я в душе благословил
 112 И забыл всю речь свою
 123 Грусть-тоска неудержимая
 125 Всё, чем жизнь прекрасна с младости
 127—130 Той поры далекой радости
 И любимую мечту —
 Что подавленное сгнуло
 Даже в памяти моей, —
 142 Обругали, что пустил
 158 Минет двадцать лет зимой,
 162 Разыгралась страсть к вину,
 165—168 До отшествия к родителям
 Не забуду как она
 Попрекала покровителем, —
 Точно: штука мудрена!

Варианты С и Стих 1856—1873

- Перед 1* Бедных петербургских жителей,
 Стариков, сирот и вдов
 Общество благотворителей

- Приняло под свой покров.
 С той поры я благоденствую,
 Без печалей и тревог,
 И от скуки совершенствую,
 Сочиняючи, мой слог.
 Славу богу! между знатными
 Нынче в моде, так сказать,
 Не советами печатными,
 Самым делом помогать:
 Вот обычай утешительный!
 А то в прежние года
 Был со мною удивительный,
 Странный случай, господа!
- 1 Частью по излишней честности, С
Стих 1856
- 3—4 Пропадал я в неизвестности,
 Пресмыкался в нищете С и Стих 1856
- 13—14 Словом, вольнодумство ярое
 Овладело до ногтей; С
- После 16 Говорят, за эти качества
 Я бы в честь теперь попал;
 Но была пора подьячества,
 Как я службу начинал. С и Стих 1856
- Вм: 23—24 Оказались упущения,
 Я сплошал — и упекли С и Стих 1856
- 49—52 *отсутствуют* С и Стих 1856
- 54 Соревнуя, пять частей, С и Стих 1856
- 56 Напечатал повестей; С и Стих 1856
- После 60 В русском духе, молодецкая
 Как по маслу речь текла,
 Хоть фамилия немецкая
 У особы той была. С и Стих 1856
- 61—64 *отсутствуют* С
- 134 Кулаком ударя в лоб, С и Стих 1856—1873
- 136 Пред особой из особ... С и Стих 1856—1873
- 141 Камердинера, холопа ли С и Стих 1856
- Разночтения Стих В 1862, экземпляров Гербеля (Г),
 Лазаревского (Л), Лихачева (Лх) и копии Модзалес-
 ского (Мдз)*
- 3—4 Я коснею в неизвестности,
 Погибаю в нищете Стих В 1862 и Л
- 13 Словом либеральство ярое Лх

- После 24 Целый день таскался в люди я,
 Ночью всё жалел, тужил
 Не добился правосудия
 Только сапоги добил *Стих Б 1862, Г, Лх и Мдэ*
- 25 И свершилось пророчество *Стих Б 1862, Л и Лх*
- 86—89 Не пустил — ступай в трактир.
 Помолился я угоднику,
 Пообчистил виц-мундир,
 И пошел. Путем-дорогою
- 112 Позабыл и речь свою!
- 125 Всё, чем жизнь прекрасна с младости *Лх*
- 128—129 И любимую мечту, —
 Всё, что невозвратно сгнуло *Лх*
- 154—157 Наконец уткнулся лбом
 В двери здания питейного
 С государственным гербом.
 Дальше что уж и рассказывать! *Лх*

ОТРЫВКИ ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК ГРАФА ГАРАНСКОГО

(стр. 95)

Варианты Стих 1856, 1864, 1869 и 1873

- 7 Пространство широко раскинутых степеней *Стих 1856*
- 27—28 и часть 29 (до абзаца) отсутствуют и заменены двумя
 с половиною строками точек *Стих 1856*
- 44 Бормочет каждому лукавый их язык: *Стих 1856*
- 45—46 Помещик не живет, а немец-управитель
 Непьющий человек, но... *Стих 1856*
- 45 Помещик — чудодей! а если управитель
Стих 1864 и 1869
- 47—82 отсутствуют и заменены четырьмя отдельно отбиты-
 ми строками точек *Стих 1856*
- 58 «А что?» *Стих 1864—1873*
- 59—80 отсутствуют и заменены двумя строками точек
Стих 1864 и 1869
- 59—66 отсутствуют *Стих 1873*
- 67 Невольно я вздрогнул. Ямщик приподнял кнут:
Стих 1873
- 83 Ужели господа в России таковы? *Стих 1856*
- 86 отсутствует и заменен строкою точек *Стих 1856*

- 108 Любители Стих 1856
Разночтения Стих Б 1862, экземпляров Гербеля (Г), Зеленого (З), Лазаревского (Л) и копии Модзалевского (Мдз) и Михайлова (М)
- 41 Но только то беда, что каждый здесь мужик
Стих Б 1862 и Л
- 44 Бормочет каждому змеиный их язык
Стих Б 1862, Г и Л
- 48 «Помещика!» — «Что он?» — «Нешто, хороший барин» Л
 57 Тут ловко мужики покончили с одним... Л
 60 Его один мужик — попал такому в лапы! Л
 63 «Как так?» — Да так, сударь, — как женится мужик Л
 86 Сивуха, черный хлеб, овчинные тулупы... Стих 1873
Г, Л, М, Мдз.
- 86 Сивуха, грязь и вонь, калмыцкие тулупы З
 108 Любители кнута и грубого тиранства Стих Б 1862, Л
и Мдз

БУРЯ

(стр. 99)

Первоначальная редакция — С 1850 — печатается в настоящем томе на стр. 389;

НЕСЖАТАЯ ПОЛОСА

(стр. 100)

Вариант С

- 27 Очи потухли и голос пропал

«Я СЕГОДНЯ ТАК ГРУСТНО НАСТРОЕН»

(стр. 102)

Вариант С и Стих 1856

- 4 Мой больной, раздражительный ум,

ВЛАС

(стр. 103)

Автографы ЛБ

Наброски, относящиеся к началу

А спроси кто их строители?

Тот же всё бедняк мужик

Мы на-днях такого видели
Богом избранный старик —
В армяке с открытым воротом,
Смуглолиц, высок и прям, —
Важно проходил он городом
И просил на божий храм ¹.

Весь в веригах; обувь бедная
Та же летом и зимой;
На груди икона медная
И котомка за спиной

Да с железным наконешником.
Палка длинная в руке;
Говорят, великим грешником
Был он прежде

(л. 1)

В зимний день с открытым воротом
С непокрытой головой
Медленно проходит городом
Изнуренный и босой

Дядя Влас: одежда бедная
И вериги по рукам
На груди икона медная:
Просит он на божий храм

И дают ему прохожие —
Грош, копейку, пятачок...
Подавать на храмы божии
Любит русский мужичок!

(л. 1 об.)

Наброски видения Власа

Говорят, ему видение
Было в третий день поста
Видел светопреставление,
Видел Адовы врата

[Видел муки расточителей
Праздных буих мытарей
И чужого присвоителей
И неправедных судей!]

(л. 2)

¹ На полях вписано четверостишие 81—84 в окончательной редакции.

На великий Пост видение
Было Власу говорят
Видел света преставление,
Нисходил в кромешный ад,

Видел муки лютых грешников
Праздных буих мытарей,
Сквернословов, кровосмешников
Лихоимцев и ханжей.

Воют грешники в прискорбии —
И вещают им в ответ
Ефиопы, змии скорпии:
«Вам помилованья нет!»
Стоном, скрежетом и грохотом
Оглашен смердящий ад
И над ним летает с хохотом
Лютый тигр шестокрылат.

(л. 2 об.)

Те на длинный шест нанизаны

(л. 3)

Наброски стихов о грехах Власа

стороной

От людей мы верных сведали,
Что он был один из тех
Кои бога предали

грех

Что душа его у дьявола
Изнывала под замком
Да зато по Волге плавала
Барка с Власовым добром —

И заложена у Дьявола
Погибала под замком

Говорят душа преступная
<Он> о ней не помышлял
Словно крепость неприступная
Власов дом в селе стоял

Нищим в окна неприветные
Постучать избави бог
Он сокровища несметные
Словно лютый пес стерег

У всего соседства бедного
Скупит хлеб, а в черный год
Не уступит гроша медного,
До рубашки обдерет!

Он жену, кликушу бледную
В гроб побоями загнал
Под замками малолетнюю
Дочь красавицу держал,

(л. 4)

[Женихову сваху сводницу
Приказал по шее гнать
Мне де дура не работницу
Из-за дочки нанимать]

Подросла — отца покинула
Влас о ней не потужил
Да как сорок Власу минуло
Чудо тут господь явил.

(л. 4 об)

Варианты С и Стих 1856—1873

- 1—4 Вот проходит нашим городом
Дядя Влас, — старик седой,
В армяке с открытым воротом,
С обнаженной головой; С
- 19 Не уступит гроша медного, С
- 33—36 Что ни ночь, пред ним видение
Повторяется в бреду:
Видит светопреставление,
Видит грешников в аду: С
- 38 Все рога ты как коза, С
- 48 Черный тигр шестикрылат Стих 1856—1863
- 52 Он грехи свои прочел: С
- После 52 Сочтены дела безумные...
Но всего не описать —
Богомолки, бабы умные,
Могут лучше рассказать. С и Стих 1856—1873
- 65—68 отсутствуют С
- 73—76 отсутствуют С
- После 76 Словом истины евангельской
Собирая богу дань,
Побывает и в Архангельской,
Проберется и в Рязань... Стих 1856—1873
- 85 И дают ему прохожие С

«ПРАЗДНИК ЖИЗНИ — МОЛОДОСТИ ГОДЫ»

(стр. 107)

Варианты черного автографа ИЛИ

- 1—3 Роскошь жизни — молодости годы
Погубив под тяжестью труда,
Я поэтом — баловнем свободы,
7—8 Вылью их в рифмованные звуки
И примусь опять за старый труд.
12 а С побледневшего лица.
б С потемневшего лица.
16 Мой хромой и неуклюжий стих
17 Нет в тебе свободного искусства, —
18 Но кипит моя живая кровь,
20 а Сетует погибшая любовь,
б Догорает бедная любовь,
Вм. 21—24 [Та любовь, что умножает муки,
Пад чужим страданьем слезы льет,
Вырывает ненависти звуки
И венцы железные кует,

Та любовь, что много так сулила,
Что на миг высоко вознесла
И потом навеки придавила
И под сором жизни погребла...]

ИЗВОЗЧИК

(стр. 108)

Первоначальная редакция — автограф ЛБ

Наблюдал Савраску строго
Пил не через край
И из выручки не много
Воровал на чай
Был мясист его затылок
Широка ладонь
Нравом был не больно пылок
Как саврасый конь
В жизни плелся тихим шагом
Лишь прошел бы день
И считал первейшим благом
Щипу сон и лень

Ветер ли его продует
 Что хоть вожжи брось
Барин ли какой надует
 С(лом)ится ли ось
Счастье невзначай привалит
 Иль беда придет
Ванька только зубы скалит —
 Песенки поет
Словно ведро и ненастье
 Укус и вино
Словно счастье и несчастье —
 Всё ему равно.

Под ворота словно птичка
 Вылетит с гнезда
Защебечет как синичка
 Не была горда
Прокатить себя прикажет
 Ваня молодец
Постарается, уважит —
 Ошалел в конец!
Говорит он ей учтиво —
 (Стало не в терпеж)
«Вишь ты больно тороплива?
 Уж домой идешь?
Поглядеться дай до сыта
 Погоди, мой свет!»
Поглядела не сердито,
 Молвила в ответ:
Прежде выкупи на волю
 Порадей для нас
Все тогда тебе позволю
 И ушла, смеясь
Посмотрел ей вслед Ванюха,
 Тяжело вздохнул
Почесал долгонько ухо —
 И рукой махнул!..
«Хороша ты — молвил — Таня
 Только не про нас...»
Извелся бы бедный Ваня
 Кабы бог не спас:

Переехала Танюша
С барыней в Москву
Скоро перестал Ванюша
Бредить на яву.

Вновь пошло все по порядку
Попивал чаек,
Нанял раз его купчина
Из родимых мест
Ездил с ним с утра детина
До вечерних звезд
Так что бить Савраска задом
Начал наконец, —
Рассчитал часу в десятом —
Отпустил купец.
Припелся домой Ванюха
Выпряг поскорей
Снял кушак, расправил брюхо,
Нахлебался щей...
Корму лошади прибавил
Дал воды глотнуть
Сани под навес поставил
И залег соснуть...

Деньги целы! Слава богу!
Вот мешочек мой
Не взыщите за тревогу
Тут ведь куш большой:
Все разиня рот глядели
Пикнуть не могли
Как блестели и звенели
Новые рубли —
Посмеялись, поглумились
Да и спать легли...
А как утром пробудились
И в сарай пришли —
Глядь и обмерли с испугу
Крестятся молчат
Показав перстом друг другу
Вверх, назад идут

Черновые варианты первоначальной редакции

- а [Пообедав спозаранку
Пересилив лень
Запрягал свою буланку
Ездил целый день]
- б Наедался спозаранку
Кроток нравом был
И кургузую пеганку
Попусту не бил
- в Подбривал себе затылок
Красный цвет любил
От природы не был пылок —
Живота щадил
-
- а Правда, с ним случилось что-то
Уж тому лет пять —
Как ходила за ворота
Груша постоять.
Он проведал: эта Груша
Горничной была
Выбира<я> где посуше
Осторожно шла
Вся была легка как птичка
Весела всегда
Щебетала как синичка —
Не была горда
- б Правда, с ним случилось чудо
Год тому назад —
Ел он мало, спал он худо
Жизни был не рад
Вылетала словно птичка
Из ворот тайком
Щебетала как синичка
Поздним вечерком
-
- А потом всю ночь бредит
Бедный молодец
Со двора чуть свет уедет —
Ошалел в конец
-

Переехала Танюша

С барыней своей.

С той поры лишь раз Ванюша

Повстречался с ней

Поклонилась — он не пикнул

Потемнел как ночь

На лошадку только крикнул

И поехал прочь...

Раз купец ему попался

С стороны родной

Целый день он с ним таскался

Расспросил и про деревню

Есть ли дом, жена

Заезжал раз пять в харчевню

Высылал вина

Нанял раз его купчина

На весь день зимой

а Долго ездил с ним детина

б Бойко ездил с ним детина

в Много ездил с ним детина

И не ел до звезд

а Ослабел Савраска задом

б Начал бить Савраска задом

Знать устал подлец

Наконец часу в десятом

Отпустил купец

Корму лошади подкинул,

Дал воды глотнуть

Сани под навес задвинул

Да и лег соснуть...

Полчаса уснул не боле

Слышит скрип ворот

«Что за шум? Горим мы, что ли?»

Поднялся народ.

«Где?» купчина вопрошает

Саночки твои

А хозяин прибавляет

Слыши<ши> не таи

Говори куда поставил
Сани не скрывай
Тут Ванюху ум оставил...
Вот пришли в сарай.

Помутился ум у Вани —
Он им показал
Поглядел купчина в сани
И креститься стал!
Начал кланяться купчина
Ваньке до земли
Говорит: ты клад детина
Вот те три рубли
Кабы раньше догадался
Так пожалуй брат
Бедняком бы я остался
Ты бы стал богат!

« Слава богу! деньги целы!
И тащит мешок.
Все кругом стояли белы
Словно бел платок

б «Слава господу все цело!
Вот те пять рублей

Вышел плох конец проказам!
Глянувши кругом
Так и ахнули все разом...
Начался содом

Вариант Солд (ЛБ)

После 8 Седоков ли много валит
Нет ли никого —
Ванька только зубы скалит
Все-де: «ничаво!»

Варианты С

После 4 Был широк его затылок,
Велика ладонь;
Не был он по нраву пылок,
Сердцем — не огонь.

Счастье ли ему повалит,
 Горе ли придет —
 Ванька только зубы скалит,
 Песенки поет!
 Словно ведро и ненастье,
 Сусло и вино,
 Словно счастье и несчастье
 Все ему равно.

5 Уж таков был по природе:
 12 Даже худо спал;
 13—20 С биржи всё глядит бывало
 На соседний дом:
 Под ворота выбегала
 Таня вечером,
 Белоручка, белоличка,
 Весела всегда,
 Щебетала, словно птичка,
 Не была горда.

В.м. 25—38 Круто вырвалась Танюша
 И домой бежит.
 «Денег наживи, Ванюша,
 Да женись!» — кричит...
 Поглядел за нею Ваня,
 Головой потряс:
 «Хороша ты, — молвил, — Таня,
 Только не про нас!..»
 Скоро лето наступило,
 Таня с госпожой
 Жить в деревню укатила;
 Парень молодой
 Стал по прежнему порядку
 Попивать чаек,

72 Тут ведь куш большой:
 82 Ваньку подовзал:
 93—94 Ваньке вдоволь подивились —
 Снова спать легли...

САША
 (стр. 111)
 Тетрадь ЛБ
 План

Описание сельских полевых работ [осень] лето, осень потом зима
 гаданья катанье жених, приезд героя — Уля переменяется по

отъезде его — всё читает старики ее не узнают — жениху о ней неловко — Прошел год — является герой — побыл с Улей день два — и потом исчез — она грустна неутешна — Что такое? описание героя. Заклю<чение> (л. 39 об.)

Отдельные наброски

В темную глушь к старикам домоседам
Горин приехал и нынешним летом...

Прошлой весной он у них погостил
Да было просто беды натворил. (л. 37 об.)

В наши места к старикам домоседам
Барин богатый повадился летом

Ездить частенько — и вышла беда!
Дочь их была хороша молода

Он и не то чтобы Улю обидел
Заворожил в тот же день как <у>видел...

Нет на печальной старухе лица
Слезы не сохнут в глазах у отца

А ведь давно <ли> так весело жили... (л. 43)

В нашем соседстве усадьба большая
Лет уже сорок стояла пустая —

Третье<го> года в нее прикатил
Барин владелец — и нас навестил...

Он называл себя вольною птицей
Был говорит я теперь за границей

Дней 19 в дороге провел
И надо мной всё кружился орел (л. 39 об.)

Словно пророчил мне славную долю.
Мы со старухой дивилися вволю...

Уля одна эту речь поняла
Дружба у них в тот же вечер пошла (л. 38 об.)

Да побывал подле лета сосед
Прежнего счастья и признаку нет

Уля печалится бродит уныло
Всё ей прискучило, все ей не мило

Каждого просите вы научить
Что с ней случилось? чем излечить? (л. 28 об.)

То ей кажется она недоросла
То ей он кажется мелок и жалок (л. 33 об.)

Ну а за нею и мы старики
Рвемся туда

Верить ли батюшка — в божьем мире
Стало нам словно теплее и шире (л. 95 об.)

Что же случилось? Два года прошло
Горе на старье лица легло

Улиньки голос не слышится в доме (л. 39)

Просто <нраб> <споры> пошли
Как и о чем мы понять не могли

Поговорит да потом всё и плачет (л. 25 об.)

Что у них вышло — всевышний их знает
Только понять нам — ума нехватает

Вот уж сегодня 12 день
Уля печальна и бр<одит> как тень (л. 77 об.)

Но не была и не будет она влюблена (л. 25 об.)

Схематическая запись III главы

Вдруг появился сосед молодой
Все повернулося вниз головой.

Начал он с нею на лодке кататься
Солнеч<...> в саду любоваться

Начал он с Улинькой книжки читать
И до рассвету о них рассуждать (л. 37 об.)

Как бишь? Читали они Ламартина
И рассуждали <...> что за причина

Что в просвещенный и кроткий <наш век>
Беден, несчастлив и дик человек?

Вместе в деревне больным помогали,
Глупым мальчиш<кам> все книжки читали

Множество делали всяких чудес
Околдовал её словно как бес —

Да <и> уехал... Она разлюбила
Всё в чём бывало <...> находила

В каждом уроде прост<ом> мужике
Видит страдальца. Вдыхает в тоске

Стала выписывать книги сама
И набралась зато правда ума —

Нет не сравнишь ты теперь <ее> с прежней
Нет ее лучше в околице здешней (л. 37)

Иначе как-то хоть кротко глядит
Только войдет как рублем подарит,

Прежде к нему все част<енько> писала
После писать <...> перестала...

И успокоились — думали вновь
Прежняя в ней загорится любовь

К соседу...

И самому ему кажется дико
Видит куды расстоянье велико

Так мы и жили, родимый она
Уж не была <...> грустна

Так мы и жили... а нынче опять
Слышим сосед воротился... и глядь

К нам прикатил... И с Улею <снова>
Прежняя жизнь по порядку готова

Только совсем уж другое пошло
Он ей перечил всё словно на зло

Это старо всё — уж нынче другое
Это-де всё отсталое

Это-де звери — скоты а не люди
Нет благодства — в их рабс<кие> груди

Надо-де ждать нам решительных <мер>
Время прошло для химер

Мир как и был так и будет окован
Я-де насчет его разочарован

Слушает Уля — на ней нет лица

(л. 36)

К книгам своим подойдет так уныло
Прежнего <нраб> нету что было

Долго на них не могла я смотреть
Да

Вот и больна... Он письмо присылает
Слышим ей руку он в <нем> предлагает

Слава богу. Богатый жених

Так нет

Что ж опосты<лел> ей что ли сосед

Бог ее знает <...> Плачет
В руки лицо свое бледное <прячет?>

Не сокрушайтесь-де мне ничего

Он подождал и уехал <опять>
Горе в чужой стороне коротать

Уля попрежнему стала печальна

(35 об.)

Добрые люди не бойтесь не плачьте
Писем его вы <от> Ули не прячьте

Что наберет он из книг да услышит,
Тем долго ль коротко так он и дышит

То говорит. Ей он много сказал
Что <помогло?> ей

Доброе семя в душе молодой
Дало <...> плод дорогой...

Ум ее жаждал пищи —
Вот отчего она обрадовалась

Думала я теперь его стою
Я для него воспитала себя

Он же приехал — ему нипочем
Старое всё забыл

(л. 35)

В новое платье нарядился
Новым умом набрался просветился

И осмелял бессовестно всё
Что было ей дорого

Что в ее душу вошло
Что ей пользу принесло —

Чем жила что лелеяла Уля

Страшен он ей показался с своим
Всё отвергающим взглядом. Но с ним

Спорить она не умела. Ей больно
Было что она умна недовольно

И за него потому не пошла
Что до него-де не доросла

(л. 34 об.)

Да вот как осталась одна
Всё поймет понемногу она

Кто он <...> морочит
И никогда за него не захочет

Поняли! Нет? ну беда небольшая
Лишь поняла бы бедняжка больная

Милостив бог! Все обсудит поймет
Ей же поверите в пользу пой<дет>

Всё объяснит ей и вылечит время
Сеет он все-таки доброе семя.

Как бы его объяснить вам. Кругом
В наших поместьях овраг за холмом

Нет в нем ни капли своей незаемной
Желт он и сух

(л. 34)

Как на богатую почву зерно
В сильную душу запало оно...

(л. 33 об.)

Вторая редакция начала того же отрывка

Жили вы ладно и счастливо. Много
Благодарили за Улиньку бога

Да как приехал сосед молодой
Всё повернулося вниз головой —

Начал он с Улинькой в лодке кататься
Солнцем, звездами, луной любоваться

Стали францу<зские> книжки читать
И до рассвета о них толковать

Как бишь? читали, кажись, Ламартина
И рассуждали, какая причина —

Что уж который теперича век
Беден, несчастлив и дик человек?..

Бедным они то и знай помогали
Даже мальчишкам книги читали

Множество делали всяких чудес —
Он сбшел ее словно как бес

(л. 38)

Первая авторская сводка III главы

В нашем соседстве усадьба большая
Лет уже 40 стояла пустая

Третьего года ее посетил
Новый помещик — и к нам прикатил.

Он называл себя вольною птицей
«Жил — говорит — я теперь за границей

Много видал я чужих городов
Синих морей и подводных мостов

Всё там приволье и роскошь и чудо...
Да побывать и в отчизне не худо. —

Дней 19 в дороге провел
И надо мной все кружился орел.

«Словно пророчил великую долю...»
Мы со старухой дивилися вволю,

Ули смеялась... для нас-то темно
Он говорил, да куда как умно!

Стали они то гулять, то кататься,
Солнцем, звездами, луной любоваться (л. 62)

Стали французские книжки читать,
И до рассвету о них рассуждать

Да — говорит — не слабеете сердцами,
Солнышко Правды взойдет и над нами!..»

Да — говорит — не теряю надежды,
Переведутся глупцы и невежды,

Будут разумны и чисты душой —
Люди одною великой семьей

Солнышко Правды взойдет и над нами!..»
Тут он сверкал голубыми очами

Что-то он ей по тетрадке читал,
Так голосил и руками махал,

Словно как песни слова выходили,
После мы Улю свою расспросили (л. 62 об.)

Он ей читал — говорила — стихи...
Бог нас попутал за наши грехи!

Только о Спасе мы яблоки сняли
Он укатил — поминайте как звали!..

Бедная Уля осталась одна...
Словно шальная ходила грустна

Скучны ей стали гаданья и сказки...
Вот и зима — да не тешут салазки.

А как бывало с горы ледяной
Катится Улинька наша стрелой —

Видим как алый платок подымал
Дышит упругая грудь молодая

Как в серебристой морозной пыли
Щеки румяные рдеют вдали!.. (л. 65)

Любо глядеть! Ничего не боялась,
Хоть зачастую и падать случалось!

Ну а потом, как ни думай, не то:
И говорить не умел с ней никто!

Только и любви проклятые книги
В целую зиму дошла ли до риги?

Правда, ходила в деревню к больным;
Очень добра была к людям простым:

Видит страдальца в любом мужичишке...
Как прочитала соседовы книжки (л. 65 об.)

Выписать новых умела сама
И наконец набралась же ума!

Стала такого степенного нрава
Ходит так плавно, стройна, вели<чава>

Дело у ней под руками кипит
Любо послушать когда говорит

Не узнавали кто видывал прежде,
Вкус получила к красивой одежде — (л. 66)

Дело ли сделать, письмо написать
Улиньке стоило только сказать

Бабам пособит — да нынешним летом
Свиделась снова с проклятым соседом!..» (л. 66 об.)

Как его бедная Уля ждала!
Алую ленточку в косу вплела

Просто оделась да так то ли славно
Вышла навстречу свободно и плавно

Всё что ни делала, что ни читала
Всё показала ему, рассказала...

Всё говорит вы читали пустое
Умные люди решили другое... (л. 67)

Тут уж рассказывать нечего много
Вечером в доме случилась тревога:

Улиньке сделалось дурно: бог весть
Слов ли его не могла перенести

Или какая другая причина...
Только ее сокрушает кручина

Вот уж сегодня 12 день
Плачет тоскует и бродит как тень

Книги свои то читает, то бросит
Явится гость так молчать его просит —

Был он два раза: однажды застал
Улю за делом: мужик диктовал

Он как-то странно качал головой
«Тешься дитя благородной игрой»

Молвил, вздохнул и смотрел <так> сурово
Уля ему не ответила слова

Кончила дело, в светелку ушла (л. 67 об.)
И на замок свою дверь заперла

Новых каких-то прислал он ей книг
Не прочитавши от <правила> их

После он несколько раз приезжал
Да уж ни разу ее не видал...

Что ж? он письмо ей прислал и какое?
Грешные мы со старухою двое

После его прочитали тайком
Руку свою предлагал он ей в нем

Уля сначала отказ отослала
Да уж потом нам письмо показала (л. 68)

Что нам с ней делать родной научи
Если умешь возьми полечи (л. 68 об.)

Долго ли будет она убиваться
Ах неужели ей так и остаться

Плакать, молиться на ... век
Ты нам скажи: он простой человек

Или какой чер<нокнижник> проклятый
Или не сам ли он дьявол рогатый

Что посылает<ся> душу украсть?
Господи боже мой что за напасть? (л. 69)

Наброски, предшествующие сводной редакции

Стала в молитве усердней, чем прежде.
Вкус получила к красивой одежде

Шила сама
И хорошо хоть совсем не по моде

А уж душевной такой доброты
В свете, я чаю, не видывал ты —

<на чужую сторонку>
К мужу письмо за простую бабенку
Рада писать (л. 64)

Грамоте учит мальчишек простых

Бедные все ей приятели други
Кормит и поит и лечит недуги! —

День прохло<по>чет, а ночью опять
Видим свеча — не отвыкла читать!

Справилась Уля — да нынешним летом (л. 64 и об)

Варианты второй авторской сводки III главы — автограф ЦГЛА

Третьего года в нее прикатил
Новый помещик — и нас посетил.

- Был он не горд, разговорчив и чинен,
а Звался: Захар Алексеич Чужбинин,
б Звался: Степан Алексеич Чужбинин,

Первые четыре стиха поправлены

В эту усадьбу запрошлой весной
Барин приехал: не виден собой
Ласков с прислугой, как будто не барин,
Именем: Павел Игнатьич Самарин.

- а Начал на лодке кататься с Уляшей
Да восхищаться природою нашей.
- б Начал на лодке кататься с Уляшей
Да над природой подтрунивать нашей.

Что-то ей плавно и громко читал,
Так голосил и руками махал

Сбил он несчастную Уленьку с толку
Бросила садик, забыла иголку.

Да до рассвету о них рассуждать.
Он по тетрадке ей что-то читал

Только мы осенью хлебец убрали
Осень пришла — мы его проводили...

331-- 334 Грешные люди — пивали и мы
Побыл — уехал в начале зимы.

А ведь уехать хотел еще летом
Вот наконец мы простились с соседом

Словно шальная ходила она,

Уля не то, чтобы стала грустна,
Только совсем изменилась она.

Хоть и частенько ей падать случалось:

После 334 единый связный текст первоначально отсутствует — идет ряд последовательных, сильно правленных редакций, подготовляющих записанный далее связный текст стихов в м. 334 — 352:

А побывал — совершенно не то!
И говорить не умел с ней никто.

Стала такого разумного права,
Ходит степенно, стройна, величава

Дело у ней под руками кипит,
Любо послушать когда говорит.

Не узнавали кто видывал прежде,
Вкус получила к красивой одежде;

Сколько раз падать случилось ей —
Всё ни почем! Только щеки красней,

Да потяжеле — платок подымая,
Дышит упругая грудь молодая...

Годы ей что ли такие пришли, —
Только мы Ули узнать не могли:

Стала такого степенного нрава,
Ходит так плавно, — тиха, величава

Думает думу, — как будто у ней
Больше забот, чем у старых людей!

Только и любви ей книги да книги.
В целую зиму дошла ли до риги?

Правда ходила к старухам больным...
Жалость брала ее к людям простым:

Видит страдальца в любом мужичишке...
Ну да известно: судила по книжке!

Стала выписывать книжки сама...
И наконец набралась же ума!

Веришь ли, батюшка, в божием мире
Словно нам стало теплее и шире

Разуму столько, такой доброты
В свете, кормилец, не видывал ты —

Что ни спроси растолкует, научит
С ней говорить целый день не наскучит...

Ожили мы... только бедный жених
Чаще вздыхает и пуще притих

Любит как прежде да свататься дико
Видит куда расстоянье велико —

Пара ей разве

Видит страдальца в любом мужичишке...
Ну да известно: судила по книжке!

Книжки выписывать стала сама...

Ожили мы... только бедный жених
Лазарь Данилович пуще притих:

Крепко любил — да посвататься дико:
Видит, куда расстоянье велико!

Ей бы под пару ученый сосед
Да о соседе и весточки нет.

Думали видно в столице он служит.
Уля о нем, слава богу, не тужит.

Только повыше поднимется грудь,
Если случится о нем помянуть

И похвалу ему слушать любила...
«Я почитаю его» говорила

«Выше всего — после бога и вас:
Он вразумил мою душу и спас!..»

Верить ли, батюшка, в божием мире
Стало нам словно теплее и шире

Мы со старухой туда же: зимой
Помню поехали к бабе больной

Нужно же было вернуться соседу!..
Слышим приехал — и будет к обеду

Как его весело Саша ждала!
Вышла навстречу спокойно и плавно —

С первого взгляду-то словно и сам
Он удивился... не верил глазам!

Совестно дочку хвалить да надиво
Уля была и пышна и красива —

Только осьмнадцать исполнилось ей...
Уля с него не сводила очей,

«Всё — говорит — ты твердишь отсталое;

- a Что говорил мы не всё понимали
Только глаза его грозно сверкали...

Видим мы: Улинька стала бледна
И хоть бы слово сказала она...

- б Что говорил хорошенько не знаем
Только сердился, захлебывал чаем...

Улинька плачет и плачет... Бог весть

Бросит работу и молится богу
Вечером выдет одна на дорогу

Сядет на камень, на глыбу земли
(Мы примечали за ней издали) —

К небу поднимет печальные очи
Словно у неба, у звезд и у ночи

Спрашивать что-то начнет; головой
Странно кивает, поводит рукой...

Молвил с улыбкой да так то сурово...
Уля ему не сказала ни слова

Кончивши дело в светелку ушла
Да на замок свою дверь заперла...

Он было к ней, говорит: нездорова!
Сколько потом ни являлся он снова...

Тот же ответ. Он оставил ей книг
Что же? обратно отправила их...

Набросок IV главы — автограф ЛБ

Это не леший, не плут домовый
Это увы! современный герой. —

Тратит он деньги да по свету рыщет
Дела себе исполинского ищет —

На муравьиное дело людей
Я-де души не потрачу своей

[Я де душою весь мир] обнимаю —

Сводка IV главы

За человечество рад умереть,
Всё осчастливить, у сердца пригреть,

В мелочи низко вдаваться ему!
В книгах он пищу находит уму:

Много богатых нетронутых сил
Он в непорочной душе пробудил, —

Варианты последующей правки IV главы

- До 419 Как бы сказать, чтобы взяли вы в толк?
Он только с виду опасен как волк
- А по душе совершенный ягненок
Это прекрасный и вечный ребенок
- После 424 Новое племя, хорошее племя
Свету готовит разумное время,
- После 448 Он по природе своей благороден
Только заносчив и к делу негоден
- 423—426 *отсутствуют*
- 429 Бьет он баклуши да по свету рыщет
- После 424 Честное племя, хорошее племя
Свету готовит разумное время,
Но создает оно тихо, не вдруг.
Первая проба — недавний ваш друг
- 456 В слове и деле — чужда ему страсть

Варианты корректур (К), С и Стих 1856—1873

- 15 Спящих в могилах враждебных теней К
 15—16 отсутствуют и заменены двумя строками точек
 К, С и Стих 1856
- 19—20 отсутствуют и заменены двумя строками точек К и С
 19 Только б на нивах пустынных твоих Стих 1856
 25—26 зачеркнуты и заменены двумя строками точек К
 27 зачеркнут, потом в измененной редакции восстано-
 влен:
- И про убитую душу мою К
 25—28 отсутствуют и заменены двумя строками точек С
 27 И про погибшую Музу мою Стих 1856 и 1861
 39—40 Воздухом вольным повеяло с гор
 Грудь ощутила отрадный простор! К
- После 48 [Есть не в одной Малороссии, — всюду
 Тип старосветских дворян: не забуду
 Множества ковриков, клеток, картин,
 Низеньких комнат, высоких перин!] К
 49 Добры и просты! Радушье их честно, К
 53 Да и старушка не много моложе К и С
 71 Бегаёт бойко, горит как алмаз К
 85—87 Ласково сосны вершинами машут,
 Тихо струятся и только не скажут
 Волны, журча под навесом ветвей: К
 100 И не уйти... «Так назначено ей» К, С и Стих 1856
 117 Но веселей нет поры умолота! К, С и Стих 1856
 126 Как на подмерзшей грязи натоптали К, С и Стих 1856
 130 Бойко бежит жеребеночек пегой... К
 133 Руки да спины в потемках мелькают К
 135 а Как угорелая мечется тень
 б Не поспекает улечься их тень К
 136 а Встал — и на отдых послал ее день...
 б Скоро на отдых пошлет ее день... К
 149 Черная бойко мелькнула головка... К
- После 168 [Няня любитесь, страх забывая,
 Как подымается грудь молодая,
 Как в серебристой, морозной пыли
 Щеки румяные рдеют вдали.] К
- После 178 [Осиротелые мертвые пни
 Напоминали ей прежние дни.] К

- 294 Ласков с прислугой, — — — *К, С и Стих 1856*
- 303 а Месяц почти я в дороге провел
 б Едучи степью, я встретил цыган
 * Въехав в Россию, я встретил цыган *К*
- 304 Тут мне цыганка дала талисман *Стих 1856*
- 305 И напорочила славную долю *К*
- 311—317 Есть-де на свете такие места,
 Где что ни шаг — красота, красота!
- Целую зиму открыты балконы,
 И попевают на солнце лимоны.
- Что-то по памяти громко читал,
 Так голосил и руками махал, *К*
- 319 Мало того: он ей книги читал *К*
- 324 а Беден, несчастлив и дик человек?
 б Беден, несчастлив и слаб человек? *К*
- 325—326 Да — говорит — не слабейте сердцами:
 Солнышко правды взойдет и над нами *К*
- 327 И в оправданье надежды своей *К*
- 345 Ходит, тоскует, украдкой плачет, *К*
- После* 354 [Прежнее счастье вернулося в дом —
 Мы поминали соседа добром;
 Саша не часто о нем говорила,
 А похвалу ему слушать любила...] *К*
- 360 В комнату пропасть цветов принесла, *К*
- 368 Он же бледней и угрюмее стал *К, С и Стих 1856—1869*
- 375 Род человеческий жалок и зол...» *К, С и Стих 1856*
- 381 Книги свои то читает, то бросит *К*
- 391 Книжек прислал, так не стала читать *К*
- 428 Это, друзья, современный герой! *К*
- 436 В мелких делах и тревогах людей *Стих 1856*
- 435—446 *отсутствуют и заменены двумя строками точек К и С*
- 443 а В наши печальные, трудные дни
 б Знаете, в наши великие дни *К*
- 447 Да не научат любить глубоко... *К*
- 449—452 *заменены четырьмя строками точек К, С и Стих 1856—*
1873
- 451 Нужны и слезы и кровь и борьба *К*

«ДАВНО — ОТВЕРГНУТЫЙ ТОБОЮ»

(стр. 130)

Варианты автографов ЛБ, ЦГЛА и письма к Тургеневу (Т)

1 а	Отвергнут милая тобою	
б	<Ты помнишь> нелюбим тобою.	ЛБ
3	И обезумленный тоскою	ЛБ
4	Мгновенно бросился к волнам	ЛБ
7	Вдруг волны грозно зашумели —	ЛБ
8 а	И страх меня оледенил.	
б	И тайный страх меня смутил!..	ЦГЛА и Т
11	И всё благословляли волны	ЛБ
13	Теперь, покинутый тобою,	ЛБ
15	Брожу с поникшей головою	ЛБ
16	Один у тех же берегов	ЛБ

Вариант Стих 1856

- 19 Но волны не бурлят сурово

Первоначальная редакция — автограф ЛБ — приводится в настоящем томе на стр. 416

Варианты первоначальной редакции

5	Они в берегах заманчиво яснили	
б	На самый край оврага я вступил	
11 а	И мысленно благословил я волны	
б	И пламенно благословляли волны	

ПИСЬМА

(стр. 131)

Вариант белого автографа ЛБ

- 15—16 А между тем мы сознаем глубоко,
Что разойтись уж нам не суждено...

«БЕЗВЕСТЕН Я. Я ВАМИ НЕ СТЯЖАЛ»

(стр. 133)

Варианты черного автографа ЛБ

- 1—2 а Пускай не много вами я стяжал
Известности, почета и похвал

- 6 Безвестен я. Я вами не стяжал
 Ни зависти, ни денег, ни похвал
 4 Несбывшихся первоначальных снов,
 9 Стоически поруганная Муза

Вариант Стих 1856 — 1869

10 И

МАША
 (стр. 134)

Варианты чернового автографа ЛБ

- 2 Крепко спит молодая жена
 8 Только взглянет... мучительный взгляд!
 10 Нет, ей участь не будет <горька>
 11 Как не сшить ей такого ж наряда?
 12 А столичная жизнь не легка!
 13—20 *отсутствуют*
 21 а Можно жить бы конечно попроще
 б Нужно жить бы потише, попроще
 22 а Отменить по суб<ботам> обед
 б Не тянуться с богатыми в свет
 23 а Да что скажет богатая теща,
 б Да обидится гордая теща
 24 а Что подумает гордый сосед!
 б Что подумает строгий сосед!
 26 Не поймет молода
 28 Нет, упрек тяжелее труда...
 29—30 И кипит до рассвета работа
 И болит утомленная грудь.
 31 а Вот прошла наконец и суббота —
 б Наконец миновала суббота —
 32 Труд окончен — пора отдохнуть
 После 32 [Нет теперь ни забот, ни печали
 Наслаждайся свободней дыши!]
 33 Он ласкает прекрасную Машу

Варианты С и Стих 1856

- 14—16 Отчего и не взять иногда?
 Но — остаток наивного детства —
 Уцелело в нем чувство стыда.

С

- 17 Человек он был странной породы С
20 Не шутя воровством называл. С
23 Да обидится гордая теща, С и Стих 1856

В БОЛЬНИЦЕ

(стр. 136)

Автограф ЛБ

Первый набросок начала

Что освещен этот мрачный подвал?
Вот мы в окно поглядели —
Трудно и медленно в нем умирал
Бедный писатель. Сидели
Перед кроватью друзья-бедняки
Всё нам знакомые лица

Второй набросок начала

В позднюю пору вошли мы в подвал
Я да мой старый приятель, —
Трудно и медленно там умирал
Бедный и честный писатель. —
Мы не слышали давно ничего —
Где он и как поживает?
Вот наконец разыскали его —
Видим: совсем умирает!
«Рад я!» он тихо и грустно сказал,
Что навестили больного,
«Я перед смертью оставить желал
Два-три не лишние слова».
Эту предсмертную честную речь
В форме быть может нестройной
Ныне хочу от забвенья сберечь...
Вот что сказал нам покойный...

Третий набросок начала

После 4 Милый и теплый он был человек.
Хоть по таланту не прыток
С жаром марая бумагу весь век
Чуть добывал на прожиток

Но не хотел изменить своему
Как говорил он призванью —
Я не вружу — говорил — никому
Страстью моею к писанью

Варианты Солд (ЛБ)

- После 4 Не баловала фортуна его:
Он не имел пропитанья,
Но не хотел оставлять своего —
Как говорил он — призванья.
«Худ ли, хорош ли, но честен мой труд,
Чист я душой перед богом.
Много без нас, что охотно идут
По проторенным дорогам!
Если работой посильной своей
Пользы мы сделать не можем,
То хоть количество честных людей
Мы в государстве умножим»...
После 32 Всё повторял: кабы легче оброк,
Век бы я вас не оставил!
(Любит глубоко и наш мужичок,
Без исключенья нет правил).

«ПОРАЖЕНА ПОТЕРЕЙ НЕВОЗВРАТНОЙ»

(стр. 140)

Вариант автографа ЛБ

- 15—16 О, скоро ли зарею обновленья
Засветится в них первал слеза? —

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

(стр. 141)

Варианты автографов ЛБ и ЦГЛА

2	Среди приятелей печальных	ЦГЛА
3	Поэт недавно умирал	ЛБ
5—6	Сложив тяжелый свой венец,
Бел<инский> умер наконец	ЛБ
7	Убит мучительным недугом...	ЛБ
8	Я был ему ближайшим другом .	ЦГЛА

- 11 И переспорить не могли *ЛБ*
 13 Он строже Истине служил *ЦГЛА*
 14 Он был душой сильней и чище *ЛБ*
 24—25 Прощаясь с жизнью земной
 Я живо вспомнил участь друга *ЛБ*
 31 А он за честь себе считал, — *ЛБ*
 После 34 [Ученье было бестолково
 А обхождение так сурово,
 Что он по суткам пропадал
 И как волчонок одичал] *ЛБ*
 36 Не чуждый многим он прошел *ЛБ*
 37 а Украдкой дельные, пустые *ЛБ*
 б Книжонки дельные простые *ЦГЛА*
 40 И рано пробудилась *ЛБ*
 40—41 Тоску мечтательности сладкой
 Он рано в сердце ощутил *ЛБ*
 45 Не знаем мы, но в нем кипел *ЛБ*
 48 а Разумных слов и честных дел!.. *ЛБ*
 б Высоких чувств и смелых дел. *ЦГЛА*
 49—53 Когда отец его скончался
 Он до Москвы кой-как добрался
 а [В Московский университет
 Вступил. Но положенных лет
 Не пробыл там.]
 б Из Пензы, помнится, пешком,
 Учился пополам с грехом *ЛБ*
 49 С кончиной доктора на свете *ЛБ*
 53 а Был исключен, не доказав *ЛБ*
 б Но вышел вон, не доказав *ЦГЛА*
 56 а И назывался чел<овек> *ЛБ*
 б И назывался целый век, *ЦГЛА*
 58 Один известный человек *ЦГЛА*
 58—60 Один бесстыдный человек
 Не раз колол его печатно
 Таким названием *ЛБ*
 Вм. 61—63 Но бог с ним!) Бедный сирота
 В подвале нанимал жилище,
 По суткам проводил без пищи
 И понемногу стал тогда *ЛБ*
 64—66 Писать в журналах — из грошевой
 Поденной платы. Труд его

	Был полон	ЛБ
Вм. 65—67	Горячим словом, мыслью новой И правдой честной и суровой Дышал горячий труд его — Он полагал в него всю душу Он говорил: я всё разрушу Я не оставлю ничего	ЛБ
Вм. 68	Его заметили; но мало Ему толпа рукоплескала <Он не искал ее похвал?>	ЛБ
68—71	Его заметили... В ту пору Досель живому прожектору Обширный основать журнал ¹ Пришло желанье	ЛБ
77	Не пропускал бы никогда	ЛБ
80	Тогда всё чинно и мертво	ЛБ
83	Любовь к ней в обществе остыла; —	ЛБ
После 83	[Уж новый гений подымал Тогда главу свою меж нами ² Но он клеймил и порицал И только был богат врагами.] ³	ЛБ
84 а	В движеньи пошлых мелочей	
б	В бореньи мелочных страстей	ЛБ
в	В бореньи личных мелочей	ЦГЛА
88—91	<i>отсутствуют</i>	ЦГЛА
98	Но он клеймил и проклинал —	ЛБ
99	Тесним могучими врагами	ЦГЛА
100	К нему на помощь приносил	ЦГЛА
101	Запас идей, трудов и сил	ЦГЛА
Вм. 106 а	И час настал... Плебей безвестный Явился грозным суд<ией>	ЛБ
б	И час настал.. Плебей безвестный Лицом к лицу с врагами стал — И слово смелое вещал... ⁴	ЛБ
Вм. 107—110	Гонитель лжи и лицемерья	

¹ *Начат*: В столице

² Уж новый гений возвышал
Тогда главу свою над нами

³ И больше был богат врагами

⁴ а И слово нужное сказал

б И слово смелое сказал

Срывал с ворон павлиньи перья,
Он ненавидел подлецов
Индиферентов, идиотов
И в маске жарких патриотов
Благонамеренных воров!..

ЛБ

После 106

Путем призванья своего
Он шел незнаемый толпою
И слава не горит звездой
На бедном имени его —
Его оценят наши внуки...
Святее Правды и Науки
Не знал он в жизни ничего
Любил он родину глубоко,
Служил ей честно — и высоко
Свое призванье понимал.
Он говорил нам, он писал:

ЦГЛА

Вслед за этим — отрывок, который напечатан в настоящем издании в виде отдельного стихотворения на стр. 401.

«Напрасно быть толпе угодней...

⟨и т. д.⟩

Продолжением этой редакции поэмы, повидимому, является карандашный набросок в тетради ЛБ:

Таков он был и таковы
Его суровые творенья
Не покупая у молвы
Постыдной лестью одобренья
Он честно правду говорил
И многих в жив⟨ни⟩ рассердил

После 110

Он всё клеймил, что было ложно
Рутинно гнило и ничтожно

(л. 57 об.)

Незаконченная и отмененная правка (ЛБ):

112 ⟨Без⟩ страха

113—116

Всю бедну дикости и зол
Куда в тупом самозабвеньи
В невежестве и закосненьи
Родимый край его зашел!

118—120

За леность раб⟨ство⟩ и застой
И прозвал ложный друг ⟨отчизны⟩
Его врагом страны родной!..

- 123 Но к счастью вопль клеветника
 Вм. 125—129 Душа с летами не хладела
 а В гоненьи он мужал душой
 б В несчастьи он мужал душою
 В борьбе он силу почерпал (л. 57 об.)
 И сеять щедрою рукою
 Добро и Правду продолжал (л. 58. об.)
 (91) Вм. 127—129 Его соратники смирялись
 И в подлецов преображались
 Он шёл один неколебим
 Смеясь угрозам дикой мести —
 Дорогой Истины и Чести... (л. 57)
 127—128 Иные робко отступали
 Смирялись, пятились, молчали
 после 129 Зато <никто> так <не> был страстно
 Так бескорыстно и прекрасно
 Любим как он; его друзья
 (Да будет честная семья
 Благословен твой труд!)
 131—133 И бескорыстно верных ей
 Надежных честных благородных
 Сынов у родины моей —
 134—136 Все те чья жизнь теперь богата
 Служеньем Истине святой
 Кто в чело<в>ке видит брата
 135 Кто зло душою ненавидит
 141 Несчастен, беден и гоним
 142 Трудился он семь лет — и много
 146—148 К несчастью поднялась тревога
 На Западе... Предупредить
 У нас подобное расстройство
 (Чего не может беспокойство (л. 57)

Отдельные наброски (ЛБ)

Во вражде неостывающей
 Несчастливца закалил
 И душою непрощающей
 Покарал — и отличил (л. 6)

Недосказанной многострадальной
 Наступил этой жизни конец

Сокрушается в думе печальной
Много теплых и добрых сердец
Это был человек бескорыстной

Я долго размышлял над жизнью твоей
Великий человек, безвестный для людей (л. 12)

И вспомнит университет
При 200 лет<нем> юбилее
Того, кого в 100 лет<нем> нет

И будет лучшим украшеньем
Недоучившийся студент

И наживая капитал
Ему твердил доходы малы
И чуть не в голоде держал (л. 61 об)

Средь поколения другого
Его достойно помянут
И набросал я эти строки
Больной неверною рукой
Пусть прогремят не надо мной
Потомства позднего упреки (л. 73 об)

Пусть речь его была сурова
И не блистала красотой
Но обладал он тайной слова
Доступного душе живой (л. 72 об)

Вариант ПЗ

182 Его не смели — и о нем

Вариант ОЗ

80 В то время пусто и мертво

СВАДЬБА

(стр. 146)

Варианты автографов ЛБ и ЦГЛА

- Вм: 1—11 В церковь вхожу — богомолец случайный
 В темные сумерки — мраком и тайной
 Дышут просторного храма углы
 Окна высокие полные мглы
 Резко от стен отделяются темных
 Тяжкие двери на петлях огромных
 а Словно заплаканы. Скупое блестя,
 Тусклые ризы икон золотя,
 Слабых лучей не доносят высоко
 Желтые свечи. Пугливое око
 Вверх поглядев, опуститься спешит
 б [Словно заплаканы. Сыро, темно.
 Много лампадок и свеч зажжено.
 В куполе темень такая гнездится,
 Что поглядеть — голова закружится] ЛБ
- 4 Словно живые, то полные мглы ЦГЛА
- 6 Окна колеблются с тихим бряцаньем; ЦГЛА
- Вм. 15—17 Парень — должно быть ремесленник, весь
 Буйная удаль, нахальство и спесь: ЦГЛА
- После 16 (*вне контекста*):
- [Русый крестьянин с тоскливым лицом
 В плиты холодные стучает лбом] ЛБ
- 23 а И нагибаясь глубоко лицом
- б И, нагибаясь горячим лицом ЛБ
- 24 Хочешь ты скрыть его жалким платком? ЛБ
- 25 Хитрый детина посулом да лаской ЛБ
- 25 Видно, детина подарком да лаской ЦГЛА
- 29—30 Много проплакала... Он не оставил
 Волей ли нет ли он дело поправил ЛБ и ЦГЛА
- После 32 [Видно ты знаешь: не будет он нежен!
 Он и теперь так обидно небрежен.
 Выстоит свадьбу — домой доведет
 Да на всю ночь молодец и уйдет!..] ЦГЛА

Первоначальная редакция — «Встреча» — стр. 416

НА РОДИНЕ

(стр. 149)

Варианты чернового автографа ЛБ

- 5 а Ах видно так уж создан я богами
6 Уж видно так я создан небесами
6 За грех отцов
8 Мне нездоров!

Вариант Стих 1856 и 1861

- 7 Что хлеб полей возделанных...

ГАДАЮЩЕЙ НЕВЕСТЕ

(стр. 150)

Варианты чернового автографа ЛБ

- 1—4 [Что гадать? ты влюблена без меры,
Партия завидно хороша:
Бравый вид, блестящие манеры,
Светский лоск... Но есть ли в нем душа?]
17—20 Ну тогда — не жди большого счастья!
Не надейся главное тогда,
Что избытком страсти и участия
Ты его привяжешь навсегда.
После 24 Не любовь, не слава — в наше время
Торжествует предранняя страсть:
Знаешь ты — все нынешнее племя
Отдалось тщеславию во власть.

Под его прельстительное знамя,
Берегись, не стань и ты сама!
Ах! оно погасит быстро пламя
Убежденья, чувства и ума.

[Жизнь предстанет легкою задачей —
Не тернистым поприщем добра
Летом ты займешься пышной дачей,
По зимам устроишь вечера.

Хлопоча о самом высшем тоне,
Позабудешь чистые мечты

Принимать начнешь в своем салоне
Не людей, а титула и кресты

И прогонишь с модного порога
Друга лучших, благородных лет
Потому что он одет убого
И на нем перчаток белых нет]

СЕКРЕТ

(стр. 152)

Варианты автографов ЛБ и ИЛИ

1 а	У Кр<асных> ворот, на Неглинной	
б	Развалиной чудно картинной	ЛБ
2—4	[С железной решеткой кругом
Высоко вознесся старинный
Со львами чугунными дом]	ЛБ
5	[Он строен был с роскошью барской]	ЛБ
8	Три лавки, трактир и лабаз	ЛБ
9 а	[Роскошные кочки капусты	
б	Двор вскопан под гряды капусты]	ЛБ
13—16	<i>отсутствуют</i>	ЛБ
17 а	Но там в отдаленной пристройке	
б	Но там в деревянной пристройке	ЛБ
19	Старик умирает на койке	ЛБ
Вм. 20	Льются у старого слезы из глаз
И начинается он странный рассказ	ЛБ
29	Ни денег, ни чину, ни племени	ЛБ
32	В моих сундуках миллион!	ЛБ
После 32	<i>на полях начато и зачеркнуто:</i>	
	Откуда? уста не расславили	ЛБ
39 а	И дали мне Анну с короною	ЛБ
б	<i>незаконченная правка:</i> Добыв себ<е>	ИЛИ
е	Имею и.....	ИЛИ
45—52	<i>отсутствуют</i>	ЛБ
53—54 а	Послушайте...	
	Вдруг помертвело	
	Лицо; прикусивши язык	
б	Вот он...	ЛБ
55	Упал словно мертвое тело,	ЛБ
58	И детки пошли по отцу	ЛБ
60	Пот смерти бежит по лицу	ЛБ
61—64	А братья ключи подобрали	

И к деньгам... всё видит старик,
Хотел бы кричать... да едва ли!
Не движется синий язык

ЛБ

ЗАБЫТАЯ ДЕРЕВНЯ

(стр. 155)

Варианты чернового автографа ЛБ

- 15 Выкупу не принял... «Погодим, Игнаша,
17—18 а Даже ребятишки, передравшись в луже
Грозно повторяют песенку всё ту же...
б Даже ребятишки, — дело чуть за спором, —
21 Ходят с бородами прежние ребята;

«ЗАМОЛКНИ, МУЗА МЕСТИ И ПЕЧАЛИ»

(стр. 158)

Вариант копии Тургенева

- После 12 Зачем в тюрьму с тяжелыми замками
Не постучится ласково любовь —
Где мысль моя, пробитая гвоздями,
Закованная в цепи, точит кровь?

Когда б мои угомонились муки
И на душу сошел желанный мир —
Нашел бы я тогда другие звуки,
Другую Музу позвал бы на пир...

ВЛЮБЛЕННОМУ

(стр. 159)

Вариант чернового автографа ЛБ

- 14—16 В груди тот пламень благородный
Всё выболтал мой стих негодный —
И — ровно ничего не спас!

КНЯГИНЯ

(стр. 160)

Вариант С

- До 1 В век Екатерины — и никак не ближе
Началась в России, кончилась в Париже
Вот какая притча: старое преданье

Мы теперь расскажем внукам в назиданье.
Барыня большая, русская княгиня
Нашей новой притчи будет героиня.

«КАК ТЫ КРОТКА, КАК ТЫ ПОСЛУШНА»

(стр. 163)

Первоначальная редакция — автограф ЛБ

Горда, надменна, молода
Ты им играла самовластно
Но ты была тогда прекрасна
И он любил тебя тогда.

Теперь ты любишь бесконечно
Ты рада быть его рабой
А он?.. Он слушает беспечно,
Уныл и холоден душой

«ТЯЖЕЛЫЙ КРЕСТ ДОСТАЛСЯ ЕЙ НА ДОЛЮ»

(стр. 164)

Набросок ЛБ

страстью низкой
ужасная мечта
<нрзб> во имя смерти близкой
сомкнет ревнивые уста

ШКОЛЬНИК

(стр. 166)

Вариант БЧ

35—36 Что выводит средь народа
Столько славных через край,

«САМОДОВОЛЬНЫХ БОЛТУНОВ»

(стр. 170)

Набросок плана — автограф ЛБ

Крестьянин
Управл<яющий>
Соседи <нрзб>
Поп
Власти

Первоначальный набросок — автограф ЛВ

И сплетня черная не раз
Вокруг твоей виляла чести
Но горд ты был в душе своей
Сознанием силы благородной
Ты добродушно верил ей
Той силе — гор<дой> и свободной
[Теперь ты]
И убеждение применять
Всё обстоятельства мешали

Варианты С и Стих 1856 и 1861

- 38—41 *отсутствуют* *С и Стих 1856*
38—41 *заменены двумя строками точек Стих 1861*

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ГОВОРУН

(стр. 172)

Варианты «Статеек в стихах»

Глава I

174 Составил Полевой

Глава II

После 148 С ним пела не отличная
Певица Остергард.
Ей право бы приличнее
Петь в зале Энгельгард.

Глава III

После 128 Стыжусь подобной дичи я!
(Хоть больно колотил,
Но правила приличия
Родитель мне внушил).

«СТИШКИ! СТИШКИ! ДАВНО ЛЬ И Я БЫЛ ГЕНИЙ?»

(стр. 200)

Вариант ЛГ

14—16 Тот умер, тот бьет уток — и жену,
Того хандра, другого хмель зашибла,

- Тот спину гнет в дугу... а в старину!
 30 Толпы невнемлющих пророков
 40 Отцов и дедов проводил!..

НОВОСТИ

(стр. 201)

Варианты ЛГ

- 17 А доблестей — как в поле муравы...
 41—62 *отсутствуют*
 71 А наконец, в один прекрасный день,
 76 Как братом и женой козла и утки
 Вм 97—99 «Да, женишок попался неудачен
 (Так думает), а ведь, кажись, и взрачен!
 После 99 Смеюсь я часто, чаще негодную
 На способы к сбыванью дочерей,
 Какие замечаю повсеместно
 В моей отчизне кроткой и любезной,
 И вообще, против словечка «тесть»
 В моей душе предубежденье есть.
 Насильное вмешательство, укоры,
 Глубоко-возмущающие ссоры...
 О, если вы женатый человек,
 Блюдите дни супруги вашей нежно,
 Не то случись несчастье — целый век
 Вы прогрызетесь с тестем неизбежно.
 Родитель вашей дорогой жены,
 Считавший вас еще за сутки сыном,
 Кому по нежным родственным причинам
 Вы ручку были целовать должны
 (У тестюшек у многих руки грязны,
 Но, к радости зятей смиренных, есть
 Такой обычай древний и прекрасный
 Среди семейств российских и доднесь), —
 За долг себе священнейший поставит
 Не только вас до нитки обобрать,
 Но с вами до могилы враждовать...
 Надеюсь, что читатель не заставит
 Примеры представлять. Я тороплюсь —
 Забыть события важные боюсь...
 149 Читал, читал и — даже сам васнул,
 После 173 Да, точно жаль — заочно соглашаюсь!

Но — странное явление! — возвращаюсь
С литературных наших вечеров
Всегда я как-то не совсем здоров...

ДЕЛОВОЙ РАЗГОВОР

(стр. 209)

Варианты С

- После* 16 Имел и я талант и страсть к литературе; .
Но в жертву с юных лет принес всё корректуре!
Бывает жаль теперь, когда завистник мой,
Бездарный кропотун, смеется надо мной,
И нечем отвечать обидной укоризне...
Но пусть не головой полезен я отчизне,
Я всё же доказать фактически могу,
Что в корректуре я себя не берегу!
Я даже был творцом таких нововведений,
Которые должны мой корректурный гений
Потомству передать, — хоть осмели их!
Но пусть враги мои твердят, что аккуратность
Мне заменяет честь, талант и деликатность —
Заслуг не омрачат почтенных и прямых!
Кто что ни говори, без верной корректуры
Нет настоящих книг, и нет литературы!..
- Перед* 31 *ремарка:* (отрывисто и шутливо).
- После* 58 Корректор я такой, что не подточишь пятки,
Но даже у меня отыщут опечатки!
Неловкую статью, тяжелый перевод, —
Всё выставят на вид, а что умно и ново,
О том молчание... Завистливый народ!..
«Ни место, — говорят, — ни время не дает
Распространяться нам», — и мнение готово!..
130 Вот таких судей побольше надо вам!
Вм. 132 Да где их доставать? Я сам за корректурой
Занятия прекратил давно литературой,
Лишь в критике пишу...

П о д п и с ч и к

Какие же статьи?

Ж у р н а л и с т

Те, что без подписи, — все до одной мои.

(При этом известии в лице подписчика выражается
глубочайшее почтение).

Вм. 292 Таланты наши так, к несчастью, ленивы,
Журнал ваш, например, достопочтенный друг!
Читателей у нас что год, то шире круг,
По милости правительства и бога
Нам к просвещению широкая дорога
Открыта... Для чего ж грошовый инженер
Посл. 307 Журналист (*проводяет его¹ до прихожей и,
возвращаясь в кабинет, говорит*):
Он дело говорит, да что ж я делать стану,
Когда меня бранят, колотят по карману!
Я, правда, начал сам... да поздно уж теперь!
Какой, однако ж, шут! провинциальный зверь!
Без деликатности малейшей так и режет;
А все ведь из чего? Язык досужий чешет!
Послушайся его, пожалуй, перестань
Браниться... Никогда! Нет, докажу, что дрянь
Всё, кроме моего журнала — вот и баста!
(*Звонит. Входит слуга.*)
А где же Хрипунов?

С л у г а

Он ждет.

Ж у р н а л и с т

Проси его!

Х р и п у н о в (*входит с тетрадкой*)
Не помешал ли вам?

Ж у р н а л и с т

Садитесь, ничего!

А что там, батюшка, подмышкою у вас-то?

Х р и п у н о в

Да так-с. У недругов у ваших я нашел...

Ж у р н а л и с т

Что? что?

¹ Подписчика.

Х р и п у н о в

Неправильно поставленный глагол,
Одну бессмыслицу, семнадцать опечаток...
Неловкий каламбур...

Ж у р н а л и с т

Остричь не мастера!

Х р и п у н о в

Я целый день писал статеечку вчера...
Зато отделал же — от головы до пяток!
(*Подает статью*)

Она невелика...

Ж у р н а л и с т

Давайте, посмотрю!

Да вот нельзя ли вам состряпать к сентябрю?
(*Дает ему раскрытую книгу с отметками.*)

Х р и п у н о в

Еще?

Ж у р н а л и с т

Потешиться тут можно превосходно!

Х р и п у н о в

Писать готов я всё, что будет вам угодно...

Ж у р н а л и с т

Перепечатана, вот видите, статья
И то с ошибками... Две-три нашел уж я —
Нельзя ли приискать побольше? Вот бы чудно!
Могли бы мы сказать: «Ведь, кажется, не трудно
Перепечатывать? Взгляните между тем,
Какие пропуски, ошибки, опечатки!
И вот, читатели, вас угощают чем!
Недаром Лермонтов в стихах своих перчатки
Советовал надеть, начав читать журнал.
Сигов и Кузьмичев, возрадуйтесь!.. Чем же
И кто безграмотней когда-нибудь писал?..»

Х р и п у н о в

Смотрите, ведь они ответить могут тем же...
Пойдет история...

Ж у р н а л и с т

Э, где им! никогда!

Х р и п у н о в

Однако ж, и у вас встречал я иногда...

Ж у р н а л и с т

Ну, верно пустяки... Не бойтесь — и пишите!
Да также и в других отделах поищите:
Нельзя ли перевод пощупать?..

Х р и п у н о в

Всё прочту!

Прощайте! (*уходит*).

Ж у р н а л и с т

Посмотреть, какие тут улики.

(*Берет статью, оставленную Хрипуновым.*)

Досадно, что статьи их вечно так велики:

То два, то три листа — и редко по листу!

(*Перевертывает страницы.*)

Сказал невелика, а тоже будет верно

Страниц до тридцати; привыкли непомерно

Растягивать они... ну как не похитрить?

Условия хороши! Эх, жаль! За корректурой

Заняться не могу я сам литературой,

А то бы как писал!

(*Снова перевертывает статью и вздыхает.*)

Попробуй не платить —

Отступятся, уйдут, останусь беззащитным.

А благородное молчание хранить

Не будет ли опасным и постыдным?..

ПРИЗНАНИЯ ТРУЖЕНИКА

(стр. 220)

*Первоначальная редакция — С 1854 — приводится в настоящем томе
на стр. 390—400*

Варианты сб. «Для легкого чтения» (сравнительно с первоначальной редакцией)

1—2 Те, которых часто я встречаю
В час, когда по Невскому гуляю,

- 6 Говорили: «вот идет скотина!
- 10 В половину только, сколько тучен,
- 20 Мрачность есть подобие ума!
- После* 30 Не люблю тартюфов и ханжей,
Презираю снобсов и хлыщей.
- (Неспособный к внешнему эффекту)
Не брожу по Невскому проспекту
- При коварном свете фонарей.
(По причине тучности моей)
- Предаваясь благородной лени,
Не пишу снотворных сочинений.
- После* 112 Красотой, богатствами и чином,
Наше счастье — в потрохе гусином!
- (Может быть, мой вкус немного груб;
Но люблю я с потрохами суп).
- 125—126 Друг людей, кормилец и защита!
Сколько раз, как ветер выл сердито,
- 180 Коньяку — для оживленья сил...
- 185—186 Начались ужасные отрывки,
Словно ел сырые кочерыжки;
- 205 И мычит: «давай скорее душу!»
- 208 Дура ты! нет у меня души!..»
- 222 Глаз ведет... пустой приливчик крови!
- 225 Тот глаза лазоревые пялит,
- 232 В том числе и преданных друзей).
- 333 Наконец я с мыслями собрался,
- 235—236 Но я слаб, я человек... увы!
Привезли белугу из Москвы,
- 238 Сокрушил я самый плотный ужин,
- 242 Каждый год мне панталоны узки.
- 247—248 Провожу средь уток и гусей,
Как отец среди своих детей.

П Р И Л О Ж Е Н И Я

І. НЕВКЛЮЧЕННОЕ АВТОРОМ В СОБРАНИЕ ЕГО СТИХОТВОРЕНИЙ

ПОЭЗИЯ

(стр. 236)

Варианты белового автографа ИЛИБ

- 14 Волю дам туда летать;
17—20 *отсутствуют*
24 Растерзать и поразить!..

МОЯ СУДЬБА

(стр. 239)

Вариант МЗ

- 27 И у — — Судеб, как должного, без страха,

ИЗГНАННИК

(стр. 261)

Варианты СО

- 3 И подружился с ними я.
6 На мир земного бытия;
7 Вскипело сердце чудным даром,
9 И дух, его согретый жаром,
15—16 Я заглянул, сын дерзкий праха,
Очами в радужный эфир;
19 Там под землей, в стране лазурной,
23 Мое сродство с печальным миром
31—33 Тогда рука его жестоко
Меня цепями обвила,
И цепи врезались глубоко,
35 Мне тяжело было пробужденье,
51 И веру в бога сохрани.
После 71 *следуют стихи, перенесенные в тексте МЗ после 87:*
К страданьям дух мой приучился
78—85 На друга друг подымет длани,
И страшен их кровавый бой...
Земля — просторная могила,
Где скорби — год, где счастью — час.

А смерть — отрадное светило,
Приют, приветливый для нас.
Похороненный в сей могиле,
Изгнанник родины своей,
95 Холодный пот с чела стирать;
105 Окончу радостно мой век!..

ЖИЗНЬ
(стр. 264)

Варианты БДЧ

9 Они черны, как дети преступленья
17 А к пропасти ведет порок и преступленья
45—46 Нет, видно, что еще их небо не слыхало:
Оно бы за тебя нас вызвало на мечь...

СМЕРТИ
(стр. 270)

Варианты СО

6—8 Когда коварный демон зла
Вливает в сердце яд безумья,
Порочит добрые дела.
19 Мне будет страшно мир покинуть.

БАБА-ЯГА КОСТЯНАЯ НОГА
(стр. 293)

Варианты ЛГ

Эпиграф Дела и жизнь неживших лиц,
Воспоминанье небылиц.
1 Проснулась шумная тревога
4 Четыре огненных коня
Вм-17—23 Налево легкий штат царицы
Прекрасный пол во всей красе;
В одежде праздничной девицы
В сомкнутой длинной полосе
Красивой выстроились цепью,
27 Вот рать! брадою Чернобога
52 Ценить поэзию правдиво:
53 Был у Пленеры целый полк
115 Предложен тост за лов удачный.

- 123 и 124 *следуют в обратном порядке*
150 Меж них царевны лик небесный
185 Хоть понуждали их они...

«И СКУЧНО, И ГРУСТНО»

(стр. 377)

Вариант ЛГ

- 10 Окончишь — ошипан как утка...

СТАРУШКЕ

(стр. 387)

Варианты чернового автографа ИЛИ

- 4 Чистосердечный и простой
11--12 *написаны поверх зачеркнутого двустишия:*
А он тебе моральным вздором
Ответил — идеальный шут
14--16 Любовь рассеялась как дым
И вот теперь прехладнокровно
Сошлись друг с другом и храним

Вариант ОЗ

- 7 8 И не забыла ты — давали
Свободу полную глазам.

БУРЯ

(стр. 389)

Варианты первой редакции по автографу ЦГЛА

- 20 а Целый свет исходить для нее...
б Хоть полсвета пройти для нее...
30 Эту радость нечаянной встречи...
41 Тем в любовь ее веря сильнее,
42 Цаловал я ее горячее
46 С той поры не страшуся уж бури

РУССКОМУ ПИСАТЕЛЮ

(стр. 401)

Варианты автографов ЛБ и ЦГЛА

- До 1 Когда, подвигнутый любовью
Народа Русского глава
Дарует каждому сословью

	Его законные права	<i>ЛБ</i>
1—2	Не тщися быть толпе угодней, То льстя, то поблажая ей	<i>ЛБ</i>
8	На почве правды и добра	<i>ЛБ</i>
9—11	Служеньем хладному искусству Самолюбиво не живи — Но подчини свой гений чувству	<i>ЛБ</i>
15	В труде твоём возблещут сами	<i>ЦГЛА</i>
17—18	Взгляни: сей труженик дробит В щбенку неуклюжий камень	<i>ЛБ</i>

II. ИСКЛЮЧЕННОЕ АВТОРОМ ИЗ ОСНОВНОГО ТЕКСТА

СТАРИКИ

(стр. 402)

Вариант С

После 12 Взяты временем и горем
Кудри черные твои,
Не сравнишь ты с синим морем
Очи впалые мои...

III. НЕОПУБЛИКОВАННОЕ ПРИ ЖИЗНИ

«ЛЮБЕЗНА МАМЕНЬКА, ПРИМИТЕ»

(стр. 403)

Редакция ЛГ

Любезна маменька! примите
Сей слабый и ничтожный труд
И благосклонно рассмотрите,
Годится ль он куда-нибудь!

[В АЛЬБОМ МАРИИ ФЕРМОР]

(стр. 403)

Вариант автографа ЦГЛА

1 [На море вашей жизни бурной]

<ТУРГЕНЕВУ>

(стр. 411)

Вариант автографа ЦГЛА

11 Он боязливой старой бабой

КАРЕТА

(стр. 412)

Варианты ЛБ

I

Хотелось бы кой-что сказать и тем,
Которые о бедняках хл<опочут>,
А ездят в экипажах, огражденных
Гвоздями сзади, чтоб старик усталый
Или шалун, оборванный мальчишка,
Впотьмах дерзнув забраться на запятки,
То поплатились бы увечь<ем>
За дерзость эту...

II

Хотелось бы и тем сказать словечко,
Которые жалеют бедняков,
А ездят с заостренными гвоздями,
Чтобы впотьмах усталый пешеход
Или шалун, оборванный мальчишка,
Вскочивши на запятки, заплатил
Увечьем за желание прокатиться
За их каретой...

<ДРУЖИНИНУ>

(стр. 413)

Вариант чернивого автографа

- 1-2 Кто поживет с тобой, Дружинин,
Тот будет в верном барыше:

ЛЕТО

(стр. 413)

Варианты автографа КЧ

- 6 Уж равняется ростом с кустами:
После 8 *незавершенные наброски строфы:*
Но утрам продолжительны росы
А к полудню жары чрезвычайны

ВСТРЕЧА

(стр. 416)

Черновые варианты автографа ЛБ

- 3 Как-то убого и тускло блестя
4 незаконченная правка без отмены первоначального чтения:
Лики святых чуть
5 а начаты: Свет от немногих лампад <не> восходит
6 Вверх не доходят, чернее там ночи
6-7 Кверху поднявшись пугливые очи
Робко склоняются долу
7-8 начаты: Долу склоняется; купол висит
Мрачную бездной над храмом убогим
8 Свечи считает и медью стучит
15-16 Много из прежней твоей красоты,
Много бедняжка утратила ты
17-18 Но и глаза и черты так похожи...
Да, это ты... Я узнал тебя... боже!
22 После трудов моих тяжких усталый

ПРОЩАНИЕ

(стр. 417)

Варианты автографа ЛБ

- 3 И думал я: не будет муки
6 Пиши — молю я одного.

«НЕ ЗНАЮ, КАК СОЗДАНЫ ЛЮДИ ДРУГИЕ»

(стр. 418)

Варианты автографа ЛБ

- 3 Я землю и небо и солнце люблю
4 а Невольной мечтою о славе киплю
6 Волнуюсь надеждой, страстями киплю
6 И весь я в стремлен<ьях> моих ненасытен.

«О, НЕ СКЛОНЯЙ ПОБЕДНОЙ ГОЛОВЫ»

(стр. 419)

Вариант автографа ЛБ

- 1 О не склоняй печальной головы

«ТАК ГОВОРИЛА <...> АКТРИСА ОТСТАВНАЯ»

(стр. 419)

Варианты автографа ЛБ

- 4 А ныне смутно-памятных речей
7 Ушла домой с Парашею своей
17 [И чтоб могилу выкопали ей]

«О, ПОШЛОСТЬ И РУТИНА — ДВА [ГИГАНТА]»

(стр. 420)

Вариант ЛБ

- 1--2 За пошлость и рутину — два явленья
Которые переживают всё —

«ЕЩЕ СКОНЧАЛСЯ ЧЕСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК»

(стр. 420)

Варианты черновых набросков ЛБ

- 15—16 *начат*: Кто в жажде <дела> сам себя ломает
Кто некогда Добру служить желал
24 И истины паденье замечая
27 Смешон и муж, повергнутый в хандру
28 Большой тоскою постоянной.

IV. КОЛЛЕКТИВНОЕ

«ПОСЛАНИЕ БЕЛИНСКОГО К ДОСТОЕВСКОМУ»

(стр. 423)

Разночтения копий Драгоманова (Д) и Григоровича (Г)

2	Достоевский, юный пыщ,	Д
5	Хоть ты новый литератор,	Д
28	Удели хоть «Двойника»	Г

ПОСЛАНИЕ К ЛОПГИНОВУ

(стр. 425)

Варианты черновика Тургенева (Т) и копии Дружинина (К)

1	Недавний гражданин стареющей Москвы	Т
8	Спокойно процветал строптивый Арапетов	К

- 12 Вращает Мухортов прекрасными глазами *T*
 20 Иль мало мы к тебе питали уваженья? *T*
 После 22 [Кем не был пощажён певец Торквата Тасса,
 Того, под чьей рукой не раз трещала касса,
 Пока <и рэб> грабителя седого Адлерберг,
 Щадя родной театр, в отставку не поверг]
 66 *начат*: Которой жизнь твоя с тех пор отравлена *T*
 69 а *начат*: Ты с нами заживешь обычной чередой...
 б Ты с нами заживешь, как прежде жили мы *T*
 71 Уж Мухортов открыл в России груды торфа
 77 Европе возвестил известный Сологуб *T*
 79—81 А Майков, наш поэт, с которым ты носился
 Не без намеренья публично осрамился
 И Арапетов сам, тот штатский генерал *T*
 84 Стоит как тучный бык, обухом пораженный, *T*

<АННЕНКОВ>

(стр. 427)

Вариант автографа ЦГЛА

- 10—12 Уничтожает он сугубо
 Все блюда Английского клуба
 А сам обедов не даст

КОММЕНТАРИИ

В первый том настоящего издания вошли стихотворения, написанные Некрасовым с 1838 по 1856 год. Во второй том — все остальные стихотворения: с 1856 по 1877 год. В третий — поэмы «Дедушка», «Русские женщины», «Современники» и «Кому на Руси жить хорошо».

В 1941 г. в Государственной библиотеке им. Ленина был обнаружен рукописный сборник стихотворений Некрасова, опознанный сотрудницей библиотеки Е. Н. Коншиной. Он состоит из 13 самодельных тетрадей, в нем 252 страницы, значительное большинство которых исписано рукою Некрасова. Оказалось, что это тот самый сборник, который 7 июня 1855 г. Некрасов предложил для издания московскому меценату К. Т. Солдатенкову¹. По причинам, не вполне установленным, поэт ввел в этот сборник несколько таких стихотворений, которые не могли появиться в печати в силу тогдашних цензурных условий. Перед оглавлением сборника поэт собственноручно написал:

«За оглавлением следуют стихотворения, к печати неудобные».

И после оглавления повторил:

«Не для печати».

Кроме того, в сборнике — правда, в очень немногочисленных случаях — новые автографы поэта дают варианты, свободные от царской цензуры.

¹ Об этом сборнике см.: 1) «Голос минувшего», 1916, № 9, стр. 182 — 191; 2) Собр. соч. Некрасова, М. — Л. 1930, т. V, письма, стр. 209, 222, 226 и след.; 3) «Огонек», 1946, № 48—49, стр. 20—22.

Эта новонайденная рукопись явилась надежной опорой для текстологии первого тома Полного собрания сочинений Н. А. Некрасова. Она дала возможность впервые напечатать по автографам тексты «Кареты», «Наследства», «Еще скончался честный человек», «В альбом», «Среди моих трудов досадных», «Зачем насмешливо ревнуешь?» и нескольких других стихотворений Некрасова, которые до настоящего времени были известны лишь по недостоверным спискам.

До какой степени некоторые списки бывали далеки от некрасовских подлинников, свидетельствуют, например, следующие четыре строки из «ефремовской» копии, которая еще недавно публиковалась в газетах и специальных изданиях, как «новое стихотворение Некрасова»:

И говорят: ценою чувства,
Ценой душевной *пустоты* (!)
Презрела (!) страшное искусство
И гордый смех купила ты.

Теперь благодаря новонайденной рукописи мы получили возможность исправить этот испорченный текст. Оказалось, что в автографе Некрасова сказано:

И говорят: ценою чувства,
Ценой душевной *теплоты*
Презренья страшное искусство
И гордый смех купила ты.

Конечно, не все копии стихотворений Некрасова дошли до нас в таком искаженном виде, но уверенность в их точности имеется лишь теперь, когда мы располагаем их подлинниками.

Кроме того, в этом сборнике впервые находим беловые автографы таких стихотворений Некрасова, как «Современная ода», «В дороге», «Новый год» и т. д.

Некоторые вводимые ныне поправки уже давно предлагались исследователями, опиравшимися на более или менее достоверные копии, но мы не вводили эти поправки в канонический текст, пока не были обнаружены авторские подлинники. В настоящее время только две поправки вводятся нами на основании списков, так как эти списки (Н. В. Гербеля, М. И. Михайлова и П. А. Ефремова), основанные на текстах, сообщенных Некрасовым, вполне совпадают друг с другом.

Некоторые вводимые нами поправки с первого взгляда кажутся мелкими, между тем они существенно меняют политический

смысл текста. Например, в стихотворении «Поэт и гражданин» уже более 90 лет печаталось:

В ночи, которую теперь
Мы доживаем боязливо,
Когда свободно *рыскал* зверь,
А человек *бродил* пугливо.

Теперь мы печатаем эту строфу по-другому:

В ночи, которую теперь
Мы доживаем боязливо,
Когда свободно *рыщет* зверь,
А человек *бредет* пугливо.

Поправка почти незаметная, но ценность ее для характеристики революционно-демократических убеждений поэта представляется нам очень значительной. Стихотворение написано тотчас же после смерти Николая I, когда либералы, возлагая все надежды на новое царствование, считали, что николаевская «ночь» уже кончена и что политическая ситуация, «когда свободно рыскал зверь, а человек бродил пугливо», относится к области прошлого. Между тем благодаря этой обновленной строфе мы лишний раз убеждаемся, что Некрасов даже в то «благодатное время надежд» не разделял либеральных восторгов: он уже тогда понимал, что «зверю» николаевской эпохи попрежнему дана полная воля.

Так как Некрасов всю жизнь был вынужден работать в подцензурной печати, нередко случалось, что те варианты, которые отражали в себе более раннюю стадию его работы над каким-нибудь текстом, оказывались достовернее тех, где дана так называемая «окончательная» редакция этого текста, ибо «окончательную» редакцию ему то и дело приходилось приспособлять к требованиям царской цензуры. В одном из своих писем он сам говорил: «кончивши поэму, начну ее портить». Вот почему во всех случаях, когда была абсолютно ясна цензурная причина замены раннего варианта позднейшим, редактор считал себя обязанным ввести этот ранний вариант в канонический текст.

Это относится только к тем некрасовским рукописям, где наличие автоцензуры не вызывает ни малейших сомнений. В основном же мы, конечно, считали для себя обязательной последнюю прижизненную редакцию текста. В основу главного раздела стихотворений Некрасова нами положено издание 1873—1874 гг., с учетом позднейших поправок, внесенных в это издание Некрасовым во время его предсмертной болезни. Эти поправки впервые

вошли в издание 1879 г., осуществленное сестрою поэта, при участии библиографа С. И. Пономарева. Так же авторитетны для нас, в отношении текстов, «Последние песни» Некрасова, вышедшие в год его смерти.

Ряд стихотворений Некрасова, не печатавшихся в дореволюционных изданиях главным образом по цензурным причинам («Белинский», «Вчерашний день часу в шестом», «Шевченко», «Бунт» и др.), мы вводим в основной раздел тома, а не в приложения («Неопубликованное при жизни»), так как нельзя сомневаться, что эти стихотворения были бы включены сюда самим автором.

В тех случаях, когда датировка не аргументируется редактором, принимаются даты, установленные самим поэтом в его собраниях стихотворений.

Стихи, не собранные при жизни поэта, печатаются по текстам современных ему журналов, газет, альманахов и сборников.

Подстрочные примечания к стихам принадлежат Некрасову.

В основном придерживаясь орфографии автора, редактор не считал нужным сохранять ее старинные формы («ужь», «чтожь», «пзвощик», «тросник», «милой человек», «поцалуй», «стрижет», «бубеньчик», «погонщик», «не сжатая полоса», «наровит» и т. д.), тем более, что орфография у него с годами менялась («диравый» — «дыравый», «ценсор» — «цензор», «ради» — «рады»). То же относится и к пунктуации Некрасова: она воспроизведена в точности за исключением тех случаев, когда противоречит современным читательским навыкам или нарушает систему, принятую самим Некрасовым.

В прямые скобки заключается зачеркнутое Некрасовым, в ломаные — редакторские дополнения.

Большинство стихотворений снабжено историко-литературным и реальным комментарием, составленным редактором тома. Кроме того, к каждому стихотворению дается особое текстологическое примечание, содержащее в себе краткую историю печатного текста и описание основных рукописей. Отдельно печатается свод главнейших разночтений на основе изучения рукописей и прижизненных изданий Некрасова. Обе последние работы выполнены покойным ленинградским ученым А. Я. Максимовичем. Ему же мы обязаны несколькими ценными поправками, введенными в тексты стихотворений Некрасова (см. стих. «Белинский», «Из путевых записок гр. Гаранского», «Знахарка», «Старость», «Затворница», «Что нового?» «Смолкли честные» и др.).

СТИХОТВОРЕНИЯ

1845 — 1856

1 8 4 5

СОВРЕМЕННАЯ ОДА

(стр. 11)

Самым своим заглавием это стихотворение полемически противопоставлялось тогдашним журнальным стихам, которые в огромном своем большинстве тяготели к старинным сюжетам и уводили читателя прочь от мрачной крепостнической действительности (ср. также заглавия и подзаголовки стихотворений Некрасова: «*Современники*», «*Опыт современной баллады*», «*Современная повесть*» и проч.). Именно такой животрепещущей, злободневной тематики требовал в то время от поэзии В. Г. Белинский. «*Всякая поэзия, — писал он в 1845 году, — которой корни не в современной действительности, которая не бросает света на действительность, есть дело от безделья, пустое препровождение времени, игра в куклы и бирюльки, занятие пустых людей* (В. Г. Белинский, Сочинения, М. 1893, т. X, стр. 74).

Обличение лицемеров, подобных герою «*Современной оды*», имело в ту эпоху глубокий политический смысл, так как лицемерие проникало тогда во все области государственной жизни.

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 11—12.

Впервые — *ОЗ* 1845, № 4, стр. 327, с подписью: «Н. Пе—в». Вошло во II раздел *Стих* 1856 и перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

Перепечатано также в изданном Некрасовым сборнике «Для легкого чтения», П. 1856, т. I, стр. 258—259, с датой: «1844», под заголовком: «Три стихотворения Н. А. Некрасова» (вместе со стихотворениями «Когда из мрака заблуждения» и «Если, мучимый страстью мятежной»).

В ДОРОГЕ (стр. 12)

Стихотворение «В дороге» было напечатано в 1846 году. До той поры в русской подцензурной печати еще не появлялось таких резких протестов против крепостного права: еще не были написаны ни «Сорока-воровка» А. И. Герцена, ни «Записки охотника» И. С. Тургенева, ни «Антон-Горемыка» Д. В. Григоровича. Отсюда то горячее сочувствие, с которым было встречено передовыми людьми того времени это первое антикрепостническое стихотворение Некрасова.

Когда Некрасов прочитал его В. Г. Белинскому, великий критик обнял его и сказал «чуть не со слезами в глазах»: «Да знаете ли вы, что вы поэт — и поэт истинный?» (И. И. Панаев, Литературные воспоминания, Л. 1928, стр. 404.)

В своем отзыве о стихах, помещенных в некрасовском «Петербургском сборнике», В. Г. Белинский писал: «Самые интересные из них принадлежат перу издателя сборника, г. Некрасова. Они проникнуты мыслью; это — не стишки к деде и луне; в них много умного, дельного и современного. Вот лучшее из них, «В дороге»... (В. Г. Белинский, Собр. соч., П. 1919, т. III, стр. 566.)

А. И. Герцен тоже дал высокую оценку этому стихотворению Некрасова. Впоследствии поэт вспоминал: «Герцен был первый после Белинского, приветствовавший добрым словом мои стихи (я его записочку ко мне, по выходе «Петербургского сборника», до сей поры берегу)» (Некрасов, Собр. соч., т. V, М. — Л. 1930, стр. 298).

«Записочка» эта до нас не дошла, но можно не сомневаться, что она была вызвана именно стихотворением «В дороге», так как 19 февраля 1846 г. Белинский писал Герцену: «Ты прав, что пьеса Некрасова «В дороге» превосходна» (В. Г. Белинский, Письма, П. 1914, т. III, стр. 101).

Либеральная критика пыталась опорочить это стихотворение указанием на то, что в нем будто бы недостаточно верно передана крестьянская речь. С. С. Дудышкин процитировал из него ряд строк, в которых видел «неудачную подделку под народный стих». («Отечественные записки», 1861, № 12, стр. 12). Возражая ему, Аполлов

Григорьев писал: «Не подделка под народную речь, а речь человека из народа в нем <в этом стихотворении> слышалась... Из стихотворения ясно было, что его писал человек с народным сердцем, человек закала Кольцова, что он не сочиняет ни речи, ни сочувствий» («Время», 1862, № 7, стр. 16).

Варган — орган, музыкальный инструмент; здесь, очевидно, пианино.

И с запашки ссадил на оброк. — Крепостные крестьяне, которых помещики отпускали на заработки, считались переведенными «с запашки на оброк», так как должны были ежегодно выплачивать своим господам определенную сумму денег.

В изд. 1861 года цензура не разрешила строки:

Погубили ее господа,—

и Некрасову пришлось напечатать:

Погубило ее баловство.

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 7—9.

Впервые — *ПСб.*, стр. 505—507, с подписью: «Николай Некрасов». Вошло в I раздел *Стих* 1856 и перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

ПЬЯНИЦА

(стр. 15)

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 13—14.

Впервые — *ПСб.*, стр. 508—509, с подписью: «Николай Некрасов». Вошло во II раздел *Стих* 1856 и перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

«ОТРАДНО ВИДЕТЬ, ЧТО НАХОДИТ»

(стр. 17)

Цензура вычеркнула строчку о важном чиновнике:

Ты, лоб, как говорится, медный.

Некрасов, печатая ее в «Петербургском сборнике», придал ей противоположный (и тем самым иронический) характер:

Ты, тонкий плут и лоб не медный

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 15—16.

Впервые — *ПСб.*, стр. 509—510, с подписью: «Николай Некрасов».

сов». Вошло по II раздел *Стих* 1856 и перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

Цензурный пропуск ст. 15—16 восстановлен лишь в *Стих* 1863.

«КОГДА ИЗ МРАКА ЗАБЛУЖДЕНИЯ»

(стр. 18)

Одно из первых по времени произведений русской поэзии, где так называемая падшая женщина встречает сочувствие как жертва тяжелых социальных условий.

Н. Г. Чернышевский писал Некрасову 5 ноября 1856 г. по поводу этих стихов: «<они> буквально заставляют меня рыдать» (Н. Г. Чернышевский, Литературное наследие, М. — Л. 1928, т. II, стр. 340).

Н. А. Добролюбов в 1857 году под несомненным влиянием этого стихотворения писал, обращаясь к «падшей»:

Любви таинственную силой
Ты освятилась и спаслась.

И не забуду я мгновенья
Как ты, прокляв свой прежний путь,
Полна и веры и смущенья,
Рыдая пала мне на грудь.

(См. стихотворение «Не диво доброе влечение» в Полном собрании сочинений Н. А. Добролюбова, М. 1939, т. VI, стр. 249; и статью Б. Бухштаба, Добролюбов-поэт, там же, стр. XIV).

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 21—22; ст. 15—16 даны в последней авторской редакции по *Стих* 1879.

Впервые — *ОЗ* 1846, № 4, стр. 403—404, с подписью: «Николай Некрасов». Вошло в IV раздел *Стих* 1856 и перепечатывалось в первой части всех последующих изданий. Перепечатано также в сб. «Для легкого чтения», II. 1856, т. I, стр. 257—258, с датой: «1845», под заголовком: «Три стихотворения Н. А. Некрасова» (вместе со стихотворениями «Современная ода» и «Если, мучимый страстью мятежной»).

«ПУСКАЙ МЕЧТАТЕЛИ ОСМЕЯНЫ ДАВНО»

(стр. 19)

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 57.

Впервые — *С* 1851, № 1, стр. 140, под заголовком: «Стихотворение без подписи». Вошло без заглавия в IV раздел *Стих* 1856 и перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

(стр. 20)

Эта сатира вызвала негодование реакционной печати.

«Вот, что современная мать поет сыну у его колыбели!» — возмущался представитель теории «официальной народности» С. П. Шевырев и, процитировав эту пародию (наряду с другими произведениями, входившими в состав некрасовского «Петербургского сборника»), восклицал: «Что я? что со мною? где я был? что читал? где это сочиняют? В Пекипе, на островах Сандвичевых?» (С<тепан> Ш<евырев>), «Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым», «Москвитянин», 1846, № 2, стр. 185.)

Высшие круги бюрократии, задетые этой сатирой, поспешили принять репрессивные меры и против цензора, пропустившего «Колыбельную песню», и против ее автора. 13 февраля 1846 г. шеф жандармов граф А. Ф. Орлов писал о «Колыбельной песне» министру народного просвещения графу С. С. Уварову: «Сочинения подобного рода по предосудительному своему содержанию не должны бы одобряться к печатанию...» Уваров велел объявить цензору выговор («Русская старина», 1903, № 5, стр. 382).

В том же году Некрасова призвал к себе управляющий Третьим отделением Л. В. Дубельт и «много кричал, как он смел нападать на сановников и на дворян» (А. П. Шуберт, Моя жизнь, Л. 1928; стр. 86).

Именно с этого времени за Некрасовым утвердилась в правительственных кругах репутация «неблагоденного», «опасного» автора, и всякий раз, когда в 40-х и 50-х годах его политические враги стремились нанести ему новый удар, они напоминали властям его «Колыбельную песню». Так, через два года после ее появления, едва только в России началось так называемое «мрачное семилетие» (в связи с революционным восстанием во Франции), Фаддей Булгарин представил в Третье отделение донос, где между прочим писал, имея в виду «Колыбельную песню» и «В дороге» Некрасова: «Некрасов самый отчаянный коммунист: стбит прочесть стихи его и прозу в С.-Петербургском Альманахе, чтоб удостовериться в этом. Он страшно вопиет в пользу революции» (П<авел> Щ<еголев>), Эпизод из жизни В. Г. Белинского, «Былое», 1906, № 10, стр. 283).

В том же году реакционный публицист М. П. Погодин снова процитировал в своем журнале «Колыбельную песню» и выступил против Некрасова с заведомо фальшивой цитатой:

«Читатели помнят, — писал он, — «Колыбельную песнь» Г<осподи>на Некрасова, в коей мать поет сыну:

Спи, подлец <!>, покуда честный».

(М. Погодин, Журнальные заметки, «Москвитянин», 1848, № 12, стр. 185.)

У Некрасова нет строки, приводимой в заметке Погодина.

Примечательно, что ту же фальшивую цитату использовал и Фаддей Булгарин, написавший 26 декабря 1848 года петербургскому цензору А. Л. Крылову:

«Даже Некрасов — великий муж у вас, и вы пропустили ему в СПб Альманахе «Колыбельную песню», которую мать якобы поет при колыбели младенца:

Спи, подлец, покуда честный
и проч.

Не нарушение ли это всех священных чувств, не насмешка ли над природою и человечеством?» («Голос минувшего», 1913, № 4, стр. 225). Через три года, в 1851 году, представители реакционного лагеря снова использовали «Колыбельную песню» для нового выпада против Некрасова: в резко полемической анонимной статье <Б. Алмазова> «Стихотворения Эраста Благодравова» тот же «Москвитянин» перепечатал «Колыбельную песню» («Москвитянин», 1851, № 19—20, стр. 276—277). Это снова вызвало цензурную бурю. Тотчас же после появления статьи министр народного просвещения писал в московскую цензуру: «В №№ 19 и 20 «Москвитянина» перепечатано из изданного в 1846 году г. Некрасовым «С.-Петербургского сборника» стихотворение под заглавием «Колыбельная песнь (Подражание Лермонтову)». Стихотворение это, по предосудительности своего содержания, обратило тогда же на себя внимание правительства, и вследствие того сделан был, за пропуск оногo в «Сборнике», строгий выговор. Хотя о сем обстоятельстве и не было сообщено Московскому цензурному комитету, по не менее того (sic) цензор Ржевский не мог не заметить крайней неприличности содержания и выражений упомянутого стихотворения, и потому, при нынешних еще более строгих требованиях, цензор никак не должен был допустить оногo к печати» (Н. П. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, П. 1897, т. XI, стр. 389). На цензора было наложено взыскание.

Вследствие цензурного запрета «Колыбельная песня» не могла появиться ни во втором, ни в третьем, ни в четвертом изданиях «Стихотворений» Некрасова.

В 1864 г. дело о «Колыбельной песне» дошло до цензурного комитета. Комитет запретил ее, так как в ней, по его словам, заключается «едкая ирония на судьбу чиновников: гнуть спину, ползти

ужом до хорошего местечка, красть, потом купить дом и сделаться русским дворянином» («Книга и революция», 1921, № 2 (14), стр. 45).

Лишь в 1869 г. «Колодыбельная песня» могла снова появиться в печати.

Печатается по *Стих* 1873, ч. III, приложение: Юмористические стихотворения 1842—1845 годов, стр. 210—212.

Впервые — *ПСб*, стр. 510—511, с подписью: «Николай Некрасов». Вошло во II раздел *Стих* 1856; в *Стих* 1861, 1863 и 1864 отсутствует по цензурным причинам (см. выше); в *Стих* 1869 и 1873 помещено в приложении к третьей части.

«Я ЗА ТО ГЛУБОКО ПРЕЗИРАЮ СЕБЯ»

(стр. 22)

Здесь впервые намечена Некрасовым характеристика так называемых «лишних людей», к изображению которых поэт не раз обращался впоследствии (см. стихотворения «Саша», «Медвежья охота», «Самодовольных болтунов» и т. д.).

При жизни Некрасова это стихотворение во всех изданиях называлось «Из Ларры»¹. Перед смертью Некрасов, по свидетельству С. И. Пономарева, написал на полях своей книги: «Неправда. Приписано Ларре по странности содержания. Искреннее. Написано во время гощения у Герцена». Может быть, навеяно тогдашними разговорами. В то время в московском кружке был дух иной, чем в петербургском, т. е. Москва шла более реально, нежели Петербург (см. книгу Станкевича)» (*Стих* 1879, т. IV, стр. XXI).

Некрасов несомненно разумеет книгу А. Станкевича «Тимофей Николаевич Грановский» (Биографический очерк, М. 1869). В этой книге, между прочим, говорится, что в Москве с 1844 г. у передовой молодежи началось тяготение к реальным знаниям и главным образом к естественным наукам.

Некрасовым указана неверная дата: 1847 г. (ср. у С. И. Пономарева, *Стих* 1879, т. IV, стр. XXI). В солдатенковском автографе поэт указывает другую дату: 1846. Если стихи написаны во время его гощения у Герцена, то они относятся к более ранней поре. Некрасов гостил у Герцена только раз: в июне 1845 г. в Соколове, под Москвой. Об этом пишет сам Герцен в письме к Краевскому от 12 июня 1845 г.: «Я теперь на превеликолепной даче, где

¹ Мариано Хосе де Ларра (1809 — 1837) — знаменитый испанский сатирик.

нас навестил Некрасов» (А. П. Герцелин, Полное собрание сочинений и писем, II. 1915, т. IV, стр. 186). Поэтому стихотворение датируется 1845 годом.

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 49—50; доцензурная редакция ст. 16, введенная в основной текст, установлена списком Модзалевского (*ИЛИ* № 13998 XXVI б. 27).

Впервые — в IV разделе *Стих* 1856, стр. 162; перепечатывалось в первой части всех последующих изданий. Беловой автограф — *Солд* (*ЛБ*).

Существует датированная 1850 г. запись этого стихотворения — рукою Я. П. Полонского, в его альбоме (*ИЛИ* 11697 LXVIII б. 6)

1 8 4 6

ОГОРОДНИК

(стр. 23)

Долго держалось мнение, будто в основе «Огородника» лежит известная народная песня о Ваньке-ключнике (П. Н. Сакулин, Некрасов, М. 1922, стр. 35). Против этого мнения высказался фольклорист Н. Андреев, отметивший, что к сюжету «Огородника» гораздо ближе песня о холопе и барской дочери, приводимая в «Великорусских народных песнях» А. И. Соболевского в нескольких вариантах (т. I, СПб, 1895, №№ 49—59). «Впрочем, — говорит Н. Андреев, — в стилистическом отношении в «Огороднике» можно отметить вообще тягу к некоторым приемам фольклорного творчества, но не близость к одной какой-нибудь песне» (Н. Андреев, Фольклор в поэзии Некрасова, «Литературная учеба», 1936, № 7.)

В традиционный фольклорный сюжет Некрасов внес новое содержание: о классовой розни крепостных и дворян.

Из шести членов Главного управления цензуры, рассматривавших книгу Некрасова в 1859 г., четверо высказались за исключение из нее «Огородника». По мнению действительного статского советника Тройницкого, здесь, как и в некоторых других стихотворениях Некрасова, «изображается в слишком мрачных красках быт русского народа вообще, особенно в отношениях крестьян к помещикам». Действительный тайный советник Митусов причислил «Огородника» к тем стихотворениям Некрасова, которые «по демократическому направлению, посевающему вражду между государственными сословиями» подлежат «непременному исключению»... (В. Е в-

Генъев-Максимов, Некрасов как человек, журналист и поэт, М.—Л. 1928, стр. 232—234).

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 17—20.

Впервые — *ОЗ* 1846, № 4, стр. 401—402, с подписью: «Николай Некрасов». Вошло в I раздел *Стих* 1856 и перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

ТРОЙКА

(стр. 26)

Это стихотворение было высоко оценено в кружке Белинского. Едва только «Тройка» появилась в печати, Н. П. Огарев написал Т. Н. Грановскому: «Тройка» Некрасова — чудесная вещь. Я ее читал раз десять» (Н. П. О г а р е в, Письма к Т. Н. Грановскому, А. И. Герцену и М. Ф. Корш, «Звенья», т. 1, Л. 1933, стр. 116).

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 26—28.

Впервые — *С* 1847, № 1, стр. 91—92, с посвящением: «(И. И. Маслову)» и подписью: «Н. Некрасов». Вошло (без посвящения) в I раздел *Стих* 1856 и перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

Беловой автограф на одном листе со стихотворением «Еду ли ночью по улице темной» в ЦГЛА, фонд № 338. Подпись: «Н. Некрасов» и помета: «там же» (обозначающая указанную при стихотворении «Еду ли ночью» ссылку на *С* 1847, № 9, откуда было переписано). Редакция совпадает с первопечатной.

РОДИНА

(стр. 28)

«Стихотворение «Родина» привело Белинского в совершенный восторг, — вспоминал И. И. Панаев. — Он выучил его наизусть и послал его в Москву к своим приятелям... В эту эпоху он был увлечен Некрасовым и только и говорил об нем»... «А каков Некрасов-то! Ведь он начинает обнаруживать глубокий поэтический талант. Сколько скорби и желчи в его стихе» (И. И. П а н а е в, Литературные воспоминания, Л. 1928, стр. 404).

Это подтверждается свидетельством самого Некрасова. В одном из фрагментов своей автобиографии поэт сообщает, что великому критику понравились в этих стихах «задатки отрицания», т. е.

социального протеста. По словам Некрасова, в такой же восторг от этого стихотворения пришел и И. С. Тургенев. «Я много читал <писал?> стихов, но так написать не могу, — сказал Тургенев, — мне нравятся и мысли и стих» («Автобиографии Некрасова». Публикация В. Евгеньева-Максимова и С. Рейсера, *ЛН*, стр. 164).

При этом, по воспоминаниям Некрасова (записанным С. Н. Кривенко), Тургенев говорил поэту о тех же стихах: «То, что у вас выражено в одной строке, нам нужно несколько страниц, чтобы выразить прозой» (Т а м ж е, стр. 209—210). Впрочем, возможно, что этот отзыв относился к стихотворению «В дороге», так как С. Н. Кривенко приурочивает его ко времени первого знакомства Некрасова с Тургеневым, когда «Родина» еще не была написана.

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 35—38.

Впервые — в IV разделе *Стих* 1856, стр. 169—171, под заглавием «Старые хоромы. (Из Ларры)» и с посвящением «(Валерьяну Панаеву)»; перепечатано, без посвящения, в первой части *Стих* 1861; под заглавием «Родина» перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

Цензурные искажения ст. 5—6, 10 и 34 в *Стих* 1856 и 1861 восстановлены в *Стих* 1863.

Наборная рукопись *ИЛИ* (21199/СХ б. 20); заглавие: «Старые хоромы (Из записок ипохондрика)»; ниже зачеркнуто посвящение: «В. П. Б<отки>ну»; правка сводится к цензурным сокращениям (которые в печати все же делать не пришлось). Под текстом подпись: «Н. Некрасов».

Рукопись, хранившаяся в *ИМ* и описанная В. Чехихиным-Ветринским («Некрасовский сборник», Ярославль, 1922, стр. 84—85), является не автографом, а авторизованной копией.

Беловой автограф — *Солд* (*ЛБ*) под заглавием: «Старое гнездо».

ПЕРЕД ДОЖДЕМ

(стр. 30)

В закрытой таратайке со спущенным верхом жандармы перевозили в то время арестованных политических «преступников».

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 53; доцензурная редакция ст. 16, введенная в основной текст, установлена (М. К. Азадовским)

совпадающими поправками П. А. Ефремова и Гербеля на принадлежавших им экземплярах стихотворений Некрасова.

Впервые — сб. «Первое апреля», П. 1846, стр. 18, без подписи. Вошло в IV раздел *Стих* 1856 и перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

Беловые автографы в альбоме Н. В. Гербеля (*ПБ*), стр. 444, под текстом дата: «21 дек. 1853» и подпись: «Н. Некрасов», а также в *Солд (ЛБ)*. Ст. 16 в обоих текстах дан в цензурной редакции (то же в *Стих В* 1862).

«В НЕВЕДОМОЙ ГЛУШИ, В ДЕРЕВНЕ ПОЛУДИКОЙ»
(стр. 31)

Было напечатано в «Заметках и размышлениях Нового Поэта» (Ив. Панаева). Новый Поэт рассказывал, что однажды, когда он читал Пушкина, к нему вошел небритый господин в поношенном сюртуке: «Лицо вошедшего дышало <...> умом <...> избытком доброты и нечали <...> Посетитель мой был поэт, и поэт (я говорю не шутя) замечательный».

Сравнивая одно стихотворение Каролины Павловой со стихотворением небритого гостя (Некрасова) «Родился я в губернии», Новый Поэт восклицал:

«— Я, право, не отдам одной строчки из стихотворения моего небритого гостя, — стихотворения, так близкого житейской прозе, за все эти высокопарные строфы, парящие под облака и лопающиеся там подобно ракетам! Вот еще стихотворение того же поэта... Оно носит самое пошлое название, так истасканное нашими поэтами:

К и с и

В суровой бедности невежественно дикой
Я рос среди буйных дикарей

<и т. д.>»

В издании 1856 г. стихотворение имело подзаголовок: «Из Ларры». Но перед смертью Некрасов написал на полях: «Подражание Лермонтову. Сравни: Арбенин (в драме «Маскарад»). Не желаю, чтобы эту подделку ранних лет считали как черту моей личности. Был влюблен и козырнул. В. Отнести в приложения».

Зачеркнув заглавие «Из Ларры», поэт написал «Подражание Лермонтову».

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 51—52.

Впервые — *С* 1851, № 11, *Современные заметки*, стр. 87—88, в фельетоне «Заметки и размышления Нового Поэта по поводу русской журналистики», под заглавием: «К ней», без подписи. Вошло в IV раздел *Стих* 1856 и перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

Как указано выше, автор распорядился отнести эти стихи в приложение. В письмах сестры Некрасова А. А. Буткевич (*ИЛИ*) есть два упоминания об этом распоряжении Некрасова. В письме от 14 июля (1878 г.) Буткевич, отвечая на какой-то запрос Пономарева, пишет: «Помнится мне, что *В* (нота бене) *отнести в приложение* тогда же озадачила меня — я не могла понять, к чему она относится. Верно, забыл брат». В следующем письме от 5 августа 1878 г. она решает: «В неведомой глуши» следует оставить в тексте. *В* значит: нужно написать примечание. Примечания брат не написал, между тем как он, вероятно, разъяснил бы, почему не придает этой пиесе значения и относит в приложения. Без подобного объяснения мы не можем ступать такую капитальную вещь» (*ЛН2*).

Беловой автограф — *Солд* (*ЛВ*).

ПСОВАЯ ОХОТА

(стр. 33)

Псовая охота была любимой забавой богатых помещиков. Ради нее они держали обширную псарню и целые отряды псарей. Именно поэтому она, по свидетельству сестры Некрасова, никогда не привлекала поэта, предпочитавшего ей простую ружейную охоту, не связанную с принуждением крестьян участвовать в барской забаве (*ЛН*, стр. 176).

В 1846 году в Петербурге появились два специальных трактата, посвященных восхвалению «Псовой охоты». Первый — «О псовой охоте», написанный «стремлянным государевым» А. М. Венцеславским, — печатался в трех книжках «Журнала коннозаводства и охоты». Второй — «Псовая охота», написанный Н. Реуттом, — вышел в январе отдельной книгой (больше четырехсот страниц).

Некрасов использовал оба трактата, чтобы при помощи пародии на их восторженный стиль еще рельефнее выразить суровую правду о крепостническом рабстве, лежащем в основе прославляемых ими увеселений.

И книга, и статья действительно написаны в восторженном стиле. О собачьем лае, например, говорится:

«Чудные голоса костромских собак...», «бесподобные голоса... восхищают сердце охотника своей гармонической, громкой истройной музыкой» («Журнал коннозаводства и охоты», № 1, стр. 77, 78).

О крике собачников:

«Музыкальное порсканье доезжачих...», «восхитительное ату его!» (Т а м ж е, стр. 80; № 3, стр. 289).

О псовой охоте вообще:

«Псовую охоту можно назвать поэзией...», «псовая охота может привести к восторженности в высшей степени...» (Т а м ж е, № 1, стр. 73.)

Все эти места пародирует в своей сатире Некрасов, равно как и те страницы «Псовой охоты» Реутта, где автор восхищается необозримыми пространствами России, словно созданными для псовой охоты (ср. Реутт, стр. 3, 24, 25 — с заключительной главой «Псовой охоты» Некрасова).

Эпиграф, приводимый Некрасовым, находится на 26 стр. первого тома Реутта.

С. И. Пономарев, обратив внимание на ст. 85 и 99, метрически выпадающие из четырехстопного дактиля, которым написана вся поэма:

Здесь он не струсит, здесь не уступит...
Много травили, много скакали,

счел необходимым ввести конъектурное чтение в основной текст *Стих* 1879:

Здесь он не струсит, он здесь не уступит...

и

Много травили и много скакали

(ср. *Стих* 1879, т. I, стр. 28 и т. IV, стр. XIV).

Н. Г. Чернышевский, в своих заметках по поводу издания *Стих* 1879, возражал против редакторского произвола С.И. Пономарева: «Напрасно он испортил текст своими поправками. — Обыкновенный повод к поправкам подает ему «неправильность размера», а на самом деле размер стиха, поправляемого им, правилен. Дело в том, что Некрасов иногда вставляет двусложную стопу в стих пьесы, писанной трехсложными стопами; когда это делается так, как делает Некрасов, то не составляет неправильности.

Приведу один пример. В «Песне странника» (в «Коробейниках») Некрасов написал:

Уж я в третью: мужик! Что ты бабу бьешь?

В «Посмертном издании» стих поправлен:

... Что ты бабу-то бьешь?

Некрасов не по недосмотру, а преднамеренно сделал последнюю стопу стиха двусложною; это дает особенную силу выражению. — Поправка портит стих.

Так и в других случаях» (И. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, М. 1939, т. I, стр. 751).

Примечания в «Псовой охоте», печатаемые в тексте, принадлежат Некрасову.

Печатается по *Стих* 1873, ч. II, стр 7—20.

Впервые — *С* 1847, № 2, стр. 157—166, с подписью: «Н. Некрасов». Вошло во II раздел *Стих* 1856 и перепечатывалось во второй части всех последующих изданий (с датой: «1846»).

Цензурный пропуск ст. 121—122 восстановлен лишь в *Стих* 1869.

В *С* и *Стих* 1856 каждой собачьей кличке соответствовало особое примечание; в *Стих* 1861 и след. они были объединены первым пунктом примечаний; объяснение «однопометники — собаки одного помета» было снято, и все пункты соответственно перенумерованы: вместо 25 их осталось 16.

1 8 4 7

«ЕДУ ЛИ НОЧЬЮ ПО УЛИЦЕ ТЕМНОЙ»

(стр. 41)

По поводу этого стихотворения Тургенев писал Белинскому 26/14 ноября 1847 г.:

«Скажите от меня Некрасову, что его стихотворение в 9-ой книжке <«Современника»> меня совершенно с ума свело; денно и пощю твержу я это удивительное произведение — и уже наизусть выучил». (В. Г. Белинский, Письма, П. 1914, т. III, стр. 385.)

Кружок Белинского был от этого стихотворения в восторге: «Кавелин рассказывал, что когда Некрасов в первый раз прочитал в их кружке только что написанное им «Еду ли ночью», то все так были потрясены, что со слезами на глазах кинулись обнимать поэта» (Л. Ф. Панителев, Из воспоминаний прошлого, М. — Л. 1934, стр. 155).

Так же высоко ценил это стихотворение Писарев. «Кто способен написать стихотворения: «Филантроп», «Эпиграмм к ненаписанной поэме», «Еду ли ночью по улице темной», «Саша», «Живя согласно с строгой моралью», — тот может быть уверен в том, что его знает и любит живая Россия», — писал он в 1861 году (Д. И. Писарев. Избранные сочинения в двух томах, т. I, М. 1934, «Писемский, Тургенев и Гончаров», стр. 117).

Цензура сочла это стихотворение и безнравственным и подрывающим основы религии. Цензор Е. Волков, чиновник особых поручений при министре народного просвещения, доносил министру А. С. Норову в рапорте от 14 ноября 1856 г.:

«Нельзя без содрогания и отвращения читать этой ужасной повести! В ней так много безнравственного, так много ужасающей нищеты!.. И нет ни одной отрадной мысли!.. нет и тени того упования на благость провидения, которое всегда, постоянно подкрепляет злополучного нищего и удерживает его от преступления. Неужели, по мнению г. Некрасова, человечество упало уже так низко, что может решиться на один из тех поступков, который описан им в упомянутом стихотворении? Не может быть этого! Жаль, что муза г. Некрасова одна из самых мрачных и что он видит все в черном цвете... Как будто уже нет более светлой стороны?» (В. Е в г е н ь е в - М а к с и м о в, Некрасов как человек, журналист и поэт, М. — Л. 1928, стр. 224—225.)

Н. Г. Чернышевский в письме к жене из Виллюйска от 15 марта 1878 г. говорил про это стихотворение, что оно — первое из тех, «которые останутся долго прекраснейшими из русских лирических пьес». По словам Н. Г. Чернышевского, «оно первое показало: Россия приобретает великого поэта» (Н. Г. Чернышевский, Литературное наследие, М. 1928, т. II, стр. 509).

Сюжет этого стихотворения был воспроизведен М. Е. Салтыковым-Щедриным в повести «Запутанное дело». Молодому бедняку-провинциалу, приехавшему в Петербург, снится сон, будто он возвратился в свою нетопленную комнату и застал истощенную жену с больным ребенком.

«... В комнате все холоднее и холоднее; на дворе делается темно; ребенок все так же стонет, все так же жалобно просит хлеба!.. Но что же за мысль гнездится в головке твоей, Наденька?.. Зачем ты бережно сажашь ребенка на стул и, не говоря ни слова, отворяешь дверь бедной комнаты?.. А он уж ждет тебя, дряхлый, бессильный волокита... Он не торгуется, хотя и знает, что может купить тебя за самую ничтожную плату...»

— Ешьте, — говоришь ты мужу и сыну, бросая на стол куп-

ленный ужин» (Н. Щедрин (М. Е. Салтыков), Полное собрание сочинений, т. I, М. 1941, стр. 240—241).

Александр Дюма, посетив Россию и лично познакомившись с Некрасовым, описал в одной из корреспонденций свою встречу с поэтом и перевел на французский язык несколько его стихотворений, в том числе и «Еду ли ночью». В «Современнике» (1859, № 5, стр. 154) этот перевод был перепечатан в статье Нового Поэта.

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 54—56.

Впервые — *С* 1847, № 9, стр. 153—154, с подписью: «Н. Некрасов». Вошло в IV раздел *Стих* 1856 и перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

Беловой автограф — *Солд* (ЛБ)

«ЕСЛИ, МУЧИМЫЙ СТРАСТЬЮ МЯТЕЖНОЙ»

(стр. 43)

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 44—45.

Впервые — *С* 1847, № 7, стр. 193, с подписью: «Н. Некрасов». Вошло в IV раздел *Стих* 1856 и перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

Перепечатано также в сб. «Для легкого чтения», П, 1856, т. I, стр. 259—260, с датой: «1847», подзаголовком: «Три стихотворения Н. А. Некрасова» (вместе со стихотворениями «Когда из мрака заблужденья» и «Современная ода»).

В журнальном тексте разбито вместо шести строф на две равные части.

Беловой автограф — *Солд* (ЛБ).

«ТЫ ВСЕГДА ХОРОША НЕСРАВНЕННО»

(стр. 44)

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 34.

Впервые — *С* 1850, № 9, стр. 44, с подписью «Н. Некрасов». Вошло в IV раздел *Стих* 1856 и перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

Беловой автограф — *Солд* (ЛБ).

ПРАВСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

(стр. 45)

В письме к Тургеневу от 19 февраля 1847 г. Белинский сообщал по поводу этих стихов:

«Некрасов написал недавно страшно хорошее стихотворение. Если не попадет в печать (а оно назначается в 3 №), то пришлю к вам в рукописи. Что за талант у этого человека! И что за топор его талант!» (Б е л и н с к и й, Письма, II. 1914, т. III, стр. 181.)

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 23—25.

Впервые — *С* 1847, № 3, стр. 139—140, с подписью: «И. Некрасов». Вошло во II раздел *Стих* 1856 и перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

В *С* и *Стих* 1856 строфы не имели нумерации; в *Стих* 1861 третья строфа была изъята по цензурным причинам, и Некрасов, чтобы показать пропуск, занумеровал все строфы, поставив на месте пропущенной цифру 3 и тире; нумерация осталась во всех последующих изданиях, хотя пропуск был восстановлен уже в *Стих* 1863.

Беловой автограф — *Солд* (ЛБ)

1 8 4 8

ВШО

(стр. 47)

То место, где говорится, что крестьянин наточил на старосту нож, было «смягчено» таким образом:

Не из камня душа! Как шальной,
Я на улицу скок из окна:
«Погоди! разочтуйся я с тобой»
И для смелости выпил вина.

Другое место, где упоминается нож, было переделано Некрасовым так:

Я остался полштофа распить.
А за первым другой чередом
Подоспел, от души отлегло,
Задремал я, обнявшись с Петром...

Вместо стиха:

Наточивши широкий топор —

Некрасову пришлось написать:

Я на буйные умыслы скор.

Третья строфа является очень близким переложением одного отрывка из романа Некрасова «Жизнь и похождения Тихона Грост-

никова». Там в шестой главе во вставной новелле «История ежовой головы» некий житель петербургских углов рассказывает такую историю своего разорения:

«Набрал артель человек в шестьдесят; каждому задатку дал по сту и больше рублей; снял работу — казармы поставить. Поставили — все как следует, только бы кончить да деньги получить; прихожу к полковнику — деньги прошу. — «Нет, братец, денег; не вышли еще». — Жду месяц, другой — и опять иду <...> «Пошел вон!» закричал полковник. — «Нет тебе ни копейки <...> Работа, говорит, твоя никуда не годится. Печи скверные <...> Еще в тюрьму тебя засажу». Рабочие подали жалобу; платиться нечем, посадили меня в тюрьму...» (Н. А. Некрасов, Жизнь и похождения Тихона Тростникова, М.—Л. 1931, стр. 120.)

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 60—63.

Впервые — в I разделе *Стих* 1856, стр. 28—30, перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

Повторяющиеся вступительные четверостишия (ст. 1—4, 23—28 и 49—52) появились только в *Стих* 1863.

Варианты ст. 5, 37—139, 45—47 и 65 в *Стих* 1856 и 1861 — несомненно были вызваны цензурными причинами.

«ВЧЕРАШНИЙ ДЕНЬ, ЧАСУ В ШЕСТОМ» (стр. 50)

Стихи были записаны Некрасовым в альбом О. Козловой, жены дипломата и переводчика, со следующим пояснением: «Не имея ничего нового, я долго рылся в моих старых бумагах и нашел там исписанный карандашом лоскуток. Я ничего не разобрал (лоскуток, сколько помню, относился к 1848 году), кроме следующих осьми стихов:

Вчерашний день, часу в шестом

<и т. д.>

Извините, если эти стихи не совсем идут к вашему изящному альбому. Ничего другого я не нашел и не придумал. 9 ноября 1873 г. СПб. Ник. Некрасов».

С этим совпадают слова артиста М. Писарева о том, как «лет 20 тому назад» Некрасов при нем разбирал старые бумаги и нашел листок с полустершимся карандашным текстом: «Мы из всего

написанного с трудом могли разобрать только 8 строк, которые я тогда же и записал».

Печатается по книге «Album de m-me Olga Kozlov», М. 1883, стр. 171, где опубликовано впервые.

Независимо от издания альбома О. Козловой было опубликовано артистом М. Писаревым (по ранее снятой им копии) в сб. «Голодному на хлеб. Альбом автографов писателей, художников, артистов и общественных деятелей. Изд. ред. газ. «Русская жизнь» в пользу голодающих», П. 1892, стр. 22.

1 8 4 9

«Я ПОСЕТИЛ ТВОЕ КЛАДБИЩЕ»

(стр. 51)

До сих пор было принято думать, что в этих стихах отразился подлинный эпизод из биографии поэта. Но найденный И. Н. Розановым первоначальный вариант этих стихов «Среди моих трудов досадных» (см. стр. 409) свидетельствует, что не смерть возлюбленной побудила Некрасова к написанию этих стихов, а лишь разлука с нею, и что подлинное кладбище (вместо метафорического) появилось впоследствии, уже в процессе разработки этой темы.

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 144—145.

Впервые — *С* 1856, № 9, стр. 87, с подписью: «Н. Н.» (в оглавлении — «Н. А. Некрасов»). Вошло в IV раздел *Стих* 1856 и перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

Наборная беловая рукопись — в *ИЛИ* (163/855, архив Е. А. Ляцкого), на одном из листов, на которых написаны еще стихотворения «Сознание» («Праздник жизни, молодости годы»), «Давно отвергнутый тобою» и «Самодовольных болтунов»; все эти стихотворения напечатаны в 8 и 9 книгах «Современника» 1856 г.

Редакция совпадает с первопечатной.

Более поздний беловой автограф — в *ПБ*. Текст совпадает с автографом *ИЛИ* и первопечатным текстом *С* без подписи и даты. Сверху надпись рукою И. Д. Делянова: «Дозволяется прочитать в <Музыкальном?» собрании».

«Я НЕ ЛЮБЛЮ ИРОНИИ ТВОЕЙ»

(стр. 53)

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 66.

Впервые — *С* 1855, № 11, стр. 80, с подписью: «Н. Некрасов» и датой: «1850 год». Вошло в IV раздел *Стих* 1856 и перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

«ДА, НАША ЖИЗНЬ ТЕКЛА МЯТЕЖНО»

(стр. 54)

Послание к А. Я. Панаевой, находившейся в то время за границей. Так как за границу Панаева уехала в 1850 г., мы относим стихотворение Некрасова к этому году (см. «Воспоминания» Авдотьи Панаевой, Л. 1933, стр. 99, а также письмо Д. В. Григоровича к М. П. Погодину от 7 мая 1850 г. в книге Н. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина», П. 1897, кн. XI, стр. 106).

Некрасов указывал дату—1853 г., но он вообще под стихами, относящимися к его личной жизни, ставил заведомо неверные даты.

В первоначальном беловом автографе первые строки написаны александрийским стихом:

Да, наша жизнь текла так горько и мятежно,
Так мало в ней встречали мы отрад *Солд (ЛБ)*

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 85—87.

Впервые — в IV разделе *Стих* 1856, стр. 172—174, с подзаголовком: «(Из Шенье)». Перепечатывалось (без подзаголовка) в первой части всех последующих изданий.

Пропуск ст. 41—49 мог быть вызван цензурными причинами (упоминание о «добровольном изгнании» и «полной свободе» «вдали»). Он восстановлен в тетради Л. Н. Модзалевского (ИЛИ 13998) ср. *Некрасов ПД*, (стр. 151) и на экземплярах *Стих* 1856 (ИЛИб, 165/40 и Библиотека Академии наук УССР, экземпляр Лазаревского). К. Чуковский, восстанавливая пропуск этих стихов впервые в *Стих* 1927, пользовался более авторитетным списком А. Я. Панаевой (из архива А. Ф. Кони).

«ТАК ЭТО ШУТКА? МИЛАЯ МОЯ»

(стр. 56)

Послание к А. Я. Панаевой, находившейся в то время за границей.

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 58—59.

Впервые — *С* 1854, № 1, стр. 135—136, с подписью: «П. Некрасов». Вошло в IV раздел *Стих* 1856 и перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

НА УЛИЦЕ

(стр. 58)

В этом раннем цикле произведений Некрасова, обличающем социальные противоречия большого капиталистического города, намечена тематика таких урбанистических стихов, как «Петербургское утро» (из поэмы «Несчастные»), «О погоде», «Утро» и др.

Последняя строка стихотворения «Ванька»

Мерещится мне всюду драма —

полностью воспроизводит строку из «Капризов и раздумий» А. П. Герцена: «За каждой стеной мне мерещится драма» (А. П. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, II, 1915, т. IV, стр. 402); «Капризы и раздумья» появились впервые в «Петербургском сборнике» Некрасова (1846). (См. заметку И. Ямпольского «Некрасов и Герцен» в некрасовском номере «Научного бюллетеня Ленинградского университета» № 16—17, II, 1947, стр. 48—50.)

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 46—48.

Впервые «Вор», «Проводы» и «Ванька» — в I разделе *Стих* 1856; стр. 25—27; «Гробок» — в I части *Стих* 1863, стр. 40—41. Перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

Автограф стихотворения «Гробок» — на отдельном листке в ЛБ 5755/2. Текст совпадает с печатным, кроме ст. 2, в котором в печати восстановлена первоначальная редакция.

Ранняя редакция («Гробок») — в *Солд* (ЛБ). Там же в качестве четвертого стихотворения цикла «На улице» — стихотворение «Карета» («О, филантропы русские! Бог с вами»), которое было воспроизведено лишь в берлинской контрафакции стихотворений Некрасова (1862) (см. в настоящем томе стр. 412 и 505).

1 8 5 1.

«МЫ С ТОБОЙ БЕСТОЛКОВЫЕ ЛЮДИ»

(стр. 60)

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 73.

Впервые — *С* 1855, № 11, стр. 90, без подписи. Вошло (без по-

следней, четвертой строфы) в IV раздел *Стих* 1856 и перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

Беловой автограф—ЛБ 5755/2, а также *Солд* (ЛБ) под заглавием: «К***».

МУЗА

(стр. 61)

Та строфа «Музы», где говорится о свирели, построена на явном контрасте с пушкинским обращением к Музе:

Ты, детскую качая колыбель,
Мой юный стих напевами пленила
И меж пелен оставила свирель,
Которую сама заворожила.

Это стихотворение Пушкина — «Наперсница волшебной старины» — появилось в печати уже после напечатания некрасовской «Музы», — в 1855 году. Очевидно, Некрасов знал пушкинское стихотворение в рукописи.

23 ноября 1852 г. Тургенев писал Некрасову по поводу «Музы»: «Скажу тебе, Некрасов, что твои стихи хороши, хотя не встречается в них того энергического и горького взрыва, которого невольно от тебя ожидаешь — притом конец кажется как бы пришитым. — Уничтожь также следующую небрежность:

И юношеских лет прекрасные мечты,
а через два стиха опять:

Желанья и мечты

и т. д.

Но первые 12 стихов отличны и напоминают Пушкинскую фактуру» («Тургенев и круг «Современника», М. — Л. 1930, стр. 21).

25 мая 1856 г. Тургенев писал Некрасову: «В Москве твои все последние стихи (особенно «Муза») — произвели глубокое впечатление. — Даже Хомяков признал тебя поэтом. — Какого тебе еще лаврового венка?» («Голос минувшего», 1916, № 5—6, стр. 36).

По прочтении «Музы» реакционно настроенный поэт А. Н. Майков обратился к Некрасову со стихотворным посланием, где увещевал Некрасова отказаться (!) от обличительных и гневных стихов.

В то время борьба приверженцев «чистого искусства» с «гражданской поэзией» Некрасова была еще в самом начале, и стихотворение Майкова явилось одним из первых ее проявлений. («Два стихотворения Ап. Майкова о Некрасове». Публикация С. Рейсера, ЛН, стр. 614—617).

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 67—69.

Впервые — *С* 1854, № 1, стр. 75—76, с подписью: «Н. Некрасов». Вошло в IV раздел *Стих* 1856 и перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

Беловой автограф в *ИМ* (*Щ.* 283/25). Надпись: «Дарю это стихотворение Николаю Боткину с тем, чтобы он никому не давал его списывать. Н. Некрасов. 11 августа 1852».

Варианты этого автографа опубликованы В. Е. Чешихиным-Ветринским в «Некрасовском сборнике», Ярославль 1922, стр. 86.

Другой беловой автограф был послан Некрасовым в письме к Тургеневу от начала ноября 1852 г. (*ИЛИ* 21194/CXLV б. 20). Некрасов писал: «Замечу, что некоторые стихи здесь изменены — потому что манускрипт я затерял, а память не все сохранила. Напиши, как тебе понравятся, да не заметишь ли чего нехорошего. Я знаю, как у тебя тонок глаз на эти вещи. Напиши, я успею еще до печати переделать». (Некрасов, Собр. соч., М.—Л., 1930, т. V, стр. 174.)

Третий беловой автограф — *Солд* (*ЛБ*).

НОВЫЙ ГОД

(стр. 63)

Цензура в «Современнике» не разрешила стихов:

Не пощадил он никого
И не дал людям ничего.

Через десять лет после напечатания этого стихотворения его цитировал Н. Г. Чернышевский в романе «Что делать?», придав ему характер пророчества о будущем социалистическом строе:

«Да разлетится горе в прах!

И разлетится.

И в обновленные сердца
Да снидет радость без конца! —

Так и будет — это видно».

В. М. Латкин свидетельствовал, что для его друга В. М. Гаршина «Новый год» был одним из любимейших стихотворений Некрасова, наравне с «Сашей» и «Еду ли ночью по улице темной». «Всеволод Михайлович знал его всё наизусть и часто с увлечением декламировал» («Стихотворение Гаршина на смерть Некрасова». Сообщение Е. Базилевской, *ЛН*, стр. 637). Это служит значительным коррективом к известному утверждению Г. В. Плеханова, что Гаршин будто бы относился к поэзии Некрасова крайне отрицательно.

При жизни Некрасова стихотворение датировалось 1852 годом, но так как оно помещено в январской книжке «Современника» за 1852 год, то самое позднее время его написания—декабрь 1851 года.

Печатается по *Стих* 1873, ч. III, приложение первое: Юмористические стихотворения 1842—1845 годов, стр. 207—209.

Впервые — *С* 1852, № 1, Современные заметки, стр. 172—173, в фельетоне Нового Поэта, без заглавия и подписи. Вошло (под заглавием «Новый год») в IV раздел *Стих* 1856 и перепечатано в приложении третьей части *Стих* 1873. В остальных изданиях отсутствует.

Беловой автограф — *Солд (ЛБ)*.

1 8 5 2

«БЛАЖЕН НЕЗЛОБИВЫЙ ПОЭТ»

(стр. 65)

В 1917 г. В. И. Ленин использовал это стихотворение Некрасова в борьбе с буржуазной печатью; клеветавшей на большевистскую партию:

«Большевик: вообще, — писал Ленин, — мог бы применить к себе известное изречение поэта:

Он слышит звуки одобренья
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья.

(В. И. Л е н и н, Собр. соч., изд. 3-е, т. XXI, стр. 93).

Стихотворение написано на смерть Гоголя (Гоголь умер 21 февраля 1852 года).

Некрасов высоко ценил творчество Гоголя — «честного сына своей земли», который «писал не то, что было легче для его таланта, а добивался писать то, что считал полезнейшим для своего отечества...» «Это благородная и в русском мире самая гуманная личность, — восклицал он в письме к Тургеневу. — Надо желать, чтобы по стопам его шли молодые писатели в России...» (Н е к р а с о в, Собр. соч., М.—Л. 1930, т. V, Письма, стр. 212).

Творчество Гоголя-сатирика было знаменем новой реалистической литературы. Писателями реакционного лагеря в противовес «гоголевскому направлению» была выдвинута в пятидесятых го-

дах теория «искусства для искусства». Против этой реакционной теории и направлено стихотворение Некрасова. Некрасов трактует Гоголя, как поэта-обличителя, который «любил — ненавидя». Эта формула определяла собою «гоголевское направление» в литературе пятидесятых годов.

При печатании стихотворения в журнале цензура запретила указать, что оно относится к Гоголю (В. Е. Евгенийев-Максимов, Некрасов и Петербург, Л. 1947, стр. 87). Но в 1855 году П. Г. Чернышевский обошел этот цензурный запрет и использовал строки Некрасова для горячей апологии автора «Мертвых душ». «Никогда, — писал Чернышевский, — «незлюбивый поэт» не может иметь таких страстных почитателей, как тот, кто, подобно Гоголю, «питая грудь ненавистью» ко всему низкому, пошлому и пагубному, «враждебным словом отрицанья» против всего гнусного «проповедует любовь» к добру и правде» (П. Г. Чернышевский, Очерки гоголевского периода, Полное собрание сочинений, т. III, М. 1947, стр. 21—22).

В своей скрытой полемике против П. Г. Чернышевского приверженец «чистого искусства» А. В. Дружинин не раз пытался безуспешно оспаривать главную мысль этого стихотворения, переводя ее из политического плана — в обывательский. «При всем нашем добросовестном (?) старании, — писал он, — мы с вами никогда не попробовали любить ненавядя или ненавидеть любя». (Собрание сочинений А. В. Дружинина, т. VII, СПб. 1865, стр. 293, 294 и т. VIII, СПб. 1867, стр. 468).

Стихотворение Некрасова произвело большое впечатление на И. С. Тургенева. В письме к Е. М. Феокистову от 26 февраля 1852 года Тургенев писал: «Я послал Боткину стихи, внушенные Некрасову вестью о смерти Гоголя; под впечатлением их нашел я несколько слов для «Петербургских ведомостей» («Тургенев и круг «Современника», М. — Л., 1930, стр. 152—153).

Эти-то «несколько слов», написанные под впечатлением некрасовского стихотворения послужили причиной ареста и ссылки Тургенева (Н. В. Дризен, Арест и ссылка И. С. Тургенева, «Исторический вестник», 1907, № 2, стр. 562).

Печатается по *Стих* 1873, ч. 1, стр. 92—94.

Впервые — *С* 1852, № 3, стр. 147—148, с датой: «25 февраля 1852 года» и подписью: «Н. Некрасов». Вошло в IV раздел *Стих* 1856 и перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

В сборнике стихотворений Некрасова, составленном по указанию автора, это стихотворение озаглавлено самим поэтом «В день смерти Гоголя» («Русская библиотека», VII, Николай Алексеевич Некрасов, СПб. 1877).

Беловой автограф — *Солд (ЛБ)*, с датой: «22 февр<алья>, 1852».

ЗАСТЕНЧИВОСТЬ

(стр. 67)

По свидетельству Ипполита Панаева, в стихотворении «Застенчивость» Некрасов изобразил себя: «Смолоду он был чрезвычайно застенчив в обществе... С годами таковая застенчивость стала выражаться (говоря его же словами) «маской наружного холода» (Ип. Панаев о Некрасове, *ЛН*, стр. 537—538).

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 130—132.

Впервые — в *С* 1855, № 1, стр. 7—8, с подписью: «Н. Некрасов». Вошло в IV раздел *Стих* 1856 и перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

Беловой автограф — *Солд (ЛБ)*.

«О ПИСЬМА ЖЕНЩИНЫ, НАМ МИЛОЙ!»

(стр. 69)

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 133—134.

Впервые — в IV разделе *Стих* 1856, стр. 193—194, под заглавием: «Отрывок». Перепечатывалось (без заглавия) в первой части всех последующих изданий.

«АХ, БЫЛИ СЧАСТЛИВЫЕ ГОДЫ!»

(стр. 70)

Перевод стихотворения Гейне «Госпожа Забота» («Frau Sorge») из книги «Романцero» (1851) — довольно близкий, за исключением строфы, где старуха Забота крестит зевающий рот. У Гейне этого образа не было, не было его вначале и в некрасовском тексте, потому что цензура запретила такое «кошунство». В «Современнике» стихотворение кончалось так:

Протяжно зевает старуха,
Прикрывши ладонью уста.

Впрочем, в части тиража «Современника» последние строки напечатаны так:

Сморнается громко старуха,
Зевает и ... уста.

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 90—91.

Беловой автограф — в альбоме М. П. Боткиной-Фет (*ИЛИ* 24535). Дата записи: «6 декабря 1852», подпись: «Н. Некрасов». Второй автограф — *Солд (ЛБ)*.

Впервые — *С* 1853, № 1, стр. 156, без заглавия, с подписью: «Н. Некрасов». Вошло в IV раздел *Стих* 1856 под заглавием: «Из Гейне»; перепечатывалось в первой части всех последующих изданий, без заглавия, с подзаголовком: «(Из Гейне)».

ПРЕКРАСНАЯ ПАРТИЯ

(стр. 71)

Ст. 173—180, имеющие в виду актрису В. Н. Асенкову, указывают на стихотворение «Памяти Асенковой». Связь этих двух произведений подтверждается примечанием Некрасова на экземпляре *Стих* 1873, сделанным им к стихотворению «Памяти Асенковой»: «Это собственно эпизод из пьесы «Прекрасная партия», которую писал наскоро для Дружинина, не успел отделать, и она долго валялась» (С. И. Пономарев в *Стих* 1879, ч. IV, стр. XXXIV).

Читал Фудраса и Дюма — Маркиз де Фудрас (вернее Фудра, 1810—1872) — французский писатель, автор многочисленных романов из великосветской жизни.

Был от Рубини без ума — Джованни Баттиста Рубини (1795—1854) — знаменитый итальянский тенор, певший два сезона в Петербурге.

И Кукольник, и Кони... — Н. В. Кукольник (1809—1868) — автор напыщенных трагедий. Ф. А. Кони (1803—1879) — водевилист.

Широкоплечий трагик — трагический актер В. А. Каратыгин (1802—1853).

Кто по часам не поджидал зеленую карету. — Воспитанницы театрального училища приезжали на спектакль в каретах темно-зеленого цвета.

По ты, к кому души моей летят воспоминанья — актриса Асенкова (см. примечание к стихотворению «Памяти <Асенков>ой).

Взяв образец в Ловласе. — Ловлас — тип соблазнителья женщин в романе английского писателя Ричардсона «Кларисса, или история юной леди» (1748).

У Кессених в танцклассе. — Содержательница танцкласса Луиза Кессених была одной из петербургских знаменитостей: в молодости она служила в прусском уланском полку и, дослужившись до чина вахмистра. Позднее открыла в Петербурге танцкласс.

Печатается по *Стих* 1873, ч. II, стр. 21—35; ст. 128 восстановлен по первопечатному журнальному тексту.

Впервые — *БДЧ* 1856, № 10, стр. 199—205, с подписью: «И. Некрасов». Вошло во II раздел *Стих* 1856 и перепечатывалось во второй части всех последующих изданий, с датой: «1852». Цензурный пропуск ст. 112 восстановлен в *Стих* 1863. Пропуск ст. 128 не был восстановлен при жизни Некрасова.

Беловой автограф, под заголовком «Прекрасная пара», — *Солд* (ЛБ).

ЗА ГОРОДОМ

(стр. 79)

Библейское выражение «*сильные и сытые земли*» (в предпоследнем стихе), по всей вероятности, заимствовано Некрасовым из знаменитого письма Белинского к Гоголю, где говорилось о пророках «обличавших беззакония *сильных земель*». (В. Г. Б е л и н с к и й. Письма, СПб. 1914, т. III, стр. 234).

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 88—89.

Впервые — в IV разделе *Стих* 1856, стр. 155—156; перепечатывалось в первой части всех последующих изданий. Цензурный пропуск ст. 23—24 восстановлен лишь в *Стих* 1873.

Беловой автограф — в альбоме М. П. Боткиной-Фет (*ПЛИ* 24535). Дата записи: «7 дек. 1852», подпись: «И. Некрасов». Разночтения в ст. 1, 4.

Другой беловой автограф — в альбоме Я. П. Полонского (*ИЛИ*) дата записи: «12 июня 1854». Третий — *Солд* (ЛБ).

ПАМЯТИ <АСЕНКОВ>ОЙ

(стр. 80)

Варвара Николаевна Асенкова, талантливая подевальная артистка, умерла от скоротечной чахотки двадцати четырех лет от роду 18 апреля 1841 г. Ее ранняя смерть произвела большое впечатление на тогдашнее петербургское общество. Юноша Некрасов, врачавшийся в театральных кругах, был знаком с ней.

В стихотворении Некрасова говорится, что отвергнутые Асенковой «старые богачи» и «молодые нахалы» решились отомстить ей клеветой. Среди этих отвергнутых называли также и Николая I. По словам артистки А. И. Шуберт, в распространении клеветы принимали близкое участие сослуживцы Асенковой, сестры Самойловы, которые старались выставить ее как особу легкого поведения (А. И. Шуберт, *Моя жизнь*, Л. 1928, стр. 70).

Клевета тяжело отразилась на слабом здоровье Асенковой, и, когда Асенкова умерла, стали говорить, будто виновник ее смерти— Николай. Ее похороны были своего рода демонстрацией протеста (сообщено академиком А. Ф. Кони).

На полях этого стихотворения, вошедшего в издание 1873 г., Некрасов написал карандашом: «Актрисе Асенковой, блиставшей тогда. Бывал у нее, помню похороны, — похожи, говорили тогда, на похороны Пушкина; теперь таких вообще не бывает».

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 74—77.

Впервые — *С* 1855, № 9, стр. 31—33, под заглавием: «Воспоминание (отрывок)» и с подписью: «Н. Некрасов». Вошло в IV раздел *Стих* 1856 и перепечатывалось (под заглавием «Памяти — — ой») в первой части всех последующих изданий.

Наброски с незначительной правкой— в тетради ЛБ 5764, л. 82—81 (повидимому, более ранняя из двух редакций) и л. 80 — об. — 80.

Беловая редакция — в тетради (ЦГЛА авт. фонд № 338), ранее принадлежавшей А. П. Савельеву (основные варианты опубликованы П. С. Ашукиным и П. С. Сухотиным в сб. Русского общества друзей книги «Памяти Н. А. Некрасова», М. 1928, <стр. 21—24>). Правка

удаляет текст от окончательной печатной редакции: Некрасов перерабатывает все повествование, переводя его из второго лица в третье. Существенно отметить вариант ст. в.м. 45—52, подтверждающий связь стихотворения «Памяти Асенковой» со стихотворением «Прекрасная партия». Под текстом дата: «1854 ноябрь — 1855 апрель».

Беловой автограф, под заголовком «Актриса» — *Солд (ЛБ)*.

ПОСЛЕДНИЕ ЭЛЕГИИ

(стр. 83)

«Элегии» написаны под влиянием тяжелой болезни, которой поэт захворал весной 1853 г. (Н. А. Белоголовый, Воспоминания, М. 1897, стр. 438—439).

Некоторые строки «Элегий» впоследствии отразились в шуточном стихотворении Добролюбова «Исполнишь мужества и помолившись богу» (Б. Я. Бухштаб, Добролюбов-пародист, «Известия Отделения общественных наук Академии наук СССР», 1936, № 1 [2]).

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 125—128.

Первая элегия впервые — *С* 1853, № 3, стр. 120 (без заглавия и подписи); полностью три элегии — в IV разделе *Стих* 1856, стр. 186—189, под заглавием: «Последние элегии». Перепечатывались в первой части всех последующих изданий.

Незаконченный черновой автограф третьей элегии (ст. 57—71) — в тетради *ЛБ* 5763, л. 141 об — 142.

В ДЕРЕВНЕ

(стр. 86)

Стихотворение «В деревне» было напечатано за несколько месяцев до смерти Николая I (1855), но, когда оно появилось в первом издании книги Некрасова (1856), память о смерти царя была еще так свежа, что у читателей сложилось убеждение, будто стихи Некрасова являются откликом на эту смерть.

Строки:

Сорок медведей поддел на рогатину,—
На сорок первом сплосшал —

были восприняты, как явный намек на крымскую войну, вскрывшую бессилие самодержавного строя.

Такие образы, как «расшатанная избенка» и «развалившийся овин», явились в глазах читателей аллегорическим изображением тогдашней России.

Об этом истолковании стихотворения «В деревне» можно заключить из одного места в официальной записке Некрасова, поданной им министру внутренних дел А. В. Головнину в 1862 г. Хлопоча в этой записке о новом издании своих стихотворений, Некрасов между прочим говорит:

«...Приверженцы крепостного права выставили книгу Некрасова возмутительной <...>, истолковав как намек на одну высокую личность другое стихотворение («В деревне»), бывшее простым рассказом из сельского быта...»

Записка приведена у М. Лемке («Очерки по истории русской цензуры», II. 1904, стр. 314), который, однако, не обратил внимания на подчеркнутые слова. О стихотворении «В деревне» критик Аполлон Григорьев писал, что оно «имеет претензию на большую ядовитость», из чего явствует, что и Григорьев смотрел на это стихотворение, как на политический памфлет.

В письме к Тургеневу от 11 января 1857 г. Герцен писал, что оно — «прелесть» (А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, II. 1917, т. VIII, стр. 390).

Тургенев оценил это стихотворение еще раньше. В письме к Ив. Аксакову от 1854 г. он говорил, что Некрасов «написал несколько хороших стихотворений, особенно одно — плач старушки крестьянки об умершем сыне» («Современник», 1915, № 3, стр. 113).

Первоначально стихотворение Некрасова было посвящено С. С. Д. — по всей вероятности, критику Степану Семеновичу Дудышкину (1820—1866), бывшему в то время фактическим редактором «Отечественных записок».

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 80—84.

Впервые — *С* 1854, № 11, стр. 5—7, под заглавием «В деревне (С. С. Д.)» и с подписью: «Н. Некрасов». Вошло (без посвящения) в I раздел *Стих* 1856 и перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

Беловой автограф — *Солд* (ЛБ).

ПАМЯТИ ПРИЯТЕЛЯ

(стр. 89)

Под именем приятеля Некрасов изображает В. Г. Белинского, имевшего огромное влияние на его литературную судьбу.

Во время сближения с Некрасовым великий критик был горячо увлечен утопическим социализмом. «Я теперь в новой крайности,—писал он Василию Боткину, — это идея *социализма*, которая стала для меня идеєю идей, бытием бытия, вопросом вопросов, альфой и омегой веры и знания. Все из нее, для нее и к ней. Она вопрос и решение вопроса. Она (для меня) поглотила и историю, и религию, и философию. И потому ею я объясняю теперь жизнь мою, твою и всех, с кем встречался я на пути к жизни <...> Социальность, социальность — или смерть! Вот девиз мой <...> Не будет богатых, не будет бедных, ни царей и подданных, но будут братья, будут люди <...> И это делается чрез *социальность*. И потому, нет ничего выше и благороднее, как способствовать ее развитию и ходу. Но смешно и думать, что это может сделаться само собою, временем, без насильственных переворотов, без крови. Люди так глупы, что их насильно надо вести к счастью. Да и что кровь тысячей в сравнении с унижением и страданием миллионов» (В. Г. Белинский, Письма, т. II, СПб, 1914, стр. 262—269).

Таковы были те идеи, которые Белинский, «упорствуя, волнуясь и снеша», внушал молодому Некрасову, уже достаточно подготовленному к их восприятию собственным жизненным опытом. Из всех писателей, составлявших ближайшее окружение Белинского, Некрасов на всю жизнь остался самым верным его учеником и последователем. Никто из друзей Белинского не сделал так много для увековечения памяти великого критика, сколько сделал Некрасов своими стихами и прозой (см. в настоящем издании поэму «В. Г. Белинский», отрывки из «Медвежьей охоты», поэму «Несчастные», «Деловой разговор», повесть «Каменное сердце», «Заметки о журналах» и т. д.). В своем «Современнике» Некрасов постоянно напоминал о Белинском: в то время, когда имя Белинского было еще под цензурным запретом, напечатал в этом журнале «Очерки гоголевского периода» И. Г. Чернышевского, передававшие заветы Белинского молодому поколению пятидесятых — шестидесятых годов.

Стихотворение «Памяти приятеля» написано Некрасовым к пятилетию со дня смерти Белинского. Напечатал Некрасов его при

первом же облегчении цензурного гнета: через месяц после смерти Николая I — в марте 1855 г.

По поводу затерянной могилы Белинского в некрасовском «Современнике» в «Заметках Нового Поэта» было напечатано следующее:

«После возвращения с похорон Белинского все мы, друзья его, единодушно решили непременно поставить памятник на его могиле, но решение это так и осталось. Мы и след потеряли к этой дорогой для нас могиле. И какие-то совсем посторонние люди, никогда не выдавшие в глаза покойного, — отыскиали ее недавно» («Современник», 1860, № 1, стр. 375).

Тотчас же после появления этих стихов друг Белинского Василий Боткин писал Тургеневу 12 марта 1855 г.: «Стихи Некрасова <...> во всех отношениях превосходны» («В. П. Боткин и И. С. Тургенев, Неизданная переписка», М.—Л. 1930, стр. 51).

Тургенев гораздо позднее, уже во время разлада с Некрасовым, процитировал из этого стихотворения знаменитую строчку, характеризующую В. Г. Белинского: «Говорил он с особенными ударениями и придыханиями, упорствуя, волнуясь и спеша» (И. С. Тургенев, Воспоминания о Белинском, Полное собрание сочинений, М.—Л. 1934, т. XI, стр. 399).

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 97; ст. 16 — в последней авторской редакции — по *Стих* 1879, ч. I, стр. 112.

Впервые — *С* 1855, № 3, стр. 86, с подписью: «Н. Некрасов». Вошло в IV раздел *Стих* 1856 и перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

В издании «Русской библиотеки», VII выпуск которой (П. 1871) посвящен Некрасову, это стихотворение озаглавлено: «Памяти Белинского (26 мая 1848 г.)». Так как Некрасов сам выбирал стихи для этого издания, собственноручно составил их список и указал даты (см. *Стих* 1879, ч. IV, стр. CXLV), то можно предполагать, что заглавие «Памяти Белинского» принадлежит самому Некрасову.

Беловой автограф — *Солд* (ЛБ).

ФИЛАНТРОП

(стр. 90).

В 1846 г., по идее писателя В. А. Соллогуба, в петербургских великосветских кругах возникло благотворительное «Общество посещения бедных». Попечителем общества был герцог Лейхтенбергский, председателем — князь В. Ф. Одоевский, в числе членов были: наследник престола, будущий Александр II, граф Д. Н. Шере-

метев, граф И. И. Воронцов-Дашков, князь М. Ю. Вельгорский и др. В обывательской журналистике того времени было принято восхвалять это общество в таком гиперболическом тоне: «Всюду является оно, чтобы поднять на ноги упавшего, отереть слезы плачущего и утешить страждущего» («Заметки петербургского жителя». «Библиотека для чтения», 1855, № 4, стр. 110—127).

«Филантроп» — явная пасмешка и над этим обществом и над его председателем.

В одном из беловых автографов «Филантропа» есть следующая надпись Некрасова:

«Члену Общества Посещения Бедных, Его Высочородию Мих(аил)у Ник(олаевичу) Лонгинову отставного Коллежского Секретаря Пучина всенижайшее донесение о причинах, доведших означенного Пучина до крайней степени нищеты, бродяжничества и пьянства».

В лице филантропа поэт отчасти изобразил В. Ф. Одоевского; тот тоже был «сиятельным лицом», тоже писал для «мужиков» популярные брошюры по физике и тоже пользовался репутацией «ангельски незлобивой души». Но, конечно, у поэта были и другие прототипы этого широко обобщенного образа. В 1860 г. В. Ф. Одоевский, узнав, что на первом вечере в пользу Литературного фонда Некрасов собирается прочитать «Филантропа», обратился к поэту с просьбой не читать этих стихов перед публикой, дабы не давать повода для пересудов и сплетен. Некрасов согласился прочитать другие стихи (Е. А. Ш т а к е н ш н е й д е р, Дневник и записки, 1934, стр. 247). В своем дневнике В. Ф. Одоевский отметил 10 января 1860 г.: «Чтение в пассаже в пользу литераторов. — Публика требовала «Филантропа», Некрасов сказал, что слабость груди препятствует ему читать более» («Литературное наследство», М. 1935, № 22—24, стр. 103).

По словам Некрасова, он использовал для своего «Филантропа» некоторые черты известного писателя В. И. Даля, который однажды, за десять лет до того, когда Некрасов пришел к нему по делу, принял усталого поэта за пьяного. «Но, по-моему, я и Даля тоже в нем не изображал, а вывел черту современного общества — и совесть моя была и остается спокойна» (см. письмо Некрасова к Одоевскому, Некрасов, Собр. соч., М.—Л. 1930, т. V, стр. 347).

В «Современнике» и в первом издании был куплет, несомненно изображающий Даля:

В русском духе, молодецкая
Как по маслу речь текла,
Хоть фамилия немецкая
У особы той была.

Однако в автографе (1853) этого куплета нет. Зато есть другой, ближе подходящий к Одоевскому:

Славен не короной графскою,
Не приездом ко двору,
Не звездою станиславскою,
А любовию к добру.

Хотя впоследствии Некрасов и отступил от портретности, но во всех дальнейших изданиях сохранял куплет о «станиславской звезде». В первом издании этот куплет исключен под давлением цензуры, но в изданиях 1864—1873 гг. он снова восстановлен поэтом.

17 ноября 1853 г. Некрасов писал Тургеневу:

«Посылаю тебе «Филантропа»... Этой вещи я не почитаю хорошею, но дельною...» (Некрасов, Собр, соч., М.—Л. 1930, т. V, стр. 184).

Печатается по *Стих* 1873, ч. II, стр. 37—46; ст. 134—136 печатаются в редакции белогого автографа из собрания М. Н. Лонгинова (*ИЛИ* CLXVII б. 5).

Впервые — С 1856, № 2, стр. 237—242, с подписью: «Н. Некрасов» и датой: «1852». Вошло во второй раздел *Стих* 1856 и перепечатывалось (с датой «1853») во второй части всех последующих изданий.

Беловой автограф (*ИЛИ* 23380/CLXVII б. 5, собрание М. Н. Лонгинова), с единственным исправлением в ст. 166, под текстом дата: «1853, ноябрь». Текст, помимо отдельных вариантов стилистического значения, отличается от окончательного наличием подзаголовка (посвящения М. Н. Лонгинову) и отсутствием ст. 13—16 и 145—156. Другой беловой автограф — *Солд (ЛБ)*.

Дальнейшая переработка, в результате которой получился первопечатный журнальный текст, состояла в стилистической правке и в цензурных переделках: Некрасову пришлось изменить все стихи, указывавшие на графский титул филантропа, на его генеральский чин, на принадлежность самого рассказчика к чиновникам и т. д. Наконец появились три новые вставки, посредством которых Некрасов замаскировал направленность своей сатиры против «общества благотворителей» (особое вступление — апология этого общества) и противопоставил «пору подьячества» новой эпохе, когда, якобы, наоборот, честный чиновник вознаграждается (ст. после 16). Цензурный характер этих вставок подтверждается тем,

что первая и третья были сняты уже в *Стих* 1856, а вторая — в *Стих* 1861.

История печатного текста сводится к постепенной ликвидации цензурных искажений, которую Некрасов однако не довел до конца.

Аналогичные вставки имеются в текстах берлинской контрафакции — *Стих В* 1862 и недавно обнаруженного экземпляра *Стих* 1856 с поправками Лазаревского (библиотека Академии наук УССР).

ОТРЫВКИ ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК ГРАФА ГАРАНСКОГО (стр. 95)

В письме к А. Н. Пыпину Н. Г. Чернышевский сообщал: «... перевод заглавия книги Гаранского на французский язык Некрасов поручил сделать мне; у него оно было написано по-русски; я сделал, ... <Тургенев> поправил» (Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. I, М. 1939, стр. 750.).

Наш перевод французского подзаголовка:

«Три месяца в отчизне. Опыты в стихах и прозе, с присовокуплением рассуждения о мерах, споспешествующих развитию нравственных начал в русском народе и естественных богатств Российского Государства. Сочинение одного Россиянина, графа де-Гаранского. Восемь томов. Париж. 1836».

Статский советник Е. Волков в отчете о книжке стихотворений Некрасова, вышедшей в 1856 г., дал министру народного просвещения А. С. Норову следующий неодобрительный отзыв о «Записках графа Гаранского»: «Нет сомнения, что автор имел благую цель при сочинении этих отрывков; но едва ли она будет достигнута!.. Надо спросить у крестьян, что скажут они, если кто-нибудь из них прочтет эти отрывки? Наверное, можно предположить, что тот не засмеется!.. а скажет вместе с автором: «*Жаль, дремлет русский ум*» — и предлагаемую автором «сатиру» примет, пожалуй, за другое слово» (В. Евгеньев-Максимов, Некрасов как человек, журналист и поэт, М.—Л. 1928, стр. 224).

Полностью эта сатира стала известна читателям только в советское время. Во всех изданиях до 1927 г. после строк:

А то и хуже есть. Вот памятное место:
Тут славно мужички расправились с одним
«А что?»

следовали точки, отмечавшие цензурный пропуск.

Было выброшено девять строк — о расправе разгневанных крестьян с угнетателем-помещиком.

Печатается по *Стих* 1873, ч. III, приложение первое: «Юмористические стихотворения 1842—1845 годов, стр. 199—206. Цензурный пропуск ст. 58—67 восстановлен по копии Л. Н. Модзалевского (*ИЛИ* 13998/XXVI б. 27). Окончательный текст ст. 42, впервые предложенный М. К. Азадовским, подтверждается копией М. Л. Михайлова, принадлежавшей Н. Ф. Анненскому.

Впервые — во II разделе *Стих* 1856, стр. 93—96. Перепечатано Н. Г. Чернышевским—*С* 1856, № 11, библиография, стр. 10—12. В *Стих* 1861 и 1863 отсутствует в результате цензурных преследований. По цензурно-тактическим соображениям печаталось в приложении к третьей части *Стих* 1864, 1869 и 1873, со шмуцтитлом: «Из путевых записок Гаранского (писано в 1853 году)».

Наибольшее число цензурных купюр и искажений — в *Стих* 1856, наименьшее — в *Стих* 1873.

Копия А. Я. Панаевой, исправленная рукой Некрасова, — в *Солд* (*ЛБ*), без французского подзаголовка и с заглавием: «Из путевых заметок по России русского барина, долго жившего за границей».

БУРЯ

(стр. 99)

Первоначальный вариант этого стихотворения печатается на стр. 389.

В 1853 г. Некрасов переработал все стихотворение заново: придал ему другой размер (трехстопный анапест заменил шестистопным хореем) и сократил его почти вдвое. Недавно найдена беловая рукопись этого второго варианта:

Дуня белоручка, Дунюшка пуглива
Солд (*ЛБ*)

Один из позднейших критиков указывал на «недосмотр» поэта в строке:

Промочила ножки и хоть выжми шубку.

Откуда взялась шубка, если речь идет о летней грозе? («Н. А. Некрасов», критико-биографический очерк П. Я. [Якубовича] Мельшица, П. 1907, стр. 70.)

Указание Якубовича было неосновательно, так как шубкою в центральных губерниях зовут сарафан (см. «Толковый словарь» Даля).

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 78—79.

Впервые в этой редакции—в IV разделе *Стих* 1856, стр. 184—185; перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

1 8 5 4

НЕСЖАТАЯ ПОЛОСА

(стр. 100).

Стихотворение написано под влиянием тяжелой болезни, которой Некрасов заболел в 1853 г. Тот же образ сеятеля он применил к себе в стихотворении «Сон», написанном им за месяц до смерти (1877):

И музе возвращу я голос,
И вновь блаженные часы
Ты обрешь, собирая колос
С своей *несжатой* полосы.

Слово станица в девятой строке вызвало недоумение одного провинциального педагога, который обратился к поэту с письмом, прося разъяснить это слово. Некрасов ответил, что «с детства слышал его в народе, между прочим, в этом смысле: птицы летают *станицами*; воробьев *станичка* перелетела и т. п. <...> Слова: группа, партия, даже стая, которыми можно было бы заменить его в «Несжатой полосе», кроме своей прозаичности, были бы менее точны, лишив выражение того оттенка, который характеризует птицу перелетную (о которой идет речь в стихотворении), располагающуюся время от времени станом на удобных местах для отдыха и корма» (*Стих* 1879, ч. IV, стр. XXXVII).

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 137—138.

Впервые — *С* 1855, № 1, стр. 27—28, с подписью: «Н. Некрасов». Вошло в IV раздел *Стих* 1856 и перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

Беловой автограф — *Солд* (ЛБ).

«И СЕГОДНЯ ТАК ГРУСТНО НАСТРОЕН»

(стр. 102)

Вызвано тяжелой болезнью Некрасова, которая началась у него весной 1853 г. и отразилась в стихотворениях: «Последние элегии», «Песжатая полоса», «Тяжелый год, сломил меня недуг», «Саша» и др. (Об этой болезни см. у Н. А. Белоголова, Воспоминания и другие статьи, М. 1897, стр. 438 и след.)

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 124.

Впервые — *С* 1855, № 5, стр. 136, с подписью: «И. Некрасов». Вошло в IV раздел *Стих* 1856 и перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

Беловой автограф — *Солд* (*ЛБ*).

ВЛАС

(стр. 103)

Одно из самых ранних произведений русской литературы, где обличается деревенский кулак.

По словам Панаевой, прототипом Власа послужил Некрасову один из бывших крепостных его отца. Этот человек был сдан в солдаты, вернулся на родину — после многолетнего пребывания на службе — и, не найдя в живых никого из своей семьи, «посвятил остаток жизни на соби́рание пожертвований...» («Забывтая глава из воспоминаний Авдотьи Панаевой», *ЛН*, стр. 557).

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 115—119; два четверостишия, во всех прижизненных изданиях следовавшие после ст. 52 и 76, но отсутствующие в посмертном издании *Стих* 1879, исключены.

Впервые — *С* 1855, № 6, стр. 329—331, с подписью: «И. Некрасов». Вошло в I раздел *Стих* 1856 и перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

В беловом автографе *Солд* (*ЛБ*) Некрасов сделал попытку внести в стихотворение вместо экзотических «крокодилов» русский фольклорный образ: «Ведьмы-псицы, змии, скорпии».

14 ИЮНЯ 1854 ГОДА

(стр. 106)

В этом патриотическом отклике на один из ранних эпизодов Крымской войны Некрасов называет нашими «исконными крова-

выми врагами» турок, англичан и французов, которые незадолго до этого (в марте 1854 года) объединились для совместного вторжения в Россию.

Эпизод, вызвавший стихотворение Некрасова, предшествовал неудачной попытке английского флота высадить десант на восточном берегу Онежского залива. По поводу этого эпизода в русской полуофициозной газете была тогда же напечатана такая заметка:

«14 июня красногорский телеграф показал, что неприятельский флот идет к Кронштадту в числе тридцати одного судна... В девять часов утра увидели огромное дымное облако, — это был Непир со своими сподвижниками, идущий покорить Кронштадт. В исходе десятого часа неприятель стал на якорь между Толбухиным маяком и Красною горкой... 20 июня в девять часов англо-французский флот снялся с якоря и под парусами и парами пошел в море; в двенадцатом часу он скрылся из виду...» («Северная пчела», 1854, № 155, стр. 726).

В день появления неприятельской эскадры у Кронштадта Некрасов находился на даче между Ораниенбаумом и Петергофом, видел боевые суда и слышал канонаду (А. Я. Панаева, Воспоминания, М.—Л. 1933, стр. 353).

Печатается по *Стих* 1856, стр. 147.

Впервые — *С* 1854, № 7, стр. 5, без заглавия, с эпиграфом: «Вы грозны на словах, попробуйте на деле! Пушкин», с датой: «14 июня 1854 г. (В день появления соединенного флота вблизи Кронштадта)» и с подписью: «***».

Вошло (без эпиграфа и даты, под заглавием: «14 июня 1854 года») в IV раздел *Стих* 1856; в последующих прижизненных изданиях не перепечатывалось. Беловой автограф — *Солд (ЛБ)*.

1 8 5 5

«ПРАЗДНИК ЖИЗНИ — МОЛОДОСТИ ГОДЫ»

(стр. 107)

Вскоре после появления этих стихов в печати Н. Г. Чернышевский в письме к Некрасову оспаривал ту невысокую оценку, которую давал своей поэзии Некрасов:

«Вы говорите:

Нет в тебе поэзии свободной,
Мой тяжелый, неуклюжий стих—

Вам известно, что я с этим не согласен. Свобода поэзии <...> не том, чтобы не стеснять своего дарования произвольными претензиями и писать о том, к чему лежит душа <...> Теперь: тяжелый и неуклюжий стих. Тяжестью часто кажется энергия, поэтому говорят, что стих Лермонтова тяжелее стиха Пушкина <...> В чем состоит неуклюжесть Вашего стиха, я решительно не понимаю. У Пушкина есть много стихов негладких — что ж из того следует? Ровно ничего» (Н. Г. Чернышевский, Литературное наследие, М.—Л. 1928, т. II, стр. 336).

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 102—103.

Впервые — *С* 1856, № 8, стр. 206, под заглавием: «Сознание», с датой: «1855» и подписью: «Н. Некрасов».

Вошло в IV раздел *Стих* 1856, под заглавием: «Сознание» и с посвящением: «Николаю Боткину»; перепечатывалось (без заглавия и посвящения) в первой части всех последующих изданий.

Черновой автограф, под заглавием: «Сознание» и с датой: «11 марта», — в *ИЛИ* (21195/CXLV б. 20). Описание автографа дано Н. Л. Степановым в статье «Как писал стихи Некрасов» («Литературная учеба», 1933, № 3—4, стр. 73).

Беловой автограф — *Солд* (ЛБ).

ИЗВОЗЧИК

(стр. 108)

Упомянув в своем литературном фельетоне некрасовское стихотворение «Извозчик», О. И. Сенковский (Барон Брамбеус) заметил, что тема этого стихотворения напоминает ему «прозаический рассказ г. Погодина, помещенный в одном из альманахов двадцатых годов» («Библиотека для чтения», 1855, № 7, отдел «Журналистики», стр. 11).

Критик несомненно имел в виду рассказ М. П. Погодина «Психологическое явление», напечатанный в известном альманахе М. А. Максимовича «Денница» (1830). Сюжет погодинского рассказа таков: тульский купец вез с Ильинской ярмарки крупную выручку — тридцать тысяч рублей ассигнациями. Чтобы не привлекать к ней воров, он спрятал деньги в старые сапоги, которые и бросил в кибитку под передок, как вещь, не стоящую внимания. Один из его попутчиков еще на полдороге отпустил ящика; ящик уехал и увез сапоги. Купец разыскивал его в течение двух месяцев и когда, наконец, разыскал, попросил показать ту кибитку, в которой она

путешествовали. Оказалось, что сапоги в кибитке остались целы: ямщик не заметил их.

«— Друг мой Филиппушка! — воскликнул купец. — Ведь в сапогах у меня были зашиты тридцать тысяч рублей!»

На радостях он подарил ямщику сторублевку.

«И извозчик в барышах, — говорится в рассказе: — даром получил он сто рублей. Верно, он очень обрадовался такой нечаянной находке? —

На другой день поутру он — удавился» («Денница», стр. 147—154).

При внешнем сходстве обоих сюжетов, погодинского и некрасовского, по существу они очень различны: у Погодина извозчик повесился из-за того, что не присвоил чужого добра, у Некрасова причина самоубийства — крепостная неволя.

Правда, в первопечатном тексте эта причина была затушевана. Реплика Тэни звучала вначале только призывом к наживе:

Круто вырвалась Танюша
И домой бежит.
«Денег наживи, Ванюша,
Да женись!» — кричит...

Поглядел за нею Ваня,
Головой потряс:
«Хороша ты, — молвил, — Тапя,
Только не про нас!..»

Этот вариант является несомненной уступкой цензуре, которая не могла разрешить намек на то, что Ванька повесился, когда от него ускользнули деньги, необходимые для выкупа на волю.

Даже в начале шестидесятых годов некоторые представители цензурного ведомства предлагали исключить стихотворение «Извозчик» из сборника некрасовских стихов (В. Е в г е н ь е в-М а к с и м о в, Некрасов как человек, журналист и поэт, М.—Л. 1928, стр. 233).

Грязная, где стоял Ванька, — улица в Петербурге; впоследствии Николаевская, ныне улица Марата.

С. Пономарев, согласно указанию автора, относил «Извозчика» к 1848 г. (*Стих* 1879, ч. IV, стр. ХХI). Но в тетради поэта, относящейся к началу 1855 г., есть черновые наброски этих стихов. Поэтому мы печатаем «Извозчика» под 1855 г.

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 29—33.

Впервые — *С* 1855, № 5, стр. 132—135, с подписью: «Н. Пе-

красов». В значительно переработанном виде вошло в I раздел *Стих* 1856 и перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

Беловой автограф — *Солд* (ЛБ).

Черновая рукопись, сильно правленная (отдельные места записаны в 5—8 вариантах), — в тетради ЛБ 5764.

САША

(стр. 111)

Первое упоминание о поэме находим в письме Некрасова к Тургеневу от 30 июня 1855 г.: «Помнишь, на охоте как *прошентал* я тебе начало рассказа в стихах — оно тебе понравилось; весной, нынче в Ярославле я этот рассказ написал, и так как это сделано единственно по твоему желанию, то и посвятить его желаю тебе, с условием: вышли мне о нем свое искреннее мнение, на-днях ты его получишь. Я уже начал переписывать его». Пребывание Некрасова в Ярославле относится ко второй половине апреля — маю 1855 г., а совместная охота с Тургеневым — к последней декаде сентября 1854 г., когда Некрасов гостил у Тургенева в Спасском (Н. С. Ашукин, *Летопись жизни и творчества П. А. Некрасова*, М.—Л. 1935, стр. 132—133 и 137—138). Поэма была напечатана, с посвящением Тургеневу, в январской книжке «Современника» за 1856 г.

Образ героя «Саши» отчасти сходен с тургеневским Рудиным; критика неоднократно утверждала, будто Некрасов в данном случае находился под влиянием Тургенева. Либеральный критик С. Дудышкин в «Отечественных записках» писал: «Мы помним появление поэмы «Саша» вслед за «Рудиным» и наше приятное изумление, когда мы в этой поэме нашли того же Рудина, только переложенного на стихи... Сходство между ним и Агариним до того сильно, что даже выразилось не только в общих чертах, но и в мелочах» («Отечественные записки», 1861, № 12, стр. 87).

Тургенев и сам утверждал, будто «Саша» есть стихотворное переложение «Рудина» (Тургенев, *Полное собрание сочинений*, СПб. 1898, т. II, стр. IV).

Эти утверждения опровергаются фактами: Некрасов начал свою поэму еще в 1852 г., за четыре года до появления «Рудина», и кончил ее 1 мая 1855 г.

И «Рудин» и «Саша» появились в печати одновременно в первой книжке «Современника» за 1856 г. В «Современнике» и в первом издании «Стихотворений Н. Некрасова» «Саша» была посвящена П...у

Т...ву, то есть Ивану Тургеневу. Вначале цензура не разрешила этой поэмы, и Некрасову пришлось просить своего приятеля Е. П. Ковалевского, чтобы тот добился у министра народного просвещения А. С. Норова позволения напечатать ее («Книга и революция», 1921, № 2[14], стр. 38).

У царской цензуры были, конечно, все основания считать эту поэму «неблагонамеренной». Здесь, под прикрытием идиллической «усадебной» фабулы, Некрасов обличал тех либеральных дворян, которые, щеголяя демократическими и даже революционными фразами, уклонялись от активной борьбы с произволом. Из-за цензурных стеснений призыв к этой борьбе прозвучал в поэме еле слышно, но те, к кому он обращался, услышали его. Вера Фигнер, например, вспоминала впоследствии: «Поэма «Саша» произвела на меня величайшее впечатление строгим осуждением слова, не переходящего в дело» (Вера Ф и г н е р, Студенческие годы, Полное собрание сочинений, М. 1932, т. V, стр. 91).

Этой поэмой Некрасов начал ту беспощадную борьбу с либералами, которую он вел на протяжении всей своей деятельности. Его соратник по этой борьбе Н. А. Добролюбов в своей знаменитой статье «Что такое обломовщина?» причислил героя «Саши» к разряду так называемых «лишних людей», на которых обломовщина наложила «неизгладимую печать бездельничества, дармоедства и совершенной ненужности на свете». Характеризуя Обломова, Н. А. Добролюбов цитировал некрасовские стихи об Агарине (Н. А. Д о б р о л ю б о в, Полное собрание сочинений, т. II, М.—Л. 1935, стр. 23 и 24).

Политическая тенденция поэмы Некрасова совершенно ускользнула от читателей правого лагеря, и они увидели в «Саше» полный отказ (!) поэта от так называемой «гражданской поэзии» и переход на позиции «чистого искусства» (!).

Отражая мнение этих кругов, В. П. Боткин писал Некрасову 3 февраля 1856 г. из Москвы:

«Саша твоя — здесь всем очень понравилась, даже больше, чем понравилась: об ней отзываются с восторгом» («Голос минувшего», 1916, № 9, стр. 182).

Среди москвичей, увидевших в «Саше» отречение(!) Некрасова от обличительной и «желчной» поэзии, был и С. Т. Аксаков. 7 февраля 1856 г. он писал Тургеневу о Некрасове: «В последних стихах его (т. е. в «Саше») так много истины и поэзии, глубокого чувства и простоты, что я поражен ими, ибо *прежде не замечал ничего подобного в его стихах*» (Н. П. Б а р с у к о в, Жизнь и труды Погодина, кн. XIV, СПб. 1900, стр. 353).

Константин Аксаков, считая, что прежние стихотворения Некрасова были нередко «пропитаны едким цинизмом» (!), увидел в поэме «Саша» отказ от «цинизма» (!). «В стихотворении его <Некрасова> «Саша» и др. является также сила выражения и сила чувства, очищенная и движимая иными, лучшими стремлениями» (К. С. Аксаков, Обзорение современной литературы. «Русская беседа», 1857, № 1, стр. 8—9).

К Аксаковым примкнул Аполлон Григорьев, ошибочно увидевший в «Саше» примирение Некрасова с «рассейской» действительностью: «Сердце поэта устало питаться злобою. Любящим сыном воротился он к родине», — писал Аполлон Григорьев, подчеркивая художественную прелесть поэмы: «Тут все пахнет и черноземом и скошенным сеном; тут все живет — от березы до муравья или зайца и самый склад речи веет народным духом» («Время», 1862, № 7, стр. 41—42).

Молодой Лев Толстой тоже увидел в «Саше» отказ Некрасова от прежнего обличительного направления и горячо приветствовал его за то «примирение с действительностью», которое почудилось ему в начальных строках поэмы. 2 июля 1856 г. Толстой писал Некрасову из Ясной Поляны: «Человек желчный, злой—не в нормальном положении. Человек любящий — напротив... Поэтому ваши последние стихи мне нравятся — в них грусть, то есть любовь, а не злоба, то есть ненависть. А злобы в путном человеке никогда нет, и в вас меньше, чем в ком-нибудь другом» («Современник», 1913, № 1, стр. 240).

Все эти отзывы были основаны на ошибочном истолковании «Саши». Напечатанные через несколько месяцев такие стихотворения Некрасова, как «Поэт и гражданин», «Отрывки из записок графа Гаранского», «Забятая деревня» и др., обнаружили с величайшей наглядностью, что надежды некоторых кругов на поправление Некрасова не имели никаких оснований.

Печатается по *Стих* 1873, ч. II, стр. 47—77. Восстановление цензурного пропуска ст. 449—452 сделано по тексту корректур (*ИЛИ* 21120/СХ1V б. 13).

Впервые — С 1856, № 1, стр. 123—140, с посвящением: «И—у Т—ву» и подписью: «Н. Некрасов». Составило III раздел *Стих* 1856 (куда вошло с тем же посвящением) и перепечатывалось (без посвящения, с датой: «1852—1855») во второй части всех последующих изданий.

Ст. 177—232 были перепечатаны (без разночтений) с заглавием: «Срубленный лес. (Отрывок)» и подписью: «Н. Некрасов» в сб. «Для легкого чтения», П. 1856, т. II, стр. 222—224.

История рукописного текста «Саши» может быть изучена лишь в пределах III и IV глав поэмы, все сохранившиеся рукописи относятся к этим двум последним главам.

Хотя первая черновая запись плана уже намечала темы, составившие содержание I и II глав поэмы, Некрасов первоначально разрабатывал весь основной замысел и развитие сюжета в границах двух последних глав. Первые же главы, повидимому, писались отдельно и позднее, когда последние уже получили более или менее окончательный вид. Никаких записей, относящихся к двум первым главам, в бумагах Некрасова не сохранилось.

Все рукописи «Саши» сосредоточены в двух тетрадях — ЛБ 5764, заключающей черновые наброски III и IV глав и первую авторскую сводку III главы, и ЦГЛА фонд 338, в которой записана последующая сводка III главы, продолженная сводкой IV главы и последним своим слоем близкая к окончательному, печатному тексту.

Краткое описание записей тетради ЦГЛА фонд 338, ранее принадлежавшей А. П. Савельеву, было дано Н. С. Ашукиным и П. С. Сухотиным в сб. Русского общества друзей книги «Памяти П. А. Некрасова», М. 1928, стр. <22—23>.

Черновики тетради ЛБ 5764 представляют ряд беспорядочно расположенных отрывочных карандашных набросков, наскоро записанных на первой попавшейся странице.

В той же тетради находится *авторская сводка III главы*. Некрасов записал подряд ст. 281—287 и 291—314 и отрывочную схему ст. 317—320.

Первые относящиеся к IV главе наброски, которыми кончалась схематическая запись поэмы в тетради ЛБ 5764, были продолжены отдельными карандашными набросками в той же тетради. Наиболее длинный из них дает связное чтение 20 стихов, соответствующих ст. 419—442 печатного текста.

Авторская корректура «Саши» (ИЛИ 21120/CXLV б. 13), предназначенная для журнала «Современник», состоит из гранок, наклеенных на чистые листы.

Правка в корректуре была произведена после получения цензورского экземпляра, с отметкой нецензурных мест. Об этом свидетельствует обращенная к типографии помета Некрасова на последнем листе корректуры: «NB. Последние *восемь* строк править по

корректуре г. Бекетова <цензора> «Эх! и проч.» Однако эти строки вариантов не имеют.

История печатного текста после корректур сводится к постепенному восстановлению цензурных сокращений и переделок и к восьми мелким стилистическим поправкам, которые внес Некрасов в *Стих* 1861.

«ДАВНО — ОТВЕРГНУТЫЙ ТОБОЮ»

(стр. 130)

В письме от 30—31 июня 1855 г. Некрасов спрашивал Тургенева: «Скажи — понравятся ли тебе эти стихи:

К*

Давно, отвергнутый тобою,
Я шел по этим берегам...

<и т. д.>

Это тоже Ярославское произведение» (Некрасов, Собр. соч., т. V, М.—Л. 1930, стр. 208).

Тургенев отвечал: «Стихи твои «К*» просто Пушкински-хороши — я их тотчас на память выучил» («Голос минувшего», 1916, № 5—6, стр. 32—33).

По словам Н. Г. Чернышевского, стихотворение посвящено А. Я. Панаевой. Последние строки Чернышевский толкует так: брат Некрасова <Федор Алексеевич>, «человек грубых нравов», поссорился с братом Авдотьи Яковлевны из-за денег. Во время ссоры брат Некрасова так оскорбил Авдотью Яковлевну, что она решила разойтись с Некрасовым.

«Итак, — говорит Чернышевский, — «отвергнутый тобою» — это она не решалась бросить мужа. — А «забыт тобою» — она сказала: «Разойдемся. Уезжай». (Н. Г. Чернышевский, Литературное наследие, М. — Л., 1930, т. III, стр. 507).

В романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» герои, «новые люди», поют это стихотворение.

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 129.

Впервые — С 1856, № 9, стр. 89, с подписью: «Н. Некрасов». Вошло в IV раздел *Стих* 1856 и перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

Первоначальная редакция («Измученный бесплодною мольбою») печатается на стр. 416 настоящего тома.

Автограф был послан Некрасовым в письме к Тургеневу (*ИЛИ* 21194/СХLV б. 20), см. выше.

Наборная беловая рукопись (без правки, в окончательной редакции) на одних листах со стихотворениями «Я посетил твое кладбище» и др. — в архиве Е. А. Ляцкого (*ИЛИ* 163/855).

ПИСЬМА

(стр. 131)

Стихотворение отражает в себе краткую размолвку поэта с А. Я. Панаевой (в феврале 1855 г.).

Возможно, что во время этой размолвки Панаева действительно уничтожила свою переписку с Некрасовым.

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 96.

Впервые — в IV разделе *Стих* 1856, стр. 146; перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

9 февраля 1877 г. Некрасов переделал это стихотворение и напечатал его в *ОЗ* 1877, № 2, стр. 531, под заглавием: «Горящие письма». Эту окончательную редакцию см. во втором томе настоящего издания.

По свидетельству С. И. Пономарева, ст. 15—16 в экземпляре Некрасова читались так:

Я в первый раз задумался глубоко:
Что ж — разойтись? Ужели суждено?..

Однако из примечания Пономарева неясно, указаны ли эти стихи Некрасова в контексте первоначальной редакции, или они появились в одной из промежуточных стадий переработки стихотворения (ср. *Стих* 1879, ч. IV, стр. XLIII).

Беловой автограф — в тетради ЛБ 5762, л. 43 об.

«ТЯЖЕЛЫЙ ГОД — СЛОМИЛ МЕНЯ НЕДУГ»

(стр. 132)

Написано во время краткой размолвки с А. Я. Панаевой (в 1855 г.). Тематически связано со стихотворениями «Прости, не помни дней паденья», «Прощанье», «Тяжелый крест достался ей на долю», «Письма» и др. Как тяжело переживал Некрасов эту размол-

вку, видно из писем В. П. Боткина, который в то время жил на одной даче с Некрасовым. «Она хорошо сделала, что приехала к нему, — писал Боткин Тургеневу 14 июня 1855 г. — Разрыв ускорила бы смерть Некрасова» (В. П. Боткин и И. С. Тургенев, Неизданная переписка, М.—Л. 1930, стр. 53).

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 143.

Впервые — *Стих* 1861, ч. I, стр. 172—173, без заглавия и с подзаголовком: «(Из Ларры)» и так перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

Подзаголовок снят в *Стих* 1879.

Беловой автограф, без поправок, — в тетради ЛБ 5762, л. 44. Заглавие: «(Из Л***)».

«БЕЗВЕСТЕН Я. Я ВАМИ НЕ СТЯЖАЛ»

(стр. 133)

В 1855 г., когда писались эти стихи, Некрасов все еще считал себя «безвестным». Только через год, когда вышла первая книжка его стихов, он имел возможность убедиться, что он — самый популярный из русских поэтов. «О книге моей пишут чудеса — голова могла бы закружиться, — сообщал он из-за границы Тургеневу 6/18 декабря 1856 г. — <...> Неслыханная популярность, успех, какого не имел и Гоголь ...» (Некрасов, Собр. соч., М.—Л. 1930, т. V, стр. 269).

В конце стихотворения после слова «И» во всех изданиях следовал ряд точек: цензура не допускала строки о кнуге.

Печатается по *Стих* 1869, ч. I, стр. 136. Цензурный пропуск ст. 10 восстановлен по беловой рукописи *Солд* (ЛБ), где эта строка вписана рукой Некрасова.

Впервые — в IV разделе *Стих* 1856, стр. 157. Перепечатывалось в первой части всех последующих изданий, исключая *Стих* 1873, в котором оно отсутствует, вероятно, по цензурным причинам.

Черновой автограф — в тетради ЛБ 5764, л. 21.

МАША

(стр. 134)

14 февраля (1855) цензор В. Н. Бекетов писал Некрасову: «Стихи ваши, любезнейший Николай Алексеевич, «Маша» — я це-

редавал на просмотр г. председателя цензурного Комитета, и вот результат:

1. Следует *изменить* слово *Казенный*.
2. Заменить другим чем мысли:

Но испорчен он был с малолетства
Изученьем новейших наук.

3. Заменить слово *Либерал* другим.

А затем остальное как есть» («Архив села Карабихи», М. 1916, стр. 78.)

Некрасов был вынужден подчиниться этому цензурному требованию. Но уже в издании стихов 1856 года, с разрешения того же В. Н. Бекетова, он напечатал «Машу» в первоначальной редакции.

Н. Г. Чернышевский использовал стихотворение «Маша» для пропаганды своих экономических взглядов («Современник», 1859, № 2, стр. 323).

Указанная поэтом дата написания «Маши» — 1851г. (см. *Стих* 1879, ч. I, стр. 7 и ч. IV, стр. XXIX) — едва ли верна, так как черновой автограф этого стихотворения находится среди позднейших рукописей Некрасова (1855).

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 70—72.

Впервые — С 1855, № 3, стр. 87—88, с подписью: «Н. Некрасов». Вошло во II раздел *Стих* 1856 и перепечатывалось в первой части всех последующих изданий. Варианты ст. 14—16 и 20 в С—цензурного происхождения. Уже в *Стих* 1856 Некрасов мог восстановить первоначальную редакцию этих стихов.

Черновой автограф — в тетради ЛБ 5764, л. 22—23.

В БОЛЬНИЦЕ

(стр. 136).

Судя по черновикам, стихотворение «В больнице» было первоначально задумано как вступление в поэму «Белинский». Согласно этому раннему замыслу, умирающий в подвале «бедный и честный писатель» обращался перед смертью к молодым литераторам с горячим призывом отдать все силы на служение народному благу.

Эту предсмертную честную речь
В форме быть может нестройной
Ныне хочу от забвенья сберечь.
Вот что сказал нам покойный.

Дальше следовало поэтическое изложение заветов великого критика. Впоследствии эти строфы были перенесены Некрасовым (в сильно переработанном виде) в поэму «Белинский», откуда частично перешли в стихотворение «Русскому писателю» и окончательно стабилизировались в диалоге «Поэт и гражданин». А стихотворение «В больнице» приобрело новый сюжет. Вскоре после его появления в «Современнике» Некрасов прислал отпечатанный текст Солдатенкову с двумя новыми вставками, приписав внизу карандашом: «Прибавленные строфы пришли мне в голову после того, как уже стихотворение было набрано» — (Солд (ЛБ)).

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 105—110.

Впервые — *С* 1855, № 10, стр. 157—160, с подписью: «И. Некрасов». Вошло во II раздел *Стих* 1856 и перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

Первоначальные черновые наброски — в тетради ЛБ 5764; они состоят из трех последовательных вариантов начала (два первых — на л. 33, третий — на л. 41 об.—40). Третий — с незначительной поправкой.

Беловой автограф — *Солд* (ЛБ).

«ПОРАЖЕНА ПОТЕРЕЙ НЕВОЗВРАТНОЙ»

(стр. 140).

На экземпляре своих стихов, изданных в 1873 г., поэт сделал карандашом примечание по поводу «невозвратной потери»:

«Умер первый мой сын младенцем — в 1848 году» (*Стих* 1879, ч. IV, стр. XXIII).

Однако мы относим это стихотворение к более поздней дате, так как его черновик находится в тетради 1855 г. Именно в этом году и умер младенцем сын Некрасова. «Бедный мальчик умер, — писал 19 апреля 1855 г. Некрасов Тургеневу. — Должно быть от болезни, что ли, на меня это подействовало, как я не ожидал». Матерью этого мальчика была А. Я. Панаева. В мемуарной литературе нет никаких сведений о том, что в 1848 г. у Панаевой и Некрасова был сын, скончавшийся в младенческом возрасте. Судя по «Воспоминаниям» А. Я. Панаевой (М.—Л. 1933), в 1848 г. в ее жизни не было

больших потрясений. Между тем смерть ее сына, происшедшая в 1855 г., отразилась во многих ее письмах (см., например, ее письма к Ипполиту Панаеву (*ИЛИ*)).

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 146.

Впервые — *С* 1856, № 5, стр. 64, под заглавием: «В черный день» и с подписью: «Н. Н.». Под тем же заглавием вошло в IV раздел *Стих* 1856; без заглавия перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

Автограф, — в тетради *ЛБ* 5762, л. 40. Позднее зачеркнуто прежнее заглавие: «В черный день». Окончательное чтение совпадает с печатным текстом, кроме ст. 15—16.

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

(стр. 141)

Об отношениях Некрасова к Белинскому см. примечание на стр. 544.

Во время предсмертной болезни в 1876 г. Некрасов записал в дневнике:

«23 августа. Сегодня ночью вспомнил, что у меня есть поэма «В. Г. Белинский». Написана в 1854 или 5 году — нецензурна была тогда и попала по милости одного приятеля в какое-то гершеновское заграничное издание: «Колокол», «Голоса из России», или подобный сборник. Теперь из нее многое могло бы пройти в России, в новом издании моих сочинений. Она характерна и нравилась очень, особенно, помню, Грановскому. Вспомнил из нее несколько стихов, по которым се можно будет отыскать:

В то время пусто и мертво
В литературе нашей было»

(«Автобиографии Некрасова», публикация В. Евгеньева-Максимова и С. Рейсера, *ЛН*, стр. 170).

После смерти Некрасова сестра поэта показала эту поэму Салтыкову и Елисееву, они нашли ее неудобной для печати и привели в своем журнале лишь небольшой отрывок из нее в статье А. М. Скабичевского, посвященной Некрасову («Отечественные записки», 1878, № 5, стр. 107).

Именно об этой поэме Некрасов писал Тургеневу 17 сентября 1855 г.: «Посылаю тебе мои стихи — хотя они и набраны, но вряд ли

будут напечатаны. Как-то вспомнил старину — просидел всю ночь и страшно потом жалел, — здоровья-то больше ухлопал, чем толку вышло. Тут есть дурные стихи — когда-нибудь поправлю их, а мне все-таки любопытно знать твое мнение об этой вещи. Прочитав, перешли лоскуток братьям Карповым» (Н е к р а с о в, Собр. соч., М.—Л. 1930, т. V, стр. 227).

Братья Карповы — деревенские соседи Тургенева («Тургенев и круг «Современника», М.—Л. 1930, стр. 349).

Биография Белинского в общем изображена в поэме верно. Сам Белинский вспоминал: «Отец меня терпеть не мог, ругал, унижал, придирался, бил нещадно и площадно — вечная ему память» (В. Г. Б е л и н с к и й, Письма, П. 1914, т. II, стр. 112).

Но есть у Некрасова и отступления от исторической правды; со смертью лекаря Белинский не «остался мал»: ему было 25 лет, когда умер его отец. Точно так же неверно, будто Белинский был выгнан из университета.

... не доказав
Каких-то о рожденьи прав.

Белинский был изгнан за неблагонамеренность, проявленную им в его трагедии «Дмитрий Калинин» (официальный предлог исключения: «неуспешность» в занятиях).

Доказывать права о рождении Белинскому пришлось гораздо позже — в 1843 и 1844 гг. (В. Г. Б е л и н с к и й, Письма, П. 1914, т. II, стр. 25, 53, 81).

И оставался целый век недоучившимся студентом. Один ученый человек колол его неоднократно таким прозвищем печатно...—Реакционный историк М. П. Погодин писал в «Москвитянине», что Белинский не имеет никакого образования, что это «гений-самоучка, которые у нас растут, как грибы, ежегодно между студентами, не окончившими курса» и проч. (Б а р с у к о в, Жизнь и труды М. П. Погодина, П. 1894, т. VIII, стр. 495).

Прожектер — А. А. Краевский, издатель журнала «Отечественные записки», в которых Белинский принимал ближайшее участие с 1839 по 1847 г.

Два задорных поляка — Ф. В. Булгарин, редактор «Северной пчелы», и О. И. Сенковский (Барон Брамбеус), редактор «Библиотеки для чтения».

Уж новый гений — Гоголь.

Но поднялась тогда тревога в Париже буйном — февральская революция 1848 г. и провозглашение республики.

Палач науки Бутурлин — Д. Н. Бутурлин состоял председателем секретного комитета, учрежденного Николаем I в 1848 г. для высшего надзора за деятелями цензуры. Пользуясь диктаторской властью, Бутурлин жестоко душил печать и, главным образом, «Современник» Некрасова.

Закройте университеты! — После февральской революции в Париже Николай I принял крутые меры, чтобы революционные идеи не проникли из Европы в Россию. В числе этих мер намечалось закрытие университетов. Поэтому всякая статья, восхвалявшая университеты, воспринималась Бутурлиным как неповиновение властям. В «Современнике» 1849 г. (№ 3) появилась именно такая статья, и, когда Бутурлин донес о ней Николаю, она вызвала гнев царя (Мих. Лемке, *Очерки по истории русской цензуры*, П. 1904, стр. 225).

Том истории твоей — «Военная история походов России в XVIII столетии сочинена Д. Бутурлиным, флигель-адъютантом е<го> императорского величества, а с французского переведена квартирмейстерской части генерал-майором А. Хатовым. В Санкт-Петербурге, 1819—1820».

Изучение черновых рукописей этой поэмы показывает на связь ее замысла со стихотворением «В больнице». Несколько стихов (из текста *ЛБ*) перешли впоследствии в поэму «Несчастные» («Пусть речь его была сурова и т. д.) Речь Белинского о призвании русского писателя («Напрасно быть толпе угодней») напечатана Некрасовым в виде отдельного стихотворения «Русскому писателю» («Современник», 1855, июнь) и в переработанном виде вошла в текст «Поэта и гражданина» (См. примечание к стихотворению «В больнице»).

Печатается по *ПЗ* 1859, кн. V, стр. 48—52, где опубликовано впервые, без подписи, в отделе анонимных произведений. В ст. 182 принята поправка Некрасова на копии А. Панаевой (в ее тетради — *ИЛИ*, *personalia*, отдельное поступление № 717).

В легальной печати ст. 80—83 и 92—95 были процитированы (с вариантом в ст. 80) А. Скабичевским, как начало «одного малоизвестного стихотворения» Некрасова, в биографическом очерке «Н. А. Некрасов» (*ОЗ* 1878, № V, стр. 107). Полностью впервые в легальной печати — «Древняя и Новая Россия», 1881, февраль, стр. 412—416, — повидимому, по списку, восходящему к тексту «Полярной звезды». В тексте — ряд мелких ошибок и пропущен ст. 18. В редакционном примечании о стихотворении было сказано, что «в некоторых рукописных сборниках оно приписывается Н. А. Некрасову. Судя по стиху и выражениям, в этом позволительно сомневаться».

Наиболее точная перепечатка поэмы дана в «Литературном вестнике» (1903, № 1, стр. 24).

В собрание стихотворений Некрасова впервые введено редактором настоящего тома (*Стих* 1920, стр. 48—51). Печатая поэму по списку А. Я. Панаевой, он заменил стихи 127—128 соответственными стихами по черновому автографу ЛБ 5764:

Его соратники смирялись
И в подлецов преобразались.

Но в настоящем издании, в согласии с мнением А. Я. Максимова, отдано предпочтение более поздней редакции.

Кроме напечатанной в «Полярной звезде», существует вторая, позднейшая (и негаконченная) редакция поэмы «Белинский». Вторую часть этой редакции, представляющую совершенно новый текст и ныне находящуюся в ЦГЛА, см. в сб. Русского общества друзей книги «Памяти Н. А. Некрасова», М. 1928, стр. <19—21>. В настоящем издании стр. 483—488.

Черновой автограф ст. 1—148 и отдельные наброски — в тетради ЛБ 5764; белой автограф второй редакции поэмы — в тетради ЦГЛА, фонд 338.

Черновой автограф тетради ЛБ 5764 на л. 76 об. — 74, с большой одновременной правкой, доведен до ст. 148. Над текстом дата: «4 апр.» <1855>. Заглавие отсутствует. На последней странице автографа отдельно записан набросок концовки («Средь поколения другого»), не использованный в окончательном тексте.

В той же тетради есть несколько более ранних записей, повидимому относящихся к этому же замыслу: «Во вражде неостывающей» (л. 6), «Недосказанной, многострадальной» (л. 12) и «Я долго размышлял над жизнью твоей» (л. 12).

Черновика ст. 149—194 и сводного автографа всей поэмы не сохранилось, и единственным рукописным источником текста этих стихов является авторизованная Некрасовым (с его поправками) копия А. Я. Панаевой в ее тетради (*ИЛИ*, *personalia*, отдельное поступление № 717).

В тетради ЦГЛА, фонд 338, стр. 1—7, находится белой автограф поэмы, с немногочисленными поправками.

СВАДЬБА

(стр. 146).

Неоднократно указывалось, будто сюжеты стихотворений «Свадьба» и «Забытая деревня» заимствованы Некрасовым у английского поэта Джорджа Крабба (1754—1832).

Но по глубокой эмоциональности, по богатству красок, по силе и свободе интонаций оба стихотворения Некрасова настолько выше монотонного и тягучего повествования Крабба, что называть их заимствованиями никак невозможно.

Еще до знакомства с соответствующим стихотворением Крабба Некрасов написал стихотворение «Встреча» (см. стр. 416), которое явилось первоначальным вариантом «Свадьбы».

Член совета Главного управления по делам печати тайный советник Веселаго находил в стихотворении «Свадьба» «как бы упрек установленному церковью брачному союзу» («А. И. Лебедев — иллюстратор Некрасова». Сообщение С. А. Макашина, ЛН, стр. 651).

«Свадьбу» ошибочно относили к 1854 г. («Стихотворения П. А. Некрасова», П. 1879, ч. IV, стр. XXXIX).

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 122—123.

Впервые — *С* 1855, № 11, стр. 51—52, с подписью: «Н. Некрасов». Вошло в IV раздел *Стих* 1856 и перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

Беловой автограф, с незначительными чернильными поправками, — в тетради ЦГЛА, фонд 338, стр. 13—15. Заглавие: «Свадьба», под текстом дата: «23 Апр.».

«ВНИМАЯ УЖАСАМ ВОЙНЫ»

(стр. 148).

Написано под впечатлением Крымской войны. Эта война отразилась в нескольких стихотворениях Некрасова: «14 июня 1854 года», «Тишина», «Коробейники», «Пир на весь мир». Кроме того, в «Современнике» была напечатана рецензия Некрасова о книжке Ив. Ваненко «Осада Севастополя, или таковы русские», где он сравнивал осаду Севастополя с осадой Трои — «в смысле героизма, которым запечатлены деяния защитников Севастополя, в смысле громадности борьбы и великих, неожиданных случайностей и катастроф, наконец, в смысле того глубокого и страстного интереса, с которым приковано к этой борьбе внимание целого света...» В другом месте своей рецензии он говорил: «Ни один из существующих ныне талантов, не в одной России но и во всей Европе не в состоянии произвесть что-либо равняющееся величию совершающихся перед нами событий».

Некрасов и сам одно время стремился на боевые позиции: «Хочется ехать в Севастополь. Ты над этим не смейся. Это желание во мне сильно и серьезно...» — писал он Тургеневу 30 июня 1855 года (Некрасов, Собр. соч., М.—Л. 1930, т. V, стр. 204).

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 136.

Впервые — *С* 1856, № 2, стр. 223, с подписью: «Н. Некрасов». Вошло в IV раздел *Стих* 1856 и перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

НА РОДИНЕ

(стр. 149).

Относительно этого стихотворения Некрасов в своих автобиографических заметках писал: «Судьбе угодно было, чтобы я пользовался крепостным хлебом только до 16 лет, далее я не только никогда не владел крепостными, но, будучи наследником своих отцов, имевших родовые поместья, не был ни одного дня даже владельцем клочка родовой земли <...> Я когда-то написал:

...хлеб полей, возделанных рабами,
Нейдет мне впрок.

Написав этот стих еще почти в детстве, может быть, я желал оправдать его на деле» («Автобиографии Некрасова», *ЛН*, стр. 143).

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 104.

Впервые — в IV разделе *Стих* 1856, стр. 183; перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

Цензурный пропуск ст. 7 восстановлен в *Стих* 1863.

Черновой автограф, писанный карандашом, — в тетради *ЛВ* 5763, л. 96. Сперва написаны ст. 5—8, потом надписано заглавие и ст. 1—4, и дана окончательная редакция ст. 5 и 8.

ГАДАЮЩЕЙ НЕВЕСТЕ

(стр. 150)

Стихотворение «Гадающей невесте» долго датировали 1856 г. Между тем оно входит в тетрадь Панаевой, относящуюся к 1855 г.

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 113—114.

Впервые — во II разделе *Стих* 1856, стр. 50—51; перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

Черновой автограф — в тетради ЛБ 5762. Дата: «8 сент.» <1855 г.>

Окончательное чтение первых 24 строк этого автографа почти совпадает с печатной редакцией. Стихи после 24 в печатный текст не вошли.

ДЕМОНУ

(стр. 151)

Смысл стихотворения неясен. Некрасов сам сознавал это и на своем экземпляре стихов написал незадолго перед смертью: «Нужно примечание», но не успел его сделать (*Стих* 1879, ч. IV, стр. LVI).

Это стихотворение относили, по указанию Некрасова, к 1860 г. Но его черновой автограф отыскался среди некрасовских рукописей 1854—1855 г.

В одной из тетрадей поэта есть сделанный его рукою перечень стихотворений, написанных им в 1855 г. В этом перечне указано и стихотворение «Демон» (ЛБ 5762, л. 43 об.), вследствие чего в настоящем издании оно переносится сюда из цикла стихотворений 1860 г.

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 120—121.

Впервые — газета «Московский вестник», 1860, № 7 (7 февраля), стр. 108, под заглавием: «Демон» и с подписью: «Н. Некрасов». Вошло (под заглавием «Демону») в первую часть *Стих* 1861 и перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

Беловой автограф первых четырех строф (ст. 1—16) — в тетради ЦГЛА, фонд 338. Заглавие отсутствует.

СЕКРЕТ

(Стр. 152)

В 40-х и 50-х гг. превращение России в государство буржуазного типа происходило довольно быстрыми темпами. Этот период первоначального накопления богатств выдвинул множество хищников, подобных герою «Секрета». Обличая их в ряде сатир («Ростовщик», «Современная ода», «Нравственный человек» и др.), Некрасов неизменно отмечал присущее им лицемерие, а также тот

великий почет, которым они пользовались в «высших» кругах тогдашнего общества,

«Секрет» относили к 1846 г. Эту дату указал сам поэт. Но недавно выяснилось, что она неверна.

В Государственной библиотеке им. В. И. Ленина в Москве имеется тетрадь Некрасова, относящаяся к 1854—1855 гг., в которой — черновые наброски «Секрета» (ЛБ 5764).

Правда, некоторые строфы, входящие в эту балладу, существовали и раньше. Они появились в 1851 г. в «Заметках и размышлениях Нового Поэта», И. И. Панаева, («Современник» 1851, № 11, стр. 89).

Строфы, напечатанные в 1851 г., были впоследствии (в 1855 г.) использованы Некрасовым для баллады «Секрет».

Вследствие этого из цикла стихов 1846 г. «Секрет» переносится нами в цикл 1855 г.

Алма с короною — один из высших орденов в царской России.

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 39—43.

Впервые полностью — С 1856, № 8, стр. 203—205, с датой: «1846» и подписью: «Н. Некрасов».

Вошло во II раздел *Стих* 1856 и перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

Цензурный пропуск в ст. 39 (подготовленный самим Некрасовым еще в беловом автографе — см. рукописные варианты) восстановлен в *Стих* 1863.

Автограф — в тетради ЛБ 5764, л. 9—11. Первоначально набело записаны ч. II и III (ст. 21—72), нумерованные I и II, под заглавием «Секрет». Окончательная редакция этого автографа отличается от печатной несколькими вариантами и отсутствием ст. 13—16, 45—52 и 65—72.

Существует еще наборная рукопись. Лист, на котором записаны ст. 1—28, хранится в ЛБ (4835) (передан в 1921 г. из Радищевского музея в Саратове), а следующий, со ст. 29—76, — в ИЛИ (163/855, архив Е. А. Ляцкого).

ЗАБЫТАЯ ДЕРЕВНЯ

(стр. 155)

В «Современнике» 1855—1856 гг. А. В. Дружинин поместил ряд статей, посвященных английскому поэту Джорджу Краббу.

Обширные статьи Дружинина состояли наполовину из подстрочных переводов краббовых поэм. Особенно подробно изложил

он поэму «The Parish Register» («Приходские списки», 1807). В третьей части этой поэмы изображается погребение богатой помещицы, которая жила вдали от своей усадьбы и никогда не вникала в нужды «своих земледельцев». Между этим эпизодом и «Забытой деревней» есть некоторое сюжетное сходство, но в стихотворении Крабба тема разработана рационалистически, схематично и сухо, и потому оно не может идти ни в какое сравнение с гениальной «Забытой деревней» Некрасова, богатой русскими национальными красками.

«Забытая деревня» при первом появлении в печати вызвала негодование властей. Цензор Бекетов, пропустивший «Забытую деревню» (а также «Поэта и гражданина»), подвергся суровой каре. Так как стихотворение появилось тотчас же после Крымской войны и смерти Николая I, оно воспринималось читателями как аллегорическое изображение тогдашней России.

Чиновник особых поручений Волков так и доносил министру народного просвещения Норову (14 ноября 1856 г.):

«Видимая цель этого стихотворения — показать публике, что помещики наши не вникают вовсе в нужды крестьян своих, даже не знают оных, и вообще не пекутся о благосостоянии крестьян. Некоторые же из читателей под словами «забытая деревня» понимают совсем другое... Они видят здесь то, чего вовсе, кажется, нет, какой-то тайный намек на Россию...» («Книга и революция», 1921, № 2/14, стр. 39).

«Забытая деревня» была высоко оценена Герценом (А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, П. 1917, т. VIII, стр. 390).

Н. Н. Златовратский в своих воспоминаниях рассказывает, что в пятидесятых годах у Н. А. Добролюбова (когда он был студентом) сделали обыск, ища у него запрещенных стихов, — «какими, например, считалась тогда «Забытая деревня» Некрасова» («Юбилейный сборник Литературного фонда», П. 1909, стр. 471).

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 141—142.

Впервые — в I разделе *Стих* 1856, стр. 34—36. Перепечатано П. Г. Чернышевским в *С* 1856, № 11, библиография, стр. 9—10; перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

Автограф — в тетради *ЛБ* 5762, л. 8—9. Первоначальное заглавие: «Барин», дата: «2 окт. Ночь».

Беловой автограф принадлежит К. А. Федину (Москва).

«ГДЕ ТВОЕ ЛИЧИКО СМУГЛОЕ»

(стр. 157)

Печатается по *Стих* 1873, ч. III, стр. 111.

Впервые — *С* 1861, № 1, стр. 240, без заглавия, с подписью: «**».

Вошло в III часть *Стих* 1864 и перепечатывалось в III части *Стих* 1869 и 1873.

«ЗАМОЛКНИ, МУЗА МЕСТИ И ПЕЧАЛИ»

(стр. 158)

В первом издании «Стихотворений Н. Некрасова» было напечатано в самом конце книги, на последней странице, замыкая, таким образом, весь цикл его тогдашних стихов. Это не было типографской случайностью. Некрасов смотрел на эти стихи как на завершение первого этапа своего творчества. Впоследствии он написал карандашом на полях: «Уехал за границу в 1856 г., дальнейшее <писано> по возвращении», то есть сам указал, что эти стихи есть рубеж между двумя периодами его поэтической деятельности (*Стих* 1879, ч. IV, стр. XLIII).

Посылая эти стихи П. В. Анненкову, И. С. Тургенев писал 9 декабря 1855 г.: «Некрасов уже более трех месяцев не выходит — он слаб и хандрит по временам, — но ему лучше — а как он весь просветлел и умягчился под влиянием болезни, что из него вышло — какой прелестный, оригинальный у него ум выработался — это надобно видеть, описать этого нельзя. — Прилагаю вам стихотворение, — написанное им вчера, — и еще далеко не обделанное. — Посмотрите-ка! <...> Последние восемь строк поразительны» («Неизданная переписка И. С. Тургенева с П. В. Анненковым», публикация Н. Л. Бродского, «Литературная газета», 9 марта, 1931).

Тургенев ошибался, полагая, что стихи написаны восьмого числа, так как уже седьмого В. П. Боткин имел возможность прочитать их в Москве и тогда же написал поэту: «Стихи твои крепко огорчили меня — а какие прекрасные стихи! Из лучших твоих стихов. Только ты клеветешь на себя, говоря:

То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидеть.

Не знаю я, насколько ты можешь ненавидеть, — но насколько ты можешь любить, — я это чувствую. Я не знаю другого сердца, которое так же умеет любить, как твое, — только ты любишь без фраз и так называемых «излияний». Пусть не всякий это видит — то и бог с ними, кто не умеет видеть это» (В. Е. Евгеньев-Максимов, П. А. Некрасов и люди 40-х гг., «Голос минувшего», 1916, № 9, стр. 177).

По поводу концовки стихотворения «Замолкни, муза мести и печали» (начиная со стихов «Волшебный луч любви и возрождения») Н. Г. Чернышевский писал Некрасову в письме от 4 ноября 1856 г.:

«Лично мне эти стихи очень симпатичны — я знаю, что необходимы в жизни минуты уныния — но не все имеют основание оставаться в унынии — или в отчаянии, если хотите более громкого слова — как в законном расположении их духа. И вы не имеете этого права — с чего вы взяли, что имеете право унывать и отчаиваться?» («Литературное наследие Н. Г. Чернышевского», М. 1928, стр. 342).

До издания Полного собрания стихотворений Некрасова 1931 г. эти стихи ошибочно относили к 1856 г.

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 151—152.

Впервые — *С* 1857, № 3, стр. 83, с подписью: «Н. Некрасов». Вошло в IV раздел *Стих* 1856 и перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

Беловой автограф, без поправок, — в тетради ЛБ 5762, л. 41. Текст совпадает с печатным. Под текстом дата: «3 дек.»; она является, повидимому, датой первоначальной редакции.

1 8 5 6

ВЛЮБЛЕННОМУ

(стр. 159)

Датировалось 1852 г.; теперь, учитывая дату чернового автографа, его следует отнести к более позднему времени — к 16 марта 1856 г.

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 135.

Впервые — в IV разделе *Стих* 1856, стр. 158; перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

Черновой автограф — в тетради ЛБ 5762, л. 43. Дата чернилами: «16 марта». Над текстом помета: «(Заметки)» и цифра 3 — третье стихотворение цикла «Заметки».

КНЯГИНЯ

(стр. 160)

Стихотворение изображает известную великосветскую красавицу, графиню Александру Кирилловну Воронцову-Дашкову (1818—1856). Говоря в конце стихотворения о «небрежных строфах русско-

го поэта», Некрасов разумеет стихотворение Лермонтова «К портрету А. К. Воронцовой-Дашковой»:

Как мальчик кудрявый рева,
Нарядна, как бабочка летом.

Судьба этой женщины сложилась несчастливо; изображенное в поэме Некрасова близко к действительности.

Александр Дюма в книге о России вступился за честь француза, упомянутого в этих стихах: «Г-жа Воронцова-д'Ашкова (sic), — писал Александр Дюма, — вышла во Франции замуж за дворянина, который по своему общественному положению стоял несколько не ниже ее и обладал состоянием, превышавшим ее состояние» (*Impressions de voyage en Russie, Paris, 1859, pp. 150—153*). В той же книге Дюма перевел «Княгиню» Некрасова на французский язык; муж Воронцовой-Дашковой, прочтя перевод, почувствовал себя оскорбленным и, по рассказу Панаевой, вызвал Некрасова на дуэль, которая не состоялась лишь благодаря своевременному вмешательству друзей (А. Я. Панаева, *Воспоминания, Л. 1933, стр. 322—330*).

Печатается по *Стих* 1873, ч. II, стр. 79—84.

Впервые — *С* 1856, № 4, стр. 259—260, с подписью: «Н. Некрасов»; вошло во II раздел *Стих* 1856 и перепечатывалось (с датой: «1856») во второй части всех последующих изданий.

«ЧУТЬ-ЧУТЬ НЕ ГОВОРЯ: «ТЫ СУЩАЯ НИЧТОЖНОСТЬ!»
(стр. 162)

Печатается по *Стих* 1869, ч. I, стр. 80.

Впервые — в IV разделе *Стих* 1856, стр. 154. Перепечатывалось в первой части всех последующих изданий, кроме *Стих* 1873, в котором оно отсутствует.

«КАК ТЫ КРОТКА, КАК ТЫ ПОСЛУШНА!»

(стр. 163)

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 101.

Впервые — *С* 1856, № 8, стр. 298, с подписью: «Н. Некрасов». Вошло в IV раздел *Стих* 1856 и перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

Первоначальная редакция — по беловому (наборному?) автографу ЛБ 4835. До 1921 г. листок хранился в Радищевском музее в Саратове. Перед текстом — конец стихотворения «Самолюбивых болтунов» (ст. 31—37), после текста — начало стихотворения «Секрет» (см. комментарии В. Е. Чешихина-Ветринского, впервые опубликовавшего редакцию этого автографа в журнале «Вестник литературы», 1921, № 11 (35), стр. 5—6).

«ТЯЖЕЛЫЙ КРЕСТ ДОСТАЛСЯ ЕЙ НА ДОЛЮ»

(стр. 164)

М. П. Краснов, литературный секретарь Н. Г. Чернышевского, сообщает, что незадолго до смерти Чернышевский в разговоре с ним назвал это стихотворение «лучшим лирическим произведением на русском языке» («Записи двух бесед с Н. Г. Чернышевским о Некрасове», публикация В. Евгеньева-Максимова, ЛН, стр. 602).

Редактор посмертного издания «Стихотворений» Некрасова высказал предположение, что здесь изображается мать поэта. Чернышевский в своих «Заметках о Некрасове» опроверг этот домысел: «Дело идет о совершенно иной женщине, о той, любовь к которой была темой стольких лирических пьес Некрасова» <т. е. Панаевой> (Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. I, М. 1939, стр. 750).

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 99—100.

Впервые — в IV разделе *Стих* 1856, стр. 131—132; перепечатывался в первой части всех последующих изданий.

В тетради ЛБ 5764, л. 80 — карандашом записаны (и перечеркнуты) ст. 13—16.

ШКОЛЬНИК

(стр. 166)

«Архангельским мужиком» Некрасов называет великого русского ученого М. В. Ломоносова, вышедшего из крестьян Архангельской губернии.

Еще в ранней молодости поэт посвятил Ломоносову пьесу в стихах «Юность Ломоносова» (см. т. IV настоящего издания). В этой пьесе Ломоносов говорил:

Трудов немало перенес я,
Нередко даже голодал,
С людьми боролся и с судьбою,
Дороги сам себе искал

<и т. д.>

Чиновник особых поручений при министерстве народного просвещения, статский советник Е. Волков «долгом поставил обратить внимание его высокопревосходительства» на стихотворение «Школьник», так как «здесь автор хочет доказать, что великие и гениальные люди преимущественно могут выходить только из простого народа» («Книга и революция», 1921, № 2 (14), стр. 39).

Начиная с 1864 г., «Школьник» включается в учебные хрестоматии.

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 147—149.

Впервые — *БЖ* 1856, октябрь, стр. 205—206, с подписью: «Н. Некрасов». Вошло в I раздел *Стих* 1856 и перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

Т<УРГЕНЕ>ВУ

(«Прощай! Завидую тебе»)

(стр. 168)

Тургенев с 1852 г. находился полтора года в ссылке — в имении Спасское, под надзором полиции.

Лишь в 1856 г. ему было дано разрешение уехать из России за границу.

Очевидно, к этому времени и относится стихотворное послание Некрасова, так как здесь говорится о поездке Тургенева:

Прощай! Завидую тебе —
Твоей поездке...

Стихи ошибочно относили в 1855 г., хотя в том году Тургенев никуда не уезжал.

Женская любящая душа — Полина Виардо-Гарсия.

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 139—140.

Впервые — *С* 1856, № 10, стр. 281, под заглавием: «Т-ву» и с подписью: «Н. Некрасов». Вошло (под заглавием: «Т...ву») в IV раздел *Стих* 1856 и перепечатывалось (под заглавием: «—ву») в первой части всех последующих изданий.

ПРОСТИ

(стр. 169)

Перед отъездом за границу Некрасов жил на даче в Ораниенбауме. 30 июля 1856 г. он написал Тургеневу:

«Погода скверная. Сижу один на даче и даже не выхожу из комнаты, трусость напала, как бы не расхвораться. Вчера сложил стихи, которые по краткости прилагаю.

Прости! Не помни дней паденья,
Тоски, унынья, озлобленья
<и проч.>

Что это—изрядно или плохо? По совести, не умею определить»... (Некрасов, Собр. соч., М.—Л. 1930, т. V, стр. 253—254).

Стихи обращены к А. Я. Панасовой, с которой поэт намеревался встретиться за границей после недолгой размолвки.

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 150.

Впервые — *БДЧ* 1856, октябрь, стр. 206, с подписью: «И. Некрасов». Вошло в IV раздел *Стих* 1856 и перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

Беловой автограф — в вышеприведенном письме Некрасова Тургеневу (*ИЛИ* 21194/CXLV б. 20).

«САМОДОВОЛЬНЫХ БОЛТУНОВ»

(стр. 170)

Некрасов изображенному в этом стихотворении «лишнему человеку» дал фамилию Решетиллов — ту самую, которой наименован Тургенев в неоконченной повести поэта «Каменное сердце» (см. VI том настоящего издания).

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 111—112.

Впервые — *С* 1856, № 9, стр. 88, с подписью: «Н. Н.» (в оглавлении: «Н. А. Некрасов»). Вошло в IV раздел *Стих* 1856 и перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

Ст. 38—41 в автографах и первых печатных текстах отсутствуют; они появились впервые в *Стих* 1863.

Первоначальный карандашный набросок, относящийся к этому сюжету, — в тетради *ЛБ* 5763, л. 30. На той же странице запись,

которую можно предположительно расшифровать как план деревенских встреч героя стихотворения, Решетилова.

В той же тетради (ЛБ 5763, лл. 31—37)— первый законченный текст.

Беловая наборная рукопись — ИЛИ 163/855, архив Е. А. Ляцкого; писана карандашом, на одних листках со стих. «Я посетил твоё кладбище» и др. (см. стр. 531); листок, содержащий ст. 31—37, — ЛБ 4835/9. В письме к В. П. Боткину от 16 июня 1856 г. Некрасов приводит эти стихи, как написанные «третьего дня», причем указывает, что «они позволены» (Некрасов, Собр. соч. М. — Л., 1930, т. V, стр. 249—250).

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1843—1845

ГОВОРУН

(стр. 172)

«Говорун» напечатан в двух маленьких книжках, озаглавленных «Статьи в стихах. Без картинок». Кроме Некрасова, в этих книжках участвовали В. Р. Зотов и Н. И. Куликов (Вл. Зотов, Воспоминания, «Исторический вестник», 1890, № 2, стр. 338).

Перепечатывая эти стихи в приложении к третьей части своих «Стихотворений» 1864 г., Некрасов сделал такое примечание: «В этой пьесе дело наполовину идет о мелочах, занимавших тогдашнюю петербургскую публику, а теперь потерявших всякий интерес и смысл. Я попробовал было их выкинуть — пьеса лишилась связи, пришлось их оставить. Повторяю, я печатаю эти вирши не потому, чтоб видел в них какое-нибудь достоинство, а чтоб отбить охоту у гг. библиографов копаться в моих юношеских упражнениях после моей смерти» (Стих 1864, стр. 202).

И как — душа добрейшая — недорого берет — намек на журналиста Фаддея Булгарина, который славился своей бесстыдной продажностью.

С тех пор, как шутка с «Нашими» пошла и удалась, тьма книг с политипажами в столице развелась. — В 1844—1845 гг. в Петербурге были изданы литературные сборники под общим заглавием: «Наши, списанные с природы русскими». Сборники были украшены политипажамми, то есть рисунками, резанными на дереве.

Историю которого состряпал Полевой — Н. А. Полевой (1796—1846) — критик, журналист, драматург. В конце 1846 г. в Петербурге вышел первый выпуск его «Истории Суворова» со 130 полтипажами.

Клот, Тимм и Неттельгорст — К. К. Клодт (1807—1872) — известный русский гравер на дереве. О. Неттельгорст и В. Ф. Тимм, его ученики, исполнили множество гравюр и рисунков для его изданий.

А, впрочем, Андрянова тут тоже хороша — В 1842 г. в Петербурге на сцене Большого театра был поставлен фантастический балет Теофила Готье «Жизель». Сначала в нем выступала русская танцовщица Е. И. Андрянова, с января 1843 г. ее заменила французка Люсиль Гран.

Но самое печальное — либретто: уши рвет — Опера Глинки «Руслан и Людмила» была впервые поставлена 27 ноября 1842 г. и выдержала до великого поста тридцать два представления. Либретто для нее было изготовлено литературным ремесленником К. Бахтуриним. Исполнил он эту работу «в четверть часа, под пьяную руку», как рассказывает в своих мемуарах М. Глинка. (М. И. Г л и н к а, Записки, М. — Л. 1930, стр. 223).

Боско (1793—1863) — знаменитый фокусник.

Рубини прискакал — итальянский певец Рубини (1795—1854), тогдашний «король теноров». Весною 1843 г. он впервые посетил Петербург и дал несколько концертов в зале Дворянского собрания, после чего состоялось пятнадцать оперных спектаклей с его участием: поставлены были оперы «Отелло», «Лючия», «Сомнамбула», «Пуритане» и «Пират».

О Листе книгу целую — концерты знаменитого пианиста и композитора Ф. Листа (1811—1886) в Большом театре состоялись в июне 1843 г. В стихах Некрасова игра слов: «целая книга» и «Лист <бумаги>».

Сулье красив и прям — в воскресенье 23 мая 1843 г. на плацу близ Александро-Невской лавры состоялось под открытым небом большое «конское ристалище, устроенное шталмейстером турецкого султана» французом Луи Сулье.

Прилежно я окидывал заморского кита — подле Александринского театра в апреле 1843 г. был построен балаган, в котором было выставлено для обозрения публики чучело кита длиною в 95 футов. Внутри чучела помещались двадцать четыре музыканта, а в голове была устроена гостиная, в которой посетители могли «покоиться на диване». «Цена за вход по 1 рублю серебром и по 50 коп. сер. с персоны» («Северная пчела», 1843, № 80).

И гений Тюрп носится — Тюрп — знаменитый в тогдашних петербургских трактирах игрок на бильярде.

Брамбеус сам с кометою за ум меня сравнил — в петербургской прессе много было толков о комете, которая наблюдалась в Западной Европе в марте 1843 г. Когда в том же месяце того же года появилась маленькая книжка со стихами Некрасова «Говорун», журналист О. И. Сенковский (Барон Брамбеус) в шуточной статье сравнил эту книжку с кометою («Библиотека для чтения», 1843, № 3, стр. 43).

Пустить на не — термин карточной игры: пойти на ставку, увеличенную предшествующим выигрышем.

Что за красotka Борджия — Лукреция Борджия — героиня оперы Доницетти того же названия.

Таких, как у Альбони, я... — Мариэтта Альбони — итальянская певица, контральто.

Чтоб только петь, как Гарция — знаменитая французская певица Поллина Гарция (или Гарсия), по мужу Виардо (1821—1910), впервые выступала в Петербурге в 1843 г.

Что даже у Фиглярина — Фиглярин — кличка Фаддея Булгарина.

Шарманчик с обезьяною танцуют падеде, — то есть вдвоем. *Се шарман! (франц.)* — прелестно!

Печатается по *Стих* 1873, ч. III, приложение первое: Юмористические стихотворения 1842—1845 годов, стр. 159—197.

Впервые — первая глава в сб. «Статьйки в стихах. Без картинок», П, 1843, стр. 14—31, без подписи; вторая глава — там же, т. II, стр. 23—40, без подписи; третья глава — *ЛГ* 1845, № 2 (11 января), стр. 32—33, под заглавием «Отрывок из записок петербургского жителя» и с подписью: «Ф. Белопяткин».

Восьмая строфа II главы (ст. 169—192) была впоследствии процитирована, без указания источника, в фельетоне *ЛГ* 1844, № 17 (от 4 мая), стр. 305; фельетон был, повидимому, написан Некрасовым.

Вошло полностью в приложения III части *Стих* 1864, с примечанием (см. выше), повторенным также в следующих изданиях (*Стих* 1869 и 1873).

В оглавлении книжек «Статьйки в стихах» аннотация главок дана несколько иная, чем в основном тексте.

В *Стих* 1873 в аннотации I главы вместо «Агафья Леонардовна» было напечатано «Агафья Леопардовна».

ЧИНОВНИК

(стр. 193)

Об этом стихотворении Белинский писал: «Чиновник» — пьеса в стихах, г. Некрасова, есть одно из тех в высшей степени удачных произведений, в которых мысль, поражающая своею верностью и дельностью, является в совершенно соответствующей ей форме, так что никакой, самый предприимчивый критик не зацепится ни за одну черту, которую мог бы он похулить. Пьеса эта написана в юмористическом духе и верно воспроизводит одно из самых типических лиц Петербурга — чиновника <...> Найдутся люди, которые, пожалуй, скажут: «что за предмет! и как можно восхищаться пьесой, которая изображает такой предмет!» Таких людей мы отсылаем к сочинениям Марлинского, которые изображают всё предметы высокие и колоссальные <...> Эта пьеса — одно из лучших произведений русской литературы 1845 г.» («Отечественные записки», 1845, №5, стр. 16).

Паратый пес (вернее: поратый) — сильный, дюжий, быстрогой.

Автор — тунядец и нахал — для чиновника таким автором был Гоголь. Это явствует из иллюстраций, приложенной к первоначальному тексту (рисунок Коврыгина, гравюра Е. Бернардовского), где чиновник указывает одной рукой на гоголевскую повесть «Шинель», другой — на картину с изображением Сибири («Физиология Петербурга», СПб. 1845, ч. II, стр. 85).

По словам С. Т. Аксакова, «американец» Федор Толстой объявил во всеуслышание среди поклонников Гоголя, что Гоголя «следует в кандалах отправить в Сибирь». При этом Аксаков прибавляет, что в Петербурге было очень много «особ», разделявших мнение графа Толстого (С. Т. Аксаков, Полное собрание сочинений, II. 1886, т. III, стр. 346).

Печатается по *Стих* 1873, ч. III, приложение первое: Юмористические стихотворения 1842—1845 годов, стр. 133—144.

Впервые — сб. «Физиология Петербурга», П. 1845, ч. II, стр. 81—93, с подписью: «Н. Некрасов» вошло в приложение третьей части *Стих* 1864, с датой: «1844»; перепечатывалось в *Стих* 1869 и 1873.

ОТРЫВОК

(стр. 198)

В «Заметках и размышлениях Нового Поэта о русской журналистике» автор (Ив. Панаев) рассказывает, что к нему в кабинет пришел небритый господин, с печальным и добрым лицом, в поношенном сюртуке, оказавшийся замечательным поэтом. «Он принес и прочел мне несколько стихотворений, которые у меня не выходят из головы. Вот первое...»

Следует «Отрывок», сопровождаемый такими строками, по всей вероятности принадлежащими Некрасову:

«Я не признаю этого стихотворения безусловно хорошим. В нем краски довольно грубы, сфера его содержания довольно однообразна, низменна и ограничена, картины мрачны; но ведь каждый из нас пишет хорошо только то, что сам пережил, почувствовал, видел своими глазами. И у меня недостает духу обвинять поэта за то, что предметы своих песнопений почерпает он в низменных сферах, где протекает его собственная жизнь. — Это еще не беда... Для меня важнее то, что в стихах его есть содержание, определенно высказываемое; что хоть и неэффективных сторон жизни касается его муза, но его грубые стихи прочувствованы» («Современник», 1851, № 11, стр. 85—86).

«Отрывок» и по ритму и по сюжету связан с «Говоруном» (1842—1845 гг.) В бумагах Некрасова найдено два вполне самостоятельных варианта «Отрывка» («Детство» и «Мои детские годы»), причем второй из них имеет подзаголовок: «Из признаний Белопяткина» и таким образом устанавливает еще более близкую связь с «Говоруном», тоже написанным от лица Белопяткина. См. настоящий том стр. 405 и 408.

Печатается по *Стих* 1873—1874, ч. VI, приложение третье: Юмористические стихотворения разных годов, стр. 267—269.

Впервые — без подписи в вышеуказанной книге «Современника». Вошло в приложение шестой части *Стих* 1874, с датой: «1844».

1 8 4 5

«СТИШКИ! СТИШКИ! ДАВНО ЛЬ И Я БЫЛ ГЕНИЙ?»

(стр. 200)

Печатается по *Стих* 1873, ч. III, приложение первое: Юмористические стихотворения 1842—1845 годов, стр. 131—132.

Впервые — ЛГ 1845, № 2 (11 января), стр. 31, отд. «Дагерротип», в фельетоне «Отчеты по поводу нового года», под которым подпись: «Ник — Нек». Вошло в приложение третьей части *Стих* 1864, с датой: «1845», и перепечатывалось в *Стих* 1869 и 1873.

НОВОСТИ

(стр. 201)

Цензура не разрешила напечатать в «Литературной газете» строку:

А доблестей — как милостей у бога!

И Некрасов написал:

А доблестей — как в поле муравы...

Эта строка не имела ни рифмы, ни нужного количества стоп. Возможно, что поэт стремился таким нарочитым изъяном стиха обратить внимание читателя на самоуправство цензуры.

Стихи о безотрадной пустоте николаевской эпохи («Уныло мы проходим жизни путь») тоже были уничтожены цензурой, но через несколько лет появились в анонимной статье И. С. Тургенева «Современные заметки», напечатанной в «Современнике», 1847, № 1 (Смесь, стр. 78), в качестве цитаты из какого-то поэта, «вероятно, озлобленного на новый век и нравы».

Строки, посвященные польке, отражают всеобщее увлечение этим новым танцем в сороковых годах.

Печатается по *Стих* 1873, ч. III, приложение первое: Юмористические стихотворения 1842—1845 годов, стр. 145—157.

Впервые — ЛГ 1845, № 9 (8 марта), стр. 164—165, «Дагерротип», под заглавием: «Новости», с подписью: «Ник — Нек» и с датой: «20 февраля 1845». В переработанном виде вошло с датой «1845» в приложения третьей части *Стих* 1864 и перепечатывалось в *Стих* 1869 и 1873.

1 8 5 1

МОЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ

(стр. 207)

Пародия на отрывок из поэмы Каролины Павловой «Адриль», озаглавленный «Рассказ Лизы».

Некрасов сохранил размер подлинника. Подлинник написан такими стихами:

Средь степей и я, сует не зная,
Провела развития лета,
Но судьба моя была иная...
С третьего уж года сирота...

Под видом «идеальной женщины», «говорящей восторженно и страстно» и погруженной в «великие вопросы», Некрасов изобразил Каролину Павлову (см. «Собрание стихотворений Нового Поэта», где она изображена такими же чертами, II. 1855, стр. 37—38).

Печатается по *Стих* 1873—1874, ч. VI, приложение третье: Юмористические стихотворения разных годов, стр. 230—234.

Впервые — *С* 1851, № 5, библиография, стр. 9, в рецензии на «Раут. Литературный сборник... Издание Н. В. Сушкова. М. 1851», без подписи. С добавлением ст. 81—84 вошло в приложение шестой части *Стих* 1874, с датой: «1850».

«Мое разочарование» приписывалось И. И. Панаеву и входило в его Полн. собр. соч., II. 1889, т. V.

ДЕЛОВОЙ РАЗГОВОР

(стр. 209)

В первоначальной редакции было направлено против А. А. Краевского (1810—1889), беспринципного редактора-издателя «Отечественных записок», соперничавших с некрасовским «Современником».

В стихах, начинающихся строкой:

Кто страстно так любил, так понимал искусство, —

Некрасов вспоминает В. Г. Белинского.

В «Современных заметках» Новый Поэт сделал к этому стихотворению такое предисловие:

«Публика! журналы! журналисты! соперничество! подписчики! Взявшись писать о русской журналистике, в последнее время я так много думал обо всем этом, что в голове моей образовалась целая поэма, в которой должен отразиться характер современной журналистики. Я дал моей поэме драматическую форму и теперь деятельно пишу ее. Вот первая «Беседа», или первая часть моей драматической поэмы; надеюсь, публика прочтет ее с любопытством и благодарностью; я думаю, еще ни один литератор так горячо не хлопотал об интересах публики, как хлопочу я в моей поэме».

Печатается по *Стих* 1873—1874, ч. VI, приложение третье: Юмористические стихотворения разных годов, стр. 235—251.

Впервые — *С* 1851, № 8, отд. VI, стр. 11—21, в «Заметках Нового Поэта о русской журналистике», под заглавием: «Беседа журналиста с подписчиком», без подписи. Вошло в приложение шестой части *Стих* 1874, с заглавием: «Деловой разговор», в значительно сокращенном виде; Некрасов убрал выпады против А. А. Краевского и отбросил конец — разговор журналиста с рецензентом, характеризующий приемы полемики, к которым прибегал А. А. Краевский.

1 8 5 3

ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

(стр. 219)

Печатается по *Стих* 1873—1874, ч. VI, приложение третье: Юмористические стихотворения разных годов, стр. 265 — 266, где напечатано впервые, с датой: «1853».

Черновой автограф, хранившийся в частных руках, был доступен редактору настоящего тома в 1918 г. Нынешнее его местонахождение неизвестно.

1 8 5 4

ПРИЗНАНИЯ ТРУЖЕНИКА

(стр. 220)

16 октября 1854 г. Некрасов писал Тургеневу:

«Я не буду много <тебе> писать, потому что голова моя занята шутовским сочинением, которое мне хочется написать для «Ералаша».

В ту пору в «Современнике» был отдел, который назывался «Литературный ералаш». Через месяц в этом отделе появились «Признания труженика». Таким образом время их написания — вторая половина октября 1854 г. П. А. Ефремов, — свидетель вообще ненадежный, — почему-то утверждал, что в образе «труженика» Некрасов вывел П. В. Анненкова (Доклады и отчеты Русского библиологического общества, П. 1908, т. I, стр. 13). Это неверно: Анненков не был так чудовищно толст и вообще нисколько не соответствовал лицу, изображенному в «шутовском сочинении» Некрасова.

Отрывки из этого стихотворения цитировал Н. А. Добролюбов в статье «Органическое развитие человека в связи с его умственной и нравственной деятельностью» (1858). (Н. А. Д о б р о л ю б о в, Избранные философские сочинения, М. 1945, т. I, стр. 158).

Печатается по *Стих* 1873—1874, ч. VI, приложение третье: Юмористические стихотворения разных годов, стр. 215—218, где в этой редакции напечатано впервые. Под текстом указана дата первоначальной редакции: «1854».

Первоначальная редакция — в настоящем томе на стр. 390.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. НЕВКЛЮЧЕННОЕ АВТОРОМ В СОБРАНИЕ ЕГО СТИХОТВОРЕНИЙ

1 8 3 8 — 1 8 3 9

М Е Ч Т Ы И З В У К И

КОЛИЗЕЙ

(стр. 225)

Печатается по *МЗ*, стр. 4—5, где появилось впервые.

АНГЕЛ СМЕРТИ

(стр. 227)

Печатается по *МЗ*, стр. 5—6, где появилось впервые.

ВСТРЕЧА ДУШ

(стр. 228)

Печатается по *МЗ*, стр. 7—11, где появилось впервые.

ИСТИННАЯ МУДРОСТЬ

(стр. 231)

Мысль о том, что удел человека — «благословить пред мистицизмом», заимствована Некрасовым из сонета Бенедиктова «Природа» (1836):

Есть сердце у тебя: пади, благоговей
И бойся исказить догадкою твоей
Запретные красы святого мистицизма.

(В. Г. Б е н е д и к т о в, Стихотворения, Л. 1939, стр. 44.)

Через тридцать лет после появления этих стихов Н.С. Лесков воспользовался ими для полемического выпада против Некрасова (Н. Л е с к о в, Загадочный человек, Полное собрание сочинений, П. 1897, т. VIII, стр. 104).

Косвенный ответ Лескову дал публицист «Отечественных записок» Г. З. Елисеев (тоже задетый Лесковым). Елисеев писал, что стихотворение «Истинная мудрость» и по внутреннему содержанию, и по стиху — чистое подражание Ломоносову; даже доказательства бессилия человеческого ума взяты из той же книги Иова, из которой они заимствованы Ломоносовым в одной его оде (Г. З. Е л и с е е в, Внутреннее обозрение, «Отечественные записки», 1878, № 3).

Печатается по *МЗ*, стр. 11—14, где появилось впервые.

ЗЕМЛЯКУ

(стр. 233)

Можно предполагать, что эти строки обращены к Андрею Глушицкому, товарищу Некрасова по ярославской гимназии, с которым он встречался в Петербурге в 1839 г. (С. А. Р е й с е р, Некрасов в Петербургском университете, *ЛН*, стр. 353 и след.).

Печатается по *МЗ*, стр. 15—18, где появилось впервые.

МЫСЛЬ

(стр. 236)

Самое раннее из появившихся в печати стихотворений Некрасова.

Некрасов вспоминал о нем впоследствии в рассказе «Помещик двадцати трех душ»: «Забуду (sic!) тот нелепый восторг, который заставлял меня бегать высуня язык, когда я увидел в «Сыне отечества» первое мое стихотворение, с примечанием, которым я был очень доволен» («Литературная газета», 1843, № 12, стр. 231).

Печатается по *МЗ*, стр. 18—19.

Впервые — *СО* 1838, № 5, октябрь, «Русская словесность», стр. 100, с подписью: «Н. Некрасов» и с примечанием редакции: «Первый опыт юного, 16-ти летнего поэта». При жизни Некрасова перепечатано единственный раз — в *МЗ*.

ПОЭЗИЯ

(стр. 236)

Печатается по *МЗ*, стр. 20—21, где появилось впервые. По факсимиле рукописи исправлена опечатка в ст. 26: было напечатано «смертных» вместо «смертным».

Беловой автограф — в альбоме М. А. Гамазова, хранившемся в *ИЛИ* (ср. «*Некрасов ПД*», стр. 119—120, где Л. Б. Модзалевским опубликован его текст; в приложении дано факсимиле автографа). Настоящее его местонахождение неизвестно. Подпись: «Н. Некрасов», дата: «4 марта 1838 г. СПб».

ГОРЫ

(стр. 237)

Двустипшие:

Как опрокинутая урна
Над ним висит небесный свод —

заимствовано у В. Г. Бенедиктова (В. Г. Бенедиктов, Стихотворения, Л. 1939, стр. 16).

Печатается по *МЗ*, стр. 21—23, где появилось впервые.

МОЯ СУДЬБА

(стр. 239)

Первый случай цензурного вмешательства в поэзию Некрасова: в предпоследней строке цензура запретила выражение «царь Судеб», и Некрасову пришлось напечатать:

И у — — Судеб, как должного, без страха...

Поэт Ф. И. Менцов (1818—1848), один из эпигонов романтизма, с похвалою отзывался об этом стихотворении: «Не первоклассное, но весьма замечательное дарование нашли мы в г. Некрасове, и»

лодом поэте, только в нынешнем году выступившем на литературную арену <...> Приятно надеяться, что г. Некрасов окажет дальнейшие успехи в поэзии, в дарах которой не отказала ему природа». (Ф. Менцов, Обзорение русских газет и журналов за первые три месяца 1839 г., «Журнал министерства народного просвещения», 1839, № 7, отд. VI, стр. 79—80; см. публикацию А. Аникиной в ЛНЗ).

Это был первый печатный отзыв о поэзии Некрасова. Дальнейших отзывов Ф. Н. Менцова мы не приводим; все они клонились к тому, чтобы удержать молодого Некрасова на позициях реакционной романтики.

Печатается по МЗ, стр. 24—25. Доцензурная редакция ст. 27 восстановлена (А. Максимовичем) по первопечатному тексту.

Впервые — «Литературные прибавления к «Русскому инвалиду», 1839, № 12 (25 марта), стр. 250, с подписью: «Н. Некрасов». При жизни Некрасова перепечатано единственный раз — в МЗ без текстуальных разночтений, но с цензурным пропуском в ст. 27.

ЗЛОЙ ДУХ

(стр. 240)

Печатается по МЗ, стр. 25—27, где появилось впервые.

НЕЗАБВЕННАЯ

(стр. 241)

Печатается по МЗ, стр. 27—29, где появилось впервые.

ДВА МГНОВЕНИЯ

(стр. 242)

Печатается по МЗ, стр. 29—30.

Впервые — «Литературные прибавления к «Русскому инвалиду» 1839, № 14 (8 апреля), стр. 297, с подписью: «Н. Некрасов». При жизни Некрасова перепечатано единственный раз в МЗ.

ТУРЧАНКА

(стр. 243)

Здесь, как и в стихотворении «Смуглянка», Некрасов подражал Бенедиктову — главным образом его знаменитым стихам «Черные очи» и «Кудри» (К. Шимкевич, Пушкин и Некрасов, «Поэтика», вып. 5, Л. 1929, стр. 121).

Печатается по *МЗ*, стр. 31—33, где появилось впервые.

СОМНЕНИЕ

(стр. 244)

Печатается по *МЗ*, стр. 33—36, где появилось впервые.

ПЕСНЯ

(стр. 246)

Первое произведение Некрасова, написанное тем размером, который впоследствии получил название некрасовского. Характерно, что по своей ритмо-синтаксической форме эта ранняя его песня перекликается с одной из самых поздних, написанных им на смертном одре:

Верь, что во мне необъятно безмерная
Крылась к народу любовь
И что застынет во мне теперь верная,
Чистая русская кровь.
(«Угомонись, моя муза задорная»)

Печатается по *МЗ*, стр. 37—38, где появилось впервые.

ПОКОЙНИЦА

(стр. 247)

Печатается по *МЗ*, стр. 38—39, где появилось впервые.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

(стр. 248)

Печатается по *МЗ*, стр. 40—46, где появилось впервые.

ВОРОН

(стр. 253)

Печатается по *МЗ*, стр. 47—50, где появилось впервые.

РЫЦАРЬ

(стр. 255)

Печатается по *МЗ*, стр. 51—53, где появилось впервые.

ВОДЯНОЙ

(стр. 257)

Печатается по *МЗ*, стр. 53—55, где появилось впервые.

ПИР ВЕДЬМЫ

(стр. 258)

Печатается по *МЗ*, стр. 55—57, где появилось впервые.

НЕПОНЯТНАЯ ПЕСНЯ

(стр. 260)

Подражание знаменитой элегии В. А. Жуковского «Море» (1823). Также несомненно влияние «Моря» В. Г. Бенедиктова (1838), «Моря» С. Стромиллова (1839) и др.

Печатается по *МЗ*, стр. 58—59, где появилось впервые.

ЧЕЛОВЕК

(стр. 261)

Первые две строки — отголосок «Вольности» Пушкина:

Когда на мрачную Неву
Звезда полуночи сверкает...

Некрасов указывал в своих автобиографических записках, что «Вольность» Пушкина произвела на него в детстве большое впечатление (*ЛН*, стр. 153).

Печатается по *МЗ*, стр. 60.

Впервые — *СО* 1838, т. VI (ноябрь). «Русская словесность», стр. 18, с подписью: «Н. Некрасов». При жизни Некрасова перепечатано единственный раз в *МЗ*.

ИЗГНАННИК

(стр. 261)

Печатается по *МЗ*, стр. 61—65.

Впервые — *СО* 1839, т. IX (июнь). «Русская словесность», стр. 55—58, с подзаголовком: «(Н. Ф. Фермору)» и подписью: «Н. Некрасов». При жизни Некрасова перепечатано один раз в *МЗ*, без посвящения (которое сохранено лишь в оглавлении) и

в существенно переработанном виде. О Ферморе см. примечание к стихотворению. <«В альбом Марии Фермор»> (стр. 403)

ЖИЗНЬ (стр. 264)

«Дума» Лермонтова, которой подражает в этом стихотворении Некрасов, была напечатана в 1839 г. в январской книге «Отечественных записок» — за полгода до напечатания некрасовской «Жизни».

Это свидетельствует о том, что не все стихи, входящие в состав первой книги Некрасова «Мечты и звуки», были написаны им в провинции: в 1839 г. Некрасов находился уже в Петербурге.

Печатается по *МЗ*, стр. 65—67.

Впервые — *БЗЧ* 1839, июль, стр. 5—6, с подписью: «Н. Некрасов». При жизни Некрасова единственный раз перепечатано в *МЗ* (с разночтениями).

НЕЗАБВЕННЫЙ ВЕЧЕР (стр. 265)

Печатается по *МЗ*, стр. 67—70, где появилось впервые.

БЕЗНАДЕЖНОСТЬ (стр. 267)

Печатается по *МЗ*, стр. 70—71.

Впервые — *СО* 1838, т. VI (ноябрь). «Русская словесность», стр. 17—18, с посвящением: «(Н. В. С.)» и подписью: «Н. Некрасов». При жизни Некрасова перепечатано единственный раз в *МЗ*, без посвящения (оно указано в оглавлении) и с разночтениями.

МОГИЛА БРАТА (стр. 268)

Старший брат Некрасова, Андрей, родившийся в 1820 г., умер в 1838 г. По словам сестры поэта, эта потеря произвела сильный нравственный переворот в юноше: «он <...> впервые серьезно задумался о своей участи» (А. М. С к а б и ч е в с к и й, Николай Алексеевич Некрасов, *Стих* 1879, стр. XXIII).

Печатается по *МЗ*, стр. 72—73, где появилось впервые.

СМЕРТИ

(стр. 270)

Печатается по *МЗ*, стр. 74—75.

Впервые — *СО* 1839, т. VII (январь), «Русская словесность», стр. 12—13, с подписью: «Н. Некрасов» и датой: «12 ноября 1838 года». При жизни Некрасова перепечатано единственный раз в *МЗ*, с разночтениями.

ВЧЕРА, СЕГОДНЯ

(стр. 271)

Написано под сильным влиянием стихотворения В. Г. Бенедиктова «Утес» (1836) (В. Г. Бенедиктов, Стихотворения, Л. 1939, стр. 1—2).

Печатается по *МЗ*, стр. 76, где появилось впервые.

НОЧЬ

(стр. 271)

В библиотеке Пушкинского дома хранится экземпляр книги «Мечты и звуки» с пометками М. Н. Лонгинова. На полях стихотворения «Ночь» Лонгинов пометил, очевидно со слов Некрасова: «Полевой одобрил» (Библиотека *ИЛИ*, собрание Лонгинова). Судя по дневникам Н. А. Полевого, юноша Некрасов бывал у него осенью и зимой 1838 г.

Печатается по *МЗ*, стр. 77—79, где появилось впервые.

ДНИ БЛАГОСЛОВЕННЫЕ

(стр. 273)

Последняя строфа этого стихотворения довольно близко воспроизводит первую строфу стихотворения Бенедиктова «Незабвенная»:

В дни, когда в груди моей чувство развивалось
Так свежо и молодо,
И мечтой согретое сердце не сжималось
От земного холода...

(В. Г. Бенедиктов, Стихотворения, Л. 1939, стр. 2—3; В. Максимов, Литературные дебюты Н. А. Некрасова, П. 1908, стр. 75).

Ревностный блюститель реакционной романтики Ф. П. Менцов, высказав много похвал этому стихотворению Некрасова, счел необходимым прибавить: «Желательно только, чтоб вкус и начала религии и чистой нравственности, без чего нет истинной поэзии, управляли его вдохновением» (Ф. М е н ц о в, Обзорение русских газет и журналов за первые 3 месяца 1840 года, «Журнал Министерства народного просвещения», 1840, № 7, отд. 6, стр. 63—64).

Печатается по *МЗ*, стр. 79—80.

Впервые — *ЛГ* 1840, № 7, стр. 154—155.

ЗАГАДКА

(стр. 273)

Печатается по *МЗ*, стр. 80—81, где появилось впервые.

РУКОЯТЬ

(стр. 274)

На полях «Рукояти», на экземпляре М. Н. Лонгинова, написано его рукою, очевидно со слов Некрасова: «Жуковский одобрил». Как известно, Некрасов в начале 1840 г. показывал свою книгу Жуковскому до ее выхода в свет. (*ЛН*, стр. 148).

Печатается по *МЗ*, стр. 81—82.

Впервые — *ЛПРИ* 1839, № 25 (24 июня), стр. 531, с подписью: «Н. Некрасов». При жизни Некрасова перепечатано единственный раз в *МЗ*.

ОБЕТ

(стр. 274)

Печатается по *МЗ*, стр. 82—83, где появилось впервые.

КРАСАВИЦЕ

(стр. 275)

Начало этого стихотворения заимствовано из следующих стихов Бенедиктова, озаглавленных «NN — ой»:

О! не играй веселых песен мне,
Волшебных струн владычица младая!

(В. Г. Бенедиктов, Стихотворения, Л. 1939, стр. 24;
В. Максимов, Литературные дебюты Н. А. Некрасова, П.1908,
стр. 77).

Печатается по *МЗ*, стр. 83—85, где появилось впервые.

ТОТ НЕ ПОЭТ

(стр. 276)

Подражание И. И. Панаеву, который в № 25 «Прибавлений
к «Русскому инвалиду» на 1838 г. писал:

Тот не поэт, кто мудрствует лукаво,
Кто соблазнен земною суетой,
Гоняется за золотом и славой,
Юродствуя над чернию слепой.
(«Лже-поэту»)

Стихи И. И. Панаева были написаны в 1838 г., когда Некрасов
уже был в Петербурге.

Печатается по *МЗ*, стр. 85—86, где появилось впервые.

ПЕСНЯ ЗАМЫ

(стр. 277)

Печатается по *МЗ*, стр. 87—88, где появилось впервые.

ЧАС МОЛИТВЫ

(стр. 278)

Близкое подражание «Песне» Е. А. Баратынского (1826):

Когда взойдет денница золотая,
Горит эфир,
И ото сна встает, благоухая,
Цветущий мир.

(Б а р а т ы н с к и й, Стихотворения, М. 1946, стр. 187)

Печатается по *МЗ*, стр. 89—90, где появилось впервые.

СМУГЛЯНКЕ

(стр. 279)

В этом стихотворении, как и в некоторых других, юный Некрасов — еще верный ученик Бенедиктова (К. Ш и м к е в и ч, Пушкин и Некрасов, Сборник «Поэтика», вып. 5, Л. 1929, стр. 118—120).

Печатается по *МЗ*, стр. 90—92, где появилось впервые.

ВЕСНА

(стр. 280)

Печатается по *МЗ*, стр. 92—94, где появилось впервые.

СЕРДЦУ

(стр. 281)

Печатается по *МЗ*, стр. 95—96, где появилось впервые.

ПРИЗНАНИЕ

(стр. 282)

Печатается по *МЗ*, стр. 97—98, где появилось впервые.

РАЗГОВОР

(стр. 283)

Печатается по *МЗ*, стр. 98—103, где появилось впервые.

1 8 3 9

ДУМА

(стр. 287)

Печатается по журналу «Литературные прибавления к «Журналу Министерства народного просвещения», 1840, № 1, стр. 3—4, где появилось впервые, с подписью: «Н. Некрасов».

Исправляются живые опечатки в ст. 24 («устелет») и 26 («топкам»).

1840

МЕЛОДИЯ

(стр. 288)

Печатается по журналу «Пантеон русского и всех европейских театров», 1840, № 3, стр. 104, где появилось впервые, с подписью: «И. Некрасов».

ОФЕЛИЯ

(стр. 289)

В сезон 1839/40 г. в Александринском театре был поставлен «Гамлет». Роль Офелии исполняла В. Н. Асенкова. Нам представляется вполне вероятным, что стихотворение Некрасова написано под впечатлением от созданного ею сценического образа Офелии. (См. заметку Н. И. Куделько в «Научном бюллетене Ленинградского университета», № 16—17, Л. 1947, стр. 28—30).

Печатается по журналу «Пантеон русского и всех европейских театров», 1840, № 5, стр. 62, где появилось впервые, с подписью: «И. Некрасов».

СЛЕЗА РАЗЛУКИ

(стр. 291)

Печатается по журналу «Пантеон русского и всех европейских театров», 1840, № 9, стр. 93, где появилось впервые, с подписью: «И. Некрасов».

СКОРБЬ И СЛЕЗЫ

(стр. 291)

Печатается по журналу «Пантеон русского и всех европейских театров», 1840, № 11, стр. 26, где появилось впервые, с подписью: «И. Некрасов».

«К НЕЙ!!!»

(стр. 292)

Стихотворение подписано: «Иван Грибовников». Этот вымышленный Некрасовым персонаж был изображен в 9-й книге «Пантеона» (1840) в рассказе «Без вести пропавший пиита», подписанном «Н. А. Перенсельский» (псевдоним Некрасова).

Пиита приехал в Петербург искать славы и богатства на литературном поприще, но, увидев, что петербургские писатели живут в нищете, убежал неизвестно куда, оставив автору тетрадь своих стихов. Послание «К ней!!!» есть якобы образец его творчества.

Редакция «Пантеона» снабдила послание таким примечанием: «Помещаем это оригинальное стихотворение для того только, чтоб утешить друга нашего Н. А. Перепельского: Грибовников — без вести пропавший пиита — отыскался».

Печатается по журналу «Пантеон русского и всех европейских театров», 1840, № 10, стр. 37—38, где появилось впервые.

«БАБА-ЯГА КОСТЯНАЯ НОГА»

(стр. 293)

Эта сказка была написана 20-летним Некрасовым по заказу книжного маклака В. П. Полякова, издававшего книги для толкучего рынка. Кроме «Бабы-яги», Некрасов написал для Полякова стихотворную пьесу «Юность Ломоносова», два детских водевиля и «Сказку о том, как царь Елисей хотел женить сына на луне», которые не были напечатаны при жизни поэта («Литературный архив» П. А. Картавова, П. 1902, стр. 21).

По словам Некрасова, в заглавии сказки «Баба-яга» Поляков прибавил от себя одну непристойную строчку. «Я замарал <ее> в корректуре. Увидав меня, он изъявил удивление и просил выставить первые буквы <непристойных слов>. Не знаю, пропустила ли ему цензура. Лет через тридцать по какому-то неведомому мне праву выпустил эту книгу г. Печаткин». <Непристойных слов> там не было, но «зато было мое имя, чего не было в поляковских изданиях» («Автобиографии Некрасова», публикация В. Евгеньева-Максимова и С. Рейсера, ЛН, стр. 149—150).

Любопытна рецензия об этой сказке, принадлежащая Ф. А. Коню, в журнале которого юный Некрасов был ближайшим сотрудником:

«Сказка довольно занимательная, и в ней есть почти везде смысл (большая редкость!); есть несколько недурных стихов и множество неправильных, жестких, что, может быть, произошло от поспешности автора одеться в печать и обертку» («Литературная газета», 1841, № 22).

Печатаются по изданию «Баба-яга, костяная нога. Русская народная сказка в стихах, в восьми главах. Сочинение П. Некрасова», СПб (1871), «издание Василия Петрова Печаткина».

Первые 219 стихов были впервые (до выхода отдельного издания) напечатаны в ЛГ 1840, № 84, 19 октября, под заглавием «Отрывок из русской сказки «Баба-яга», с примечанием: «Эта оригинальная сказка уже печатается и в непродолжительном времени выйдет в свет», с эпитафией: «Дела и дни неживших лиц. Воспоминанье небылиц», без подписи. Текст отличается от отдельного издания рядом вариантов.

Впервые полностью напечатана без имени автора отдельным изданием — «Баба-яга, костяная нога». Русская народная сказка. В восьми главах» СПб. 1841.

СКАЗКА О ТОМ, КАК ЦАРЬ ЕЛИСЕЙ ХОТЕЛ ЖЕНИТЬ СЫНА НА ЛУНЕ, ВЗЯТЬ В ПРИДАНОЕ НЕБО И ДВИНУТЬ РАТЬ НА СОЛНЦЕ, КАК ВСЕ ЭТО НЕ УДАЛОСЬ И КАК ЦАРЬ ПАНТЕЛЕЙ ПОПРАВИЛ И КОНЧИЛ ДЕЛО БЛАГОПОЛУЧНО.

(стр. 341).

«Обследование рукописи, — пишет В. Е. Евгеньев-Максимов, — привело к заключению, что над ней сильно поработал красный карандаш цензора Евстафия Ольдекопа. Начать с того, что он заменил вышеприведенное заглавие кратким и сухим «Сказка о царевне Ясносвете». В дальнейшем строфы, трактовавшие о намерении главного героя сказки, царевича Романа, «свой род прославить небывалою высотой, связью родственной с луной», были им тщательно вычеркнуты. Характерны и две другие купюры, сделанные Ольдекопом. Он опустил следующее четверостишие, заключавшее описание благодетельного правления Елисея:

Любо было жить на свете!
То-то любо!.. Дети, дети!
Не любите новизну,
Вот что было в старину!.. —

Усмотрев в нем, быть может, крамольное желание поселить в читателях недовольство настоящим путем восхваления прежних порядков.

В словах:

Собралися все сословья,
Ради некого присловья,
То есть кое для чего,

Верных подданных его,
Все бояра, все миряна,
Все чиновные гражданина —

Ольдекопу, должно быть, почудился намек на палату сословных представителей, и он наложил свое цензурное veto на последние четыре строчки.

Однако всего этого оказалось, повидимому, недостаточно, и «Сказка о царевне Ясносвете» так и не появилась в печати. Официальная мотивировка ее запрещения остается неизвестной, но едва ли можно сомневаться, что в данном случае решающую роль сыграло пронизывающее все ее содержание глумливо-издевательское отношение к коронованным особам» (В. Е в г е н ь е в-М а к с и м о в, Н. Некрасов в борьбе с цензурой, Сб. «Творчество Некрасова», М. 1939, стр. 36).

Печатается по беловому автографу (цензорскому экземпляру), хранящемуся в Театральном музее им. А. А. Бахрушина в Москве.

Так как у редактора имеются сведения (полученные от П. А. Картавова), что сказка Некрасова была сдана в типографию и не вышла из печати по независящим от автора причинам, мы печатаем ее в настоящем разделе. Подпись: «Н. А. П-р-п-ский», то есть Перепельский.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ПОДЪЯЧИЙ В ПЕТЕРБУРГЕ

(стр. 360)

Первое стихотворение Некрасова, которое одобрил Белинский. «Очень забавны куплеты «Провинциальный подьячий в Петербурге», — писал критик. — Они всем так понравились и уже так всем известны, что мы не имеем нужды выписывать их» (В. Б е л и н с к и й, Собр, соч., II, 1910, т. V, стр. 281).

Воспользовавшись успехом «Провинциального подьячего», Некрасов в следующем году вызвал его в водевиле, который был поставлен на Александринской сцене под названием «Феоклист Онуфрич Боб, или Муж не в своей тарелке». (Одобен к представлению 26 апреля 1841 г. Первое представление 2 мая 1841 г.)

В «Провинциальном подьячем» упоминаются пьесы, шедшие тогда в петербургских театрах: «*Дебус публичный писец*», водевиль Коровкина (с французского); «*Титулярные советники в домашнем быту*», водевиль Ф. А. Кони; «*Лев Гурыч Синичкин*», комедия-водевиль Д. Т. Ленского; «*Деловой человек*», комедия Ф. А. Кони; «*Хочу быть актрисой*», водевиль П. С. Федорова; «*Тень*», балет, где

выступала итальянская танцовщица Тальони; «Парашенька» (т. е. «Параша-Сибирячка»), драма Н. А. Полевого.

И. И. Сосницкий (1794—1871) — знаменитый русский актер.

Е. И. Гусева (1792—1853) — артистка Александринского театра.

Надворный советник *Пантелей Жучек* — главный герой комедии Ф. А. Кони «Деловой человек, или дело в шляпе», комический персонаж, постоянно попадавший впросак (Ф. Кони, Театр, II. 1870, т. II, стр. 170).

«Пчелка» — газета «Северная пчела».

«Сфинксы» — высеченные из гранита древние египетские сфинксы, стоящие на берегу Невы против здания Академии художеств; привезены в Петербург в 1832 г.

«Помпея» — знаменитая картина К. П. Брюллова «Последний день Помпеи».

Печатается по журналу «Пантеон русского и всех европейских театров», 1840, № 2, стр. 132; № 3, стр. 105—106; № 7, стр. 49, где появилось впервые, с подписью: «Феоклист Боб» (в № 7: «Феклист <sic> Онуфрич Боб»).

1 8 4 1

АКТРИСА

(стр. 370)

Водевиль «Вот что значит влюбиться в актрису» был поставлен в Александринском театре 10 ноября 1841 г. Согласно тексту водевиля, эти куплеты исполняла знаменитая драматическая актриса г-жа Дюмениль.

Первые два куплета в водевиле отсутствовали, а между четвертым и пятым был помещен такой куплет:

Что вам так нравится, так мило,
У нас рассчитано давно —
Румяна, вздохи и белила —
Все наперед занасено!

Эти куплеты сохранились только в авторской рукописи, а в цензурном экземпляре и в «Пантеоне» они заменены прозой. В «Пантеоне» г-жа Дюмениль говорит:

«Все, что видите вы на театре, есть не что иное, как одна наруж-

ность... притворство, мечта и ничего существенного, все поддельно, поверьте мне... у нас небо из полотна, солнечные лучи от свечей... а природа из размалеванной холстины...» («Пантеон», 1841, №2, стр. 10).

Мысль, выраженная в этих стихах, была повторена в «Прекрасной партии»:

Прелестны грации кулис,
Покуда на эстраде

<и т. д.>

Печатается по журналу «Репертуар и Пантеон», 1843 кн.1, стр. 239—240, где появилось впервые, с подписью: «Н. П».

1 8 4 2

ПЕСНЬ МАРИИ

(стр. 371)

Этот романс, написанный излюбленным некрасовским дактилем, по своему ритму и тону явился, так сказать, прообразом наиболее типичных стихотворений Некрасова. Из всех его ранних писаний «Песнь Марии» единственная продержалась в устной традиции много лет, и, например, у В. А. Слепцова в «Письмах об Осташкове» находим такую строчку: «Все эти «хижины бедные, богом хранимые»... (В. А. С л е п ц о в, Сочинения М.—Л. 1932, т. I, стр. 325.)

Если судить по песенникам, «Песнь Марии» была популярным романсом еще в восьмидесятых годах. См. в четвертом томе настоящего издания примечания к пьесе Некрасова «Материнское благословение».

Печатается по журналу «Репертуар и Пантеон», 1843, кн. 1, стр. 240, где появилось впервые, без подписи.

ПОРТРЕТЫ

(стр. 372)

Печатается по журналу «Репертуар и Пантеон», 1843, кн. 1, стр. 236—239, где появилось впервые, с подписью: «Н. Некрасов».

РОСТОВЩИК

(стр. 375)

Печатается по сб. «Первое апреля», П. 1846, стр. 28—31.

Впервые — ЛГ 1845, № 1 (4 января), стр. 12, под заглавием: «История ростовщика (Из нового неигранного водевиля)» и с подписью: «Пе-ре-й» <Перепельский>. Ст. 39—40 и 47 отсутствуют по цензурным соображениям. Перепечатано в сб. «Первое апреля» с заглавием: «Ростовщик», без подписи, ст. 39—40 и 47 восстановлены.

Куплеты взяты из водевиля Некрасова «С.-Петербургский ростовщик» (1844), в тексте которого они были зачеркнуты театральной цензурой.

ПОСЛАНИЕ К СОСЕДУ

(стр. 377)

Пародия на стихотворное послание поэта Н. М. Языкова к его единомышленнику и другу историку М. П. Погодину. Языков был в то время тяжело болен и сам сознавал, что прежнего таланта у него уже нет. Стихи его при всей своей наигранной страстности становились все более дряблы и вялы. Так как Языков к концу своей деятельности стал воинствующим реакционером, писатели левого лагеря, не имея цензурной возможности сразиться с ним на политической почве, считали необходимым всячески высмеивать его литературные падения.

Послание к Погодину — одно из самых слабых стихотворений Языкова. В нем Языков благодарит приятеля за подаренную чернильницу. Напечатано оно было в «Москвитянине» (1844, № 6, стр. 190).

Приводим текст этого послания полностью, так как без него непонятна пародия Некрасова:

М. П. ПОГОДИНУ

Благодарю тебя сердечно
 За подареннице твое!
 Мне с ним раздолье! С ним житье
 Поэту! Бойко, быстротечно,
 Легко пошли часы мои
 С тех пор, как ты меня уважил!
 По-стихотворчески я зажил,

Я в духе! Словно как ручьи
 С высоких гор на доли злачны
 Бегут, игривы и прозрачны,
 Бегут, сверкая и звеня
 Светлостеклянными струями,
 При ясном небе, меж цветами,
 Весной: так точно у меня
 Стихи мои проворно, мило
 С пера бегут теперь: и вот
 Тебе, мой явный доброхот,
 стакан стихов: на, пей! Что было,
 Того нельзя же воротить!
 Да, брат, теперь мои созданыя
 Не то, что в пору волнованья
 Надежд и мыслей; так и быть!
 Они теперь напиток трезвый;
 Давным-давно уже в них нет
 Игры и силы прежних лет,
 Ни мысли пламенной и резвой,
 Ни пьяно-буйного стиха.
 И не диковинное дело:
 Я сам не тот уже, и смело
 В том признаюсь: кто без греха?
 Но ты, мой добрый и почтенный,
 Ты примешь ласковой душой
 Напиток, поднесенный мной,
 Хоть он бесхмельный и не пенный!

Пародия Некрасова была напечатана без указания на то, что она относится к Языкову.

Приводим отзыв В. Г. Белинского (1845) об этом послании П. М. Языкова.

«Скажите, неужели это поэзия, язык богов? Вот чем разрешился романтизм двадцатых годов!.. Это *дивно-быстротечное* стихотворение, звенящее *светлостеклянными* струями пресной и не совсем свежей воды, поднесенной в стакане *явному* доброхоту стихотворцем, *сделавшимся в духе от подареньица*, которым *уважил* его *явный* доброхот, — это образцовое проявление *важивоумершего таланта*» (В. Г. Б е л и н с к и й, Собр. соч. П. 1919, т. II, стр. 924).

Пародия Некрасова еще раз показывает, в каком тесном контакте с Белинским работал в то время Некрасов.

Печатается по ЛГ 1844, № 28 (20 июля), стр. 484, где опубликовано впервые, без подписи.

И СКУЧНО, И ГРУСТНО

(стр. 377)

Пародия на стихотворение Лермонтова «И скучно, и грустно, и некому руку подать».

Печатается по сб. «Первое апреля», П. 1846, стр. 22.

Впервые — ЛГ 1844, № 47 (30 ноября), стр. 808, в тексте фельетона «Преферанс и солнце», без подписи. Перепечатано в сб. «Первое апреля», без подписи.

1 8 4 5

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

(стр. 378)

Печатается по ЛГ 1845, № 3 (18 января), отд. «Дагерротип», стр. 53, где появилось впервые, без подписи. В ст. 16 введена конъектура, исправляющая метрически искаженную строку: «Победив врожденную робость».

К псевдониму «Борзописец» в ЛГ редакционное примечание: «Так решил назвать себя один юный поэт, подающий блестящие надежды в будущем».

КАРП ПАНТЕЛЕИЧ И СТЕПАНИДА КОНДРАТЬЕВНА

(стр. 379)

В начале 1844 г. в Петербурге вышла «индейская повесть Жуковского «Наль и Дамаянти». Все журналы встретили ее большими похвалами. Некрасов дал о ней восторженный отзыв в ЛГ (1844, № 3, стр. 55).

Приводим начальные строки поэмы Жуковского для сравнения с пародией Некрасова:

Жил был в Индии царь, по имени Наль, Виразены
Сильного сын, обладатель царства Нишадского, этот
Наль был славен делами, во младости мудр, и прекрасен
Так, что в целом свете царя, подобного Налю,
Не было, нет и не будет: между другими царями
Он сиял, как сияет солнце между звездами.
Крепкий мышцею, светлый разумом, чтитель смиренный
Мудрых духовных мужей, глубоко проникнувший в тайный
Смысл писаний священных, жертв сожигатель усердный
В храмах богов, возделений своих обуздател, нечистым
Помыслам чуждый...

Печатается по ЛГ 1845, № 4 (25 января), отд. «Дагерротип», стр. 69—71, где появилось впервые, без подписи.

В конце была ремарка: «*Будет окончание*», но окончание не появилось.

ПОСЛАНИЕ К ДРУГУ (ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ)

(стр. 383)

В 1844 г. поэт-славянофил Н. М. Языков выступил против представителей демократической интеллигенции с рядом стихов, которые вывалили суровую отповедь со стороны Белинского и Герцена («Отечественные записки», 1845, № 1 и 3). К Белинскому примкнул Некрасов, высмеявший в своей пародии наиболее слабые стороны поэзии Языкова. Так как одно из языковских стихотворений называлось «К не нашим», Некрасов в своей пародии указывает, кто для Языкова — «наш»:

Будет *наш* и непременно
Будет пьяница лихой.

Белинский послал эту пародию в Москву. «Спасибо тебе за стихи Языкова, — писал он Герцену... — Калайдович, доставитель этого письма <...> покажет вам пародию Некрасова на Языкова. Во 1-х, распространите ее, а во 2-х, пошлите для напечатания в «Москвитянин» (В. Г. Б е л и н с к и й, Письма, СПб. 1914, т. III, стр. 86).

«*Москвитянин*» — реакционный журнал, где печатался в то время Языков. Белинский, очевидно, хотел подшутить над редакцией этого журнала и предложить ей пародию в качестве подлинного стихотворения Языкова. Пародия долгое время считалась утерянной.

Печатается по ЛГ 1845, № 5, стр. 97, где появилось впервые, с подписью: «Н. Стукотнин».

ЖЕНЩИНА, КАКИХ МНОГО

(стр. 386)

Отголосок стихотворения Тургенева «Человек, каких много»:

Он вырос в доме старой тетки
Без всяких бед,
Боялся смерти да чахотки
В пятнадцать лет.

В семнадцать был он малым плотным
И по часам
Стал предаваться безотчетным
«Мечтам и снам».

Он слезы лил; добросердечно
Бранил толпу —
И проклинал бесчеловечно
Свою судьбу.

Потом — с душой своей прекрасной
Не совладев,
Он стал любить любовью страстной
Всех бледных дев.

< >
Потом женился на соседке,
Надел халат
И уподобился наседке—
Развел цыплят...

(«Отечественные записки», 1843, № 11, стр. 191; И. С. Тургенев, Сочинения, Л. 1934, т. XI, стр. 205.)

В «Жизни и похождениях Тихона Тростникова» Некрасов поместил это тургеневское стихотворение в качестве эпиграфа ко 2-й главе третьей части.

Печатается по сб. «Первое апреля», П. 1846, стр. 129—130, где появилось впервые, без подписи.

СТАРУШКЕ
(стр. 387)

В. Г. Белинский в обзоре русской литературы за 1845 г. назвал это стихотворение (наряду с «Чиновником» и «Современной одой») «счастливым вдохновением таланта». Тем не менее Некрасов ни разу не перепечатывал «Старушки» в сборниках своих стихотворений.

Печатается по ОЗ 1845, № 3, стр. 171, где появилось впервые, с подписью: «Н. Н—в».

Черновой автограф на отдельном листе — в ИЛИ 203/30. Дата: «15 мая 1845».

1847

«В ОДИН ТРАКТИР ОНИ ОБА ХОДИЛИ ПРИЛЕЖНО»
(стр. 388)

Пародия на стихотворение Лермонтова:

Они любили друг друга так долго и нежно...

Ошибочно датировалась 1849 г. Между тем она появилась в «Современнике» в 1847 г. в отделе «Смесь», в статье «Еще несколько стихотворений Нового Поэта». Долгое время ее приписывали И. И. Панаеву (И. И. П а н а е в, Полное собрание сочинений, П. 1889, т. V, стр. 93). Ныне найден ее автограф с подписью: «Огареву — Н. Некрасов».

Печатается по С 1847, № 4, стр. 159. Перепечатано, как неопубликованное, в журнале «Русская мысль», 1902, декабрь, стр. 176, по автографу из бумаг Огарева.
Автограф — в ЦГЛА, фонд 338.

1 8 4 8

«КОГДА ГОРИТ В ТВОЕЙ КРОВИ»

(стр. 388)

До сих пор это стихотворение было известно по искаженному тексту, который дан в романе Н. Некрасова и Н. Станицкого (Панаевой) «Три страны света» (часть III, гл. 1, «Свадьба», Собр. соч. Н. Некрасова, М.—Л. 1930, т. IV, стр. 239).

Некрасов намеревался включить его в свою первую книгу и прислал вместе с другими стихами, предназначенными для печати, московскому издателю К. Т. Солдатенкову в 1855 году. Судя по этому новонайденному беловому автографу, двустилишие:

Отвергни ненавистных уз
Бесплодно-тягостное бремя—

было вызвано цензурными требованиями.

До сих пор в строке «Свободный, по сердцу, союз» слово «свободный» заменялось точками, и мы восстанавливали его по догадке. Теперь эта редакция подтверждается автографом.

Печатается по Солд (ЛБ)
Впервые — С 1848, № 12, стр. 324.

1850

БУРЯ
(стр. 389)

Первоначальная редакция стихотворения «Буря» («Долго не сдавалась Любушка соседка»), помещенного на стр. 99 настоящего тома.

Печатается по С 1850, № 9, стр. 41—42, где стихотворение появилось впервые, с подписью: «Н. Некрасов».

Беловой автограф, с поправками в ст. 20, 23 и 41, хранится в ЦГЛА, фонд 338.

1854

ТРУЖЕНИК
(стр. 390)

Первоначальная редакция стихотворения «Признания труженика», помещенного на стр. 220 настоящего тома.

Печатается по С 1854, № 11 «Литературный ералаш», стр. 103—110, где стихотворение появилось впервые, без подписи.

В переделанном и расширенном виде перепечатано в сб. «Для легкого чтения» (П. 1857, т. V, стр. 380—391), с заглавием: «Труженик. Признания современного Фальстафа»; в оглавлении указано: «Стихотворение Н. . . .»

В сильно переработанном и сокращенном виде вошло в приложения шестой части *Стих* 1873—1874. В первой редакции стихотворение состояло из 266 строк, во второй — из 278, а в *Стих* 1873—1874 оно сократилось до 88 строк.

«ПРОБИЛ ЧАС!.. НЕ СКАЖУ, ЧТОБ С ОХОТОЙ»

(стр. 400)

Печатается по С 1855, № 1, стр. 66, где появилось впервые, в фельетоне И. Панаева «Заметки и размышления Нового Поэта по поводу русской журналистики», без подписи.

Принадлежность Некрасову установлена К. Чуковским на

основании чернового автографа (журнал «Красная нива», 1928, № 1 (1 января), стр. 6).

Черновой автограф принадлежал А. Ф. Кони. Настоящее местонахождение его неизвестно.

1 8 5 5

РУССКОМУ ПИСАТЕЛЮ

(стр. 401)

Одно из первых стихотворений Некрасова, направленных против сторонников реакционной теории так называемого «чистого искусства».

В первоначальной редакции некрасовской поэмы «В .Г. .Белинский» эти стихи произносил умирающий критик, обращаясь к молодому поколению писателей. То было, так сказать, литературное завещание Белинского. Так как поэма «Белинский» по цензурным условиям не могла быть напечатана, Некрасов выделил из нее эти строки и напечатал у себя в журнале в качестве отдельного стихотворения — «Русскому писателю».

Стихотворение «Русскому писателю» не понравилось умеренно либеральной группе сотрудников «Современника», которая увидела в этих строках «вредное влияние» Чернышевского.

В сентябре 1855 года Василий Боткин писал А. В. Дружинину: «Зачем, любезный друг, ограничиваете вы гонение на дидактику одним только гоголевским направлением; надобно гнать ее везде, начиная с некоторых стихотворений Некрасова, который, кажется, начинает впадать в дидактизм» («Сборник общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым», П. 1884, стр. 487).

Тургенев, хотя признавал, что «стихи «Русскому писателю» — недурны» (В. П. Боткин и И. С. Тургенев, Неизданная переписка, М. 1930, стр. 57), был склонен видеть в третьей строфе опечатку и исправлял ее так: «служи не славе, но искусству», отчего стихотворение приобретало прямо противоположный смысл («Тургенев и круг «Современника», М.—Л. 1930, стр. 39).

Это — первое стихотворение Некрасова, обнаружившее раскол среди сотрудников «Современника». В 1856 г. оно в переработанном виде вошло в текст стихотворения «Поэт и гражданин». В письме к В. П. Боткину от 8 сентября 1855 г. Некрасов указывал, что стихотворение «Русскому писателю» было очень сочувственно принято Т. Н. Грановским (ЛН2).

Печатается по С 1855, № 6, стр. 219, где появилось впервые, с подписью: «Н. Некрасов».

Первоначальные наброски отдельных строф — в тетради ЛБ 5764, л. 73. Записаны в случайном порядке (I—III—IV—II). Непосредственно перед первой строфой — четверостишие «Когда подвигнутый любовью», которое, как показывает знак вставки, должно предшествовать первой строфе.

Беловой автограф этого стихотворения — в *Солд* (ЛБ), стр. 114.

II. ИСКЛЮЧЕННОЕ АВТОРОМ ИЗ ОСНОВНОГО ТЕКСТА

1 8 5 3

СТАРИКИ

(стр. 402)

Печатается по *Стих* 1873, ч. I, стр. 98.

Впервые — С 1853, № 1, стр. 8, с подписью: «Н. Некрасов». Вошло в измененном и сокращенном виде в IV раздел *Стих* 1856 и перепечатывалось в первой части всех последующих изданий.

По сообщению С. И. Пономарева, Некрасов сделал на экземпляре *Стих* 1873 пометку над заглавием этого стихотворения: «Перенести в приложение» (*Стих* 1879, ч. I, стр. СХV).

III. НЕОПУБЛИКОВАННОЕ ПРИ ЖИЗНИ

1 8 2 8

«ЛЮБЕЗНА МАМЕНЬКА, ПРИМИТЕ»

(стр. 403).

Приводится в одном из автобиографических набросков Некрасова: «Писать стихи начал с семи лет, помню, я что-то посвятил матери в день ее именин. «Любезна маменька» («Автобиографии Некрасова», Публикация В. Евгеньева - Максимова и С. Рейсера. ЛН, стр. 147).

Другой вариант четверостишия был приведен самим Некрасовым в фельетоне «Записки Пружинина» (ЛГ 1845, № 5, стр. 95) как стихотворное посвящение водевиля «Воздухоплаватели и пешеходы, или По усам текло, а в рот не попало», написанного мальчиком.

Пружинин — один из псевдонимов молодого Некрасова.

Печатается по вышеуказанной публикации *ЛН*, стр. 147. Опубликовано впервые в *ОЗ* 1878, № 5, стр. 5 (по записям А. А. Буткевич А. М. Скабичевским в статье «Николай Алексеевич Некрасов (его жизнь и поэзия)»).

1 8 3 2

«НАМАЗАВ БРОВИ САЛОМ»

(стр. 403)

Перед смертью поэт вспоминал: «Одиннадцати лет я написал сатиру на брата Андрея, который любил франтить»:

Намазав брови салом»

<и т. д.>

Об Андрее Некрасове см. примечание к стихотворению «Могилы брата».

Печатается по публикации В. Е в г е н ь е в а-М а к с и м о в а и С. Р е й с е р а «Автобиографии Некрасова», *ЛН*, стр. 147.

«ХОТЬ ВСЕ КРИЧИ ТЫ: «ЛУКУ, ЛУКУ!»

(стр. 403)

В предсмертной автобиографической заметке Некрасов сообщает: «В гимназии я <...> писал сатиры на товарищей. Один из них, Златоустовский, сильно отдул меня за следующее»:

Хоть все кричи ты: луку, луку!»

<и проч.>

Печатается по публикации В. Е в г е н ь е в а-М а к с и м о в а и С. Р е й с е р а «Автобиографии Некрасова», *ЛН*, стр. 147—148.

1 8 3 9

«В АЛЬБОМ МАРИИ ФЕРМОР»

(стр. 403)

В 1838 г., вскоре по приезде в Петербург, Некрасов познакомился с семьей молодого офицера Петербургского инженерного училища Николая Федоровича Фермора. Фермор был и сам стихотворцем.

Он принял в Некрасове большое участие и помог ему напечатать первую книгу стихов. Жизнь его описана в повести Н. С. Лескова «Инженеры-бессребренники» (Н. С. Л е с к о в, Полное собрание сочинений, П. 1897, т. IV, стр. 176—242). Мария Фермор—его родная сестра.

Печатается по автографу в альбоме М. Фермор (ЦГЛА, фонд 874), стр. 19. Под текстом подпись: «Душевно уважающий вас Н. Некрасов».

Впервые опубликовано Н. С. Ашукиным в «Литературной газете», 1938, № 1 (708) от 5 января. Предположительно датировано 1839 годом.

1 8 4 0

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

(стр. 404)

Подражание элегии Ф. Менцова, напечатанной под тем же заголовком в «Библиотеке для чтения» (1838, № 10, стр. 98):

Рожденья день, рожденья день!
Как много дум приводит он с собою!

_____ (Указание Б. Бухштаба).

Печатается по *Стих* 1931, стр. 426, где впервые опубликовано К. Чуковским.

Автограф, обнаруженный в Томске в 1930 г. П. Рождественским, хранится в собрании В. Евгеньева-Максимова.

В АЛЬБОМ

(стр. 404)

Печатается по журналу «Звезда», 1938, № 1, стр. 168, где опубликовано впервые С. А. Рейсером, по копии из архива А. М. Лазаревского, хранящейся в библиотеке Академии наук УССР (Киев).

1 8 4 3

«...И ОН ИХ НЕ ЧУЖДАЛСЯ В ГОДЫ ОНЫ»

(стр. 405)

Печатается по черновому автографу, обнаруженному на странице рукописи романа Некрасова «Похождения русского Жиль-Блаза» (ЛБ 5758).

1 8 4 4

ДЕТСТВО и МОИ ДЕТСКИЕ ГОДЫ.

(стр. 405 и 408)

Оба стихотворения представляют собою разные варианты «Отрывка», напечатанного в настоящем томе на стр. 198, в отделе «Юмористических стихотворений», причем в подзаголовке второго стихотворения поставлена (едва ли верная) дата: 1841.

Каждый из этих вариантов представляет собою самостоятельное стихотворение, поэтому мы печатаем их один за другим, хотя многие стихи совпадают в обоих.

В первом варианте есть такое двустишие:

Отлично в подкаретную с мальчишками играл — «Подкаретной» называлась игра в карты — главным образом, в три листа и в носки.

Этому двустишию в стихотворении «Мои детские годы» соответствуют такие стихи:

С семи лет в подкаретную с мальчишками попал — «Попасть в подкаретную» означало — отбиться от семьи, уйти на улицу.

Печатается по беловому автографу *Солд (ЛБ)*

1 8 4 9

«СРЕДИ МОИХ ТРУДОВ ДОСАДНЫХ»

(стр. 409)

Это стихотворение — первоначальная редакция стихотворения «Я посетил твое кладбище» (стр. 51). Оно представляет собою вполне самостоятельное целое и так резко отличается от окончательного текста, что мы сочли необходимым напечатать его в ряду других стихотворений Некрасова, тем более, что его содержание совершенно иное, чем в окончательном тексте. Там говорится о смерти любимой женщины, а здесь лишь о разлуке с нею.

Печатается по беловому автографу *Солд (ЛБ)*, стр. 185. Впервые опубликовано И. Н. Розановым в *ЛГ* 1938, № 1 (708) от 5 января по копии в принадлежащем ему экземпляре *Стих* 1856.

«СТОЛ НАКРЫТ, ПОДСВЕЧНИК ВЫТЕРТ»

(стр. 410)

А. А. Фет в своих воспоминаниях сообщает о происхождении этих стихов следующее: однажды Тургенев, собираясь попотчевать своих гостей чаем, обнаружил, что весь чай из его чайницы исчез.

«— Помилуй, любезный друг! — обратился Тургенев к лакею Ивану. — Как же мог так скоро выйти чай, когда я только третьего дня принес фунт?

— Помилуйте-с, помилуйте-с, — отвечал Иван, — стаканы малы.

Ожидавший в числе прочих чаю Некрасов не преминул воспроизвести эту сцену в следующем стихотворении» (далее приводится стихотворение «Стол накрыт»). (А. А. Фет, Мои воспоминания, М. 1890, ч. I, стр. 35).

Фон-Видерт, упоминаемый в этих стихах, был, по словам Фета, «белокурый молодой немец, весьма удачно переводивший русские стихи и прозу на немецкий язык... Появлялся он обыкновенно к вечернему чаю» (Там же); он перевел «Ревизора», песни Кольцова и «Записки охотника» (О нем: «Вестник всемирной истории», 1900, V—VI, стр. 90).

Печатается по книге А. Фета «Мои воспоминания», М. 1890, ч. I, стр. 35, где опубликовано впервые.

НАСЛЕДСТВО

(стр. 411)

Печатается по автографу *Солд* (ЛБ), стр. 150.

Впервые опубликовано И. Н. Розановым в сб. «Литературное наследство», № 25—26, М. 1936, стр. 589, по копии в принадлежащем ему экземпляре *Стих Л* 1859.

<ТУРГЕНЕВУ>

(«Я посягну на неприличность»)

(стр. 411)

13 декабря 1853 г. друзья Тургенева чествовали его обедом в редакции «Современника» (М. К. Клеман, Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева, М.—Л. 1934, стр. 71).

На этом обеде Некрасов и произнес свой стихотворный экспромт. В экспромте дружески высмеиваются те «большие похвалы», которые Тургенев слишком щедро расточал «всему, что ты ни напиши». Эта склонность Тургенева к «большим похвалам» отмечается многими мемуаристами.

П. М. Ковалевский, например, вспоминает, что Тургенев постоянно открывал каких-то «исполинов искусства» и по поводу каждого «исполина» кричал: «Пропали мы все, пропали! всех нас лоском положит!» (П. М. К о в а л е в с к и й, Стихи и воспоминания, П. 1912, стр. 286).

Печатается по черновому автографу, написанному карандашом на листке из записной книжки и сохранившемся в бумагах А. В. Дружинина, с пометой: «Экспромт на обеде Тургеневу в 1853 или 1854 году (Черновая при сем)» (ЦГЛА).

Впервые напечатано К. Чуковским в вечернем выпуске «Красной газеты», 1926, от 29 марта.

«И ТАК ЗА ГОДОМ ГОД... КОНЕЧНО, НЕ СОВСЕМ»

(стр. 412)

Печатается по черновому наброску на обороте последнего листа рукописи повести «Тонкий человек», из собрания К. Чуковского.

Впервые опубликовано им в книге «Н. Некрасов. Тонкий человек и другие неизданные произведения», М. 1928, стр. 182.

1 8 5 4

КАРЕТА

(стр. 412)

Некрасов делал неоднократные попытки разработать тему этого стихотворения. Среди черновых автографов одной из его тетрадей, относящихся к 1855 году, есть два наброска «Кареты» (без заглавия).

Наброски эти были впервые напечатаны в Собрании стихотворений Некрасова, 1934, стр. 759.

В окончательном виде тема «Кареты» разработана Некрасовым в концовке к стихотворению «Сумерки» (1859), входящему в цикл стихов «О погоде» (см. том II настоящего издания).

Стихотворение «Карета» никогда не появлялось в России. А. Максимович обнаружил его в одном из заграничных переизданий сборника стихотворений Некрасова 1856 г., выпущенного в Берлине в 1862 г. Там «Карета» была введена в цикл «На улице» и напечатана тотчас же после стихотворения «Ванька».

Ныне найден беловой автограф «Кареты» в *Солд (ЛВ)*. По этому автографу «Карета» воспроизводится в настоящем издании.

〈ДРУЖИНИНУ〉

(стр. 413)

В глухую николаевскую пору группа молодых литераторов объединилась вокруг критика и беллетриста А. В. Дружинина и стала заниматься «чернокнижием», которое заключалось главным образом в сочинении юмористических повестей и стихов. Члены этого интимного кружка называли себя *чернокнижниками*. Впоследствии, вспоминая об этом кружке, Тургенев объяснял его мрачной эпохой реакции, наступившей с конца февраля 1848 г., и указывал на «Декамерон» Боккаччио, где в самый разгар чумы люди точно так же старались забыть об окружающих ужасах, рассказывая друг другу скабрзные повести. «А разве николаевский гнет, — говорил Тургенев, — не был для образованного общества своего рода чумой?» (Воспоминания Е. М. Феоктова, Л. 1929, стр. 6.)

В 1850 г. Дружинин стал печатать в «Современнике» фельетонную повесть «Сантиментальное путешествие Ивана Чернокнижника по Петербургским дачам», в писании которой принимал участие и Некрасов («Современник», 1850, № 8). Повесть успеха не имела, и ее печатание пришлось прекратить.

В 1854 г. Некрасов отдал последнюю дань «чернокнижию». Вместе с Тургеневым он приехал к Дружинину в имение его матери Чортово (Петербургской губернии). Тут Дружинин предложил ему тетрадь «Для чернокнижных вдохновений». На первой странице этой тетради Некрасов написал свой стихотворный экспромт, где дал меткую характеристику Дружинина:

Серьезно предан ты безделью,
А дело делаешь шутя.

Дружинин действительно «предавался безделью» очень серьезно, потому что в его безделье «проглядывало что-то искусственное, гальваническое, вызванное не натуральным побуждением веселиться, а холодным соображением человека, надумавшего, что долго за-

сживаться вредно для здоровья, надо иногда во что бы то ни стало принять порцию увеселений» (Д. В. Г р и г о р о в и ч, Литературные воспоминания, Л. 1928, стр. 248—249).

Но «дело» он делал с необыкновенной легкостью: «С девяти часов, тотчас же после утреннего чая, садился он к письменному столу и, усиленно пригибаясь на левый бок, писал вплоть до завтрака. После завтрака он отдыхал час и снова продолжал писать, пока нас не позовут обедать» (Т а м ж е, стр. 245).

Печатается по автографу ЦГЛА.

Впервые опубликовано К. Чуковским в вечернем выпуске «Красной газеты», 1926, № 145.

Автограф — на листе с надписью А. В. Дружинина: «Для чернокнижных вдохновений». Под текстом дата: «28 июля 1854. Чортово».

ЛЕТО

(стр. 413)

В шестидесятых годах, порвав с Фетом личные отношения и видя в нем идейного врага, Некрасов отзывается о нем в своем журнале весьма неприязненно.

Ясно, что в пору таких отношений Некрасов не мог сочинить эту дружескую пародию на стихотворения Фета. Поэтому мы относим ее к 1854 г., когда Некрасов главным образом увлекался такими кружковыми эпиграммами и пародиями («Загадка», «Дружинину», «Послание к Лонгинову» и др.).

Печатается по беловому автографу, из собрания К. Чуковского. Подпись: «А. Фет».

Впервые — ОЗ 1879, № 1, Современное обозрение, стр. 64, в неподписанной статье «Из бумаг Николая Алексеевича Некрасова (Библиографические заметки)».

«НИЧЕГО! ГОНИ ВО ВСЕ ЛОПАТКИ»

(стр. 414)

Четверостишие сочинено в тарантасе Тургенева по дороге из тургеневского имения Спасское в Москву. Оно создано под влиянием болезни, которую Некрасов считал смертельной; взято из письма

Некрасова к Тургеневу, от 6 октября 1854 г. В письме между прочим говорится:

«Добрый годик вышел мне нынче, как бы чорт его скорее взял! Боюсь, что он меня дорежет, а впрочем, все вздор.

Ничего! гони во все лопатки!

<и т. д.>

Это я сочинил дорогой — в утешение себе» (Некрасов, Собр. соч., М. — Л. 1930, т. V, стр. 191).

Печатается по вышеуказанному автографу (*ИЛИ* 21194/CXLV, б. 20).

Впервые опубликовано А. Н. Пыпиным в журнале «Вестник Европы», 1903, № 12, стр. 591 в тексте письма Некрасова.

«ЗАЧЕМ НАСМЕШЛИВО РЕВНУЕШЬ»

(стр. 414)

Стихи обращены к А. Я. Панаевой.

Женщина, изображенная здесь, провела детство «в отчуждении» и нашла «озлобленных врагов» под родительским кровом. Это совпадает с биографией Панаевой (см. ее повесть «Семейство Тальниковых», Л. 1928).

В этих стихах утверждается ее родственная близость с некрасовской Музой:

Ты ей родная с колыбели,—

говорит поэт и, характеризуя ее, тем самым характеризует свою Музу, то есть себя самого как поэта.

Печатается по автографу *Солд* (*ЛБ*), частично опубликованному К. Чуковским в «Огоньке» № 49—50 за 1946 г., стр. 21.

Впервые опубликовано И. Н. Розановым по списку в экземпляре, принадлежавшем П. Ефремову (*ЛГ*, 1938, № 1 (708) от 5 января).

1 8 5 5—1 8 5 6

«ИЗМУЧЕННЫЙ БЕСПЛОДНОЮ МОЛЬБОЮ»

(стр. 416)

Этот первоначальный вариант стихотворения «Давно—отвергнутый тобой» (стр. 130) является вполне самостоятельным художественным произведением, лишь тематически связанным с окончательным текстом.

Печатается по автографу в тетради ЛВ 5764, л. 71 об.

Впервые опубликовано К. Чуковским в журнале «30 дней», 1931, № 1, стр. 57—59.

ВСТРЕЧА

(стр. 416)

Это стихотворение, хотя и вполне отделанное, никогда не печаталось при жизни Некрасова, так как, написав его, поэт через месяц создал на его основе другое стихотворение — «Свадьба» (см. примечание к стихотворению «Свадьба» на стр. 567).

Карандашный автограф — в тетради ЛВ 5764, л. 86 об. — 85.
Дата: «29 марта».

Впервые опубликовано К. Чуковским в *Стих* 1934, т. 1, стр. 712.

ПРОЩАНЬЕ

(стр. 417)

Обращено к А. Я. Панаевой под влиянием того разрыва с нею, о котором сказано выше (ср. со стихотворением «Прости», написанным по аналогичному поводу).

Печатается по беловому автографу тетради ЛВ 5764, л. 48.
Дата: «28 февр. 1856». Предшествующая запись, также датированная «28 февр», — в тетради ЛВ 5762 л. 42 об.

Впервые опубликовано К. Чуковским в журнале «30 дней», 1931, № 1, стр. 57.

«ТЫ МЕНЯ ОТОСЛАЛА ДАЛЕКО»

(стр. 417)

Относится к А. Я. Панаевой. Некрасов незадолго до этого, приблизительно в феврале — марте 1855 г., временно разошелся с Панаевой и тяжело переживал этот разрыв, о чем можно судить по его тогдашним стихотворениям — «Письма», «Давно — отвергнутый тобою» и пр. В мае А. Я. приехала к нему. На память о примирении она подарила ему тетрадь для стихов и написала на первой странице:

«Без клятв и без общественного принуждения я все сделала во имя любви, что только в силах сделать любящая женщина.

Москва 1855 — Мая 21.

Вечер 10 1/2

(ЛБ М. 5763)

Печатается по карандашному наброску тетради ЛБ 5764, л. 20 об.

Впервые опубликовано К. Чуковским в *Стих* 1934, т. I, стр. 540.

«НЕ ЗНАЮ, КАК СОЗДАНЫ ЛЮДИ ДРУГИЕ»

(стр. 418)

Печатается по незаконченным наброскам в тетради ЛБ 5764, л. 14 и 15 об.

Впервые опубликовано К. Чуковским в журнале «30 дней», 1931, № 1, стр. 57.

«НЕ ГОРДИСЬ, ЧТО В ЦВЕТУЩИЕ ЛЕТА»

(стр. 418)

Печатается по незаконченному черновому наброску в тетради ЛБ 5764, л. 14.

Впервые опубликован К. Чуковским в журнале «30 дней», 1931, № 1, стр. 57.

«СЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ БЕССОЗНАТЕЛЬНО ЖИЛ»

(стр. 418)

Печатается по карандашному наброску в тетради ЛБ 5764 л.5.

Впервые опубликовано К. Чуковским в *Стих* 1934, т. I, стр. 544.

«КТО ДОЛГО ТАК СПОСОБЕН БЫЛ»

(стр. 418)

Печатается по беловому автографу в тетради ЛБ 5762, л. 44 об. Над текстом помета «Заметки» и цифра «4»: четвертое стихотворение цикла «Заметки».

Впервые опубликовано К. Чуковским в *Стих* 1934, т. I, стр. 544.

«О, НЕ СКЛОНЯЙ ПОБЕДНОЙ ГОЛОВЫ»

(стр. 419)

Печатается по карандашному наброску в тетради ЛБ 5763, л. 2.

Впервые опубликовано К. Чуковским в *Стих* 1934, т. I, стр. 541.

Над четверостишием заметка: «29 августа (Получ<ено> известие о взятии Севас<тополя>)».

«ТАК ГОВОРИЛА <...> АКТРИСА ОТСТАВНАЯ»

(стр. 419)

Тесно связано с прозаическими набросками, находящимися в тетрадях Некрасова (см. т. IV настоящего издания). Сюжет этих набросков таков: бывшая любовница богатого князя, отставная актриса, привела к нему свою красавицу дочь, стремящуюся поступить на сцену.

Печатается по карандашному наброску в тетради ЛБ 5763, л. 29.

Впервые опубликовано К. Чуковским в *Стих* 1934, т. I, стр. 541.

«ФАНТАЗИИ НЕДРЕМЛЮЩЕЙ МОЕЙ»

(стр. 419)

Печатается по карандашному наброску в тетради ЛБ 5763, л. 69. Выше наброска записано: «Прощание с планами» и начаты стихи:

Немного покидаю дорого<го>
Я в этом мир<е>

Впервые опубликовано К. Чуковским в *Стих* 1934, т. I, стр. 545.

«И НА МЕНЯ, УГРЮМОГО, БОЛЬНОГО»

(стр. 419)

Печатается по карандашному наброску в тетради ЛБ 5763, л. 95 об.

Впервые опубликовано К. Чуковским в журнале «30 дней», 1931, № 1, стр. 59, с редакторским заглавием «Встреча с крестьянами».

«О, ПОШЛОСТЬ И РУТИНА — ДВА [ГИГАНТА]»

(стр. 420)

Печатается по черновому карандашному наброску в тетради ЛБ 5763, л. 99.

Впервые опубликовано К. Чуковским в журнале «30 дней», 1931, № 1, стр. 57.

«О, СЕРДЦЕ БЕДНОЕ МОЕ»

(стр. 420)

Печатается впервые по беловому автографу в тетради ЛБ 5762, л. 42 об. Над текстом помета («Заметки») и цифра «2»; второе стихотворение цикла «Заметки». Первоначальный набросок карандашом — в тетради ЛБ 5763.

«ЕЩЕ СКОНЧАЛСЯ ЧЕСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК»

(стр. 420)

Отклик на смерть Т. Н. Грановского (скончался в Москве 4 октября 1855 г.). «Грановск<ого> смерть меня ужасно срезала... Как мне его жаль, и сказать не умею», — писал Некрасов В. П. Боткину 9 октября 1855 г. (Н. А. Некрасов, Собр. соч. т. V, М.—Л. 1930, стр. 230).

В своих очередных «Заметках о журналах» Некрасов тогда же написал по поводу смерти Грановского: «Это был один из самых даровитых и богатых знанием ученых, это был профессор, к которому любовь его слушателей доходила до восторженного благоговения и наконец это был человек, в котором сила и чистота убеждений, возвышенное благородство мыслей, чудная прелесть богато одаренной и широко развитой личности — соединялись в прекрасное целое, благодатно полное, неотразимо обаятельное!» («Современник», 1855, № 11, цитируется по публикации А. М а к с и м о в и ч а в ЛП, стр. 247—250).

Печатается по беловому автографу в тетради ЛБ 5762.

Впервые (неполностью) опубликовано К. Чуковским и введено в состав *Стих* 1931 и следующих изданий (с редакторским заглавием: «На смерть Грановского»). Другой беловой автограф в *Солд.* (ЛБ).

В тетради ЛБ 5763, л. 142 и 141 об. — два черновых наброска, соответствующих ст. 16—21 и 22—29.

Ст. 22—29 вошли в V сцену «Медвежьей охоты».

НЕИЗВЕСТНЫХ ГОДОВ

«ЕСЛИ ТЫ КРАСОТЕ ПОКЛОНЯЕШЬСЯ»

(стр. 421)

Публикуется по записи А. А. Буткевич на обороте копии некра-совской «Притчи» (*ИЛИ*, фонд 203). Запись обнаружена А. Я. Мак-симовичем в 1940 году, опубликована им в *ЛН*, стр. 220—221.

ТРУЖЕНИК

(стр. 421)

Это стихотворение до сих пор относили к 1846 г. Между тем и по мыслям, и по фактуре стиха, и по фразеологии оно примыкает к циклу стихов 1838 — 1840 гг.

Печатается по журналу «Звезда», 1938, № 1, стр. 168, где опубликовано впервые С. А. Рейсером, по копии из архива А. М. Лазаревского, хранящейся в библиотеке Академии наук УССР (Киев).

IV. КОЛЛЕКТИВНОЕ

1 8 4 6

«ПОСЛАНИЕ БЕЛИНСКОГО К ДОСТОЕВСКОМУ»

(стр. 423)

Как известно, первое произведение Достоевского «Бедные люди» было встречено Белинским с большим энтузиазмом (1845).

Это стихотворение — одно из свидетельств изменившегося отношения к Достоевскому со стороны Белинского и его кружка.

В начале 1846 г. В. Г. Белинский задумал издать альманах «Левиафан» и обращался ко многим литераторам с просьбой дать для этого альманаха рассказы, стихи и статьи.

В письме к А. И. Герцену от 2 января 1846 г. он говорит:

«К пасхе я издаю толстый, огромный альманах. Достоевский дает повесть, Тургенев — повесть и поэму, Некрасов — юмористическую статью в стихах... Панаев — повесть; вот уже пять статей есть: шестую напишу сам; надеюсь у Майкова выпросить поэмку...» (Белинский, Письма, 1914, т. III, стр. 90).

Стихи Некрасова — Тургенева — пародия на одно из таких приглашений в «Левиафан». Так как Белинскому очень не нравилась повесть Достоевского «Двойник», он и говорит в этой пародии Достоевскому:

Из неизданных творений
Удели не «Двойника».

Кроме того, он, по словам пародии, обещает обвести повесть Достоевского каймой: в литературных кругах того времени был слух, будто Достоевский требовал у Некрасова, чтобы он печатал «Бедных людей» в конце своего альманаха в особой рамке. (ЛН, стр 389—390).

Авторы этой пародии высмеивают в ней обморок, незадолго до того случившийся с Достоевским на балу у графа М. Ю. Вьельгорского. «Русая красота», упоминаемая в этих стихах — великосветская красавица Сенявина, которой был представлен Достоевский; подойдя к ней, он так растерялся, что, по словам пародии, «чуть-чуть скоропостижно не погиб во цвете лет».

В верности такого толкования этих стихов убеждает нас один забытый рассказ И. И. Панаева, где, высмеивая Достоевского, автор цитирует куплет этой некрасовской пародии («Современник», 1855, № 12, стр. 235).

Лейхтенберг, который, по словам «Послания», уважает Достоевского, — герцог Максимилиан Лейхтенбергский (1817—1852); Дата устанавливается на основании строк:

Из неизданных творений
Удели не «Двойника».

«Двойник» Достоевского появился в печати 1 февраля 1846 г. и стало быть «неизданным творением» был самое позднее в январе 1846 г.

Печатается по книге «Письма К. Д. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену», Женева, 1892, приложения, стр. 207—208, где было впервые опубликовано М. Драгомановым, по копии, найденной им в бумагах Герцена, с датой «1846». Вторично опубликовано в журнале «Нива». Ежемесячные литературные приложения», 1901, № 11, стр. 392—393, в статье «Из записной книжки Д. В. Григоровича», по копии Григоровича. В журнале «Литературный вестник» (1903), № 1 опубликована еще одна копия, восходящая к списку А. И. Герцена.

В публикации М. Драгоманова указаны черновые варианты, которые расположены нами в принятой для всего издания системе. Разночтения копии Григоровича, повидимому, не восходят к авторским вариантам и являются результатом описок и ошибочных конъектур.

1 8 5 4

ЗАГАДКА

(стр. 424)

В «Загадке» изображен Иван Павлович Арапетов, чиновник удельного ведомства, вращавшийся среди литераторов пятидесятих годов.

Тургенев изобразил Арапетова в повести «Затишье» под фамилией Помпонского (Воспоминания) Б. Н. Черина, М. 1929, т. II, стр. 135). Впоследствии он был членом редакционных комиссий по «освобождению» крестьян, но в то время, когда написаны эти стихи, его деятельность не выходила за пределы канцелярии. Работа И. П. Арапетова в комиссии по крестьянской реформе нашла оценку в эпиграмме Н. П. Огарева:

Там, во школе во Фламандской,
Заседает Фирс Ламанский,
А ему же для советов
Дан бездарный Арапетов.

Всех куплетов было в «Загадке» шесть, но третий и четвертый исключены ввиду их непристойности. «Загадка» написана летом 1854 г., когда Тургенев и Некрасов жили по соседству в Петергофе («Сборник Пушкин. Дома на 1925 г.», Л. 1926, стр. 214—216; Н. М. Гутьяр, Хронологическая канва для биографии И. С. Тургенева, П. 1910, стр. 24).

Л. А. Перовский (1792—1856) — министр внутренних дел и уделов, ближайший начальник И. П. Арапетова.

Печатается по копии, которая сохранилась в бумагах А. Краевского. (ПБ) Сбоку карандашом написано: «Дружинин, Тургенев, Некрасов».

Впервые — *Стих* 1928.

ПОСЛАНИЕ К ЛОНГИНОВУ

(стр. 425)

Библиограф М. Н. Лонгинов (1823—1875) был в сороковых и пятидесятых годах в приятельских отношениях с кружком «Современника». В мае 1854 г. он получил должность чиновника особых поручений при московском генерал-губернаторе и переехал из Петербурга в Москву. Через два-три месяца после его отъезда Некрасов, Дружинин и Тургенев сочинили длинное послание к нему. Главная тема послания — петербургский Английский клуб, так как Лонгинов с 1851 г. был завсегдаем этого клуба и ввел туда многих приятелей («Столетие С. Петербургского английского собрания», СПб. 1870, стр. 127).

Где Анненков, чужим наполненный вином, пред братцем весело шалит животом — «Братец» либерального критика и мемуариста П. В. Анненкова — генерал-лейтенант, впоследствии петербургский обер-полицмейстер.

М. В. Кочубей (1816—1874) — гофмаршал, президент придворной конторы.

М. С. Хотинский — популяризатор естественных наук, поместивший в «Современнике» ряд научных статей. Впоследствии, в 1863 г., был изобличен А. И. Герценом как шпион Третьего отделения, командированный для наблюдения за русскими эмигрантами (А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, П. 1920, т. XVI, стр. 214—215). У Лонгинова была поэма «Матвей Хотинский».

Из Вены выгнали барона Мейендорфа — чрезвычайный посланник в Вене, был «выгнан» отсюда 1 июня 1854 г., когда Австрия, бывшая в дружбе с Россией, заняла угрожающую позицию по отношению к ней (П. В. Долгоруков, Петербургские очерки, М. 1934, стр. 153 и 392).

Милютин проект ту пользу произвел, что в дождь еще никто пролеток не нашел — речь идет об извозничьей таксе, которую пыталась ввести петербургская администрация (см. «Современник», 1860, № 5, стр. 282).

Процесс Языкова — третейский суд между двумя близкими к «Современнику» лицами, М. А. Языковым и Н. Н. Тютчевым, совладельцами комиссионной конторы. Языков вложил в это предприятие весь свой капитал и потерял его по вине Н. Н. Тютчева («Воспоминания» А. Я. Панаевой, Л, 1933, стр. 333).

В. А. Соллогуб (1814—1882) — беллетрист и драматург, автор «Тарантаса». Одно время был близок к кружку «Современника».

Отрицательный отзыв о поэте Аполлоне Майкове вызван, вероятно, его верноподданническими стихами, которые он начал писать именно в 1854 г. Некрасов вообще чувствовал антипатию к А. Н. Майкову, в связи с его реакционными убеждениями, и называл его «благонамеренным трупом» (Мих. Лемке, «Роясь в книгах», «Книга и Революция», 1920, № 3—4, стр. 93—95).

Дружбе Лонгинова с кружком «Современника» скоро пришел конец. Наступили шестидесятые годы, и Лонгинов из умеренного либерала стал реакционером. В 1871 г. он был назначен начальником главного управления по делам печати и ретиво принялся за обуздание ненавистной ему левой журналистики. Особенно преследовал он «Отечественные записки» Некрасова и даже сжег одну книгу этого журнала (май 1874 г.). Он вообще ввел в обычай жечь «крамольные» книги, — сжег сочинения А. Н. Радищева и др.

Печатается по копии из архива А. А. Краевского (ПБ). Под текстом указаны авторы: «Н. Некрасов, И. Тургенев, А. Дружинин».

Эту копию мы предпочли упомянутой ниже копии А. В. Дружинина (и тем более черновому автографу), так как в ряде вариантов она дает более законченное чтение.

Впервые опубликовано К. Чуковским в *Стих* 1927, стр. 426—427.

Черновой автограф Тургенева (кроме ст. 35—38, написанных Некрасовым) — в бумагах Дружинина (ЦГЛА), там же белая копия рукою Дружинина.

1 8 5 6

<АННЕНКОВ>

(стр. 427)

Павел Васильевич *Анненков* (1812—1887) — критик, редактор первого научного издания сочинений Пушкина, автор мемуаров о Гоголе, Тургеневе, Герцене, Бакунине, и др. Одна глава его записок посвящена Карлу Марксу, с которым он встречался и переписывался в 1846 и 1847 гг., причем высказывал крайние мнения. На самом деле он был либерал-постепеновец.

Эпиграмма долго оставалась неизвестной, но в 1880 г., когда Анненков стал печатать в «Вестнике Европы» свои воспоминания о встречах с Карлом Марксом, «Новое время» опубликовало ее.

Последние ее строки Некрасов перенес потом в сатиру «Недавнее время»:

Лезут на стену, корчат Катонов,
Посевают идеи Прудонов...

Печатается по копии из бумаг А. В. Дружинина. — ЦГЛА.

Ст. 1—8 впервые напечатаны в газете «Новое время», 1880, № 1501 от 4 мая; вторично (независимо) в журнале «Русский архив», 1884, № 5, стр. 235. Полностью впервые опубликовано К. Чуковским в газете «Известия ЦИК и ВЦИК», 1925, № 197.

Черновой автограф, — в бумагах А. В. Дружинина.

В хранящихся там же записках А. В. Дружинина есть указание, что эпиграмма эта сочинена Некрасовым совместно с Дружининым 3 января 1856 г. (*Стих* 1935, стр. 585).

V. DUBIA

1 8 3 9

<ИЗ АФИШИ ДЛЯ «КАБИНЕТА ВОСКОВЫХ ФИГУР»>

(стр. 428)

Печатается по журналу «Исторический вестник», 1891, № 2, стр. 586, где этот отрывок из афиши для «Кабинета восковых фигур» напечатан в воспоминаниях Ф. С. Глинки. Ф. С. Глинка цитировал эти стихи на память.

«ОН У НАС ОСЬМОЕ ЧУДО»

(стр. 428)

Принадлежность эпиграммы Некрасову косвенно устанавливается его письмом к П. В. Кукольнику от 24 октября 1845 г.: «Милостивый Государь, Нестор Васильевич! Не угодно ли Вам напечатать в нынешнем № «Иллюстрации» следующее стихотворение: «Он у нас осьмое чудо» и т. д. (Н. А. Некрасов, Собр. соч., М.—Л. 1930, т. V, стр. 65, 66). Но возможно, что Некрасов послал Кукольнику чужое стихотворение. Эпиграмма в «Иллюстрации» не появилась.

После слов «Кто же он?» в письме и в альманахе полторы строки точек. Эти точки заменены в «Русском архиве» такими стихами:

Кто же он? То сам Булгарин
Венедиктович Фаддей!
(«Русский архив». 1901, № 11, стр. 430)

Через год в печати появился другой текст:

Кто же он? То сам Булгарин
Знаменитый наш Фаддей.
(«Литературный вестник», 1903, № 1, стр. 123).

С. И. Пономарев, первый редактор стихотворений Некрасова, указывает, что принадлежность этой эпиграммы Некрасову несомненна («Стихотворения Н. А. Некрасова», П. 1879, ч. IV, стр. XI). Таково же убеждение Скабичевского, высказанное в том же издании (ч. I, стр. XIX).

Печатается по сб. «Первое апреля» П. 1846, стр. 26, где появилось впервые в отделе «Портретная галерея», без подписи, и более при жизни Некрасова не перепечатывалось.

Впоследствии эпиграмма была приписана гр. Е. А. Сальясом — Пушкину («Полярная звезда», 1881, № 2, стр. 2). Возражая Сальясу, П. А. Ефремов указал, что автором эпиграммы является поэт и переводчик А. И. Кронеберг («Собрание сочинений Пушкина» под ред. П. А. Ефремова, 1882, т. III, стр. 474); позднее тот же П. А. Ефремов называл автором Некрасова («Новое время», 1903, № 9851).

Эпиграмма была включена К. Чуковским в *Стих* 1927 и перепечатывалась во всех последующих изданиях до *Стих* 1934 включительно.

В защиту версии о принадлежности эпиграммы А. И. Кронебергу выступил Н. О. Лернер («Звезда», 1929, № 1, стр. 200). К тому же мнению присоединился С. А. Рейсер в своем сообщении на заседании Отдела новой литературы Пушкинского дома.

Не считая вопрос окончательно решенным, так как авторство Кронеберга до сих пор не доказано, включаем стихотворение в собрание стихотворений Некрасова на правах Dubia

1 8 5 0

⟨ИЗ «САНТИМЕНТАЛЬНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ ИВАНА ЧЕРНОКНИЖНИКОВА ПО ПЕТЕРБУРГСКИМ ДАЧАМ⟩

(стр. 429)

Ив. Ив. *Иалер* — «чародей», владелец загородного сада под Петербургом, где по праздникам устраивались большие гулянья; основатель заведения «Минеральных вод», антрепренер.

Отрывки из «Сантиментального путешествия» печатаются по С 1850, № 8, стр. 178—251. Извлечены из прозаической повести, написанной по преимуществу А. В. Дружининым и входившей в Собрание его сочинений (СПБ, 1867, т. VIII).

Предположительно приписываются Некрасову на основании свидетельства М. Н. Лонгинова: «Справедливость требует сказать, что первые три главы «Чернокнижника» писаны Дружининым особенно стихи) при деятельном сотрудничестве Н. А. Некрасова и младшего из членов нашего кружка, покойного В. А. Милютина, бывшего потом профессором Петербургского университета и кончившего жизнь в Эмсе, в июле 1855 года. Главы эти писались в Парголове, где Некрасов проводил лето, а Дружинин и Милютин у него нередко гостили. Тут же помещены рассказы и шутки разных других лиц, но невозможно определить теперь, что именно принадлежит кому в первоначальном «Чернокнижнике» («Вместо предисловия. (Листки из воспоминаний)», Собрание сочинений А. В. Дружинина, СПб. 1867, т. VIII, стр. XIII).

Необходимо отметить неточность указаний Лонгинова: в первых трёх главах повести стихи отсутствуют, они начинаются только с восьмой главы (гл. VIII, IX, XI, XVIII, XXIV, XXVII). Поэтому вышеприведенное свидетельство не может служить даже для приблизительного определения границ участия Некрасова.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Н. А. Некрасов. Портрет маслом П. Н. Крамского, 1877. Фронтиспис.
2. Автограф стихотворения «14 июня 1854 года»¹
- 3—4. Автограф заключительных строк стихотворения «Прекрасная партия»
5. А. Я. Панаева. Акварель неизвестного художника, 50-е гг.
6. Некрасов и Панаев у больного Белицкого. Картина А. А. Наумова.
7. Н. А. Некрасов. Фотография 1856 г.
8. Автограф стихотворения «Буря»

¹ Все автографы — из недавно опознанной рукописи Н. А. Некрасова (о ней см. стр. 509 настоящего тома).

СОДЕРЖАНИЕ

Страницы

места
вари-
антов
коммен-
тариев

От редакции 5

СТИХОТВОРЕНИЯ 1845—1856

1 8 4 5

Современная ода («Украшают тебя добродетели»)	11	439	513
В дороге («Скучно! Скучно!.. Ямщик удалой»)	12	439	514
Пьяница («Жизнь в трезвом положении»)	15	—	515
«Отраднo видеть, что находит»	17	439	515
«Когда из мрака заблужденья»	18	439	516
«Пускай мечтатели осмеяны давно»	19	—	516
Колыбельная песня («Спи, пострел, пока без- вредный»)	20	440	517
«И за то глубоко презираю себя»	22	440	519

1 8 4 6

Огородник («Не гулял с кистенем я в дремучем лесу»)	23	—	520
Тройка («Что ты жадно глядишь на дорогу»)	26	—	521
Родина («И вот они опять, знакомые места»)	28	440	521
Перед дождем («Заунывный ветер гонит»)	30	441	522
«В неведомой глуши, в деревне полудикой»	31	441	523

	Страницы		
	текста	вариантов	комментариев
Псовая охота («Сторож вдруг дома господского ходит»)	33	441	524
1 8 4 7			
«Еду ли ночью по улице темной»	41	442	526
«Если, мучимый страстью мятежной»	43	—	528
«Ты всегда хороша несравненно»	44	—	528
Нравственный человек («Живя согласно с строгою моралью»)	45	442	528
1 8 4 8			
Вино («Не водись-ка на свете вина»)	47	442	529
«Вчерашний день, часу в шестом»	50	442	530
1 8 4 9			
«Я посетил твое кладбище»	51	443	531
1 8 5 0			
«Я не люблю прони твоєї»	53	—	532
«Да, наша жизнь текла мятежно»	54	443	532
«Так это шутка? Милая моя»	56	—	532
На улице			
1. Вор («Спеша на званный пир по улице пре- грязной»)	58	—	533
2. Проводы («Мать касатиком сына зовет»)	58	—	533
3. Гробок («Вот идет солдат. Под мышкою»)	59	443	533
4. Ванька («Смешная сцена! Ванька ду- ралей»)	59	—	533
1 8 5 1			
«Мы с тобой бестолковые люди»	60	443	533
Муза («Нет, Музы ласково поющей и прекрас- ной»)	61	444	534
Новый год («Что новый год, то новых дум»)	63	444	535

Страницы

места	вариантов	пометок
-------	-----------	---------

1852

«Блажен незлобивый поэт»	65	445	536
Застенчивость («Ах ты, страсть роковая, бесплодная»)	67	—	538
«О письма женщины, нам милой!»	69	—	538
«Ах, были счастливые годы!»	70	445	538
Прекрасная партия («У холодных невских берегов»)	71	445	539
За городом («Смешно! нас веселит ручей, вдали журчащий»)	79	446	540

1853

Памяти <Асенков>ой («В тоске по юности моей»)	80	446	541
Последние элегии			
1. «Душа мрачна, мечты мои унылы»	83	—	542
2. «Я рано встал, недолги были сборы»	84	—	542
3. «Шышна в разливе гордая река»	84	448	542
В деревне («Право, не клуб ли вороньего рода»)	86	448	542
Памяти приятеля («Наивная и страстная душа»)	89	449	544
Филантроп («Частью по глупой честности»)	90	449	545
Отрывки из путевых записок графа Гаранского («Я путешествовал недурно: русский край»)	95	451	548
Буря («Долго не сдавалась Любушка-соседка»)	99	452	549

1854

Несжатая полоса («Поздняя осень. Грачи улетели»)	100	452	550
«Я сегодня так грустно настроен»	102	452	551
Влас («В армяке с открытым воротом»)	103	452	551
14 июня 1854 года («Великих зрелищ, мировых судеб»)	106	—	551

1855

«Праздник жизни — молодости годы»	107	456	552
Извозчик («Парень был Ванюха ражий»)	108	456	553

	Страницы		
	текста	вариантов	полметрических
Саша («Словно как мать над сыновней могилой»)	111	462	555
«Давно — отвергнутый тобою»	130	480	559
Письма («Плачь, горько плачь! Их не напишешь вновь»)	131	480	560
«Тяжелый год — сломил меня недуг»	132	—	560
«Безвестен я. Я вами не стяжал»	133	480	561
Маша («Белый день занялся над столицей») . .	134	481	561
В больнице («Вот и больница. Светя, показал») .	136	482	562
«Поражена потерей невозвратной»	140	483	563
В. Г. Белинский («В одном из переулков даль- ных»)	141	483	564
Свадьба («В сумерки в церковь вхожу. Мало- людно»)	146	489	567
«Внимая ужасам войны»	148	—	568
На родине («Роскошны вы, хлеба заповедные») .	149	490	569
Гадлющей невесте («У него прекрасные ма- неры»)	150	490	569
Демону («Где ты, мой старый мучитель»)	151	—	570
Секрет («В счастливой Москве, на Неглин- ной»)	152	491	570
Забывтая деревня («У бурмистра Власа бабушка Ненила»)	155	492	571
«Где твое личико смуглое»	157	—	573
«Замолкни, Муза мести и печали!»	158	492	573

1 8 5 6

Влюбленному («Как вести о дороге трудной») . .	159	492	574
Княгиня («Дом — дворец роскошный, длинный, двухэтажный»)	160	492	574
«Чуть-чуть не говоря: «ты суицидничность!»	162	—	575
«Как ты кротка, как ты послушна»	163	493	575
«Тяжелый крест достался ей на долю»	164	493	575
Школьник (« — Ну, пошел же, ради бога!») . .	166	493	576
Тургеневу («Прощай! Завидую тебе»)	168	—	577
Прости («Прости! Не помни дней паденья») . . .	169	—	578
«Самодовольных болтунов»	170	493	578

	Страницы		
	текста	вари- антов	коммети- тариев
Юмористические стихотворения			
1843—1845			
Говоруи («Да, новый год»)	172	494	579
1844			
Чиновник («Как человек разумной середины») .	193	—	582
Отрывок («Родился я в губернии»)	198	—	583
1845			
«Стишки! Стишки! Давно ль и я был гений?» . .	200	494	583
Новости («Почтеннейшая публика! на-днях») . .	201	495	584
1851			
Мое разочарование («Говорят, что счастье наше скользко»)	207	—	584
Деловой разговор («Вот почта новая. Какая груда дел!»)	209	496	585
1853			
Перед зеркалом («Шляпа, перчатки, портфель») .	219	—	586
1854			
Признания труженика («По моей громадной тол- щине»)	220	499	586
ПРИЛОЖЕНИЯ			
I. Невключенное автором в собрание его стихотворений			
1838 — 1839			
<i>«Мечты и звуки»</i>			
Коллизей («Поросшие мхом, окаймленные плю- щом»)	225	—	587
Ангел смерти («Придет пора преображенья») . .	227	—	587

	Страницы		
	текста	картин- аллюз	политиче- сарказ
Встреча душ («Всё туманится и тмится»)	228	—	587
Истинная мудрость («Не всё постигнул ум над- менный»),	231	—	587
Земляку («Бывали дни — в стране родной») . . .	233	—	588
Мысль («Спит дряхлый мир, спит старец обвет- шалый»)	236	—	588
Поэзия («Я владею чудным даром»)	236	501	589
Горы («Передо мной Кавказ суровый»)	237	—	589
Моя судьба («Мне плакать хочется, а плакать в мире стыдно»)	239	501	589
Злой дух («Дух нечистый, дух порочный»)	240	—	590
Незабвенная («О память, память! образ нежный») .	241	—	590
Два мгновения («Печальный свет лампы оза- ряет»)	242	—	590
Турчанка («Гюльнара, гурия младая!»)	243	—	590
Сомнение («Ты начал жизнь. Роскошен жизни пир»)	244	—	591
Песня («Мало на долю мою бесталанную»)	246	—	591
Покойница («Кто умер здесь? какой потери») . .	247	—	591
Землетрясение («Повитый ризою полночного ту- мана»)	248	—	591
Ворон («Не шум домовых на полночном пиру»)	253	—	591
Рыцарь («Не жалобной чайки могильные крики»)	255	—	591
Водяной («Меня из-под солнца сманил Водя- ной»)	257	—	592
Пир ведьмы («Темно в хате, душно в хате») . . .	258	—	592
Непонятная песня («Клокочет, бушует, волнуется море»)	260	—	592
Человек («Когда сверкнет звезда полночи») . . .	261	—	592
Изгнанник («Еще младенцу в колыбели»)	261	501	592
Жизнь («Прекрасно, высоко твое предназна- чение»)	264	502	593
Незабвенный вечер («Как быстро, быстро про- мелькнул»)	265	—	593
Безнадежность («Жизнь без надежд — тропа без цели»)	267	—	593

	Страницы		
	текста	вариантов	комментари- ев
Могилка брата («Я был на могиле, похитившей брата»)	268	—	593
Смерти («Не приходи в часы волнений»)	270	502	594
Вчера, сегодня («Вчера я бесстрашно сидел под грозою»)	271	—	594
Ночь («Я не сплю, не сплю — не спится»)	271	—	594
Дни благословенные («Дни благословенные, дни многоотрадные»)	273	—	594
Загадка («Непостижкою святынею»)	273	—	595
Рукоять («Не рылся я в земле в надежде вырыть влато»)	274	—	595
Обет («О, покинь меня! напрасно»)	274	—	595
Красавице («Красавица! не пой веселых песен мне!»)	275	—	595
Тот не поэт («Кто духом слаб и немощен душою»)	276	—	596
Песня Замы («Силен и строен мой милый, нет равного»)	277	—	596
Час молитвы («Когда взойдет денница золотая»)	278	—	596
Смуглянке («Черны, черны тени ночи»)	279	—	597
Весна («Волна катится ва волною»)	280	—	597
Сердцу («Она так нежно, так заботно»)	281	—	597
Признание («Я пленен, я очарован»)	282	—	597
Разговор («Что ты, душа, так ноешь, страждешь»)	283	—	597

1 8 3 9

Дума («О чем тоска и сокрушенье»)	287	—	597
---	-----	---	-----

1 8 4 0

Мелодия («Есть страна на севере, сердцу драгоценная»)	288	—	598
Офелия («В наряде странность, беспорядок»)	289	—	598
Слеза разлуки («Тих и мрачен в час печали»)	291	—	598
Скорбь и слезы («Мне плакать хочется... Зачем же я не плачу»)	291	—	598
«К ней!!!» («Гляжу с тоской на розы я и тернии»)	292	—	598

	С т р а н и ц ы		
	текста	картин- аматов	полнотел- портретов
Баба-Яга косяная нога («Проснулась общая тревога»)	293	502	599
Сказка о том, как царь Елисей хотел женить сына на луне, взять в приданое небо и двинуть рать на солнце, как всё это не удалось и как царь Пантелей поправил и кончил дело благополучно («Цып, цып, цып! ко мне, малютки»)	341	—	600
Провинциальный подьячий в Петербурге («Ох, времячко! Скорехонько»)	360	—	601
Провинциальный подьячий опять в Петербурге («Проплакали отчаянно»)	366	—	601
1 8 4 1			
Актриса («На сцене я для всех загадка») . . .	370	—	602
1 8 4 2			
Песнь Марии («В хижину бедную, богом хранимую»)	371	—	603
Портреты («Суд современный, грешный суд») . .	372	—	603
1 8 4 4			
Ростовщик («Было года мне четыре»)	375	—	604
Послание к соседу («Гну пред тобою низко спину»)	377	—	604
И скучно, и грустно («И скучно, и грустно, и некого в карты надуть»)	377	503	606
1 8 4 5			
Обыкновенная история («Я на Невском проспекте гулял»)	378	—	606
Карп Пантелеич и Степанида Кондратьевна («Жил-был красавец, по имени Карп, Пантелея»)	379	—	606

	С т р а н и ц ы		
	текста	«архаи- мов	«ол.мел- тарцев
Послание к другу (Из-за границы) («Друг, товарищ доброхотный»)	383	—	607
Женщина, каких много («Она росла среди перин, подушек»)	385	—	607
Старушке («Когда еще твой локон длинный»)	387	503	608
1 8 4 7			
«В один трактир они оба ходили прилежно»	388	—	608
1 8 4 8			
«Когда горит в твоей крови»	388	—	609
1 8 5 0			
Буря («Не любил я ни грому, ни бури»)	389	503	610
1 8 5 4			
Труженик («Те, которых часто я встречаю»)	390	—	610
«Пробил час!.. Не скажу, чтоб с охотой»	490	—	610
1 8 5 5			
Русскому писателю («Напрасно быть толпе угоде- ней»)	401	503	611
II. Исключенное автором из основного текста			
1 8 5 3			
Старик	402	504	612
III. Неопубликованное при жизни			
1 8 2 8			
«Любезна маменька, примите»	403	504	612
643			

	Страницы		
	текста	вариан- тов	коммен- тариев
1832			
«Намавав брови салом»	403	—	613
«Хоть все кричи ты: «луку, луку!»	403	—	613
1839			
〈В альбом Марии Фермор〉 («На скользком море жизни бурной»)	403	504	613
1840			
День рождения («Как много дум наводит день рождения»)	404	—	614
В альбом («Не пошлость старого обычая поэтов»)	404	—	614
1843			
«... И он их не чуждался в годы опы».	405	—	614
1844			
Детство («Родился я в губернии»)	405	—	615
Мои детские годы («Родился я в губернии»)	408	—	615
1849			
«Среди моих трудов досадных»	409	—	615
1850			
«Стол накрыт, подсвечник вытерт»	410	—	616
Наследство («Скончавшись, старый инвалид»)	411	—	616
1853			
〈Тургеневу〉 («Я посягну на неприличность»)	411	504	616
«И так за годом год... Конечно, не совсем»	412	—	617

1854

Карета («О филантропы русские! Бог с вами!»)	412	505	617
«Дружинину» («Мы, посетив тебя, Дружинина»)	413	505	618
Лето («Умирает весна, умирает»)	413	505	619
«Ничего! гони во все лопатки»	414	—	619
«Зачем насмешливо ревнуешь»	414	—	620

1855 — 1856

«Измученный бесплодною мольбою»	416	—	621
Встреча («В сумерки в церковь вхожу я случайно»)	416	506	621
Прощанье («Мы разошлись на полпути»)	417	506	621
«Ты меня отослала далеко»	417	—	622
«Не знаю, как созданы люди другие»	418	506	622
«Не гордись, что в цветущие лета»	418	—	622
«Семьдесят лет бессознательно жил»	418	—	622
«Кто долго так способен был»	418	—	623
«О, не склоняй победной головы»	419	506	623
«Так говорила <...> актриса отставная»	419	507	623
«Фантазии недремлющей моей»	419	—	623
«И на меня, угрюмого, больного»	419	—	624
«О, пошлость и рутина — два [гиганта]»	420	507	624
«О сердце бедное мое!»	420	—	624
«Еще скопчался честный человек»	420	507	624

Неизвестных годов

«Если ты красоте поклоняешься»	421	—	625
Труженник («Я слушал, о мой друг, их пошлые рассказы»)	421	—	625

IV. Коллективное

1846

«Послание Белинского к Достоевскому» («Витязь горестной фигуры»)	423	507	625
--	-----	-----	-----

	С т р а н и ц ы		
	те- ста	вариан- тов	полном- тариев
1854			
Загадка	424	—	627
Послание к Монгинову	425	507	628
1856			
<Аппенков> («За то, что ходит он в фуражке»).	427	508	630
V. Dubia			
1839			
<Из афиши для «Кабинета восковых фигур»> («Иван Иванович Штейнигер»)	428	—	630
1845			
«Он у нас осьмое чудо»	428	—	631
1850			
<Из «Сантиментального путешествия Ивана Чер- нокнижникова по Петербургским дачам»>	429	—	632
Варианты и комментарии	435		
Список иллюстраций	633		

Редактор М. Блиниевская

Художник Н. В. Ильин

Технич. редактор Д. Ермоленко

Корректоры А. Поткина и

А. Типольт

»

**Сдано в набор 11/XII 46 г. Подпис.
к печати 26/II 48 г. А00825.
40¹/₂ печ. л. + 7 вклейк, 31,6 уч.-
авт. л. Форм. бум. 82 × 108¹/₃₂.
Тираж 50 000. Заказ № 7014.**

*

**1-я Образцовая тип. треста «По-
лиграфкнига» Огиза при Совете
Министров СССР. Москва, Валу-
вал, 28.**

16p.

